

X САДЫКОВСКИЕ ЧТЕНИЯ
СОВРЕМЕННОСТЬ:
ПОСТМОДЕРНИЗМ. ПОСТ-КАПИТАЛИЗМ.
ПОСТ-ПРАВДА

Материалы Международной междисциплинарной
научно-образовательной конференции

Казань, 17–18 ноября 2023 г.

 MESSAGES

now

POST-

**КАЗАНСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИХ НАУК
И МАССОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ
ТАТАРСТАНСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
РОССИЙСКОГО ФИЛОСОФСКОГО ОБЩЕСТВА
АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН**

X САДЫКОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

**СОВРЕМЕННОСТЬ:
ПОСТМОДЕРНИЗМ. ПОСТ-КАПИТАЛИЗМ.
ПОСТ-ПРАВДА**

**Материалы Международной междисциплинарной
научно-образовательной конференции**

Казань, 17–18 ноября 2023 г.

КАЗАНЬ

2023

УДК 13
ББК 87
Д37

*Печатается по рекомендации Ученого совета
Института социально-философских наук и массовых коммуникаций
Казанского (Приволжского) федерального университета
(протокол № 8 от 21 сентября 2023 г.)*

Редакционная коллегия:

**Г.К. Гизатова, О.Г. Иванова, Г.В. Мелихов, Ф.Ф. Серебряков,
Н.А. Терещенко, Т.М. Шатунова**

Рецензенты:

доктор философских наук, профессор **В.И. Курашов**;
доктор философских наук, доцент **С.Ф. Нагуманова**

Д37 **Х Садыковские чтения. Современность: Постмодернизм. Пост-капитализм. Пост-правда** [Электронный ресурс]: материалы Международной междисциплинарной научно-образовательной конференции (Казань, 17–18 ноября 2023 г.) / ред. кол.: Г.К. Гизатова, О.Г. Иванова, Г.В. Мелихов, Ф.Ф. Серебряков, Н.А. Терещенко, Т.М. Шатунова. – Электронные текстовые данные (1 файл: 9,7 Мб). – Казань: Издательство Казанского университета, 2023. – 429 с. – Системные требования: Adobe Acrobat Reader. – URL: <https://kpfu.ru/isfnmk/struktura/otdeleniya/filosofii-i-religiovedeniya/kafedra-socialnoj-filosofii/sadykovskie-chteniya>. – Загл. с титул. экрана.

ISBN 978-5-00130-748-8

Материалы Международной междисциплинарной научно-образовательной конференции «Х Садыковские чтения. Современность: Постмодернизм. Пост-капитализм. Пост-правда» включают доклады известных специалистов и молодых ученых по проблемам развития современного общества и человека. Особое внимание авторы уделили анализу современных социально-экономических и информационных реалий, а также философских позиций современных мыслителей.

Предназначено для преподавателей, бакалавров, магистрантов и аспирантов, для всех, интересующихся проблемами современной социальной философии, философской антропологии, эпистемологии социальности.

**УДК 13
ББК 87**

ISBN 978-5-00130-748-8

© Издательство Казанского университета, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Авдошин Г.В., Булатов Т.Р.</i> Истина и пост-истина: социально-политический контекст	6
<i>Аганов О.Д.</i> Homo academicus как субъект мышления в стиле «пост»	14
<i>Аганов И.О.</i> Ценности в мире «пост-» и новые методы исследования смысла в жизни	23
<i>Агзамова Н.Ш.</i> Профессиональная этика: моральные дилеммы	29
<i>Акчурина Д.Ф.</i> Трансформация иконографии «троицы ветхозаветной»: эволюция формы и смыслов	44
<i>Анисимов В.Д.</i> «Человек-масса», «человек-автомат» в реалиях современного мира	63
<i>Болотников А.С.</i> Пост-правда: дискурс и реальность	71
<i>Борисов С.В.</i> Я и Другой в реалиях современного мира: онтологический аспект	80
<i>Владимиров А.А.</i> Эвристические фантазии по поводу постмодернизма	90
<i>Гарифзянова Д.С.</i> Философское осмысление редукции волновой функции в рамках концепций Аристотеля и Канта	99
<i>Гизатова Г.К., Иванова О.Г.</i> Этические аспекты социально- исторических исследований	107
<i>Горошко Ю.Н.</i> Религия в эпоху постмодерна	114
<i>Закирова Г.Ф., Гурьянов А.С.</i> Проблематика любви в европейской философии XX века	122
<i>Иманбаева Ж.М.</i> Развеществление как метафора постмодернизма в концепции «виртуализации общества» Д.В. Иванова	131
<i>Каримов А.Р.</i> Аретический подход к анализу вакцинной нерешительности	142
<i>Карина Я.В.</i> Социализация и нетворкинг в онлайн-образовании: быть или не быть?	153
<i>Козырьков В.П.</i> «Культурный капитализм» как социальная форма современного гуманитарного поворота	161
<i>Куранбек А.А., Лифанова Т.Ю.</i> Актуальность и трансформации философского образования: казахстанский и мировой опыт	170

Либерман С.А. Идея смерти в философии (не только Гегеля): к проблеме безальтернативности настоящего	180
Лифанов С.А. «Возрождение» религии и постсекуляризм в контексте анализа виртуальной религиозности	189
Ломаев С.Л. Новая субъектность академического текста в эпоху искусственного интеллекта	198
Маслихин А.В. Капитализм: история и современность	207
Меньчиков Г.П. Сущность и отличие фрактального типа детерминизма	215
Муртазин С.Р. Эпистемическая несправедливость: профицит и дефицит доверия другому как проблема когнитивных практик	222
Нигоматуллина Р.М. Феномен пост-правды в контексте теории коммуникативного разума Ю. Хабермаса	230
Николаева Е.М., Котляр П.С. Особенности потребления современных медиапродуктов (на примере игры Disco Elysium The Final Cut 2019)	236
Николаева Е.М., Лагутин М.В. Наука в стиле «пост-»: «постмодернистичность» синтетической биологии	244
Николаи Ф.В. Ностальгия и постапокалиптическое будущее в видеоиграх «Atomic Heart» и «Fallout-4»	252
Перепелкин Л.А. Коммерциализация социальной сферы как механизм самозащиты современного капитализма	258
Полякова Н.Б. Чрезмерность пост-социальной реальности	266
Приходько Ф.С. Постнеклассическая наука и философия: новые грани взаимодействия	273
Рашкин М.Н. Фреймирование как практики формирования образа России	280
Севостьянов Д.А. Искусство постмодерна: структура явления	288
Серебряков Ф.Ф. Номо Пкеа (Впечатления-размышления в жанре импрессионизма)	296
Смирнов Н.А. Ф. Гельдерлин об ожидании и яви (в стихотворении «Как в праздник»)	305

Солодухо Н.М., Солодухо М.Н. Философское понимание многоаспектности современной экологии	312
Тайсина Э.А. Полу-правда, пост-правда, пост-истина, & post-everything	320
Тарасов А.А. Пост-история и новые возможности бега по кругу	335
Упоров И.В. Россия и Запад в контексте «капитализма» и «социализма»	343
Фатенков А.Н. Политическая комбинаторика постистории	352
Федотов Д.Л. Слежка и капитализм: анализ современных ограничений свобод в контексте постправды	360
Хазиев М.А. Некоторые аспекты становления современного концепта «субъект»	370
Хаялеева А.К. О популярных способах восприятия природы	377
Хорт М.Г. К дискуссии о возможности интеграции эпистемологии добродетелей и философии науки	385
Хушбоков О.У. Образ учителя в современной русской истории	393
Черноножкин А.В. Формирование периодизации Гражданской войны 1920 - середина 1930-х годов (начальный период)	403
Шалагина Г.Э. Педагогические технологии информального образования в высшей школе (на примере философской педагогике)	411
Яковлева Е.Л. Электронный кочевник как техноромантик	421

ИСТИНА И ПОСТ-ИСТИНА: СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

Авдошин Георгий Валерьевич

доктор философских наук, доцент, профессор

Казанский государственный

энергетический университет

e-mail: avdoshing@gmail.com

г. Казань

Булатов Тагир Раисович

аспирант

Казанский государственный

энергетический университет

e-mail: bulatovtr@gmail.com

г. Казань

Аннотация

В статье исследуются отношения истины и пост-истины с точки зрения понятий единичного и всеобщего, используемых для характеристики социально-политического бытия человека. Политика рассматривается как особенное, сопрягающее единичное и всеобщее, как место, где истина переходит в пост-истину. Ставится вопрос о способах выражения истины, которая не «терпит» точности. В качестве последних исследуются миф и фейк. Выдвигается предположение о необходимости введения понятия пред-истины, которое дополнило бы картину отношений истины и пост-истины.

Ключевые слова: истина, пост-истина, пред-истина, политика, миф, фейк, Платон, Гегель.

TRUTH AND POST-TRUTH: SOCIO-POLITICAL CONTEXT

Avdoshin G.V.

D.Sc. in Philosophy

Professor of Kazan State Power

Engineering University,

e-mail: avdoshing@gmail.com

Kazan

Bulatov T.R.

2nd year graduate student

Kazan State Power

Engineering University,

e-mail: bulatovtr@gmail.com

Kazan

Abstract

In the article the relations of truth and post-truth in the context of the concepts of singular and universal, used to characterize the socio-political being of an individual are analyzed. Politics is considered as a particular, combining singular and the universal, as a place where truth turns into post-truth. The question is raised about ways of expressing truth, which is not “tolerant” of accuracy. As the latter, myth and fake are examined. It is suggested that it is necessary to introduce the concept of pre-truth, which would add to the picture of the relationship between truth and post-truth.

Keywords: truth, post-truth, pre-truth, politics, myth, fake, Plato, Hegel.

Современная эпоха часто характеризуется словами, начинающимися с приставки «пост». Это может свидетельствовать о том, что нечто завершилось и наступило время «после». Из точки «после» хорошо смотреть на свершившееся. В подобной перспективе состояние пост- истины означает завершение истины. Истина – процесс, поэтому

для него естественны моменты завершения, которые могут трактоваться также как возвращение человека к началу. Стив Фуллер, например, отличает истину от пост-истины следующим образом: ситуация истины рассматривает реальность как одно-единственное игровое поле, принимаемое всеми [см.: 1, с. 351]; ситуация пост – истины предполагает отрицание общей для всех реальности, предполагая, в свою очередь, такой социальный порядок, когда каждый (не отдельный, скорее, человек, но социальный слой) играет в свою игру. По мнению Фуллера, для Платона хорошо организованное общество – это общество, в котором ситуация пост-истины ограничена правящим сословием [см.: 1, с. 348]. В подобной перспективе Платон – философ пост-истины, которая предстает не как характеристика современности, напротив: она имеет давнюю историю, как минимум, с эпохи софистов и Сократа. В настоящей статье мы собираемся рассмотреть вопрос об отношениях истины и пост-истины в социально-политическом измерении, опираясь на онтолого-гносеологический базис.

Мы будем исходить из понимания истины как того, что *есть*. То, что есть – множественно, но при этом стремится к одному (единству), зависит от него и обуславливается им: здесь имеют место отношения индивида и рода. Отдельное существо, утверждая себя, продолжая себя в своей жизни, тем самым осуществляет истину. Ему, однако, недоступно охватить всё сущее целиком. Согласно Николаю Кузанскому, только Бог может видеть и знать всё, человек же смотрит с одной точки, под тем или иным углом, следовательно, ему видна только часть всего [см.: 2]. Получается: истина одна (как родовое, всеобщее), но у каждого она своя (как индивидуальное), потому что у каждого свое отдельное место видения и осуществления истины.

С другой стороны, человек – социально-политическое существо, общество и его деятельность, т.е. политика – это пространство, где отдельность человека преодолевается. Политика будет пониматься здесь в широком смысле, не только как осуществление власти, но и как практика осуществления всеобщего, в которой формируется общество.

В подобной перспективе истина может быть определена как способ осуществления и поддержания всеобщего в единичном. Всеобщее не осуществляется вне единичного – так истина обретает место в сфере политики. Но политика выступает не только сферой истины, но и сферой, где истина переходит в пост-истину. Подобный переход имеет место в периоды, когда единичное «изолируется» от всеобщего. Когда истина предстает в измерении единичного, наступают времена пост-истины. Отдельный человек начинает транслировать собственную реальность в обход одной единственной – всеобщей. Истина становится товаром и предметом манипуляции. Жить после истины означает для человека следующее: нечто *есть* и надо теперь – *после* того, что оно *есть* – с ним что-то делать. «Что-то делать» в данном контексте означает «управлять». Этим, по-видимому, и занят политик Платона, вплетающий людей в ткань политической деятельности, объединяя их, подчиняя общему. В создании политической ткани Платон отдает предпочтение двум типам, мужественным и благоразумным людям, которых в первую очередь нужно объединить для жизни государства [см.: 3].

Думается, сравнение деятельности политика с ткачеством символично не только в отношении «вплетения» людей в общую ткань. Ткань – материал в первую очередь для шитья одежды, а одежда – это своего рода знак перехода человека из природного (голого и единичного) в общественное (одетое и всеобщее) состояние. Одетый человек – человек общественный, политический. Платон, «вплетая» только два типа людей в политику, говорит тем самым, что политика – это создание элит. Видимо, поэтому Стив Фуллер называет греческого мыслителя философом пост-истины (замечая, что последний не отрицал истины). «Скорее, – пишет Фуллер, – пост-истинностный подход Платона проявляется в той ограниченной роли, которую он отводит истине в делах человека, в завышенном понимании “истины”, закрепляющей эпистемическое превосходство системы убеждений элит над таковой масс, что, с его точки зрения, обеспечивает более эффективное правление» [1, с. 66]. Таким образом, истина в сфере политики

не только объединяет, но и разделяет людей. Политика – место, где осуществляются переходы истины в пост-истину и обратно.

Здесь следует вспомнить трактовку политического Карлом Шмиттом, согласно которой в основании политического лежит различие друга и врага [4, с. 301]. И хотя Шмитт имеет в виду в первую очередь внешнего врага, политика для него – в первую очередь внешняя политика, думается, данное разделение можно использовать и для рассмотрения внутривполитических процессов. Так вот, в подобной перспективе попадание истины в сферу политического неизбежно предполагает ее разделение, что мы и видим не только в политической истории, но и в истории развития религии, науки и других сфер. Когда христианство попало в сферу политики, став постепенно основной религией Рима, в нем появились «друзья» и «враги», ортодоксы и еретики (хотя, конечно, и до этого в церкви имели место разлады и борьба различных группировок).

Итак, в политико-онтологическом смысле истина – это приобщение единичного существа к каким-либо общностям. Если обратиться к Гегелю [см.: 5], то общности можно понимать как особенное, которое сопрягает единичное и всеобщее. Все они составляют моменты понятия, выступающего истиной бытия и сущности. Понятие же – это именно объятие, охватывание всего – всеобще-особенно-единичное. В социально-политическом отношении к особенному относятся такие общности, как нации, сословия, профессии и т.д. Часть общностей/особенностей находится между собой в конфликте, и задача политики его преодолевать, поддерживая жизнь общества. Или, наоборот, «разжигать» особенности, чтобы разваливать общество (хотя, конечно, можно «разжигать» конфликты для поддержания общества и «тушить» их – для его распада). Поэтому политика – это в первую очередь сфера особенного, посредством которого единичное соединяется со всеобщим, а также разъединяется с ним. Тем самым она выступает местом, как мы сказали выше, где истина и пост-истина могут переходить друг в друга.

Теперь скажем о политико-гносеологическом аспекте истины/ пост-истины. Как известно, в современную эпоху проблема пост-истины стала особенно актуальной в период президентской кампании Д. Трампа, когда актуализировались проблемы искажения фактов, манипуляции информацией, создания фейков и т.д. Так называемое мировое сообщество почувствовало в очередной раз, что до правды не докопаться, что простого человека опять «дурят», что истины не обнаружить за бесконечными информационными слоями. В связи с этим можно сказать, что данное положение – вполне закономерный результат того отношения к истине, которое активно начало проявляться с эпохи модерна в связи с развитием, прежде всего, науки. Надо отметить, что современная наука, конечно, транслирует вполне традиционное понимание истины как соответствия реальности и знания о ней, как соответствие ума и вещи. Однако наука усилила в подобном соответствии стремление к точности. Проблема же здесь в следующем: важным условием проявления истины является то, что она не «терпит» точности. Истина любит скрываться. Ее «нормальный» способ существования – Тайна. Истина таинственна. Поэтому правильный подход к ней – сохранять Тайну, не пытаясь ее раскрыть, но имея к ней уважение и почтение. Истина «рассыпается», когда ее пытаются обнажить и представить в точности. В точности она теряется и переходит в пост-истину. Главным языком истины является миф. Миф – рассказ о причастности человека общему. Миф – чудесная личностная история, данная в словах [см.: б], а личность можно определить как состояние, в котором человек выходит из единичного во всеобщее и в котором они объединяются, единение же это по сути своей таинственно. Личность – бесконечное стремление человека к видению подобному видению Бога. Миф сохраняет и оберегает истину.

В ситуации пост-истины миф заменяется новостью. Миф и новость схожи в том, что выражают действительность. Различаются же тем, что миф делает это неточно, иносказательно. Миф объединяет всеобщее и единичное. Новость же стремится описать событие как можно точнее и беспристрастнее (т. е. внелично), тем самым отделяя

событие от всеобщего. В какой-то мере сделать подобное – *точное* – описание удастся. Но делать это всё труднее и труднее по мере того, как между источником новости и тем, кто ее доводит до слушателя/читателя, увеличивается число промежуточных уровней, которые искажают информацию. Иными словами, по мере того, как игроков в испорченный телефон становится всё больше и больше.

Можно предположить, что миф в состоянии пост-истины принимает пост-формы, одной из которых являются фейковые новости. Фейк – это миф в ситуации пост-истины. Новость в состоянии пост-истины превращаются в фейк – явление важное и необходимое в условиях, когда истину пытаются «обнажить» и представить вне Тайны. Фейк – своего рода защитный механизм истины, который реагирует на любые позитивистские (в широком смысле слова) попытки человека в отношении ее раскрытия. Тайна предполагает молчание, а если человек хочет высказаться, то это следует делать иносказательно. Если же человек говорит прямо и «как есть», то его слова становятся фейком, от которого остается осадок: почтенное молчание нарушено, к истине так и не приблизились, но шума наделали много.

В свете соотношения истины и пост-истины можно прочесть слова Хайдеггера о Платоне: «Истина уже больше не есть в качестве непотаенности основная черта самого бытия, но вследствие ее впряжения в упряжку идеи стала правильностью, отныне и впредь – характеристикой познания сущего» [7, с. 359]. Если политика – это про то, кто прав, а кто не прав, кто – друг, а кто – враг, тогда истина – уже пост-истина. Истина же как основная черта бытия – это само сущее, без «правильности» и «неправильности». Вплетение сущего в упряжку идеи, подчинение его идее означает начало политики. Политику невозможно представить без идеологии, т.е., собственно, без учения об идеях, о том общем, что объединяет единичное.

Завершая рассмотрение, важно сказать еще об одном моменте: единичный человек, стремясь к общему, пытаясь, насколько возможно, преодолеть свой частный взгляд, приходит к тому, что начинает «тонуть» в общем. «Тонуть» значит выдавать свой частный взгляд за

общий. Так рождаются мифы и фейки. А, кроме того, теории и научные картины мира. Все они рассказывают о действительности, рассказывают обобщенно (любой рассказ – обобщение), но очень редко дотягивают до всеобщего. В рассказах зачастую рисуется картина не того, что есть, но того, как должно быть, как хочется, чтобы было и пр. И подобные рассказы попадают затем в рубрику «пост-истина». Но, думается, точнее было бы говорить здесь не о «пост», но о «пред» – о пред-истине, про-истине. Ведь все рассказы только еще стремятся к полноте, к всеохватному взгляду – т.е. к истине как всеобщности, данной в единичном.

Поэтому в отношении истины и пост-истины следует, с опорой на Гегеля, добавить еще одного участника и рассмотреть их как отношения пред-истины, пост-истины и истины, где пред-истина будет выступать как бытие, пост-истина как видимость бытия, а истина как понятие. И тогда политическая игра, в которую играет каждый (человек или социальный слой), окажется лишь игрой видимостей в сфере сущности – на пути к всеохватной истине. На пути, который, по видимому, не предполагает конца.

Литература

1. *Фуллер С.* Постправда: Знание как борьба за власть. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. 368 с.
2. *Николай Кузанский.* О видении Бога / Николай Кузанский. Сочинения в 2-х т. М: Мысль, 1980. Т. 2. С. 33–94.
3. *Платон.* Политик. / Платон. Собрание сочинений в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1994. С. 3-71.
4. *Шмитт К.* Понятие политического. СПб.: Наука, 2016. 567 с.
5. *Гегель Г.В. Ф.* Наука логики. СПб.: Наука, 2005. – 800 с.
6. *Лосев А.Ф.* Диалектика мифа / Лосев А. Ф. Миф – Число – Сущность. М.: Мысль, 1994. С. 5–216.
7. *Хайдеггер М.* Учение Платона об истине / Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. М.: Республика, 1993. С. 345–361.

НОМО АСАДЕМИКУС КАК СУБЪЕКТ МЫШЛЕНИЯ В СТИЛЕ «ПОСТ»

*Аганов Олег Дмитриевич,
Доктор философских наук, профессор
Казанский инновационный университет
имени В.Г. Тимирязова
e-mail: ag.oleg2015@yandex.ru,
г. Казань*

Аннотация

Статья направлена на выявление оснований и пределов постмодернистского мышления, сделавшего в современной философии (1960 гг. – н.в.) большую интеллектуальную карьеру. Согласно нашей гипотезе, мышление в стиле «post» выступает формой социальной критической теории, развиваемой *homo academicus*, представляющего собой одну из характеристик субъекта Модерна (*homo novus (immortales)*), Данная характеристика направлена не на отмену, а на усиление жизнестойкости цивилизационного проекта Модерна путем формирования нового спектра практик субъектности и субъективности, позволяющих вывести данный проект на новый уровень устойчивости. Метод постмодернистской деконструкции открывает новые пути эксплуатации и эмансипации *homo novus*. Наряду с поддерживающими социомодель Модерна практиками, дискурс постмодернистской парадигмы философско-гуманитарного мышления дает возможность для конституирования и институционализации *альтерМодерна*. На наш взгляд, самым существенным моментом в постмодернистской методологии выступает возвращение в историю структурных Других, возвращение в историю живых людей, готовых жить, любить и созидать, но уже не с позиций субъекта, видящего только себя/свое, но с пози-

ции человека, готового выстраивать новые отношения полноты бытия, открытого к сложности жизни в контексте широкой Антропологической Границы.

Ключевые слова: мышление в стиле «пост/post», «осевое время 2.0», диалектика «пост» и «транс» в Современности

HOMO ACADEMICUS AS A SUBJECT OF THINKING IN THE STYLE OF “POST”

Agapov O.D.

*Doctor of Sciences (Philosophy), Professor,
Kazan Innovation University named after V. G. Timiryasova,
e-mail: ag.oleg2015@yandex.ru,
Kazan*

Abstract

The aim of this article is to uncover the foundations and limits of postmodern thinking that made a strong intellectual career for itself in modern philosophy (the 1960s – present time). According to my hypothesis, thinking in the style of “post” is a form of social critical theory that is developed by *homo academicus* as one of the aspects of the Modern Subject (*homo novus* (*immortales*)) and aimed not at the goal of cancellation but at that of strengthening the civilizational project of modernity through forming a new range of practices of subjectivity and subjecthood that can lead it to a new level of resilience. The method of postmodernist deconstruction opens up new way of exploiting and emancipating *homo novus*. The discourse of the postmodern paradigm of thinking in social sciences and the humanities makes it possible, on the one hand, to maintain the social model of modernity, and to constitute and institutionalize alter-modernity, on the other. In my opinion, the most significant aspect of postmodern methodology is its ability to return to the history of structural Others, to the history of living humans ready to live, love and create, not from the position of the subject capable of seeing only itself or its own.

This methodology allows one to create new relations of the fullness of being open to the complexities of life within the context of the broad Anthropological Border.

Key words: thinking in the style of “post”, the Axial Age 2.0, the dialectics of “post” and trans” in modernity.

Современность – или мир «глобального Модерна» – в начале XXI веке претерпевает существенные изменения. Более того, Модерн живет преобразованиями – революциями, реформами, войнами, инновациями, создаваемыми субъектом Модерна (*homo novus (immortales)*) [1, с.24], жаждущим эмансипации, освобождения и взросления, полноты бытия.

Одной из его ипостасей выступает *homo academicus*, фактически создавший и продолжающий создавать разветвленную социальную сеть современного типа общества (как антитезы архаике и традиции). Имея опору в университетах, академическом ремесле и статусе, давно и прочно став частью *политического истеблишмента* (все политики были студентами, а некоторые профессорами), *бизнес-сообщества* (стартапы рождались чаще в лабораториях, чем в гаражах), *военно-промышленных комплексов*, представители *homo academicus* открыты новому, запуская волны инноваций, онтологий, проактивных стратегий и практик, изменяющих как человеческий род, так и природу в доступных им пределах от микромира (атом, вирусы, гены и т.д.) до Мегамира.

Вместе с тем, внутри системы ценностей, сознания и самосознания *homo academicus* есть гетерономия теоретического/эпистемического/когнитивного, эстетического и этического, которая выражается в форме дискуссий о телеономии человеческого бытия, методах и формах его развития, необходимости или невозможности насилия, статусе традиций, цене прогресса и т.д. Фактически, вся история политической и социальной философии XVIII – XX вв. есть непрерывный диалог внутри одного мыслящего Разума субъекта Модерна (*homo novus (immortales)*).

Драма и трагедии модернизации Нового и новейшего времени (1600 – 2000 гг.) вовлекли в круг субъекта Модерна представителей других стран, народов и цивилизаций, создав к середине XX в. достаточно прочное убеждение в том, что цели Модерна могут быть достигнуты в перспективе 30-50 лет. Однако трагедия двух мировых войн, крайности империализма и капитализма, иные испытания XX в. дали начало для развития рефлексии относительно всей телеономии мир-системы Модерна.

Исходный импульс отталкивания от крайностей Модерна задал императив мышления в стиле «post» как методологии последовательной деконструкции и критики систем новоевропейской метафизики и социальных институций, с ней связанных. Стратегия постмодернистского мышления направлена, по Бруно Латуру, на «пересборку» социальных институций эпохи Модерна с целью создания более широкой онтологической и политической рамки Современности, способной вместить в целое мира/бытия всех субъектов истории. Например, Р. Брайдогги указывает, что за время Модерна/Колониализма сформировалось множество «структурных Других», которые благодаря мышлению в стиле «post» возрождаются или возвращаются в историю: «движение за права женщин, антирасистские и деколонизационные движения, антиядерные и экологические движения являются голосами структурных Других модерна» [2, с. 74].

Постмодернистская парадигма мышления объединяет значительную часть *homo academicus*, образующую целое сообщество ученых, политиков, лидеров НКО, предпринимателей и организаторов производств, которые в режиме *автоэксперимента – автоэксперимента* тестируют в масштабах собственной жизни новые практики субъектности/субъективности не только новой политической системы (ассамбляжа или формации), но и новой конфигурации отношений человек – природа (границы Земля, животные, растения), человек – техника, человек – цифра, человек – Бог (новые теологии эпохи постгуманизма).

Отличительной чертой постмодернистского сообщества *homo academicus* выступает внимание к онтологической, эпистемологической и антропологической рефлексии, что проявляется в соответствующих *поворотах* в традиционных разделах философского познания. Как правило, постмодернистские теории в онтологическом измерении имеют явный антиметафизический, антиэссенциальный и трансверсальный характер. Например, философы и ученые, следующие принципам мышления в стиле «post», развивают *реляционную онтологию*, где человеческое бытие – одно из возможных (но от этого не теряющее своей важности и значения, спонтанности и суверенности). В реляционной онтологии нет, по словам Д. Дорофеева, «оголтелого» или «однородного антропоцентризма» [3, с. 161]. В эпистемологической плоскости они настаивают на трансдисциплинарных подходах, а в философско-антропологическом плане речь больше идет о практиках человеческого существования (каким образом живет человек), чем о дискуссиях о сущности человеческого бытия (что есть человек?).

Помимо теоретико-методологических моментов научно-исследовательской программы в движении постмодернистов есть аспекты, касающиеся общественной практики, вопросы политических, экономических, социокультурных и антропологических инноваций различной глубины и радикальности. В частности, часть представителей *сообществ будущего/сообществ «post»* склонны повторять социальную ошибку критикуемых ими авангардистских сообществ Модерна, а именно, они считают, что, уяснив сущность научного прогресса, взяли исторический процесс под свое понимание, контроль и управление. Таким образом, тема диктатуры буржуазии или пролетариата, актуальная для социальных теорий позитивистов или марксистов в XIX-XX вв., заменяется тематикой *диктатуры меньшинств* (по Л.Г. Ионину) [См. 4] или диктатуры креаторов – пост- и трансгуманистов в XXI в. (по В.А. Кутыреву) [См. 5].

На наш взгляд, в рамках постмодернистского дискурса вызревает тема поиска реальной альтернативы цивилизационному проекту

Модерна, выстраивается спектр практик человеческого бытия альтерглобалистского характера. Роза Брайдотти вполне справедливо пишет о том, что проблема Современности состоит в «напряжении между необходимостью срочного поиска новых альтернативных способов политического и этического действия в нашем насыщенном технологиями мире, с одной стороны, и инерцией устоявшихся привычек – с другой» [2, с. 114].

Поиск предполагает определенную соразмерность рефлексии и действий, что требует сохранения за человеком его позиции субъекта «не обязательно унитарной или исключительно антропоцентричной», но это должна быть позиция – «инстанция *политической и этической ответственности* для коллективного воображения и общих надежд» [2, с. 198].

Сущность деконструкции не в «философствовании молотом» (по Ф. Ницше), а в том, чтобы «*переворачивать сложившиеся мнения (doxa)*, а не подтверждать их» [2, с. 168]. Более того, «критической теории необходимо одновременно помыслить размывание категориальных различий и их последующее переутверждение в качестве новых форм биополитической, биоопосредованной политической экономики, с соответствующими знакомыми паттернами исключения и господства» [2, с. 170].

Действительно, следует признать за постмодернистской научно-исследовательской программой поддерживающий (с элементами критической теории и методологии), а не деструктивный и маргинальный характер. Краткая история постмодернистской философии показывает, что ярость трансгрессии, практикуемая частью интеллектуалов, оборачивается теоретико-методологическим «*срывом*» как для своих творцов, так и для тех, кто следует за ними. Более верным представляется путь трансценденции, путь выстраивания отношений рефлексивной преемственности с историко-философской и политико-экономической традицией Модерна, путь работы со смыслами и практиками человеческого бытия. Как отмечает Р. Брайдотти, «здоровый подход

к историчности нашего состояния означает перенос активности мышления вовне, в реальный мир, чтобы принять ответственность за условия, определяющие обстоятельства нашего существования. Эпистемическое и этическое идут рука об руку по сложному ландшафту третьего тысячелетия. Нам требуется концептуальная креативность и интеллектуальная смелость, чтобы соответствовать нашим задачам, так как пути назад нет!» [2, с. 342].

Следует признать, что исторический субъект Модерна – *homo novus (immortales)* не сдает свои позиции, готов к новому витку научно-технической революции, готов к самокоррекции. Действительно, «текущий» (по З. Бауману) или «рефлексивный» (по Э. Гидденсу) Модерн далек от своего завершения.

Более того, по Р. Брайдотти, часть постмодернистского академического сообщества уже включена в новые экономические практики капиталистической эксплуатации. Действительно, «капитализм успел уловить и начать эксплуатировать возможности возможностей, открывшихся за счет упадка западного гуманизма и процессов культурной гибридизации, вызванных глобализацией» [2, с. 101]. Более того, «развитой капитализм» показал себя «прядильной машиной по производству различий ради их последующей коммодификации. Он – мультипликатор детерриториализованных различий, упакованных и выставленных на продажу под лейблом «новых, динамичных и хорошо продаваемых идентичностей» в нескончаемом потоке потребительских товаров» [2, с. 114].

Мы поддерживаем Л.Г. Фишмана, пишущего о том, что «динамическое самоизменение Модерна как дрящегося проекта опровергает популярные прогнозы завершения эпохи Модерна» в виде его вытеснения новым этапом Постмодерна (посткапитализма, постфордизма, постиндустриализма и т.д.). И сегодня Модерн – это «*исторически неоднородный и далекий от исчерпания проект открытой современности*», несущий «в себе исторически наиболее универсальные ценности, позволяющие наибольшему числу людей пользоваться

максимальным количеством доступных для них возможностей, реализуя свои свободы на свой страх и риск» [6, с. 21]. Более того, реальных альтернатив, «парадигмально равновеликих Модерну и капитализму» за последние полвека не появилось [6, с. 21].

Для последующего развития философской рефлексии образец мышления в стиле пост-будет выступать необходимым моментом, требующим своего освоения и развития. Конкретнее, зная о генезисе субъекта Модерна, о процессах и формах его «сборки», мы сегодня имеем шанс более осмысленного отношения к производству социального и экзистенциального, к практикам сборки субъекта Современности. Тем самым, *homo academicus* возвращается к своей социальной миссии, а именно к бытию в качестве *института онтологической ответственности* (по В. Левицкому). Он отмечает, что это институции, социально признанные, наделенные полнотой власти в поддержании канонического образа реальности. К вариативности функций всех исторических видов данных институтов можно отнести: 1) канонизацию (проговаривание) онтологии; 2) выявление представляющих угрозу официальной онтологии аномалий; 3) ликвидацию аномалий; 4) «сознательную коррекцию онтологии, искусственную экспансию в сферу онтологии» [7, с. 40].

Итак, продолжая начатый разговор о судьбе субъекта Модерна – *homo novus (immortales)* и его интеллектуального авангарда *homo academics*, мы можем сказать, что постмодернистский стиль мышления выступил формой самосознания эпохи «высокого Модерна», в ходе выполнения его научно-исследовательской программы удалось существенно обновить жизненный потенциал социомодели Модерна (мир-система капитализма показала свою жизнестойкость в исторической динамике неоднократно), а также выйти на фронт новой социальнo-антропологических практик, связанных дальнейшим развитием человеческого рода.

Литература

1. *Смирнов И.П.* Приспособление / сопротивление. Философские очерки. – М.: Новое литературное обозрение. – 2023. – 296 с.
2. *Брайдотти Р.* Постчеловек / пер. с англ. Д. Хамис, под ред. В. Данилова. – Москва: Издательство Института Гайдара, 2021. – 408 с.
3. *Дорофеев Д.Ю.* Суверенная и гетерогенная спонтанность: Философско-антропологический анализ. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2007. – 667 с.
4. *Ионин Л.Г.* Восстание меньшинств. – М.; СПб.: Университетская книга, 2012. – 237 с.
5. *Кутырев В.А.* Бытие или ничто – СПб: Издательство «Алетейя», 2009 – 496 с.
6. Россия в поисках идеологий: трансформация ценностных регуляторов современных обществ / под ред. В.С. Мартьянова, Л.Г. Фишмана. – М.: Политическая энциклопедия, 2016. – 334 с.
7. *Левицкий В.С.* Конкуренция альтернативных проектов цивилизационного развития и роль институтов онтологической ответственности / В. Левицкий // Актуальные проблемы Европы. – №1. – 2020. – С. 32 – 45

ЦЕННОСТИ В МИРЕ «ПОСТ-» И НОВЫЕ МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СМЫСЛА В ЖИЗНИ

Агапов Игорь Олегович

аспирант кафедры социальной философии

Казанский (Приволжский) федеральный университет

e-mail: newpost125@yandex.ru

г. Казань

Аннотация

Ситуация постмодерна связана со сложным отношением к ценностям. С одной стороны, есть идеал плюрализма, утверждения значимости различных несовместимых ценностей. С другой – есть тенденция к поддержанию определенного набора ценностей, тесно связанных с постмодерном, среди которых особенно выделяется социальная справедливость. На взгляд автора, сочетание этих двух сторон может давать продуктивные результаты, если оно соединяется с тем, чего по мнению многих не хватает в культуре постмодерна, а именно, с позитивно определенными ценностями. В случае исследования смысла жизни возможно попытаться соединить плюрализм и нормативную ориентированность (не только со стороны негации, но и со стороны утверждения позитивных ценностей) на основе утверждения минимальных компромиссных предпочтений относительно если не того, как прожить жизнь, то как о ней мыслить. В данной статье предлагается подход, опирающийся на разработку вопросов для анализа понимания смысла жизни на индивидуальном уровне, нацеленный на конструктивное сочетание различных ценностных установок мира постмодерна.

Ключевые слова: смысл в жизни, постмодерн, ценность, методология, смысл жизни, ценности постмодерна.

VALUES IN THE WORLD OF “POST-” AND NEW METHODS FOR STUDYING MEANING IN LIFE

*Agapov I.O.,
postgraduate student
Department of Social Philosoph,
Kazan (Volga Region) Federal University,
Kazan*

Abstract

The postmodern condition is associated with a complicated view on values. On the one hand, there is the ideal of pluralism, affirming the significance of various incompatible values. On the other hand, there is a tendency to maintain a certain set of values closely related to postmodernity, among which social justice stands out. In my opinion, the combination of these two sides can give productive results if it is combined with what many believe is missing in postmodern culture, namely positively defined values. In the case of the study of the meaning of life, it is possible to try to combine pluralism and normative orientation (not only on the side of negation but also on the side of affirming positive values) on the basis of affirming minimal compromise preferences about, if not how to live life, but how to think about it. This article proposes a method based on the idea of formulating questions for analyzing the understanding of the meaning of life at the individual level and aimed at a constructive combination of different value attitudes of the postmodern world.

Keywords: meaning in life, postmodernity, values, methodology, meaning of life, postmodern values.

В данной статье наша цель – определить место исследования смысла жизни с точки зрения ценностных противоречий, связанных с эпохой постмодерна и обнаружить (в первом приближении) в связи с найденными определениями новые возможные способы изучения смысла жизни.

1. Ценности и постмодерн

Мир постмодерна имеет сложное отношение к ценностям. С одной стороны, нередко предполагается, что постмодерн предполагает преобладание различных, но совместно противопоставленных моральному абсолютизму, позиций, включающих плюрализм, имморализм, релятивизм, цинизм и т.д. С другой стороны, он ассоциируется с моральной бескомпромиссностью в вопросах различных локальных интересов, связанных с расой, классом, гендером и их пересечениями, в проблемах справедливости, свободы и равенства. На мой взгляд, достаточно взвешенный и аргументированный комментарий этой противоречивой ситуации можно найти у Дж. Сторма в его книге “Metamodernism. The Future of Theory” (2021). В ходе своего обзора отношения авторов «постмодернистов» к нормативной проблематике он на убедительных примерах показывает, что постмодерн в лице наиболее видных теоретиков (что, надо заметить, не то же самое, что культура постмодерна в целом, но в силу ограниченности объема мы сфокусируемся на академических текстах) предполагал ангажированность, но это была ангажированность негативного характера (критика расизма, сексизма и т.п), тогда как положительные ориентиры можно усмотреть косвенно, через критику. Он формулирует важную проблему современной академии: она знает, как критиковать, но очень смутно формулирует, что именно она предпочитает взамен объектам критики, будь то идеалы жизни человека или формулировки целей научной деятельности как таковой [1, р. 236-243].

2. Ценности в исследовании смысла в жизни

Начнем с краткого объяснения того, что из себя представляет современная литература о смысле в жизни (meaning in life). Существует несколько основных фокусов проблемы: смысл как цель/предназначение (purpose), значимость (significance), понятность (intelligibility) [2, р. 6]. Здесь мы остановимся на смысле как значимости, когда исследуется, что именно придает жизни смысл (makes one's life meaningful).

В современной волне исследования смысла жизни часто учитывается ценностная сторона речи о смысле жизни. Например, Т. Мец

утверждает, что жизнь, наполненная смыслом, предполагает отношение уважения, что она подразумевает нормативное одобрение – то есть, создавая формулировки о смысле жизни, мы говорим о том, какой мы хотим видеть жизнь [3, р. 18, 26]. Он сознательно отделяет более нейтральное по отношению к одобрению *significance* (значимости) от *meaning* [ibid., р. 5]. Целый ряд авторов, руководствуясь сходными соображениями, считает, что морально негативные элементы жизни несут в себе анти-смысл (либо обнуляя, либо переводя смысл в отрицательную часть шкалы) [4, р. 279-286].

Несмотря на признание ценностно-нормативных аспектов проблемы наиболее влиятельными авторами, набор методов исследования этих аспектов ещё имеет некоторые пробелы, некоторые из них я попытаюсь заполнить в следующей части статьи.

3. Возможные направления исследования смысла жизни

В этой части я изложу свое представление о том, в каком направлении может двигаться философское исследование смысла жизни: оно, на мой взгляд, должно сочетать разные академические ценности современности, включая элементы нейтральности и нормативности.

Предписания конкретного образа жизни как приносящего жизни большой смысл можно избегать по разным причинам. Если он совпадает с преобладающими нормами общества, то философия оказывается конформистской. Если, наоборот, она поддерживает что-то маргинальное (от существующих культур меньшинств до оригинальных построений), то философия отрывается от реально действующего значения смысла. Обе стороны не являются абсолютно неприемлемыми, но есть альтернативный ход, который может одновременно подчеркнуть индивидуальную сторону рефлексии над смыслом жизни и уйти от слишком прямого утверждения конкретных форм жизни.

Суть этого хода в поиске и исследовании вопросов, которые могут помочь человеку определить смысл в своей жизни. Цель этих вопросов двойная: для философов как философов поиск вопросов означает поиск форм экспликации наших позиций о том, что именно необходимо для смысла и что смысл собой представляет, для людей

в целом они должны будут помочь осознать свои приоритеты и представления. Здесь философия может занять активную нормативную роль – ставить своей целью продвижение жизни в поиске «знания себя» и давать для этого средства (реальная практическая форма может различаться – например, это может быть привычный экспорт философских практик в психологию).

Следуя сложившейся литературе, можно задавать вопросы о примерах жизней, которые человек видит как наполненные смыслом (далее все более уточняя, что именно в них желательно или нежелательно). Также можно связать вопросы о смысле с временем – есть ли смысл в жизни, если через 30 дней наступит «конец света» или, на более малом масштабе, если то, чему человек посвящает свою жизнь, будет забыто через определенное количество времени. Можно прояснять соотношение счастья, удовольствия, морали и других смежных феноменов по отношению к смыслу.

Эти и другие вопросы решаются философами в литературе о смысле жизни (при этом они редко последовательно рассматриваются как вопросы или даже ставятся в форме вопросительных предложений – вопросительная форма речи о смысле жизни еще не до конца развита): авторы, как правило, представляют, какой вывод наиболее правдоподобен. На мой взгляд, есть и иной путь – размышлять над тем, какие вопросы можно задавать и какие разветвления вопросов могут получаться в результате расходящихся ответов. С точки зрения теории можно одновременно анализировать историческую, политическую и другие стороны этих вопросов, сохраняя критический дух постмодерна, внимательного к попыткам исключения Другого, при этом остается положительный фокус на поиске осознанной и наполненной смыслом жизни. Абстрактное теоретическое исследование связывается с более личным «само-исследованием».

Естественен вопрос – на каких положительных ценностях основана данная стратегия? Она основана на идее блага индивидуального самопознания и его приоритете над теоретической гегемонией чрезмерно узких взглядов. Кроме того, здесь поддерживается ценность

свободы выбора. Несмотря на то, что она отягощена негативными коннотациями в том смысле, что акцент может ставиться на свободу от принуждения, мы можем сказать, что если вопросы дают человеку осознание других путей жизни в ходе осознания своих скрытых позиций, то здесь есть положительное измерение – увеличение количества возможных вариантов выбора.

В идеале этот метод должен служить нескольким ценностным ориентирам. Во-первых, сохраняется доля плюрализма. Остается за скобками, какой именно образ жизни несет в себе больше смысла. При этом, во-вторых, есть позитивная нормативная ориентация – поиск правильного отношения к смыслу в жизни, а именно наиболее осознанного и эксплицированного. В-третьих, сохраняется дух критики, так как никакие вопросы не представляются абсолютными и финальными и сам характер знания самого себя не определяется одинаково на все времена. Нужно также отметить, что идеал самопознания может повести дальше вопросов в иные практики, ведущие далее рационального дискурса вопросов, но данное направление лежит за пределами моих текущих набросков. Кроме того, представленная мной идея исследования вопросов может органично связываться с разработкой дискурсивных практик в целом – действительно, вопросы работают в контексте пояснений, задания контекста и средств закрепления перехода речи в практики.

Литература

1. *Storm A.J.J.* Metamodernism. The Future of Theory. – Chicago: The University of Chicago Press, 2021. – 328 p.
2. Goetz S., Seachris J.W. What is this thing called the meaning of life / S. Goetz, J.W. Seachris. – Routledge, 2020. – 190 p.
3. *Metz T.* The Meaning of Life: An Analytic Study. – Oxford University Press, 2013. – 282 p.
4. *Nyholm S., Campbell S.M.* Meaning and Anti- Meaning in Life / Nyholm S., Campbell S.M. // The Oxford Handbook of Meaning in Life / ed. by I. Landau. – New York: Oxford University Press, 2022. – P. 279-286.

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ЭТИКА: МОРАЛЬНЫЕ ДИЛЕММЫ

Агзамова Нилюфар Шухратовна
кандидат философских наук, и.о. профессора
Национальный университет Узбекистана
имени Мирзо Улугбека
e-mail: *nilyufar_agzamova@mail.ru*
г. Ташкент

Аннотация

В данной статье автор анализирует проблемы и ситуации, возникающие в профессиональной этике. Профессиональная этика, являясь одним из видов прикладной этики детализирует этические требования к работникам из определенной группы. Узкая профессиональная специализация – тренд времени, который обостряет значимость норм профессиональной этики, которая призвана облегчить совершить нравственный выбор сотруднику в этически сложной ситуации.

Ключевые слова: злоупотребление профессиональными обязанностями, консеквенциальный подход, деонтологический поход, профессиональная этика, профессиональный долг, профессия, халатность

PROFESSIONAL ETHICS: MORAL DILEMMAS

Agzamova N.S.
Ph.D., Professor
National University of Uzbekistan
named after Mirzo Ulugbek
Tashkent

Abstract

In this article, the author analyzes the problems and situations that arise in professional ethics. Professional ethics, being one of the types of

applied ethics, details the ethical requirements for employees from a certain group. Narrow professional specialization is a trend of the time, which exacerbates the importance of the norms of professional ethics, which is designed to make it easier for an employee to make a moral choice in an ethically difficult situation.

Keywords: abuse of professional duties, consequential approach, deontological approach, professional ethics, professional duty, profession, negligence

Вопросы этики играют огромную роль в тех профессиях, где человек не только субъект трудового процесса, но и объект этого процесса. Представители этих профессий в отличие от специалистов в технических областях сталкиваются непосредственно с нравственным выбором каждый рабочий день: как быть с агрессивным школьником, лечить ли безнадежного пациента, зачем защищать негодного человека на суде. Педагогическая этика ждет от педагога уважения к маленькому человеку, который не прав, но не понимает и не хочет понимать свою неправоту. Врачебная этика требует рисковать собственным здоровьем докторов. Судебная этика способна оправдать аморального человека.

Нелишне будет заново повторить, что прикладная этика и профессиональная этика не тождественные отрасли знаний: «Прикладная этика тесно соприкасается, а отчасти и совпадает с профессиональной этикой, но не тождественна ей. Различия касаются, по крайней мере, двух пунктов: профессиональная этика конкретизирует общие моральные требования применительно к своеобразию соответствующей профессии и занимается главным образом нормами, правилами поведения, а прикладная этика имеет своим предметом конкретные моральные ситуации; первая рассматривает профессиональное поведение, вторая – общезначимые проблемы» [1].

Профессиональная этика – это мораль (ценности и нормы) специалиста. Специалист – это носитель профессиональных навыков.

Профессия – определенный вид трудовой деятельности, требующий качеств, приобретаемых в результате обучения и практики, а именно:

- знаний,
- навыков,
- опыта.

Например, процесс обучения лечебному делу длится 10 лет: 6 лет бакалавриата, 2 года магистратуры, 2 года ординатуры.

Профессионалы одной специальности объединяются в группу. Почва для объединения в группу, обособления от других участников социума – это общность интересов. Общий интерес заставляет людей объединяться в группы. Профессионалы – тоже группа, однако интересы членов профессионального сообщества не носят выраженный экономический интерес, в отличие от корпоративных интересов, поэтому ее требования носят более отстраненный характер, не привязанный жестко ко времени и пространству.

Предназначение профессиональной этики – саморегуляция деятельности в части/области морального выбора и этического поведения членов профессионального сообщества, облегчения этого выбора с помощью зафиксированных норм профессиональной этики. Функция корпоративной этики – *управление* организацией с помощью *внутреннего кодекса* поведения и избранной миссии. Истинные цели корпорации могут подаваться в завуалированном виде или присутствовать в латентном виде.

Профессиональная этика – это совокупность этических норм и ценностей специалистов конкретной области. У профессиональной этики есть организационно-институциональный уровень (комитеты, профсоюзы, кодексы, механизм и инструменты разбора критических проблем). Есть описательный уровень – детализация внутреннего кодекса, миссии, санкций в случае нарушения этических требований.

Профессиональная этика настолько важна для управления трудовой деятельностью, что преподается как учебная дисциплина в наиболее значимых для безопасности профессиях (юридическая, вра-

чебная, педагогическая этика). Профессиональная этика должна быть неотъемлемой составной частью подготовки каждого специалиста.

Специалисты в своей профессиональной деятельности сталкиваются не только с трудной ситуацией по специальности, но и с:

- этическими затруднениями
- нравственными искушениями
- моральными дилеммами
- альтернативами последующего действия.

В этих обстоятельствах работнику на помощь должны прийти нормы профессиональной этики, которые определяют алгоритм решения этически сложной задачи.

Встречаются авторы, которые определяют профессиональную этику так: «Профессиональную этику можно охарактеризовать как совокупность принципов, определенных моральных обязательств и норм поведения, проявляющихся во взаимоотношениях сотрудников в процессе работы» [2]. Возникает вопрос: а взаимоотношения с участниками процесса работы – учениками, пациентами, клиентами – разве не входят в область охвата профессиональной этикой? На наш взгляд, регулирование взаимодействия с потребителями продукции или услуги важнее, чем межличностные отношения сотрудников, которые, кстати, регулируются корпоративной или деловой этикой.

Другие авторы рассматривают профессиональную этику как «важнейший ресурс эффективного управления» [3]. Отчасти согласны, но, во-первых, эффективного управления можно достичь, нарушая моральные ценности. Во-вторых, из этого определения снова «исчезает» объект этического регулирования профессиональной этики – сотрудник и потребитель.

На наш взгляд, наиболее полно описали суть профессиональной этики В.И. Бакштановский, Ю.В. Согонов. В частности, они пишут, «КОНЦЕПЦИЯ общепрофессиональной этики дает этико-прикладному знанию методологию исследования и проектирования профессиональных этик. В основе концепции – предложенный нами алгоритм,

ряд последовательных шагов исследовательской идентификация профессиональной этики как вида этико-прикладного знания и одной из подсистем нормативно-ценностной системы общества; анализ соотношения этики (морали) профессиональной и этики общеобщественной; определение места и природы нравственных конфликтов, возникающих при столкновении ценностей общей морали и морали профессиональной, ценностей разных профессий, между ценностями одного и того же профессионально-нравственного кодекса» [4, с. 73].

Для краткости мы используем определение, которое широко распространено, хотя точно неизвестно кому оно принадлежит: *профессиональная этика* представляет собой систему моральных принципов, норм и правил поведения специалиста с учетом особенностей его профессиональной деятельности и конкретной ситуации.

Вслед за Ф. Энгельсом можно ли утверждать, что «В действительности каждый класс и даже каждая профессия имеют свою собственную мораль, которую они притом же нарушают всякий раз, когда могут сделать это безнаказанно»? [5] Профессии при всем их различии имеют схожие признаки, которые позволяют объединять их в группы. Заблуждение доводить профессиональную группу до уровня отдельной, притом – уникальной организации. Подобное заблуждение нивелирует профессиональную этику как теорию. Профессиональная этика, как любой вид прикладной этики, прежде всего теория, а не просто перечень конкретных инструкций.

Прикладная этика – этика реальных открытых новых, противоречивых, сложных проблем, и потому общеморальные ценности надо адаптировать к их анализу и применению. Вливание в прикладную этику узких специалистов, профессионалов из определенных сфер трудовой деятельности (не философов, а врачей, юристов, педагогов, управленцев) придало более конкретный, новаторский, практический характер этике.

Профессиональная этика, как и другие разделы морали, эволюционирует. Если раньше вопросы нравственного выбора регулировались,

в основном, деонтологией, то в наши дни профессиональная этика все больше конкретизируется. Рамки деонтологии, которая разрабатывалась в русле лечебного, военного, судебного дела узки, чтобы вместить все разнообразие аспектов, которые регулирует современная профессиональная этика. Этим объясняется появление новых разновидностей прикладной этики.

В общепрофессиональной этике (теоретической части профессиональной этики) различают два подхода:

- консеквенциальный ¹
- деонтологический ².

Первый подход к этике норм означает, что методом решения открытых проблем конкретно-предметной деятельности является предвидение этических последствий, этичность тех или норм зависят от последствий их внедрения: «пойти на жертвы в настоящем ради больших преимуществ в будущем» (Дж. Ролз). Например, один не вакцинированный человек может заразить вирусом десятки людей, следовательно, меры принудительной вакцинации, санитарной изоляции являются этически приемлемыми. Консеквенциальный подход зародился в утилитаризме, когда важен конечный результат. В то время как фундаментальная теория морали постоянно твердит о гармонии цели и средств достижения цели. Между тем они нередко противоречат друг другу.

Диалектика цели и средства ее достижения сложна. Можно ли наказывать ребенка (а любое наказание – это принуждение и насилие) ради воспитания в нем ответственности? Лишать родительских прав нерадивую мамашу? Врач хочет прекратить страдания безнадежного пациента смертельной дозой препарата, благородно ли это? Можно наугад выбрать любой пример этически сложной ситуации.

Цель оправдывает средства – циничное выражение. Между целью и средством должно быть соответствие, хотя история в социальном

---

¹ от лат. consequens – «следствие, вывод, результат»

² упрощенно их можно назвать рациональным и «правильным» подходами.

масштабе, и практика отдельного человека в индивидуальном опыте подтверждают их нередкое антагонистическое взаимоисключение. («Благими намерениями вымощена дорога в ад»: ограбили человека, незаконно нажившего богатства, избили до полусмерти мужчину-садиста, соблазнили мужа женщины-разлучницы, и т.п. казусы из реальной практики).

Деонтологический подход – модель нормативной этики, которая проявляется в строгом следовании долгу, правилам, справедливости. Но иногда ситуация диктует совершенно иное поведение, отступление от них. При данном подходе нивелируется задача личного нравственного выбора человека: он поступает так, потому так должно поступить. Деонтология признает за всеми равенство прав. Однако в действительности у определенной категории людей (социально уязвимых слоев, представителей титульной национальности) прав фактически больше. Например, есть требование равных прав на медицинскую помощь. Допустим, ресурсы медицинского учреждения ограничены, кому предоставить лечение – перспективному травмированному или безнадежному? Долг требует обоим, но возможностей нет, как быть врачу? На такие случаи врачебная этика разрабатывает инструкции, как себя вести. Жесткие правила трудно соблюсти.

Термин «деонтология» изобрел И. Бентам, однако основы учения о должном заложил И. Кант. Деонтология понимается как должествование, и представляет собой систему представлений о долге, из которого следует набор моральных требований. Деонтология предписывает подчиняться моральному закону даже вопреки желанию и собственным убеждениям. Более всего деонтология укоренилась во врачебной практике и в военном деле. Термину «деонтология» не повезло. В происхождении слова¹ западные специалисты увидели налет диктата, «увидеть» который им помогла советская медицинская этика, именовавшаяся деонтологией. Современные эксперты не отрицают

---

¹ от греч. deontos – должное и logos – учение, учение о должном.

значимость деонтологии как основополагающей идеи профессиональной этики, но термин деонтологии стал использоваться реже.

Поэтому многие эксперты профессиональной стратегии бескомпромиссности предпочитают комбинацию стратегий. Происходит как бы синтез обоих, консеквенциального и деонтологического подходов.

Несмотря на то, что прикладная этика – относительно новый феномен, профессиональная этика формировалась с древнейших времен, с тех пор как началась специализация в трудовом процессе. Профессиональные этические нормативы передавались в виде ритуалов, традиций, правил от мастера к подмастерью. Например, в античные времена сложилась этика гладиаторов, воинского дела, врачебная этика (в форме клятвы Гиппократов).

В Средние века развивалась не только профессиональная этика, но и этика отдельных субкультур: рыцарства, кодекс самураев бусидо, нормы аскетической жизни дервишей, суфиев; монастырские приличия в христианстве, купечества, чиновников, ремесленников. Так, считалось неприличным переманивать клиентов одного ремесленника другим ремесленником.

В новейшее время профессиональная этика складывается у представителей новых профессий. Например, в первом отряде космонавтов развод, повторные браки считались этически неприемлемыми для космонавтов, на которых было сфокусировано общественное внимание всего человечества второй половины XX в.

Новые нестандартные ситуации, с которыми сталкиваются профессионалы в наши дни, являются стимулом развития профессиональной этики.

Существует этика врачебного, военного, судебного дела. Возможна ли этика инженерного труда? К сожалению, техногенное негативное влияние промышленного производства на природу растет, поэтому и этот труд нуждается в этической регуляции. Техника становится все более человекоориентированной. Поэтому некоторые авторы выделяют специальную отрасль – техноэтику. В качестве прообраза

техноэтики можно назвать правила робототехники американского ученого и писателя Айзека Азимова¹.

На современном этапе цивилизации возрастает профессионализация труда, потому что труд усложняется, становится все более специфичным. Например, еще недавно на должность библиотекаря могли претендовать лица с любым высшим педагогическим образованием. Ныне соответствию образования искомой должности придают серьезное значение.

Актуальность профессиональной этики как атрибута трудовой деятельности и всех видов производства в обществе обостряется еще и тем, что профессиональный статус, профессиональные навыки, профессиональная характеристика становятся весомее в оценке человека как личности, чем его нравственные добродетели и гражданская позиция. На вопрос: «Who are you» (кто ты) мы называем профессию (учитель, рабочий, торговец), потом уже другие данные.

Профессия – род трудовой деятельности и источник доходов человека². Профессия объединяет людей схожего вида трудовой деятельности. Профессии сложились в результате разделения труда, ибо специализация видов трудовой деятельности требуют специализации знаний, навыков и умений работника. Эта триада не возникает случайно, она рождается в процессе профессионального образования, неформального обучения, самообразования, чаще – в совокупности этих каналов профессиональной компетентности.

---

¹ 1. Робот не может причинить вред человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинён вред. 2. Робот должен повиноваться всем приказам, которые даёт человек, кроме тех случаев, когда эти приказы противоречат Первому Закону. 3. Робот должен заботиться о своей безопасности в той мере, в которой это не противоречит Первому или Второму Законам. И «...если хорошенько подумать, Три Закона робототехники совпадают с основными принципами большинства этических систем, существующих на Земле... попросту говоря, если Байерли исполняет все Законы робототехники, он – или робот, или очень воспитанный человек». Тогда никакая техническая экспансия не опасна.

² как правило, определения «профессия» ограничиваются констатацией лишь первой части; мы считаем, что сущностная характеристика профессиональной деятельности – это то, что она является источником дохода человека

В наши дни актуальность норм профессиональной этики неуклонно растет. Необходимость узкой специализации¹ и высокая техногенная опасность любой профессиональной деятельности увеличивают актуальность профессиональной этики. Включение безопасности для людей, живой природы в список первых профессионально-этичных норм давно перестала быть пожеланием. Это требование времени. Однако деятельность человека все еще находится под прессом производства прибыли, что воспринимается главной целью. Поэтому предназначение профессиональной этики XXI в. – создание системы ограничения полноты власти профессионалов любой сферы профессиональной деятельности, установление предела вмешательства технократов в жизнь и здоровье граждан.

Профессионала от непрофессионала отличает не наличие формального образования по избранной специальности, не список былых заслуг, а качество и скорость выполнения работником профессиональной задачи. Профессионализм предполагает самостоятельный выбор средств для решения задачи и творческий подход. Это дается не каждому. Большинство в любой профессии – рядовые исполнители, лишь немногие становятся выдающимися профессионалами.

К сожалению, быть выдающимся профессионалом не означает в обязательном порядке быть и высоконравственной личностью. Хотя авторы и пишут, что «Подлинный профессионализм неизбежно включает в себя нравственную компоненту» [6, с. 154], но это – идеал, который не всегда и не везде реализуется на практике. Высококласный специалист на работе может быть подонком в жизни.

К примеру, наемный убийца определяется некоторыми как профессионал, обучение киллера требует специальной подготовки и особых навыков. Киллер-профессионал – это снайпер высокой квалификации, а по моральной сути – убийца, аморальный человек. Вспомним в этой связи кинофильм «Леон», когда киллер неожиданно вступает в борьбу с теми, кто угрожает девочке-подростку.

---

¹ Есть врачи одного диагноза, которые специализируются на лечении одной болезни.

Возникает дилемма, как в хрестоматийной легенде противостояния Моцарта и Сальери: может ли безнравственный человек создавать высокохудожественные произведения? Увы, «Гений и злодейство логически не исключают друг друга» [7]. Способен ли аморальный человек на нравственные поступки? Как бы вы не ответили на данный вопрос, следует помнить, что единичный поступок не есть поведение. С другой стороны, нельзя отказать личности в нравственном прозрении.

Моральные дилеммы не имеют готовых ответов. Ответ кроется в том, сколь долго человек следует своему долгу, стали ли его нравственные поступки привычной добродетелью.

Перед человеком стоит много обязанностей: долг гражданина перед обществом, перед семьей, перед самим собой (долг самосовершенствоваться). Выделяют еще профессиональный долг, так называемый долг в узком смысле. Нами дается следующее его определение: *профессиональный долг – это качественное исполнение трудовых обязанностей при условии соблюдения основных моральных принципов.*

Одним из характеристик профессии является моральное самосознание данной профессиональной группы. Как верно подметили М.А. Дедюнина, Е.В. Папченко, «простое исполнение обязанностей еще не есть долг в этическом смысле слова. Понятие долга обогащает сухое понятие обязанностей глубокой личной заинтересованностью в их исполнении, добровольным принятием и осознанием их необходимости» [8, с. 45]. Категория «долг» несет в себе колоссальную мотивационную нагрузку, в отличие от синонимичных понятий, скажем, «обязанность». Насколько важно соблюдать основные моральные требования, продемонстрировало землетрясение в Турецкой республике в феврале 2023 г. Последствия катастрофические: более 40 000 погибших. Недалеко от эпицентра устоял небольшой городок Эрзинь, в котором ни одно здание не рухнуло. Потому что его мэр строго следил за строительством в городке и не разрешал незаконных и некачественных построек. Он всего лишь выполнял свои профессиональные обязанности, заботясь о благе горожан, остерегаясь коррупционных

связей. У производителей бетонных плит, которые рассыпались в труху при землетрясении, максимальная прибыль затмила ценность жизни и здоровья невинных людей, честных покупателей построенного кем-то жилья.

«Долг! Ты великое, возвышенное слово. В тебе нет ничего приятного, что льстило бы людям» (И. Кант). Следовать долгу в таком понимании трудно, порою губительно. Почему я? Не сейчас, потом. И вообще, я никому ничего не должен. И посему, пожалуй, уклонюсь. А долг зовет, иначе будет худо всем. Долг – всеобщее требование, которое проявляется как личная задача. Находятся те, кто чувствует его, их личный нравственный закон заставляет последовать ему, долгу.

Профессиональный долг в некоторых профессиях приобретает не только вербально оформленное положение, но и принимает форму ритуала публичного принятия на себя профессионального долга. Это клятва Гиппократова, мусульманским аналогом которого является молитва Маймонида¹ во врачебной этике. У военных специалистов это присяга верности Отечеству и армии. В профессиях, непосредственно связанных с жизнью и смертью людей, профессиональный долг окутан еще и психологической убежденностью, и настроением выполнить профессиональные этические нормы до конца.

Тем не менее, находятся сотрудники, которые нарушают профессиональный долг. Грубые нарушения должностных и профессиональных обязанностей преследуются значительными санкциями, от уголовного наказания до увольнения. Разберем два вида нарушения должностных обязанностей: злоупотребление должностными обязанностями и халатность. *Халатность есть неисполнение или ненадлежащее*

---

¹ «Господи, приди мне на помощь, всели в сердце любовь к науке и творениям Твоим! Отврати от меня стремление к барышу и к славе, ибо оно противоречит любви к истине и к Твоим творениям! Укрепляй, усиливай меня телесно и душевно, дабы я узрел в больном человека! Всели в сердца моих больных веру в меня и в мои знания, чтобы они внимали моим советам и выполняли мои предписания! Удаляй от ложа страждущих всякого лжеврача и всех родственников, дающих советы вопреки моим предписаниям! Дай мне сил, прошу Тебя, укрепи моё сердце, дабы я мог противиться глупцам и лжеучёным, которые могут научить меня дурному».

исполнение своих профессиональных и должностных обязанностей. Если халатность повлекла за собой крупный имущественный урон или ущерб, она преследуется по Уголовному кодексу. В остальных случаях применяют меры административного воздействия.

Между тем, «последствия должностной халатности не всегда имеют материальный характер; во многих случаях они представляют собой вред, который не поддается физическому измерению и, следовательно, формальному определению» [9, с. 118]. Например, как оценить испорченное настроение клиента, бюрократические проволочки, бесконечные переносы и перенос ответственности в решении вопроса, когда виновного не найти? Может ли считаться сбой в теплоснабжении крупным имущественным ущербом с опасными последствиями?

Исходя из этимологии слова¹, халатность есть не проявление профессиональной некомпетентности, а пренебрежение, бездействие, безразличное или ленивое отношение к профессиональным и должностным обязанностям, то есть халатность – это нарушение этического порядка. В халатности помимо объективного содержания (причиненного ущерба) весьма значителен субъективный момент (должностное лицо могло, но не захотело предвидеть негативные последствия своего пренебрежения, утраты контроля над ситуацией).

Кроме халатности как пренебрежения должностными обязанностями, используется понятие, которому соответствует преступление – «злоупотребление должностными обязанностями». Оба варианта нарушения профессионального кодекса подпадают под уголовную ответственность, если халатность привела к крупному имущественному ущербу или к общественно опасным последствиям.

Они существенно различаются. Как правило, халатность не имеет корыстного мотива, при злоупотреблении должностными обязанностями корыстный мотив наличествует, хотя не всегда получает

---

¹ В.В. Виноградов: «халатность означает одежду домашнюю (халат), а в приличном обществе – неприличную, так и слово *халатность* должно, кажется, означать нестесняемость, нерадивость, неряшливость и т. п. поступков, действий, отношений» // https://etymolog.ruslang.ru/vinogradov.php?id=halatnij_halatnost&vol=1

непосредственно денежное выражение. Второй признак: халатность – результат пренебрежения, часто ненамеренного или неосознаваемого должностным лицом; неумышленная вина. Злоупотребление должностными обязанностями всегда осознанное нарушение, оно намеренное действие или бездействие.

Подытоживая, можно сделать следующие выводы:

- Профессиональная этика, хотя и древнее прикладной этики по происхождению, является одним из направлений прикладной этики.
- Они понятийно не тождественны.
- Профессиональная этика есть детализация этических требований к работникам определенной группы.
- У профессиональной этики есть инструментарий, с помощью которого сотрудники могут защитить свои права на производстве в случае их нарушения кем-либо.
- Профессиональная этика – динамично развивающееся направление прикладной этики

Литература

1. Этика. Энциклопедический словарь / Под ред. Р.Г. Апресяна и А.А. Гусейнова. М., 2001. 389 с.
2. Дуанова Н.Ф., Краснянская Е.О. Этика в профессиональной деятельности // *International Journal of Humanities and Natural Sciences*, vol. 4-2 (67), 2022. <https://cyberleninka.ru/article/n/etika-v-professionalnoy-deyatelnosti/viewer>
3. Громова Л.А. Этика управления как прикладное знание и гуманитарная технология профессиональной деятельности // <https://cyberleninka.ru/article/n/etika-upravleniya-kak-prikladnoe-znanie-i-gumanitarnaya-tehnologiya-professionalnoy-deyatelnosti>
4. Бахитановский В.И., Согомонов Ю.В. Введение в прикладную этику. Тюмень: НИИ прикладной этики ТюмГНГУ, 2006. 392 с.
5. *Энгельс Ф.* Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т.21. С.298–299.

6. *Цвык В.А.* Понятие профессионализма и профессионального долга. Вестник РУДН, серия Социология, 2001, №2. С. 152-154.

7. *Адаева Н.А.* Музыка и нравственное развитие человека: к истории и теории проблемы. Дисс. канд. филос. н. Саранск, 2000.

8. *Дедюлина М.А., Папченко Е.В.* Профессиональная этика. Учебное пособие для бакалавров. Ростов-на-Дону, 2014. 121 с.

9. *Елисеев С.А., Тыняная М.А.* Общественно опасные последствия халатности: понятия и виды. Вестник Томского государственного университета. Право. 2012. С. 118-124.

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ИКОНОГРАФИИ
«ТРОИЦЫ ВЕТХОЗАВЕТНОЙ»:
ЭВОЛЮЦИЯ ФОРМЫ И СМЫСЛОВ**

Акчурина Дельфина Фаридовна

*Член АИС, член Международного союза педагогов-художников,
преподаватель Казанский Инновационный Университет
имени В.Г. Тимирязова,
e-mail: anakreontt@yandex.ru
г. Казань*

Аннотация

Статья посвящена изменению иконографии сюжета «Троицы Ветхозаветной», приращению смыслов в раскрытии образа Св. Троицы и искажению их в период деградации сакрального искусства в Новое время; проблемам постмодернистского видения сакрального искусства.

Ключевые слова: иконография, сакральное искусство, Троица, Рублев, калокагатия, трансформация, упадок

**TRANSFORMATION OF THE ICONOGRAPHY
OF THE "TRINITY OF THE OLD TESTAMENT":
EVOLUTION OF FORM AND MEANINGS**

Akchurina D. F.

*Member of AIS, member of the International
Union of Pedagogical Artists, Teacher
Kazan Innovative University
named after V.G. Timiryasov.
e-mail: anakreontt@yandex.ru
Kazan*

Abstract

The article is devoted to the changes in the iconography of the plot of the "Trinity of the Old Testament", the increase of meanings in the disclosure of the image of the Holy Trinity and their distortion during the degradation of sacred art in the new time; the problems of postmodernist vision of sacred art.

Keywords: Iconography, sacred art, Trinity, Rublev, kalokagatiya, transformation, decline

История становления и трансформации сакрального искусства, начиная с его возникновения в первые века нашей эры и до настоящего момента, полна драматизма. Христианская иконография как форма молитвенного созерцания, предстояния, служения и богословствования до сих пор продолжает развиваться, будучи живой системой.

I. Обратимся к началу формирования искусства Церкви.

Возникновение извода «Явления Ветхозаветной Троицы» было не просто данью творческому импульсу первых христиан, иллюстрацией к тексту Библии, но попыткой сообщить Церкви об одном из главных откровений Евангелия: о природе Божества, до поры сокрытой от мира.

Со времен становления церковной живописи «Явление Св. Троицы Аврааму» делилось на 2 сюжета: «Авраам встречает трех Ангелов» и «Гостеприимство Авраама». Яркий пример иконографии первого сюжета – фреска катакомб Виа Латина конца IV в. (рис.1.); второго сюжета – мозаика центрального нефа церкви Санта Мария Маджоре, Рим, V век и мозаика пресвитерия церкви Сан Витале, Равенна (VI в.) (рис.2).

Художники катакомб еще только «нащупывают» путь изображения сакрального, которое невозможно без выработки канона. Это свободная, не очень правильная с точки зрения анатомии, богословски и семантически не до конца выверенная попытка отобразить таинственное.

На фреске из Виа Латина перед Авраамом – 3 малых отрока неправильного телосложения (с характерно искривленными ножками). Здесь нет и намека на античный Поликлетов канон изображения человеческого тела, нет знаменитой «калокагатии», предписывающей человеку совершенную физическую красоту – гармонию и соразмерность. Без этой физической красоты, считалось в Античности, не может быть красоты духовной. Творец фресок Виа Латина отходит от этой максимы. Он словно указывает на пророчество Исаии: «Вот, Отрок Мой, Которого Я держу за руку, избранный Мой, к которому благоволит душа Моя. Положу дух Мой на Него, и возвестит народам суд» (Ис.42:1). После встречи с Авраамом Ангелы отправятся в Содом, ведь наступило время его осуждения.

Итак: стоящие перед Авраамом имеют вид обычных детей, такие шныряют на рыночной площади. Автор не озабочен идеализацией этой сцены.

Античная мифология включает в себя образы ряда весьма разнообразных существ, снабженных крыльями. Возможно, как свидетельство разрыва с античной традицией, Ангелы Виа Латина и многие изображения ангелов IV века н.э., крыльев не имеют. О сверхъестественности события говорят, возможно, только взаимные жесты благословения встретившихся. Причем «младшие» благословляют «старшего» – Авраама – как имеющие на то власть.

Фигуры на фреске освещены боковым светом, и лицо Авраама, обращенное к путникам, находится в тени. То есть, художник не был обременен задачей показать сверхъестественное с помощью света, знаменующего Нетварный Свет. Эти богословские тонкости для него еще не актуальны. Кроме того, художник не счел необходимым выделить главного – Творца, отделив Его от двух служебных ангелов.

В катакомбной живописи метафизика уступает место повседневному, передаваемому реалистическим способом. Не случайно светотень написана таким живым приемом, под ногами участников сцены – тени. Впоследствии падающие тени будут исключены из иконографии

как проявление богословского принципа: там, где Нетварный Свет, нет места мраку.

II. Иконография «Троицы» в период расцвета.

Преподобный Андрей Рублев практически создал для Руси новый канон изображения св. Троицы, взяв за основу извода сюжет «гостеприимства», но отказавшись от «беллетристики» – от внешней сюжетной канвы истории явления трех Ангелов Аврааму (рис.2). Икона преподобного Андрея Рублева, созданная между 1425 и 1427 годами – пример предельной аскезы и одновременно цветения, явления Духа в иконографии. Считается, что одно из первых изображений этого сюжета без Авраама и Сарры, созданное в Византии, это фреска «Троица Ветхозаветная» в Драгутиновой капелле (Джурджеви ступови, монастырь великомученика Георгия, Сербия), созданная в 1282–1283 годах (рис. 3). Однако, бесспорно, преподобный Андрей не мог видеть этого произведения, и никакого другого подобного: за пределами своей родины он не бывал; насмотренности в живописи других Церквей не имел; в обширном обществе иконописцев из других стран не находился. Вряд ли Рублев знал кого-то из византийских иконографов, помимо Феофана Грека. Поэтому, предполагаю, к своему аскетичному варианту Андрей Рублев пришел самостоятельно, будучи гением, водимым Святым Духом. Но сколь недалеки его Ангелы от античного идеала!

Автор статьи «Об иконе Троицы из Духовского храма (в собрании Сергиево-Посадского музея)» Э.К. Гусева убеждена, что преп. Андрей не мог самостоятельно замыслить свою композицию: «Можно предположить, что мастеру русской «Троицы» была известна, условно говоря, прорись ватопедской иконы, если не сама икона. На XIV–XV вв. приходятся интенсивные связи Руси с греческим миром, в том числе и с Афоном, что предполагает наряду с прочим иконографические заимствования» [1]. Однако мнение свое Гусева не подтверждает конкретными фактами. Нет сведений, что простой черноризец и аскет преподобный Андрей встречался с другими греческими

иконописцами, помимо Феофана Грека, с которым он в 1405 г. расписывал Благовещенский собор Московского Кремля. В стилистике Андрея Рублева влияние Афона не прослеживается. Поэтому, данное утверждение представляется нам надуманным и не доказанным. Гусева невольно низводит гениального соотечественника до роли вторичного богомаза, пользующегося чужой калькой и не способного к озарению. Однако его «Троица» не похожа ни на какую другую! Преподобный Андрей создал свой собственный Горний мир, выработал свой собственный стиль, дышащий красотой Христова смирения и любви, которыми сияют его люди и ангелы. Вот она, истинная калокагатия. Образы Рублева теплятся светом кротости и принятия, и в этом сказалась особая национальная русская черта, которую Рублев гениально прозрел и запечатлел в своих фресках, иконах, миниатюрах.

«Троица» Рублева неизмеримо превосходит названный Э.К. Гусевой Ватопедский образ (рис. 4.) – надмирностью замысла, зрелостью, аскезой, благодаря чему сюжет приобрел высший смысл, предельную форму символа и знака; математической красотой композиционного решения; духом мира, кротости, покоя, исходящих от иконы; чудными, эталонными живописными качествами: тонким, сияющим колоритом, одухотворенной прозрачной легкостью, невесомостью духовной материи, точно нерукотворно созданной божественной его кистью. Здесь безупречное искусство исполнения явило чудо Божественного присутствия. Ватопедский образ диаметрально отличается от иконы Рублева: по композиции, по числу изображенных, по пропорциям, по эстетике, по колориту, по мастерству исполнения. Но самое главное: Рублев передал богословские смыслы триединства и любви.

Даже старший современник преподобного Андрея – Феофан Грек – гений-харизматик византийского монументального искусства, признанный современниками философ и богослов, в своем варианте «Троицы» – фреска церкви Спаса Преображения в Новгороде Великом (рис.5) – не сделал этот радикальный шаг: не отказался от самовидцев явления Св. Троицы – Авраама и его престарелой супруги Сарры.

Левая нижняя часть фрески Феофана, где Авраам предлагает угощение путникам, утрачена. Однако сохранился «натюрморт» на столе: чаша, в ней голова тельца с почти человеческим ликом, ножи, целая лепешка и половина ее, маленькие рыбки, по две для каждого. Целая повесть о скудном и спешно собранном обеде у шатра милосердного старца и его согбенной жены, что, скромно стоя на почтительном расстоянии от стола, держит наготове третью лепешку руками, обернутыми в мафорий – благоговейный жест чистоты и почтения. По логике изографа, хлеб для путников готовится прямо в процессе трапезы. Изображая все это, Феофан избежал бытописательства, остался харизматиком, мастером лаконизма. Сакральный жанр не сделался ни будничным пересказом, ни сухим реестром. Красно-речивы жесты участвующих в трапезе таинственных «путников»: левая рука центрального Ангела парит над чашей, но руки остальных двух с ней не взаимодействуют. Ни один не совершает жеста благословения, служащего духовным символом Предвечного Совета. Нет диалога взглядов. На фреске разворачивается протяженная картина библейского явления таинственных Путников, однако не зафиксировано самого главного: момента сакральной полноты и единства Участников Предвечного Совета (пребывающих в телесном образе в данный отрезок времени с четой благословенных праотцев). Византийская иконография прошла длительный путь становления и расцвета, стала явлением цивилизационного значения, темой Святой Троицы занимались такие признанные изографы-богословы, как византийские мозаичисты Собора Рождества Богородицы в Монреале (конец XII в.), изографы фресок Монастыря Св. Иоанна Богослова (Патмос, XIII в.); Евтихий и Михаил Астрапы (XIII) (рис.7), и другие великие мыслители. А вершины богословского откровения в иконографии достиг простой русский монах...

III. О кризисе и упадке в иконографии.

Кризисные процессы в сакральном искусстве всего христианского мира проявились после Разделения Церквей и продолжались весь период «Новой истории». Спустя почти столетия после решения

Стоглавого Собора о том, что образцом изображения Св. Троицы является извод инок Андрея Рублева и греческие высокие образцы, в русской иконописи также начался процесс деградации. Не избежала Русь и еретических проявлений в этой области. Пример подмены и упадка теологии и художественности – так называемые «смесиопостасные иконы» по западным образцам, которые появились в России примерно в XVII веке (рис.8,9). Сам термин «икона» в данном случае в высшей степени неуместен и дискредитирован. Запрет на эти изделия был введен только в 1764 году.

Другое отклонение – так называемые «трёхликие» изображения, являющие собой нехитрое устройство с деревянными пластинами, создающее иллюзорный фокус: при смене угла зрения зрителю представлялось 3 изображения – Дева Мария, Архангел Гавриил и – антропоморфный образ Бога-Отца, который находился под прещением Стоглавого Собора 1551 года.

Однако помимо столь грубых, одиозных явлений, в русской иконописи зрели и иные отклонения: с XVII в. оно претерпевало экспансию моды на живоподобие – натуралистическую передачу мира: за секуляризацией общества следовало оскудение духовных смыслов и символических приемов письма. В иконопись не только пришли новые приемы, изменилась стилистика изображения священного, но и само понятие священного стало деградировать. Иконописью стали заниматься люди расцерковленные. По европейской моде, вместо святых стали изображаться донаторы, а подчас и сожительницы рисовальщиков. Аскетичные, бесстрастные, благоговейные сюжеты были вытеснены фривольными мотивами барокко и рококо. Натуроподобие заменило высокий символизм, вытеснив сакральный язык иконы.

IV. О возрождении иконографии в современной истории.

В XX веке в России началось возрождение древних традиций иконописи и храмового монументального искусства – теоретическое изучение и экспозиция древнерусского наследия, реконструкции и копии фресок Феофана Грека, Рублева, Дионисия. В 1937 г. художник-реставратор С.С. Чураков создал копии Дионисия. С 1955 г. пришли

Н.В. Гусев, М.В. Ломакин, Н.И. Толмачевская, А.Н. Овчинников (фрески Георгиевской церкви, Старая Ладога (посл. четв. XII века) и Успения Богородицы в селе Мелётове (1465) (рис.10,11). С 1946 г. М.Н. Соколова (монахиня Иулиания) приступила к росписи Серапионовой палаты в открывшейся Троице-Сергиевой Лавре. С 1957 г. руководила созданным ею иконописным кружком при МДА.

Затем в профессию пришли их младшие современники: архимандрит Зинов (Теодор), А. Солдатов, А. Чашкин, А. Лавданский, В. Федоров, А. Давыдов, А. Карнаухов, А. Крестовский, М. Шешуков, и несколько сотен других мастеров. Среди них есть традиционалисты и диссиденты; есть настоящие философы, оригинальные творцы, понимающие, что одной формы в иконографии не достаточно – нужен подлинный евангельский дух, чистота богословского содержания, и – энергии Св. Духа.

Но среди современных иконописцев много и эпигонов, имитаторов старой формы и манеры. Общая проблема в иконописи – душевность вместо духовности, уровень иллюстрации из детской Библии вместо подлинной монументальности (рис.12, 13).

Синтез иконы и картины в светском постмодернистском искусстве – явление достаточно недавнее. Здесь есть место эксперименту, потребность переосмыслить опыт Византийского сакрального искусства, его традиции, выйти в сакральное пространство – но на ином уровне, не подражательно, избегая вторичности слепого копирования. Это – альтернативное направление традиционному пути выпускников иконописных школ, не созревших в подлинных мастеров и духовидцев, оставшихся на уровне воспроизведения внешней формы. Центром постмодернистских экспериментов в иконе стали Украина и Польша. Действительно значимые концепты, имеющие философскую, художественную и эстетическую ценность, принадлежат художникам Иванко Демчук (рис.14,15), Христине Квик (рис.17,18,19), Грете Леско (рис.16).

Проблемой сакрального искусства в его постмодернистском изводе являются холодное рацио, формализм, профанное мышление,

паразитирование на открытиях Русского Авангарда, подражание художественному языку советского монументализма (в том числе стиль и приемы А. Мыльникова, Е.Моисеенко), консервация в стиле, выработанном такими мастерами, как Демчук. Налицо та же вторичность. Для произведений многих постмодернистов (Игорь Зилинко, Святослав Владыка, Сергей Радкевич, и др.) присущ характерный дух уклонения, имитация церковного искусства (рис.18-21). Характерно, что подобный вид продукции маркируется для обывателей как «православная иконография», хотя его авторы манифестируют, что индифферентны к конфессиональности, создают надконфессиональное сакральное искусство, как ни абсурдна такая формулировка. Таковы особенности современного дискурса в искусстве, претендующем на сакральность.

Литература

1. Э.К. Гусева. «Об иконе Троицы из Духовского храма (в собрании Сергиево-Посадского музея)». Троице-Сергиева лавра в истории, культуре и духовной жизни России. Материалы Международной научной конференции 29 сентября - 1 октября 1998 года. - М., 2000/ URL: <https://stsl.ru/news/all/ob-ikone-troitsy-iz-dukhovskogo-khrama-v-sobranii-sergievo-posadskogo-muzeya> (дата обращения 18.07.2023)

2. Иконография Святой Троицы. «Ветхозаветная Троица» или «Гостеприимство Авраамово» URL: <https://pravzhizn.com/calendar/articles/ikonografiya-svyatoj-troicy-vethozavetnaya-troica-ili-gostepriimstvo-avraamovo> (дата обращения 02.08.2023)

3. Как появились смесопостасные иконы и почему их запретили / сайт Фактрум. URL: <https://www.factroom.ru/religiya/kak-royavilis-smesoipostasnye-ikony-i-pochemu-ih-zapretili> (дата обращения 02.08.2023)

4. «Монументальная живопись древней Руси». Копии художников XX века. Москва 2017. Каталог Выставки. С.52. URL: https://www.rublev-museum.ru/upload/iblock/fba/Monument_art_copies.pdf (дата обращения 28.08.2023)

5. 30-летие развития русского церковного искусства. Итоги. Избранные работы выставки «Монументальное искусство в церкви» <https://pravoslavie.ru/146594.html> (дата обращения 30.08.2023)

Приложения

Рис. 1. "Явление трех Ангелов Аврааму", Фреска катакомбы Виа Латина, Рим, сер. IV в.

Рис. 2. Мозаика пресвитерия церкви Сан Витале, Равенна (546-547 гг.)

Рис. 3. «Троица» Преп. Андрей Рублев. (1422-1427)

Рис. 4. Троица Ветхозаветная. Драгутинова капелла 1282 - 83 гг.

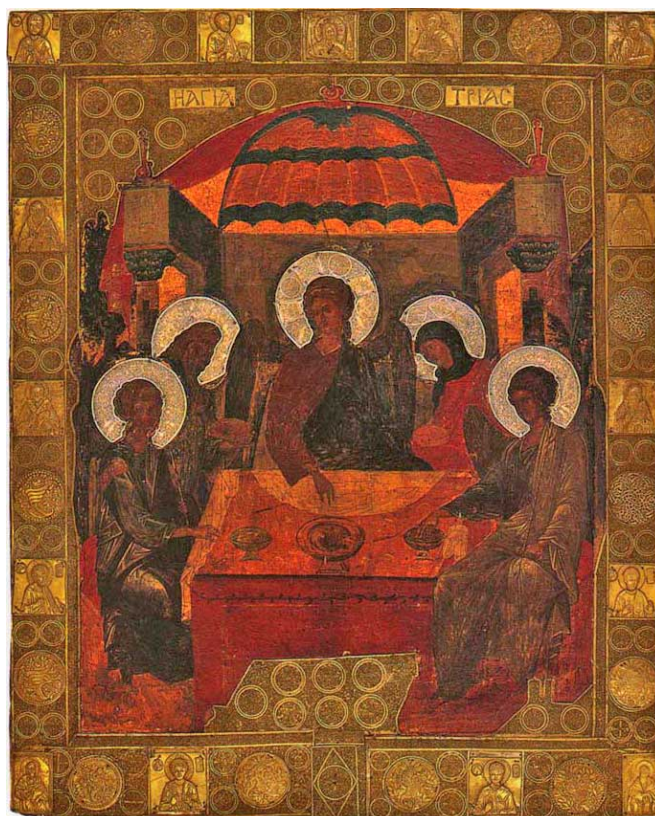

Рис. 5. «Троица» («Гостеприимство Авраама»). Конец XIV в. Икона из иконостаса в кафоликоне монастыря Ватопед, Афон.

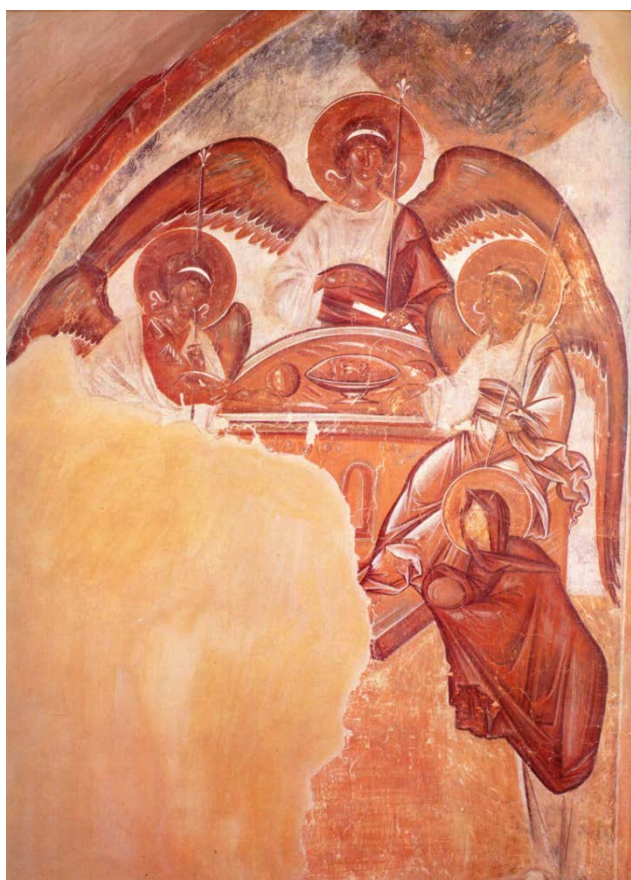

Рис. 6. Феофан Грек. Троица Ветхозаветная. 1378. Церковь Спаса Преображения на Ильине улице, Новгород.

Рис. 7. Гостеприимство Авраама. Фреска храма Богородицы Перивлепты в Охриде, 1295. Первая работа на Балканах Евтихия и Михаила Астрапы Солунских.

Рис. 8, 9. Западное и российское «смесоипостасное» изображение Троицы

Рис. 10. Ангел, ведущий младенца Иоанна Предтечу в пустыню.
Андрей Рублев. 1408 год Копия Н.В. Гусева. (1960–1961)

Рис. 11. Каталог «Мону­ментальная живопись древней Руси.
Копии художников XX века».

Рис. 12. Александр Солдатов. Св. Троица.

Рис. 13. Максим Шешуков. Св. Троица.

Рис. 14. Иванко Демчук. Троица.

Рис. 15. Иванко Демчук.

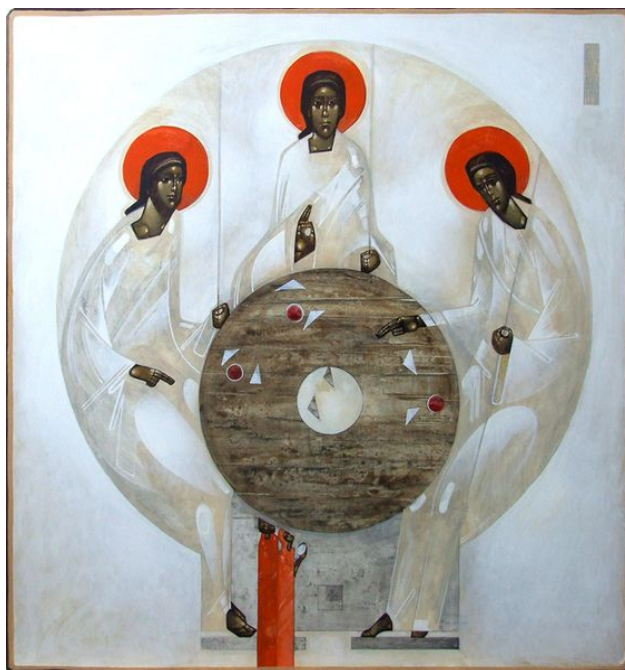

Рис. 16. Грета Леско. Св. Троица.

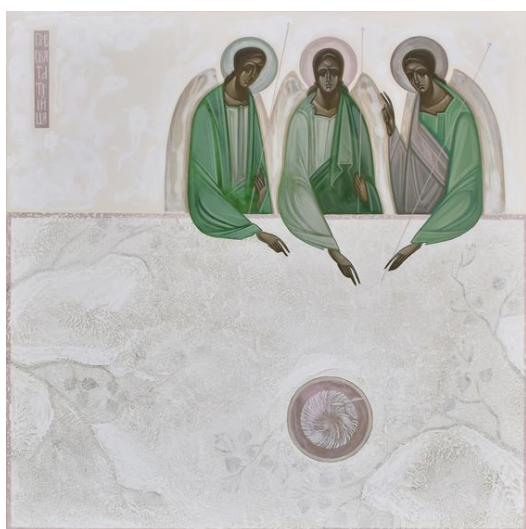

Рис. 17,18,19. Христина Квик.

Рис. 18. Игорь Зилинко. SACRED.

Рис. 19. Святослав Владыка

Рис. 20. Сергей Радкевич. «Троица».

Рис. 21. Неизвестный автор. Троица.

**«ЧЕЛОВЕК-МАССА», «ЧЕЛОВЕК-АВТОМАТ»
В РЕАЛИЯХ СОВРЕМЕННОГО МИРА**

Анисимов Виталий Дмитриевич

аспирант

Казанский (Приволжский) федеральный университет

e-mail: vitalik.anis@mail.ru

г. Казань

Аннотация

В статье анализируется поведение «человека-массы» и его подвид «человека-автомата» в реалиях современного мира. Демонстрируются формы избегания глобальных проблем, которые стали следствием морального одиночества и бессилия индивида, сформированных с установлением капитализма. Как следствие, человек перестает быть собой, он полностью принимает тип личности, предлагаемый ему социально-экономической ситуацией. Таким образом, он делается в точности таким же, как все остальные, что от него и ожидается. Разрыв между «я» и миром исчезает, а вместе с ним и осознанный страх одиночества и бессилия. Люди обращены в бегство от свободы, отказавшись от «себя» через принудительный конформизм. Надеждой на создание основы для целостности личности, свободной от внушений извне может являться самореализация через активное выражение эмоциональных и интеллектуальных способностей.

Ключевые слова: масса, человек-масса, человек-автомат, одиночество, свобода, избегание.

"MASS MAN", "AUTOMATON MAN" IN THE REALITIES OF THE MODERN WORLD

Anisimov V.D.

postgraduate student

Kazan (Volga Region) Federal University,

Kazan

Abstract

The article analyzes the behavior of the "mass man" and his subspecies of the "automaton man" in the realities of the modern world. The forms of avoiding global problems that resulted from the moral loneliness and impotence of the individual formed with the establishment of capitalism are demonstrated. As a result, a person ceases to be himself, he fully accepts the type of personality offered to him by the socio-economic situation. Thus, he is made exactly the same as everyone else, which is what is expected of him. The gap between the self and the world disappears, and with it the conscious fear of loneliness and powerlessness. People are fleeing from freedom, abandoning "themselves" through forced conformity. The hope of creating a basis for the integrity of the personality, free from suggestions from the outside, can be self-realization through the active expression of emotional and intellectual abilities.

Keywords: mass, mass man, automaton man, loneliness, freedom, avoidance.

Духовное освобождение человека, начатое протестантизмом, было продолжено капитализмом в ментальной, социальной и политической сферах. Предполагалось, что каждый индивид способен действовать в своих собственных интересах, в то же время заботясь об общем процветании нации. Однако существовала и обратная сторона этого прогресса человеческой свободы: он сделал индивида более одиноким и изолированным, проникнутым чувством собственной незначительности

и бессилия в том, чтобы контролировать себя и реализовывать свою индивидуальность.

Экономические кризисы, безработица, войны управляют судьбой человека. Созданный им мир его же и порабощает: кажется, что человек руководствуется собственной волей, но на самом деле вся его личность со всеми ее возможностями стала инструментом для достижения целей той самой машины, которую он создал. Целей, которые достигаются определёнными методами.

По мнению Г. Тарда, распространение технического прогресса способствовало стремительному росту публики, обусловившему в свою очередь рост влияния СМИ, которые конституируют массу как публику: «... здесь есть только общность внушенных идей и сознание этой общности – но не сознание этого внушения, которое, несмотря на то, остается очевидным» [1, с. 27].

Тард был обеспокоен силой влияния средств массовой коммуникации и информации на общество. Данные опасения в наши дни актуальны как никогда и могут быть подкреплены многими современными исследователями. Например, по мнению М.Г. Алхазовой: «... на сегодняшний день СМИ стали представлять собой институционализированное средство социального контроля и управления. Их главной функцией остается манипулирование общественным мнением, что и стало активно использоваться субъектами современных информационных войн» [2, с. 254].

Весь 2022 год определённая часть россиян уезжала из страны. Первая волна эмиграции началась в конце февраля, вторая – после объявления «частичной мобилизации» в сентябре.

Учитывая тот факт, что по данным правительства более 60% покинувших Россию вернулись обратно, можно сделать выводы о реактивном характере данного поступка [3]. Вероятно, такое решение было продиктовано скорее эмоциями, вызванными пропагандой СМИ недружественных для России стран, чем являлось обдуманное и взвешенное решение. Как мы видим, реакция человека-массы на такого

рода воздействие со времён К. Ясперса не изменилась: «В одном случае человек не принимает участия в ходе вещей. Он с легкостью признает, что недостаточно осведомлен ни о возможностях вообще, ни о сложившейся ситуации, и поэтому воздерживается как от суждения, так и от действий. ... В другом случае люди слепо бросаются в политическое волнение. Они недовольны своим существованием и обвиняют обстоятельства, в которых ищут единственную причину, вместо того чтобы искать ее в себе самих» [4, с. 341, 342].

Корень данной проблемы может лежать в специализации науки, которая, по мнению Ортеги-и-Гассета, породила повсеместную ограниченность ума. Испанский философ считает, что «учёный» оказывается прототипом массового человека: «Это человек, который из всей совокупности знаний, необходимых, чтобы подняться чуть выше среднего уровня, знает одну-единственную дисциплину, в которой подвизается. И даже кичится своей неосведомленностью во всем, что за пределами той узкой полоски, которую он возделывает, а тягу к совокупному знанию именуется дилетантизмом» [5, с. 117].

К характеристике первого, «избегающего» типа реакции как нельзя более точно подходит мысль Э. Фромма: «Индивид беспомощно тонет в массе хаотических фактов и с трогательным терпением дожидается, чтобы специалисты разобрались в том, что делать и куда идти» [6, с. 240].

Подобную картину мы уже наблюдали в момент пандемии коронавируса, продлившейся 1150 дней. Осознание того факта, что пандемия имеет глобальный международный характер, сделала бессмысленными попытки эмиграции. Ограничительные меры, в свою очередь, оставили население в беспомощном ожидании создания вакцины, изолированным наедине с мнениями экспертов.

Уникальной эту ситуацию делает то, что многие люди оказались отделены от привычных средств избегания глобальных проблем современности. Прикрываясь ежедневной рутинной обычных дел, той надежностью и одобрением, которые индивид находит в своих частных

или общественных связях, в рабочих буднях, в многочисленных развлечениях, общении, путешествиях, он, таким образом, выработал механизмы защиты от чувств одиночества и бессилия перед миром.

Глубокий социально-философский анализ данного феномена «молчания масс» мы находим в работах Ж. Бодрийяра. Он характеризует массу в целом, называя её главной чертой безразличие, отсутствие взаимодействия с информационными, нормативными или политическими манифестациями. Масса погружена в сферу частного, домашнего, как следствие, она избегает истории, политики и любых иных форм универсальности. Данный отказ не рождает никакой ответственности, что массу полностью устраивает. Людей массы «... интересуется только медиум – носители посланий, выступающие эффектами среды, эффектами, движение которых выливается в завораживающий спектакль» [7, с. 208].

Одиночество как таковое становится проблемой мирового масштаба, которую мы можем проследить на примере нашей страны. По данным Росстат число хозяйств, состоящих из одного человека, выросло более чем в два раза с 1990-х. На их долю в 1994 году приходилось всего 19,2% домохозяйств. В 2021 году число живущих в одиночку россиян выросло до 40%, что составляет 27,6 млн домохозяйств [8].

Мы видим одну из возможных причин в несовершенствах экономической системы, которая превращает индивида в функцию производства. Такой человек-автомат является подвидом человека-массы. Для него характерно полное погружение в работу. Он полагается на универсальный порядок существования, целое считает делом других, профессией которых это является, а сам стремится туда, где сконцентрирован капитал. Отказ от семейных связей и любых попыток самореализации становится закономерным итогом интенсивной деятельности до предела, лишённой радости труда. В результате, такой человек рано или поздно сталкивается с кризисом, его охватывает страх перед жизнью и недоверие к себе.

Э. Фромм продолжает данный ход мысли, резюмируя: «Индивид, который отказывается от своей индивидуальности и становится автоматом, идентичным с миллионами других автоматов вокруг, больше не должен чувствовать себя одиноким и встревоженным. Однако цена, которую он за это платит, высока: это потеря себя» [6, с. 182].

Одно из проявлений отказа от самого себя, по мнению К. Ясперса, породила эпоха XIX века в целом, которая создала множество рабочих мест в коллективах, где человек может раствориться, забыв о себе и своём призвании. Люди выполняют скучную, невыносимую работу под властью нужды или коллективного импульса.

Среди таких масс философ выделяет две группы: «Первые пассивно пребывают там, где они находятся, работают и наслаждаются после работы досугом; вторых побуждают к активности честолюбие и любовь к власти; они изматываются, придумывая возможные шансы к продвижению и напрягая последние силы» [4, с. 311].

Говоря о первых, следует подчеркнуть хрупкость и недолговечность суррогатов, к которым прибегает человек-автомат, будь то выпивка, спорт или приключения вымышленных персонажей на экране. Такое бегство не возвращает индивиду утраченной безопасности, а лишь на время помогает ему забыть о себе как об отдельной личности. Вторые же видят цель, выходящую за пределы сиюминутного выполнения работы, только в том, чтобы занять по возможности хорошее место на карьерной лестнице.

Э. Фромм приоткрывает завесу тайны над причинами подобного избегающего поведения. Он предполагает, что, делая страх еще сильнее, человек старается его превозмочь. До тех пор, пока он разрывается между желанием быть независимым и сильным и своим чувством незначительности и бессилия, человек находится в состоянии мучительного конфликта. Но если ему удастся преодолеть осознание своей отдельности как человека, то он спасает себя от данного противоречия.

Таким образом, напрашивается неутешительный вывод, вдохновлённый трудами немецких философов-социологов. Человек-автомат, угнетённый экономическими условиями своего существования, вынужденный посвятить жизнь нелюбимой работе, становится на путь принятия любой идеологии и любого вождя, предлагающих политическую структуру и символы, предположительно дающие надежду на изменение условий жизни в лучшую сторону.

Несмотря на то, что Фромм предлагает решение, с помощью которого можно найти позитивную свободу и сохранить своё «я», к сожалению, очевидным является факт необходимости соответствующих условий для того, чтобы индивид имел возможность для самовыражения в спонтанной творческой активности. При отсутствии эффективной государственной идеологии и социально-экономической системы, средний россиянин ещё не раз может стать жертвой агитации, предлагающей простые решения для сложных проблем современного мира.

Однако, мы надеемся, что со временем самореализация через активное выражение эмоциональных и интеллектуальных способностей станет доступна большему количеству индивидов. Если у них получится обрести свободу личности от внушений извне и, наконец, избавиться от страха перед вызовами сегодняшнего дня, быть может, тогда с расширением кругозора и осознания своих возможностей люди смогут действовать в своих собственных интересах и в то же время заботиться об общем процветании страны.

Литература

1. *Тард Г.* Общественное мнение и толпа. – М.: АСТ, 2021. – 256 с.
2. *Алхазова, М.Г.* Роль и функции СМИ в современном обществе // Современная наука и инновации. – 2022. – № 2(38). – С. 251–257.
3. *Абулхатин М.* [Электронный ресурс] // Информационное агентство России ТАСС: [сайт]. [2023]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/17044271> (Дата обращения 17.09.2023)

4. *Ясперс К.* Смысл и назначение истории. – М.: Политиздат, 1991. – С. 287–418.
5. *Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс. – М.: АСТ, 2016. – 256 с.
6. *Фромм Э.* Бегство от свободы. – М.: АСТ, 2017. – 288 с.
7. *Бодрийар Ж.* В тени молчаливого большинства... // Ж. Бодрийар, К. Ясперс / Призрак толпы. – М.: Алгоритм, 2008. – С. 186–241.
8. *Деготькова И.* [Электронный ресурс] // РБК: [сайт]. [2023]. URL: <https://www.rbc.ru/economics/17/09/2023/64e37cb39a79471c42a49f3b>
(Дата обращения 17.09.2023)

ПОСТ-ПРАВДА: ДИСКУРС И РЕАЛЬНОСТЬ

Болотников Александр Сергеевич

аспирант

Казанский (Приволжский) федеральный университет

e-mail: byob95@mail.ru

г. Казань

Аннотация

В статье рассматривается феномен постправды, который проявляется в современном обществе. В статье анализируются различные аспекты этого явления, включая его причины, последствия и способы борьбы с ним. В работе также представлены примеры его использования в различных сферах жизни, таких как политика, медиа и бизнес. В целом, стремление к истине было свойственно человеку с самого начала его существования. Еще на заре человеческой цивилизации люди стремились к познанию окружающего мира, используя для этого свой язык. Самые ранние философские исследования были проведены для того, чтобы определить природу этой самой истины и на языке, который она обретает в процессе познавательной деятельности. Является ли язык адекватным средством передачи истины? Средством, способным передавать знание, познанное субъектом? Или это определяющий фактор самой истины? Может ли язык создавать истины? Какова будет природа истины в дискурсе, где виртуальность стремительно развивается?

Ключевые слова: дискурс, постструктурализм, пост-правда, истина, виртуальность, социальные сети.

POST-TRUTH: DISCOURSE AND REALITY

Bolotnikov A. S.

Postgraduate Student

Kazan (Volga Region) Federal University

e-mail: byob95@mail.ru

Kazan

Abstract

The article examines the phenomenon of post-truth, which manifests itself in modern society. The article analyzes various aspects of this phenomenon, including its causes, consequences and ways to combat it. The paper also presents examples of its use in various spheres of life, such as politics, media and business. In general, the pursuit of truth has been characteristic of man from the very beginning of his existence. Even at the dawn of human civilization, people sought to know the world around them, using their own language for this. The earliest philosophical studies were conducted in order to determine the nature of this very truth and in the language that it acquires in the process of cognitive activity. Is language an adequate means of conveying the truth? Is it a means capable to transmit the knowledge known by the subject? Or is it the determining factor of the truth itself? Can language create truths? What will be the nature of truth in a discourse where virtuality is rapidly developing?

Keywords: discourse, poststructuralism, post-truth, truth, virtuality, social networks.

Основополагающим для дискурса будет то, что социальные сети являются частью идеологического процесса, одной из трех действующих противоположных сил, как это определено в работах Альтюссера [1]. Феномен пост-правды укладывается в постструктуралистские рамки взаимодействия трех фундаментальных элементов: желания, знания и Власти.

В диалоге Платона «Кратил» Сократ беседует с Гермогеном и одноименным персонажем Кратилом о природе истины в именах. Кратил придерживается мнения, что имена естественны и связаны с присущей им истиной и правильностью и поэтому не даются традиционно. Интересный момент, что с обозначением связан элемент истины или лжи, установлен в самом начале обсуждения самим Сократом. Сократ проводит различие между первичными и вторичными именами и, пытаясь выяснить истину, стоящую за именами, – являются ли они естественными или произвольными, – постулирует, что у объектов есть сущность, и первичные имена представляют эту сущность посредством языковых единиц. Далее он предполагает корреляцию между сущностью объекта и фонемами, используемыми для произнесения основного названия. Другими словами, правильное название указывает на природу вещи. Кратил утверждает, что имена должны быть правильными, иначе это вообще не имена. Таким образом, любое сложение или вычитание из названий перестает делать их правильными. Однако Сократ говорит, что, поскольку имя не может представлять всю реальность целиком, имена могут содержать дополнения и вычитания. К концу диалога Сократ заключает, что знание о вещах следует извлекать не из названий, а из самой вещи.

Извлечение знаний об объектах из их свойств было наиболее эффективным способом познания в Древней Греции, но со временем увеличивалась дистанция между объектом и познающим, и все большее количество факторов влияло на процесс познания. Также можно задаться вопросом: является ли язык адекватным выражением реальности?

Язык является достаточно гибким инструментом, позволяющим приспособить его к значениям и понятиям, которые ранее не были известны. Мишель Фуко исследовал дискурсы человеческого знания и предложил археологический подход к изучению гуманитарных наук. Он утверждал, что дискурсы являются местом проявления желаний и власти, а также разрывами, а не связанными событиями. Чтобы

прояснить связь между истиной и дискурсом, нужно взглянуть на концепцию парресии, объясненную Фуко. Фуко заявляет, что парресия использует самые прямые слова и формы выражения, чтобы передать суть дела [см.: 2]. Древние греки уяснили разграничение между бессмысленной болтовней (которая технически также является формой парресии) и изложением истины. Фуко перечисляет пять существенных характеристик, которые делают паррессию тем, чем она является, а именно: Откровенность, Истина, опасность, критика и долг. Среди них откровенность, опасность, критика и долг служат укреплению позиции истины. Взаимодействие этих пяти характеристик делает паррессию важным элементом в анализе истины и того, что я позже определю как пост-правду в контексте этой статьи.

Парресия всегда включает участников/субъектов, связанных отношениями неравного статуса [2]. Из-за этих иерархических отношений откровенность (парресиаста – того, кто говорит), опасность (которой он подвергает себя), критика (которую он формулирует и которая потенциально может задеть/разозлить собеседника) и чувство долга (который парресиаст выполняет, рассказывая истину несмотря на опасность) приобретают большее значение, чем истинное содержание речи. Фуко утверждает, что «в греческой концепции парресии, по видимому, не существует проблемы приобретения истины, поскольку такое обладание истиной гарантируется обладанием определенными моральными качествами» [2]. Такие моральные качества необходимы не только для обладания истиной, но и для ее передачи. Это циклическое представление об истине (если человек что-то говорит, это правда, потому что он обладает моральными качествами парресиаста, и поскольку у них есть моральные качества, значит то, что они говорят, является правдой). Гипотеза заключается в том, что пост-правда – это концепция, очень похожая на греческую концепцию парресии. С медленным, но непрерывным упадком картезианского рационализма во многих областях парресиастические дискурсы завоевывают все

большие позиции, поскольку элементарное доказательство искренности переходит от очевидности к мужеству.

В рамках концепции имен Платона и принципов парресии из дискурса Фуко возможно рассмотреть вопрос о пост-правде и роли социальных медиа в ее распространении.

Сам термин «постправда» впервые появился с развитием неоллиберальной экономической политики в США в начале 1990-х годов. Он набирал популярность на протяжении последующих двух десятилетий и достиг пика использования во время президентских выборов в США в 2016 году.

Можно попытаться дать определение понятия «пост-правда» в вышеупомянутом контексте с учетом трех основных компонентов, которые выделяют постструктуралисты – желания, знание и власть.

«Постправда» – это понятие, которое описывает ситуацию, когда получаемая нами информация не соответствует действительности или искажена таким образом, что мы не можем точно оценить ее достоверность. Это может происходить по разным причинам, например, из-за желания определенных групп или лиц скрыть правду или из-за недостатка или искажения знаний, необходимых для оценки информации.

В контексте постструктурализма, желание, знание и власть являются тремя основными компонентами, которые определяют нашу способность понимать мир вокруг нас и взаимодействовать с ним. Желание – это то, что движет нами в стремлении знать мир и иметь над ним контроль. Знание – это информация, которая позволяет нам понимать мир и принимать решения на основе этой информации. Власть – это способность контролировать и изменять мир в соответствии с нашими желаниями и знаниями.

Таким образом, пост-правда – это ситуация, когда знания, которыми мы обладаем, недостаточны или искажены таким образом, что наша способность принимать решения и контролировать мир оказывается ограниченной или невозможной. В этом контексте, социальные

сети могут играть важную роль в распространении пост-правды через их способность создавать и распространять информацию, которую можно использовать для достижения определенных целей.

Действительно, существуют факты, которые могут быть объективными по своей природе. Но когда дело доходит до дискурса, истины почти всегда формулируются. И сформулированная истина может иметь множество интерпретаций. Термин «пост-правда» используется для обозначения тех формулировок, которые полагаются на факты, отличные от истинностного значения их содержания, чтобы выглядеть как правильные/правдивые формулировки. Другими словами, пост-правда – это парресиастическая формулировка, предназначенная для удовлетворения стремления человека к истине. Такая артикуляция коренится в желании обозначить предметы способом, благоприятным как для говорящего субъекта, так и для собеседников, таким образом, чтобы артикуляция давала парресиасту власть над тем, что обозначается. В современном политическом дискурсе это принимает форму ценности истины, исходящей из intersубъективной оценки самого говорящего субъекта, а не объективных фактов. Эта концепция истины воспринимается как ошибочная, но такое изложение истины было общепринятой практикой во множестве других дискурсов. Например, в науке, если идея должна быть принята как обоснованная, она должна исходить от образованного человека (неравные отношения между автором и другими собеседниками), публиковаться в известном научном журнале (доминирование авторитетов, которые выступают в качестве хранителей истины) и должна быть одобрена коллегами. Иначе говоря, истина должна быть подвергнута intersубъективной валидации. В разговоре в классе учитель обладает наивысшим авторитетом в отношении истины, и ученики, которые находятся ниже учителя в иерархии власти, принимают то, что говорит учитель, потому что он/она, будучи учителем, обладает качествами, необходимыми для того, чтобы знать и передавать истину. Термин «пост-правда» был введен в обиход в ответ на постепенное ослабление

авторитета и силы истины в альтернативных дискурсах, появившихся в последнее время благодаря расширению возможностей подключения к общим пространствам, занимаемым отдельными людьми. Желание регулировать дискурс и тем самым владеть им можно увидеть в действии как в дискурсе так называемой истины, так и в дискурсе пост-правды. В двух словах, будь то правда или пост-правда, усилия направлены на то, чтобы захватить дискурс говорения правды, чтобы получить власть над ее формулированием.

Определив пост-правду как разновидность дискурса говорения правды, я теперь хотел бы обратить свое внимание на социальные сети и на то, как они привели к зарождению, а также к прогрессу такого дискурса в том виде, который наблюдается сегодня.

Социальные сети – это новая форма, а не просто средство коммуникации, поскольку они предполагают совершенно новую систему символической логики. Учитывая виртуальность социальных сетей, смысл в них крайне неопределенен и, следовательно, дает их пользователям пространство для формулирования своих собственных значений [см.: 3]. Еще одним интересным аспектом социальных сетей является то, что, хотя они объединяют сильно рассредоточенные группы людей, они также дают возможность этим людям формировать отдельные(закрытые) сообщества, которые сознательно создаются отдельными лицами, выбирающими, с кем взаимодействовать и кого избегать, в отличие от непреднамеренных или аутентичных сообществ, где факторы и аспекты социального взаимодействия находятся вне контроля индивида.

Одним из основных критических замечаний, выдвигаемых в адрес социальных сетей, является то, что их алгоритм способствует созданию таких намеренных сообществ, которые функционируют как эхо-камеры, предоставляя пользователю только такой контент, который он/она может одобрить. Именно в контексте специфики действия этих эхо-камер высвечивается проблема пост-правды. Социальные сети предоставляют людям неопределенное пространство для выражения

своих смыслов. Благодаря глобальному охвату они также преодолевают физические ограничения общения. Когда эти две характеристики сочетаются, их пользователи обретают беспрецедентную возможность создавать, определять и переосмысливать дискурсы.

Те, кого обвиняют в распространении пост-правды в социальных сетях, просто используют эти особенности среды для достижения парресиастического статуса. С помощью средств массовой информации такие люди выдвигают свои мнения, оформленные в виде «фактов», которые подхватываются и разделяются «последователями» и распространяются в эхо-камере. Через некоторое время конституированная природа «факта» упускается из виду, и таким образом рождается пост-правда. Примечательно, что, хотя у любого есть потенциал создавать такие факты, не у всех это получается. Только те, кто обладает каким-то предполагаемым авторитетом, способны создавать образцы постправды, которые принимаются как факты. Можно наблюдать, как этот дискурс следует характеристикам парресии. Мнение становится действительным только в том случае, если человек, высказывающий его, имеет достаточно большое число последователей. Если мнение создающего «факт» разделяет большинство его/ее последователей, происходит интерсубъективная валидация пост-правды.

Итак, пост-правда – это способ использования техник говорения для создания дискурса, соответствующего чьим-либо интересам. Социальные сети усилили эту практику, изменив способы коммуникации людей друг с другом.

Однако в этом же сценарии можно использовать ту же самую социальную среду сетей, чтобы преодолеть практику пост-правды. Можно осуществлять вторжения в созданную реальность социальных сетей для разрушения эхо-камер, можно проводить деконструкцию элементов пост-правды. Только посредством сознательного и преднамеренного вмешательства можно изменить общую тенденцию роста этого странного дискурса.

Литература

1. *Альтюссер Л.* Идеология и идеологические аппараты государства (заметки для исследования) // *Неприкосновенный запас*. 2011. Т. 3. №. 77. С. 14-58.

2. *Фуко М.* Речь и истина. Лекции о парресии (1982–1983). / Мишель Фуко; пер. с фр. Д. Кралечкина; под науч. ред. М. Маяцкого. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2020. 384 с.

3. *Wittkower D.E.* (ed.). Facebook and philosophy: what's on your mind? – Open Court, 2010. Т. 50.

Я И ДРУГОЙ В РЕАЛИЯХ СОВРЕМЕННОГО МИРА: ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Борисов Сергей Валентинович
доктор философских наук, профессор
заведующий кафедрой философии и культурологии
Южно-Уральский государственный
гуманитарно-педагогический университет,
e-mail: borisovsv69@mail.ru
г. Челябинск

Аннотация

В статье представлены основные философские подходы к пониманию Другого с позиции онтологии. Человек способен обратиться к Другому существу во имя этого сущего. Коммуникация в ходе встречи обусловлена двойным вектором внимания: внимание направлено вовне (на объект) и вовнутрь (на самого себя). В этом также видится источник этического отношения к Другому в момент встречи через признание его инаковости. Современная объектно-ориентированная онтология преодолевает традиционный антропоцентризм путем рассмотрения мира не только с точки зрения человека, но и с точки зрения как живых, так и неодушевленных существ-объектов. «Природа» и «человек», с одной стороны, вовсе не находятся в противостоянии и конфликте, но, с другой стороны, их отношения никогда не сольются в неразрывное единство.

Ключевые слова: субъектность, сущность-объект, Другой, объектно-ориентированная онтология.

I AND THE OTHER IN THE REALITIES OF THE MODERN WORLD: AN ONTOLOGICAL ASPECT

Borisov S.V.

*Doctor of Science (in Philosophy), Full Professor
South Ural State Humanitarian-Pedagogical University,
Chelyabinsk*

Abstract

The article presents the main philosophical approaches to understanding the Other from the position of ontology. A person is able to address the Other being in the name of this being. Communication during an encounter is conditioned by a double vector of attention: attention is directed outward (to the object) and inward (to oneself). This is also the origin of the ethical attitude towards the Other in the moment of encounter through the recognition of its otherness. Modern object-oriented ontology overcomes traditional anthropocentrism by considering the world not only from the human perspective, but also from the perspective of both animate and inanimate entities-objects. “Nature” and “human”, on the one hand, are not at all in opposition and conflict, but on the other hand, their relationship will never merge into an inseparable unity.

Keywords: subjectness, entity-object, Other, object-oriented ontology.

Сознание человека всегда занято тем, что «под рукой», оно работает с тем, чем заполнено окружающее пространство. Возникает вопрос, с какого момента актуализируется данная работа, иными словами, с какого момента человек собственно начинается. Есть три пусковых механизма собственно человеческого, которые делают меня осознанным, то есть осведомленным о себе: это мое желание, мое присутствие и мое отношение. Я встраиваюсь в мир и подстраиваю мир под себя. Мир для меня никогда не является статичной картинкой, он

пронизан динамикой моих желаний, моего присутствия и моих отношений.

Есть понятие «человеческая природа», но его трудно назвать строгим концептом. В нем много метафорического, недосказанного, в ходе работы с ним зачастую ускользает предметность. Кроме того, по меткому замечанию А.Ф. Лосева «не человек является частью природы, а, наоборот, природа является частью человека» [1]. Человек – живое существо, а жизнь – это единственная реальность, которая существует ради себя самой. Всякая жизнь – это жизнь для себя, это желание жить, осознание себя существующим, где осознание означает не интеллектуальное познание, а факт присутствия, осознаваемый субъектом. Воспринимая себя, ощущая себя, мы вступаем во владение самим собой, и это постоянное владение собой, это вечное и радикальное присутствие в том, что мы делаем и чем мы являемся, отличает жизнь от всего остального.

Желание – это идея, которая еще не осознана, в то время как осознанная идея больше похожа на «чек кассового аппарата», который выдает мыслительный процесс. Например, если мы обращаемся к услугам психотерапевта, то это означает, что у нас есть смутное желание, но мы его не можем осознать, то есть осмыслить и тем самым овладеть им. Эмоция, вызываемая желанием, – это своего рода движение, ведь движение заложено даже в самом слове «эмоция» (от лат. *emoveo*). Когда мы движемся на «машине эмоций» по «улице смыслов», не нужно слишком увлекаться фонарными столбами – идеями, иначе мы будем только кружить вокруг этих фонарных столбов.

Работа сознания, сопряженная с движением эмоций, есть моя главная забота как человека, но поскольку мое желание, присутствие и отношение обладают свойством интенциональности, эта забота не только о себе, но и о Другом. Поэтому всякая жизнь есть со-житие. Жить – значит уже изначально, в самих истоках находиться перед миром, в окружении мира, внутри мира, быть погруженным в его проблемы, находиться в средоточии его хитросплетений. Я не выбираю

себе жизнь, напротив, сам того не ведая, я сталкиваюсь с ней, она приходит ко мне, не спросив на то моего предварительного согласия. Но моя жизнь, навязанная мне без моего ведома, дана мне не в готовом виде, я непременно должен с ней что-то делать, чтобы не утратить ее.

Снаружи и изнутри на меня воздействуют слепые силы – активные и реактивные. Первые созидают, а вторые разрушают. Я природный есть следствие и соединение этих противоборствующих сил. Сила может все. Единственное, что я могу противопоставить этой силе – это свое желание как проявление власти. В чем проявляет себя эта власть? В том, что я способен выстраивать заботливые отношения с Другим, обращаясь к Другому существу во имя этого существа вне мотивации, продиктованной «слепой» силой. Такое специфическое поведение можно назвать коммуникативным. У меня появляется «страстное желанием познать данный объект как таковой, не покушаясь на его целостность» [2, с. 216]. То есть суть встречается иную суть и проживает факт этой встречи. Между мной и Другим в ситуации встречи нет никаких посредников, поскольку всякое посредничество становится препятствием встречи. «Лишь там, где все средства упразднены, происходит встреча» [3, с. 21].

Такие «моменты встречи» ничем не обусловлены, но эти встречи сути с сутью приносят особое неповторимое удовольствие, например, свойственное игре, то есть удовольствие «избыточное» (духовное). Коммуникация в ходе встречи обусловлена двойным вектором внимания: внимание направлено вовне (на объект) и вовнутрь (на самого себя), ведь только так можно воспринимать Другого или Другое как нечто принципиально иное моей сущности. Получается, что, исследуя иное, человек одновременно исследует себя. Этот двойной вектор внимания и эта исследовательская работа вызывает острое удовольствие от встречи с «принципиально непостижимым» (термин С.Л. Франка) [4]. В этом также видится исток особого отношения к Другому в момент встречи. Это со-бытие посредством со-чувствия,

со-страдания, со-знания и в конечном итоге с-мысла (не просто готовой мысли, а процесса осмысливания). Признание инаковости Другого означает и предполагает этическое отношение к нему. И через это особое отношение к Другому, через принятие инаковости Другого, мне открывается моя собственная сущность – субъектность.

В этом также специфическая особенность моего присутствия в мире, которое, по мысли В.В. Бибихина, актуализируется через присутствие Другого: «Другой присутствует для меня как проникающий в мое собственное присутствие; он задевает меня тем безусловнее, что не телесно. Присутствие не поделено перегородками, Другой присутствует для меня вдали иногда интенсивнее, чем рядом. Чтобы уйти от чужого присутствия, обычно мало заслониться стеной» [5, с. 25]. Да и никакая стена не поможет. Как ни парадоксально, но загородившись стеной от Другого, мы сделаем его (духовное) присутствие в нашей жизни еще более явным.

Однако субъектность не проявляет себя как обязательное свойство. Встреча может не состояться. Тогда мы имеем диаметрально противоположное отношение и поведение, которое называется «объективацией» (термин Н.А. Бердяева) [6]. В этом случае о со-чувствии, со-страдании, этическом отношении не может быть и речи. Подобное поведение означает отказ от того, чтобы видеть в Другом иную сущность. Если субъектность достигает своего апогея в любви (отношении с некто или некто), то объективация – в равнодушии (отношении с ничто и никто).

Этот переход к объективации лучше всего показан у Ж.-П. Сартра в «Бытии и Ничто» в параграфе «Взгляд». «Я постигаю взгляд другого, – пишет Сартр, – как затвердевание и отчуждение моих собственных возможностей. Всякое действие, проведенное против Другого, может быть для него инструментом, который будет ему служить против меня. Под взглядом Другого я не являюсь больше хозяином ситуации» [7].

Социальные, гендерные, национальные и прочие «границы», которые активно преодолевают представители современного общества несмотря на традиционные угрозы и запреты, – есть яркий пример объективации в отношении к Другому. С. де Бовуар отмечает, что представление о Другом в культуре, как правило, связано с полом. «Поскольку женщина отличается от мужчины, полагающего себя как “человека вообще” – пишет де Бовуар в книге «Второй пол» – она естественно попадает в категорию Другого; Другой вбирает в себя женщину. Эта амбивалентность Другого, женского отразится во всей дальнейшей истории женщины, которая вплоть до наших дней останется во власти мужского желания» [8].

Субъектность и объективация как структуры поведения и отношения не даны человеку как нечто естественное. Человеку всегда нужно принимать решение. Решением будет как действие, так и бездействие. Осознанность – это единственное, чем человек как личность распоряжается в полной мере. Это видно из того, что, руководствуясь осознанностью, решение направляется определенным образом по отношению к встречающемуся существу.

Насколько правомерно данное разделение и противопоставление субъекта и объекта с позиции современной онтологии? Можно ли помыслить мир вне символических рамок этой «онто-таксономии» (термин Г. Хармана) [9]?

В контексте реалий современного мира «момент встречи» с Другим и есть тот первый и самый необходимый шаг за пределы «онто-таксономии» к «онтологическому демократизму», который не признает категориального различия между природным, технологическим, культурным. Бытие состоит из множества уникальных и единичных «объектов» («объектно-ориентированная онтология» Т. Мортон) [10], каждый из которых не только составляет часть окружения человека, но и обладает равным с ним достоинством. Другими словами, все объекты (а не только субъекты) ценны в равной степени, и каждый из них представляет собой незаменимую реальность, которая

влияет на окружающую среду своим уникальным и часто непредсказуемым способом. Человек здесь не исключение. Такая картина, например, в свете современных экологических проблем, помогает не поддаваться искушению рассматривать окружающую среду как нечто либо дополняющее, либо противостоящее человеку. Напротив, с точки зрения «онтологического демократизма» мир следует рассматривать как децентрализованное образование тесно взаимосвязанных сущностей-объектов, сохраняющих свою уникальную жизнеспособность за пределами текущего контекста, за пределами своей привычной функциональности, которую определил для них человек.

Следующий шаг в этом направлении – «онтологический аккреционизм», то есть приращение за счет взаимодействия. Он предлагает отказаться от жесткого разграничения естественных субстанций и искусственных композитов и считать каждую сущность как единым целым, так и совокупностью частей вне зависимости от их субстрата. Компьютер, за которым я сейчас работаю, – это относительно автономный объект, который функционирует как единое целое, независимо от того, в какой контекст отношений он помещен. Одновременно этот компьютер – это реляционная композиция его различных внутренних компонентов. Я и компьютер (в момент нашей «встречи» при написании этой статьи) представляем собой единый гибрид, состоящий одновременно из природных, культурных и технологических элементов, где стирается базовое различие между человеком и миром, между искусственным и естественным. Реальность с позиции «онтологического аккреционизма» напоминает слоистый пирог, состоящий из сложных пластов бесконечно разнообразных сущностей, которые одновременно и возникают из своих составных частей, и образуют новые сущности через союзы с другими живыми и неживыми объектами.

При этом ни один объект не касается другого в онтологическом смысле, объекты просто оказывают друг на друга влияние. Равные полюса не способны соприкоснуться друг с другом. Если «соприкосновение» было бы возможно, это означало, что частицы одного

объекта стали частью другого объекта, что привело бы к полному исчезновению инаковости. Но фактически этого не происходит.

Еще один пример – Covid-19. Covid – это сущность-объект, который оказывался везде и нигде одновременно. В терминологии Т. Мортонна такая сущность носит название «гиперобъекта». Так что Covid-19 и рост числа случаев коронавируса – это хороший пример гиперобъекта в действии. Нельзя непосредственно прикоснуться к нему или увидеть его, но он является той реальностью, о которой постоянно думают, принимают в расчет и ведут себя соответствующим образом. Covid-19 не только находится как внутри, так и вне нас, мы сами тоже являемся его частью. Эта сущность-объект совсем недавно кардинальным образом организовывала и структурировала весь человеческий мир.

Кроме того, Covid-19 сформировал особый тип отношений к Другому: социальное дистанцирование открыло человеку новый вид этического поведения. Если мы держимся на расстоянии 1,5 метров от других людей – это, как ни странно, сближает нас в том смысле, что Я и Другой как бы сигнализируем друг другу библейскую заповедь «Не убий!». Когда все носили маски, в этом социальном ритуале каждый посылал другому молчаливое сообщение: «Я забочусь о тебе». Так физическая закрытость становилась способом этической открытости.

А. Лингис в книге «Императив», утверждает, что, подобно нашим отношениям с людьми, физические объекты, например, скала, возникающая у нас на дороге, также влияет на наше поведение, не только накладывая ограничения, но и «приказывая» нам вести себя по отношению к ней должным образом. Это может быть преграда, через которую мы прокладываем тоннель, это может быть культовое место, вызывающее у нас священный трепет. По мысли Лингиса, все объекты (как живые, так и неживые) – носители «императива», требующие этического отношения [9, р. 34].

Таким образом, бытие есть сеть сложно переплетенных систем сущностей-объектов, тесно связанных между собой, но эта связь несимметрична. В свете современной онтологии «природа» и «человек», с одной стороны, вовсе не находятся в противостоянии и конфликте, но, с другой стороны, их отношения никогда не сольются в неразрывное единство. Бытие представляет собой эмерджентный процесс постоянного возникновения, исчезновения и рекомбинации единичных сущностей, каждая из которых имеет свое уникальное значение. Объектно-ориентированная онтология – это новейший подход к философским вопросам о природе реальности. Он направлен на преодоление антропоцентризма путем рассмотрения мира не только с точки зрения человека, но и с точки зрения как живых, так и неодушевленных сущностей-объектов.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00855, <https://rscf.ru/project/23-28-00855>.

Литература

1. *Лосев А.Ф.* Жизнь: повести, рассказы, письма / А.Ф. Лосев. СПб.: АО «Комплект», 1993. 533 с.
2. *Хенгстенберг Г.Э.* К ревизии понятия человеческой природы / Г.Э. Хенгстенберг // Это человек: Антология / Сост. П.С. Гуревич. М.: Высшая школа, 1995. С. 211-250.
3. *Бубер М.* Два образа веры / М. Бубер. М.: Республика, 1995. 464 с.
4. *Франк С.Л.* Непостижимое / С.Л. Франк. М.: АСТ; Хранитель, 2007. 232 с.
5. *Бибихин В.В.* Мир / В.В. Бибихин. Томск: Водолей, 1995. 144 с.
6. *Бердяев Н.А.* Философия свободного духа / Н.А. Бердяев. М.: Республика, 1994. 480 с.
7. *Сартр Ж.-П.* Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии / Ж.-П. Сартр. – М.: Республика, 2000. 639 с.

8. *Де Бовуар С. Второй пол / С. де Бовуар. М.: Прогресс; Алетейя, 1997 832 с.*

9. *Young N. On Being One with Nature. Philosophy Now, 2023, с. 32-34.*

10. Interview: Timothy Morton discusses object-oriented ontology with Thiago Pinho. *Philosophy Now, 2022, 151: 43-45.*

ЭВРИСТИЧЕСКИЕ ФАНТАЗИИ ПО ПОВОДУ ПОСТМОДЕРНИЗМА

Владимиров Александр Анатольевич
профессор кафедры философии и социально-правовых наук,
доктор философских наук, профессор
Волжский государственный университет водного транспорта,
e-mail: vladimirov-1945@mail.ru
г. Нижний Новгород

Аннотация

В статье постмодернизм рассматривается как «пустое» место в науке и философии. Одновременно эта «пустота небытия» оказывается стимулирующей для разработки множества забытых или неосознаваемых проблем, таких как наука, семантика, аксиология, эпистемология, методология, метанаука, системология...

Ключевые слова: постмодернизм, диалектика, метафизика, метанаука, аксиология, социальная педагогика, эпистемология, праксеология, социология.

HEURISTIC FANTASIES ABOUT POSTMODERNISM

Vladimirov A.A.
Doctor of Philosophy, Professor
Philosophy and Social and Legal Sciences
Volga State University of Water Transport,
Nizhny Novgorod

Abstract

The article considers postmodernism as an "empty" place in science and philosophy. At the same time, this "emptiness of nothingness" turns out

to be stimulating for the development of many forgotten or unconscious problems, such as science, semantics, axiology, epistemology, methodology, metascience, systemology.

Keywords: postmodernism, dialectics, metaphysics, metascience, axiology, social pedagogy, epistemology, praxeology, sociology.

Что касается постмодернизма, то это совершенно очевидно «пустое» место в науке, в философии даже само собой утверждающее пустоту *небытия*.

Но эта «пустота небытия», «виртуальная реальность» оказывается стимулирующей по закону «негативного отрицания» (Ю. Харин, Минск) для разработки множества забытых или неосознаваемых проблем многих наук: семантика, аксиология, культурология, эпистемология, когнитология, методология, метанаука, системология...

Это обусловлено рядом позиций постмодернизма:

- а) игнорированием этих проблем,
- б) искажением этих проблем,
- в) хитроумным уходом от этих проблем,
- г) подменой этих проблем суетой,
- д) терминологической путаницей погашения ...

Метафизика

Постмодернизм сознательно продолжает утверждать *тождество «философии» и «метафизики»*, страшась понимания «метафизики» как *метода, противоположного диалектике*, ибо сам постмодернизм и является ярким примером «метафизического метода».

Диалектика пугает постмодернистов как «алгебра революции» (А. Герцен).

Диалектика страшит постмодернистов как «духовное орудие пролетариата» (К. Маркс).

Диалектика отталкивает постмодернистов своей глубиной и загадочностью (В.И. Ленин).

Диалектика отталкивает постмодернистов своей функцией универсального «разрешения кризисов» (в физике, социологии, философии, генетике, кибернетике...).

Добропорядочные ученики Аристотеля *назвали* основное *философское сочинение* своего учителя «*мета-физика*», имея в виду, что оно написано «*после*» (мета) сочинений по *естествознанию* (физике – учению о природе). Но с XIX века этот термин стал употребляться как *противоположность* диалектике. Это у Гегеля, Маркса, Энгельса, Ленина. Старые приверженцы идеализма и «*анти-диалектики*» и в XIX, и в XX, и в XXI веках трактуют «*метафизику*» как «*философию*», но тогда создавайте *свои* «*метахимии*», «*метабиологии*», «*метамеханики*», «*метасоциологии*» и другие «*мета-...*» но они неспособны даже на общую «*метанауку*» (*метатеорию*).

Метанаука

На «саморефлексию» каждой науки обратили *внимание* ученые (Гумбольдт, Гегель...) в XIX веке, хотя уже Н. Кузанский побуждал к метанаучным исследованиям, а Ньютон даже свои физико-механические произведения называл «*философскими началами...*».

В середине XX века (Яновская, Копнин, Садовский, Кедров и др.) проблемы *метанауки* стали предметом обсуждения. Одним из авторов в «*Вопросах философии*» были даже названы *разделы* метанауки: «*предметодология, терминология, методология, номология, праксеология*». Данный подход развивал в Нижнем Новгороде профессор Л.А. Зеленев.

Сегодня эта проблема забыта окончательно. Нижегородские философы продолжают ее исследовать до сих пор: «*Историческая логика эстетики*» (2002), «*Метатеория науки*» (2016), «*Метатеория педагогики*» (2016), «*Метатеория культуры*» (2015).

Плюралистическая эклектика постмодернизма определяет игнорирование им метанаучной (метатеоретической) проблематики, ибо отсутствуют критерии оценки значимости той или иной интерпретации научных теорий и вообще знаний. Субъективизм и вкусовщина

только усиливает этот плюрализм. Ждать от постмодернизма основательного и объективного анализа проблем, разделов метанауки не приходится. Грубо говоря, сам солипсизм постмодернизма будет стимулировать самолюбование им самим собой, а не внешнюю, рефлексивную оценку тех или иных положений.

Анализ метанауки профессором Л.А. Зеленовым позволил выявить некоторые базовые *разделы* метанауки, обозначив их проблематику. Продемонстрируем это на примере метанаучных исследований *эстетики* как науки [1]:

1. Предметология («Историческая логика эстетики», 2002)
2. Терминология (Процесс эстетического отражения», 1969)
3. Методология («Историческая логика эстетики», 2002)
4. Номология («Законы эстетики», 1972)
5. Системология («Система эстетики», 2005)
6. Источниковедение («Историческая логика эстетики», 2002)
7. Историография («Историческая логика эстетики», 2002)
8. Аксиология (Методологические проблемы эстетики», 1982)
9. Праксеология («История и теория дизайна»)
10. Топология («Философия культуры», 2012) и т.д.

Аналогичные метанаучные разделы исследованы нами в отношении ряда других наук: социологии, антропологии, социальной экологии, экономики, педагогики, философии права...

Аксиология

Эта «заброшенная» с 60-ых годов наука своей *ценностной* проблематикой не увлекает постмодернизм, хотя в одном она солидарна с ним – в *отсутствии объективного критерия ценностей*, каковым является *мера человеческого рода* (Протагор, Маркс...).

Нам приходится в отдельных работах специально давать оценку аксиологии, а *специально* эти проблемы исследованы нашим соратником М.В. Бронским в 2004 г. в двух монографиях: «Научный статус аксиологии» и «Ценностные отношения и ценностное сознание» (Н. Новгород ОАЧ, НФК).

В наших работах по аксиологии («Философия культуры» – 2012, «Эвристика. Элективы. Аксиология: философские этюды. – 2014) в полемике с постмодернистами разработаны наиболее сложные проблемы аксиологии [2]:

- 1) статус аксиологии как науки и раздела философии;
- 2) понятие ценности и антиценности;
- 3) субъективный критерий оценки ценностей (мера человека);
- 4) аксиологическая трактовка культуры;
- 5) аксиологический аспект философии;
- 6) типология ценностей;
- 7) аксиология и идеология, мировоззрение, воспитание...

Социальная педагогика

Эклектический разброс постмодернистской парадигмы потребовал пересмотра традиционно сложившихся направлений научно-практических исследований. Например, возникла необходимость разработки «социальной педагогики» наряду с «дидактической педагогикой» современности.

Социальная педагогика – это наука, изучающая общую универсальную всестороннюю *социализацию* человека в системе сфер социума. Специфика сфер определяет специфику социализации (образования, обучения, воспитания) человека, а в целом задача стоит в форме *всестороннего* развития личности.

На этом пути нам пришлось углубить и уточнить исследование ряда важнейших проблем, замутненных постмодернистским мышлением [3]:

1. сущность социализации;
2. структура образования, обучения, воспитания;
3. этапы социализации: идентификация, индивидуализация;
4. персонализация;
5. формы бытия индивида: «Человек – Индивидуальность – Личность»;

6. самодеятельность как самообразование, самообучение и самовоспитание;

7. выход на антропонию как общую теорию человека...

Эпистемология

Спекуляции постмодернизма на понятии «знания» определили наши исследования общей теории знаний (эпистемология) с выделением в ней когнитологии как общей теории рациональных (логических) знаний.

Эти исследования показали изъяны в анализе знаний и пришлось дополнять и уточнять некоторые проблемы:

1. определение знаний как субъективных форм бытия объектов;

2. последовательность движения знаний от ощущений до мировоззрения с анализом переходных форм;

3. гносеологическая спецификация знаний в последовательном движении от адекватности отражения объекта до его субъективных искажений: «Теория – Гипотеза – Проблема – Аксиома – Постулат – Концепт – Заблуждение – Ложь»;

4. взаимосвязь знаний с элементами аксиологии, методологии, праксеологии («ценность – метод – действие»...).

Праксеология

Учитывая, что постмодернизм основан на субъективистских формах утилитаризма и прагматизма с их *спекуляциями* на проблеме «деятельности» (дела, бизнеса, практики), профессору Л.А. Зеленому пришлось изучить всю литературу по теории деятельности и в научной полемике развить и построить собственную «Альтернативную праксеологию»[4]. Аморфным и эклектически разбросанным учениям о «деятельности» была противопоставлена научно обоснованная теория деятельности, отличная как от праксеологии Т. Котарбинского, так и отечественных ученых (М. Каган, В. Садовский, Г. Щедровицкий...):

1. содержательно развернуто определение деятельности;

2. генезис деятельности из жизнедеятельности и законосообразного взаимодействия;
3. анализ 8 родов деятельности;
4. анализ комплексных деятельностей;
5. анализ 8 компонентов деятельностей;
6. анализ отношений деятельности и самодеятельности;
7. анализ сферообразующей функции деятельности;
8. анализ специфики родов деятельности;
9. анализ базовых функций деятельности;
10. анализ субъектной детерминации деятельности...

Социология

Постмодернизму обязана социологическая наука в игнорировании *марксистского* понимания *социологии* как *общей теории социума*, основанной на историческом материализме. *Утраты* марксистской социологии начались с 60-ых годов XX века, когда «эмпирические социологические исследования» *подменили* теоретическую социологию, когда *прикладные* социологии (искусства, религии, морали, политики, семьи, труда ...) заставили забыть социологию как науку, когда реставрация «социологии» Питирима Сорокина погружала социологию в болото проблем «социальной стратификации» (горизонтальной, вертикальной, классовой, ролевой, статусной, функциональной, групповой ...), когда «социология поведения и действия» Левина и других внедрила в науку *субъективный* принцип оценки себя в обществе с классовых, этнических, национальных, гражданских позиций, когда «макросоциология» Морено и др. социально-психологическими методиками заменила социологию как науку, когда вместе с академиком Т.И. Заславской все советские социологи стали определять социологию как науку о «социальных субъектах» (Москва, заседание ССА, 1986), когда даже создание *академического* Института *социологии АН СССР* только усилило эмпирические упражнения в социологии...

Печально, но факт, что по аналогии с «растворением» социологии в суетных «исследованиях» этот процесс стал совершаться в *этнологии* (т.е. этнографии), в *политологии* (т.е. теории государства), в *юриспруденции*, в *эстетике*, в *этике*, в *педагогике*: *игнорирование общетеоретической проблематики, методологических основ исследования общественных явлений.* «Убийству истмата» радовались все, но это и приводило к убийству марксистской *методологии* анализа общества!!! Экономисты торжествовали: *рынок!*

Мы осознавали этот *разрушительный* процесс «деметодологизации» социальных науки стали *бороться за создание, развитие* социальных наук *общего* характера: *Общая теория* человека, *Общая теория* дизайна, *Общая теория* искусства, *Общая теория* социализации, *Общая теория* этики, *Общая теория* деятельности, *Общая теория* потребностей, *Общая теория* способностей ... Многие не понимали нашего *методологического* (диалектика!) пафоса.

Так исторически родилась и наша собственная «*Альтернативная социология*» [5].

1. разграничение общества и социума;
2. три субстрата общества: экос, технос, социум;
3. концепция сфер социума;
4. концепция родов деятельности;
5. концепция структуры сферы;
6. концепция социального прогнозирования...

Литература

1. *Зеленов Л.А.* Методологические проблемы эстетики / Л.А. Зеленов, Г.И. Куликов. М.: Высшая школа, 1982.

2. *Зеленов Л.А.* Философия культуры / Л.А. Зеленов, А.А. Владимиров, А.С. Балакшин. Н. Новгород: ВПО «ВГАВТ», 2012. 484 с.; *Зеленов Л.А.* Эвристика. Элективы. Аксиология (философские этюды): монография / Л.А. Зеленов, А.А. Владимиров. Н. Новгород: ВПО «ВГАВТ», 2014. 244 с.

3. *Зеленов Л.А.* Метатеория педагогики: монография / Л.А. Зеленов, А.А. Владимиров. Н. Новгород: Общероссийская академия человековедения: Изд-во ФГБОУ ВО «ВГУВТ», 2016. 46 с.; *Зеленов Л.А.* Антропономия: интегральная наука о человеке / Л.А. Зеленов, А.А. Владимиров. Н. Новгород: ОАЧ, ВГАВТ, Изд-во Гладкова О.В., 2011. 142 с.

4. *Зеленов Л.А.* Альтернативная праксеология: учебное пособие / Л.А. Зеленов. Дзержинск: ОАЧ, НФК: Конкорд, 2017. 76 с.

5. *Зеленов Л.А.* Альтернативная социология: учебное пособие / Л.А. Зеленов, А.А. Владимиров. Н.Новгород: ОАЧ, 2017. 223 с.

**ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ РЕДУКЦИИ
ВОЛНОВОЙ ФУНКЦИИ В РАМКАХ КОНЦЕПЦИЙ
АРИСТОТЕЛЯ И КАНТА**

Гарифзянова Диляра Сагитовна

аспирант

Казанский (Приволжский) федеральный университет

e-mail: dilyara.garifzyanova@yandex.ru

г. Казань

Аннотация

Технологический прогресс внес существенные преобразования в субъектно-объектные отношения, актуализируя проблемы, связанные с взаимодействием человека и физической реальности. Неклассическая физика является одной из современных научных метатеоретических теорий, в рамках которой можно говорить о взаимодействии философского и естественно-научного дискурса. В данной статье осмысливается понимание редукции волновой функции с применением многовековой традиции философского знания.

Ключевые слова: неклассическая физика, квантовая механика, редукция волновой функции, «бытие в возможности», «бытие в действительности», квантовые объекты, квантовое представление.

PHILOSOPHICAL UNDERSTANDING OF WAVE FUNCTION' REDUCTION IN THE FRAMEWORK OF ARISTOTLE'S AND KANT'S CONCEPTS

Garifzyanova D.S.

postgraduate student

Kazan (Volga Region) Federal University

e-mail: dilyara.garifzyanova@yandex.ru

Kazan

Abstract

Technological progress has brought significant transformations in subject-object relations, actualizing the problems related to the interaction between man and physical reality. Non-classical physics is one of the modern scientific metatheoretical theories, within which we can talk about the interaction of philosophical and natural science discourse. This article conceptualizes the understanding of wave function reduction with the application of centuries-old tradition of philosophical knowledge.

Keywords: non-classical physics, quantum mechanics, wave function reduction, "being-in-possibility", "being-in-reality", quantum objects, quantum representation.

На этапе классической науки доминировало мировоззрение об объекте как о «закрытой системе». Согласно этой концепции, объяснение и описание включали только характеристики самого объекта, а наблюдение над ним выявляло его сущностные качества. В отличие от классической парадигмы, в которой субъект и объект характеризуются обособленным существованием в строго заданной системе координат, в квантовой реальности наша зависимость от средств наблюдения диктует нам новые субъектно-объектные отношения.

Основной характеристикой познания квантовой реальности выступает ее вероятностный характер, который выражается в принципах дополненности и неопределенности. Именно волновая функция

описывает суперпозицию всех состояний системы. А при измерении происходит редукция волновой функции и фиксируется определенное значение физической величины. Предсказать заранее это значение представляется возможным лишь с некоторой вероятностью.

В.Гейзенберг писал: «...в современном естествознании... те составные части материи, которые первоначально считались последней объективной реальностью, вообще нельзя рассматривать «сами по себе», они ускользают от какой бы то ни было фиксации... Общепринятое разделение мира на субъект и объект, внутренний и внешний мир больше не применимо и приводит к затруднениям...» [2, с.303-304].

Неклассическая физика дает ряд оснований для пересмотра концепции «субъект+объект», как существующих обособленно друг от друга. Перетекание одной возможности в другую является краеугольным камнем квантово-механической онтологии. «Если переход от классической физики к квантовой теории рассматривать как окончательный, если, следовательно, принимать, что точные науки в будущем будут содержать в своих основах понятие вероятности или возможности («*potentia*»), то, таким образом, многие проблемы древней философии предстанут в новом свете и, наоборот, понимание квантовой теории может быть углубленно через изучение постановок проблем древних философов» [2, с.207].

Согласно В.Гейзенбергу понятие *potentia* («бытие в возможности»), ставшее существенным в философии Аристотеля, в квантовой физике играет центральную роль. Структурно мы представляем строй дискурса Аристотеля следующим образом: *potentia* (возможность) + энергия (деятельность, осуществление) + энтелехия (действительность, актуализированность). Вся триада представляет упорядоченное целое: с помощью *potentia* посредством энергии оформляется энтелехия [1, с.272].

Используя концепцию Аристотеля, рассмотрим состояние квантовой системы следующим образом: не подвергнутый наблюдению (измерению) объект существует в виде возможностей и достигает статуса актуального только во время процесса измерения. Эти возможности

динамичны и постоянно меняются, интерферируя между собой. Динамика этого процесса описывается уравнением Шредингера.

Соответственно, волновая функция определяется не в реальном пространстве-времени, а задается в пространстве возможных состояний системы. Когда происходит измерение (т.е. в систему вмешивается экспериментальная установка) происходит актуализация *potentia*. Следовательно, вероятности в квантово-механической онтологии имеют фундаментальный характер объективной структуры мира. Вводя такую терминологию, мы рассматриваем сущее как бытие на двух онтологически разных уровнях.

Одновременно с В.Гейзенбергом к таким же идеям приходит В.Фок. Он вводит понятие «потенциальной возможности» и рассматривает их совокупность как характеристику состояния системы (объект+прибор) + субъект. Переход от возможного к действительному происходит в результате нашего возмущения физической системы. Потенциальное в таком случае будет проявляться в соответствующих квантовых феноменах, а актуальное (непосредственно нам данное) – в результате эксперимента [5, с.465].

Основываясь на принципе суперпозиции, объект микромира находится во всех допустимых состояниях. Во время наблюдения из множества потенциальных возможностей реализуется одна, происходит редукция волновой функции к одному из альтернативных состояний («бытие в действительности»). Квантовый феномен в этом контексте представляет собой содеятельность прибора и объекта. Результатом становится актуализация того, что для одного модуса бытия в действительности не существовало.

Следовательно, у каждой альтернативы есть своя вероятность актуализации. Мы можем складывать эти вероятности пока они находятся в «бытии в возможности», но к актуализированному бытию мы не можем применять принцип суперпозиции. Редукция приводит к новому состоянию, которое нельзя предвидеть заранее, так как до момента измерения мы можем предсказать лишь вероятность различных альтернатив.

Квантовый объект принципиально меняет свое существование. Он характеризуется как возникающий, становящийся объект, а редукция волновой функции представляет собой скачок в состоянии системы. В результате измерения происходит актуализация состояния объекта (в виде волны или частицы) из «бытия в возможности» в «бытие в действительности».

Существовать для объектов квантового мира не означает просто быть вещью, но прежде всего становиться ею (приобретать статус вещи). Квантованная реальность всегда проективна, мы строим моделирование этой реальности. Таким образом, обсуждаемое в данной статье философское осмысление редукции волновой функции становится тесно связано с вопросом об истинности нашего знания. Развитие этих идей удивительным образом конвергирует с описанием реальности, к которому пришла трансцендентальная философия.

В отличие от Аристотеля, который представлял метафизику как учение о сущности (его метафизику мы охарактеризовали как методологическое различие «возможное – действительное»), трансцендентализм И.Канта выступает как обобщение нашего опыта, как взаимодействие трансцендентального субъекта и объекта. И.Кант обращает внимание не на содержание познания, а на выяснения условий, при которых мы могли бы говорить об объективности (т.е. всеобщности и необходимости). Философ утверждает, что за явленной нашему восприятию «вещи для нас» (явление), находится «вещь в себе», которая выступает причиной аффицирования нашей чувственности. Мы познаем объекты посредством их представлений, при помощи познавательных способностей, априорных форм чувственности и рассудка. Сами же эти формы не являются субъективными, а становятся трансцендентальными.

Трансцендентальное понимание опыта освобождает нас от иллюзий о том, что предмет внешнего мира может стать объектом для субъекта. Объект конструируется в процессе категориального синтеза и является продуктом трансцендентального опыта. «Вещь в себе»

никогда не превращается в объект познания, так как она уже опосредована как «вещь для нас» априорными формами. «Объект сам по себе всегда остается неизвестным; но когда связь представлений, полученных от этого объекта нашей чувственностью, определяется рассудочным понятием как общезначимая, то предмет определен этим отношением и суждение объективно» [4, с.56].

Применяя концепцию И.Канта, к анализу бытия объектов микромира мы получаем следующие выводы. Во-первых, мы рассматриваем не сами объекты микромира, а результаты эксперимента («бытие в действительности»), которые представляют состояние системы как (объект+прибор) + субъект. Во-вторых, априорные формы и средства наблюдения являются своеобразным трафаретом, определяющим форму природы: рассудок создает самого себя в качестве мыслящего наблюдателя (субъекта), а в априорных формах кодируется информация о предметах познания.

Соответственно, мы познаем об объекте то, что сами вложили в него. «Мы ничего не можем представить себе связанным в объекте, чего прежде не связали сами... связь... есть акт самодеятельности субъекта» [3, с.130]. Правила конструирования квантово-механической реальности являются одновременно и правилами определения конститутивных свойств внешних объектов. Мы ограничены средствами наблюдения и категориями трансцендентальной логики, которые диктуют нам онтологию. Познание квантовой реальности всего лишь способ познания мира, в основе которого лежит объективация представлений как основание для создания того, что мы называем объективной реальностью.

Квантовый объект приобретает статус существующего для нас явления («бытие в действительности»), когда я (субъект) обретаю знание об этом явлении (корпускула или волна). Вместо квантовой частицы объектом исследования становится предмет опыта (явление). При этом квантовое явление выступает посредником, расположенным между трансцендентными квантовыми объектами и нашими представлениями о них. Происходит редукция трансцендентного объекта в объект

нашего опыта, который мы можем описать с помощью априорных форм. Охарактеризуем процесс познания следующим образом:

- квантовый объект («бытие в возможности» по Аристотелю);
- квантовое явление – взаимодействие квантового объекта и средств наблюдения, при редукции волновой функции (осуществление по Аристотелю);
- представление – описание квантового объекта в классических терминах («бытие в действительности» по Аристотелю);

Следовательно, редукция волновой функции предстает перед нами как процесс доведения квантового объекта до его различности и осознанности субъектом. Сам квантовый объект, как фундаментальный уровень реальности, мы не можем наблюдать напрямую. Его бытие протекает в другом модусе и никогда не находится на измеряемой стороне. Различая объект микромира, мы создаем его понятийный образ, его действительное бытие (т.е. визуализируем объект согласно нашим априорным категориям).

В результате наблюдения мы получаем скачок между двумя модусами бытия: трансцендентным («бытие в возможности») и актуализированным («бытие в действительности»). Именно редукция волновой функции обеспечивает скачок между разными онтологическими уровнями бытия. Свойства квантового объекта (импульс, координата) не могут быть атрибутами «вещи в себе», а становятся нашим представлением, «вещью для нас».

Средства же наблюдения соответствуют системе отсчета, так как характеризуют возможность воздействия микрообъекта на средства наблюдения (объект+прибор) и описываются классически. Исходя из этого классического описания, мы делаем заключения о бытии объектов микромира.

Зависимость от средств наблюдения и априорных форм приводит к двоякому существованию квантового объекта, как «вещи в себе» (существующей в потенции) и «вещи для нас». Это приводит к фундаментальному ограничению способности наблюдателя познать квантовый

объект. Согласно этому положению, мы рассматриваем квантовый характер реальности, как непосредственное следствие онтологического статуса субъекта.

Вышесказанное позволяет нам отметить противоречия, присущие самому процессу познания на его высших уровнях. Отличие нашего представления о квантовых объектах от самих объектов квантового мира образует реальное противоречие познавательного процесса, что в свою очередь является отправным пунктом формирования объективной реальности.

Данное понимание редукции волновой функции является альтернативой по отношению к чистому математическому формализму (позитивистского толка), позволяющему лишь делать правильные предсказания измерений. С нашей точки зрения это не вполне адекватно описывает структуру квантовой физики и не вскрывает внутренние причины квантовых явлений.

Используя философские категории Аристотеля и Канта, мы отмечаем большой потенциал, который дает возможность прояснить отношение между наукой (квантовая физика) и философией (созерцание), а также в новом ракурсе взглянуть на проблему демаркации науки и метафизики.

Литература

1. *Аристотель*. Метафизика / Аристотель. М.: АСТ, 2021. – 550 с.
2. *Гейзенберг В.* Шаги за горизонт / В.Гейзенберг. М.: Прогресс, 1987. – 368 с.
3. *Кант И.* Собр. соч.: в 8 т. / Под. ред. А.В. Гулыги. М.: Чоро, 1994. Т.3. – 741 с.
4. *Кант И.* Собр. соч.: в 8 т. / Под. ред. А.В. Гулыги. М.: Чоро, 1994. Т.4. – 630 с.
5. *Фок В.* Об интерпретации квантовой механики / В.Фок // УФН. 1957. Т. 62, 4. – С. 461-474.

ЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Гизатова Гульназ Казбековна

кандидат философских наук, доцент

Казанский (Приволжский) федеральный университет

e-mail: gulnaz_gizatova@mail.ru

Иванова Ольга Геннадьевна

кандидат философских наук, доцент

Казанский (Приволжский) федеральный университет

e-mail: olga.ivanova.ksu@mail.ru

г.Казань

Аннотация

В наши дни особую значимость приобретают нравственные аспекты исторических исследований. Представляется, здесь можно выделить два аспекта проблемы. Первый связан с тем, что, по общеизвестному определению, существует одно прошлое, но историй о прошлом существует множество. В XX веке в трудах многих европейских философов было высказано предположение о том, что исторические реконструкции вызывают множество сомнений, а историческое сознание не может претендовать на подлинную научность. Второй аспект исторических исследований связан именно с особенностями репрезентации прошлого в исторических исследованиях. Интерпретация исторического прошлого создает пространство, в котором сосуществуют различные дискурсы, переплетаются различные исследовательские традиции, различные нравственно-идеологические установки теоретиков.

Ключевые слова: этические, исторические исследования, репрезентация, историческая реконструкция, интерпретация

ETHICAL ASPECTS OF SOCIO-HISTORICAL RESEARCHES

Gulnaz Kazbekovna Gizatova

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor

Kazan (Volga Region) Federal University

e-mail: gulnaz_gizatova@mail.ru

Ivanova Olga Gennadijevna

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor

Kazan (Volga Region) Federal University

e-mail: olga.ivanova.ksu@mail.ru

Kazan

Abstract

Nowadays, the moral aspects of historical research are of particular importance. It seems that two aspects of the problem can be distinguished here. The first is due to the fact that, according to the well-known definition, there is one past, but there are many stories about it. In the twentieth century, in the works of many European philosophers, it was suggested that historical reconstructions raise many doubts, and historical consciousness cannot claim to be truly scientific. The second aspect of historical research is connected precisely with the peculiarities of the representation of the past in historical research. The interpretation of the historical past creates a space in which various discourses coexist, various research traditions, and various moral and ideological principles of theorists intertwine.

Keywords: ethical, historical research, representation, historical reconstruction, interpretation

Сегодня нравственная составляющая в различных сферах деятельности приобретает особое значение. Очевидна особая значимость нравственно-этического аспекта в деятельности историка, поскольку интерпретации прошлого оказывают большое влияние на формирование идентичности, мировоззрения людей, их самосознания.

Авторитетный международный журнал «History and Theory» посвятил свой специальный выпуск проблеме нравственной ответственности историка как ученого или, говоря шире, проблеме этического в исторических исследованиях. Как отметил один из авторов, редакторы «Истории и теории» пожелали вновь вернуться к вопросу об отношении между историками, самой историей и вопросами этики. Несут ли историки как таковые этическую ответственность, и если да, то перед кем? Существуют ли этические обязательства, которые есть у историков, нравится им это или нет? Существуют ли способы, с помощью которых историки могут либо оградить себя от этических обязательств (в той мере, в какой эти обязательства затрагивают их исторические исследования ...), либо переосмыслить эти обязательства так, чтобы исторические поиски стали более продуктивными [См.: 1, с. 1-2].

Следует отметить, что обсуждение данной темы не является случайным. Начало этой дискуссии положил еще в семидесятые годы XX века известный американский историк Х. Уайт, который в своей работе «Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века» акцентировал этическую составляющую в исторических исследованиях, подчеркнув, что именно историк решает для себя, какой материал выбрать, чтобы нарративизировать его определенным способом. Х. Уайт, один из родоначальников «лингвистического поворота» в исторических исследованиях, неоднократно обращается к этой проблеме, резюмируя: «Идеологические измерения исторического описания отражают этический элемент в занятой историком определенной позиции по поводу природы исторического знания и выводов, которые могут быть извлечены из изучения прошлых событий для понимания настоящих» [2, с. 42].

Дискуссия, развернувшаяся на страницах журнала, продемонстрировала крайнюю противоречивость существующих точек зрения. Так, британский постмодернистский историк К. Дженкинс, опираясь на тексты А. Бадью, Ж.-Ф. Лиотара, Э. Саида, Ж. Деррида и Р. Рорти

и определяя этих философов как «этически ответственных интеллектуалов», отвечая на вопрос о том, несут ли историки как таковые какую-то этическую ответственность – перед кем-то или перед чем-то, дает отрицательный ответ. По мнению ученого, быть «этичным» в предложенном смысле, означает ... возможный конец истории «определенного рода» и, как неизбежное следствие, конец историка «определенного рода». Британский историограф Кит Дженкинс в контексте современного постмодернистского мышления полагает, что прошлое, представленное в исторических сочинениях, – это, главным образом, истории, написанные различными людьми, и поскольку история не имеет оснований, то из нее никак не могут быть извлечены какие-либо «нравственные уроки» [см.: 3].

Представляется, здесь можно выделить два аспекта проблемы. Первый связан с тем, что, по общеизвестному определению, существует одно прошлое, но историй о прошлом существует множество. В XX веке в трудах многих европейских философов было высказано предположение о том, что исторические реконструкции вызывают множество сомнений, а историческое сознание не может претендовать на подлинную научность. Еще Р.Г. Коллингвуд отмечал, что историческая мысль представляет собой область полуустановленных фактов, тем самым подвергая серьезному сомнению ее эвристические возможности и саму объективность прошлого. Основная установка в данном случае сводится к тому, что само прошлое и историческая репрезентация прошлого – не одно и то же. «Все сугубо историографические "оживления" прошедшего – всегда лишь дурные фасады исторических заблуждений», – писал М. Хайдеггер [4, с. 28]. Прошлое не рассматривается как объективное, оно – не что иное, как репрезентация.

Второй аспект исторических исследований связан именно с особенностями репрезентации прошлого в исторических исследованиях. Идея о том, что прошлое представляет собой воображаемую конструкцию, стала почти общепринятой в современной философии ис-

тории. В самом деле, интерпретация исторического прошлого создает пространство, в котором сосуществуют различные дискурсы, переплетаются различные исследовательские традиции, различные нравственно-идеологические установки теоретиков. Дж. Оруэлл в своем романе «1984» заметил, что тот, кто контролирует настоящее, тот контролирует прошлое, тот, кто контролирует прошлое, тот контролирует будущее (*Who controls the past controls the future. Who controls the present controls the past*). По мнению П. Бурдьё, наиболее типичными стратегиями конструирования являются те, которые нацелены на ретроспективное реконструирование прошлого, применяясь к потребностям настоящего, или на конструирование будущего через творческое предвидение, предназначенное ограничить открытый смысл настоящего [см.: 5].

Нельзя не согласиться с тем, что «использование прошлого» не свободно от идеологических и мировоззренческих пристрастий социальных теоретиков. Это, в частности, отмечается и в принятом Американской исторической ассоциацией в 1987 году документе «Стандарты профессиональной деятельности» («Statement on Standards of Professional Conduct»), который постоянно дорабатывается. В тексте документа зафиксировано, что «один из основных принципов профессии историка... – убеждение, что *заниматься историей честно – это не значит придерживаться нейтральной точки зрения или не иметь ее*. Любая работа по истории выражает определенное узкое видение прошлого» [6].

Весьма спорным, на наш взгляд, является другой тезис этого документа, согласно которому «*Истина каждого историка – это и есть историческая истина*» [6]. Разумеется, любая истина, и историческая в том числе, а может быть, и в большей степени, социокультурно обусловлена, но данный подход абсолютизирует относительность истины, отрицает саму возможность существования и достижения объективной истины в исторической науке. А это отражается не только на состоянии исторической науки, но и оказывает большое

влияние на формирование общественного сознания, на мировоззрение социума. Релятивизм в исторической науке выступает теоретической основой «войны историй», пересмотра, переписывания истории в угоду политическим интересам. Эта проблема особенно актуальна как для современного российского общества, которое вот уже три десятилетия находится в состоянии ценностного, мировоззренческого вакуума, так и исторической науки, так как в этих условиях резко возрастает социальная ответственность людей, занимающихся историческими исследованиями. Социальная ответственность представителей той или иной профессии выражается как проблема соотношения профессионализма и нравственности, соответствия ценностей профессии и интересов общества. Возрастание социальной ответственности и ее осознание представителями различных профессий (и это, конечно, в значительной степени касается людей, занимающихся историческими исследованиями) стали одной из важнейших причин появления кодексов профессиональной морали, морально-этических стандартов поведения, которые способствуют поиску решений моральных проблем, возникающих в процессе осуществления профессиональной деятельности. Как уже отмечалось, в США уже в 1987 году были приняты «Стандарты профессиональной деятельности». В этом документе большое внимание уделяется вопросам этической составляющей деятельности историка.

В России обсуждается идея создания кодекса историка, в котором были бы зафиксированы основные нравственные ориентиры и принципы профессиональной деятельности историка. В 2017 году был предложен проект «Кодекса профессионального историка», который, должен отвечать на два главных вопроса: может ли истина в истории быть безнравственной? В чем нравственность или безнравственность исторического знания?

Не следует забывать о том, что от прошлого «отталкиваются» при принятии решений сегодняшних, нередко используя его в функционалистских целях. В этих условиях выработка подходов для мак-

симально объективного понимания исторических процессов видится только в процессе диалогического звучания самых различных, в том числе, этических позиций.

Литература

1. *Fay B.* Historians and Ethics: A Short Introduction to the Theme Issue // *History and Theory*. December, 2004. 43(04).

2. *Уайт Х.* Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века / перевод с английского и под редакцией Е.Г. Трубиной и В.В. Харитоновой. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2002. 528 с.

3. *Jenkins Keith.* Historians and Ethics // *History and Theory*. Vol. 43, No. 4, Theme Issue 43: (Dec., 2004). Pp. 43-60.

4. *Хайдеггер М.* Парменид / Мартин Хайдеггер; пер. с нем. А.П. Шурбелева. Санкт-Петербург: Владимир Даль, 2009. 382с.

5. *Бурдьё П.* Социальное пространство и символическая власть. <http://bourdieu.name/content/socialnoe-prostranstvo-i-simvolicheskaja-vlast>

6. Стандарты профессиональной деятельности // <https://gefter.ru/archive/9373?ysclid=lmvwnaweb1408695457>

РЕЛИГИЯ В ЭПОХУ ПОСТМОДЕРНА

Горошко Юлия Николаевна

кандидат философских наук, доцент

Крымский республиканский институт

постдипломного педагогического образования

e-mail: julg13@mail.ru

г. Симферополь

Аннотация

В статье проводится анализ феномена религии в эпоху постмодерна. Отмечается, что несмотря на процессы секуляризации, в современном обществе религия продолжает выполнять некоторые психологические и социальные функции. Наиболее актуальными функциями для общества постмодерна становятся психотерапевтическая и развлекательная. Ряд исследователей являются сторонниками концепции постсекуляризма (религиозного возрождения) – возвращения религии в различные сферы жизни. Ю.Хабермас – автор концепции постсекулярного общества – видит современную роль религии в урегулировании конфликтов в условиях плюрализма. Рассматривается явление религиозного возрождения и его критика. Выявляются основные направления религиозного возрождения: усиление позиций традиционных религий, появление новых религиозных движений, расширение фундаментализма. Анализируются отличительные особенности новых религиозных движений – упрощение доктрин традиционных религий, акцент на личностных переживаниях, практики измененных состояний сознания. Рассматриваются аспекты цифровизации и виртуализации религиозной сферы. Дается характеристика черт современной религиозности: игровой характер, плюрализм, субъективизм, эклектичность.

Ключевые слова: постмодерн, постсекуляризм, религиозное возрождение, религиозность, новые религиозные движения, религиозный плюрализм.

RELIGION IN THE POSTMODERN ERA

Goroshko Y.N.

*Ph.D., Associate Professor,
Crimean Institute of Postgraduate Pedagogical Education,
Simferopol*

Abstract

The article analyzes the phenomenon of religion in the postmodern era. It is noted that despite the processes of secularization, religion continues to perform some psychological and social functions in modern society. The most relevant functions for postmodern society are psychotherapeutic and entertaining. A number of researchers are supporters of the concept of post-secularism (religious revival) - the return of religion to various spheres of life. J. Habermas, the author of the concept of post-secular society, sees the modern role of religion in resolving conflicts in conditions of pluralism. The phenomenon of religious revival and its criticism are considered. The main directions of religious revival are revealed: the strengthening of the positions of traditional religions, the emergence of new religious movements, the spread of fundamentalism. The distinctive features of new religious movements are analyzed - the simplification of the doctrines of traditional religions, the emphasis on personal experiences, the practice of altered states of consciousness. The aspects of digitalization and virtualization of the religious sphere are considered. The characteristics of the features of modern religiosity are given: playful character, pluralism, subjectivism, eclecticism.

Keywords: postmodern, post-secularism, religious revival, religiosity, new religious movements, religious pluralism.

Одной из отличительных особенностей эпохи постмодерна является отказ от метанарративов, к числу которых, безусловно, относится и религия. Являясь мировоззренческой основой традиционной культуры с ее претензией на абсолютную истину, религия в большей степени, чем какая-либо другая система представлений, противоречит установкам постмодерна. Критика авторитетов, отсутствие серьезного отношения к чему-либо, ирония и игра – все эти признаки постмодернистской культуры, на первый взгляд, исключают религиозность. Однако в реальности оказывается, что религия даже в XXI веке не исчезает, а более того, ряд исследователей отмечают феномен религиозного возрождения, характерный для современного общества. Для обозначения возвращения религии в жизнь общества и усиления ее влияния в различных сферах (политика, экономика) в Западной философии вводят термин «постсекулярность». Однако концепция постсекулярного общества сама становится объектом довольно жесткой критики.

Можно отметить, что модерн гораздо сильнее противостоит религии, чем постмодерн. Именно модерн является эпохой секуляризации, провозгласившей «смерть Бога». С позиций модерна в мягком варианте религия рассматривается как атавизм, который устарел и не приносит больше пользы, а в более жестком варианте религия оценивается как вредный и опасный феномен, который нужно «не просто забыть или отбросить, а искоренять огнем и мечом» [1, с. 59].

Критикуя модерн, постмодерн возвращается к некоторым элементам традиционной культуры, к которым относится и религия. В связи с этим, формируется позиция отождествления постмодернизма с постсекуляризмом. Отказ в претензиях на абсолютную истину любому из мировоззрений уравнивает их в правах. Таким образом, религия оказывается в одном ряду с наукой, философией, политикой.

Автор концепции постсекулярного общества Ю. Хабермас рассматривал ее в негативном ключе. Оставаясь на позиции секуляризма и оценивая религию как препятствие дальнейшему прогрессу, он признает ее роль в современном обществе и невозможность сбросить ее со счетов. Поэтому концепция постсекулярного общества позволяет превратить религию из фактора разжигания конфликтов в средство достижения консенсуса в условиях плюрализма [2].

Анализируя феномен религиозного возрождения, как правило, выделяют три его основные проявления:

- 1) Усиление позиций традиционных религий:
- 2) Появление и распространение новых религиозных движений (НРД) или духовности нового типа.
- 3) Религиозный фундаментализм.

Традиционные религии по-прежнему выполняют важные функции в обществе и имеют большое количество последователей по всему миру. Об упрочении их позиций на сегодняшний день свидетельствуют следующие факторы: увеличение количества верующих, строительство новых храмов, поддержка церкви со стороны официальной власти, участие религиозных организаций в общественной и политической жизни, присутствие религиозных традиций в народной культуре. Однако в условиях постмодерна возникает потребность и в религиозности альтернативного типа.

Новые религиозные движения возникают во второй половине XX века, преимущественно, в западных странах. Как правило, единственным достоверным критерием их выделения считается время их появления. В остальных аспектах они весьма разнообразны и соответствуют такой характеристике постмодерна как плюрализм. Но действительно ли НРД являются чем-то принципиально новым? Если мы обратимся к наиболее распространенным классификациям, то увидим, что чаще всего они делятся на группы с приставкой «нео»: неохристианские, неовосточные, неоязыческие и т.п [3].

Как отмечает А.В. Матецкая, в эпоху постмодерна «невозможно изобрести действительно новую религию – возможно лишь до бесконечности перекомпоновывать элементы уже существующих, используя их по своему усмотрению» [4].

В этом проявляется игровой характер культуры постмодерна, отсутствие серьезного отношения к чему бы то ни было, даже к религии. Религиозность нового типа, зачастую, проще и примитивнее традиционных вероучений, элементы которых она использует [5, с. 177].

К отличительным особенностям НРД также можно отнести акцент на личностных переживаниях и интерес к практикам измененных состояний сознания. Современное общество испытывает дефицит в сильных эмоциях и экстраординарных состояниях. Религиозность нового типа обеспечивает эту потребность. Акцент на личном опыте соответствует эгоцентризму постмодерна, не признающему никаких авторитетов.

Еще одним проявлением религиозного возрождения считается религиозный фундаментализм. Если НРД во многом соответствуют логике постмодерна, то фундаментализм, на первый взгляд, наоборот, противоречит, поскольку предполагает возвращение к некоторому изначальному «истинному» состоянию религии и общественного устройства. Однако это «возвращение» на самом деле представляет собой реконструкцию, не имеющую под собой реальных исторических оснований. Такая реконструкция традиции часто граничит с ее изобретением [4].

Рорти и Ваттимо, авторы концепции современной религиозности, отмечают, что религия постмодернизма основана на трех универсальных категориях: плюрализм, субъективизм, индивидуализм [См.: 6]. Особенно большое значение для современного общества имеет идея религиозного плюрализма, поскольку она позволяет сохранять мир и согласие в мультикультурной среде. Ценность религии не в догматике, от которой отказался постмодерн, а в практической деятельности на благо людей. В религии постмодерна главным становится не Бог,

а сам человек, который сам формирует свое мировоззрение и свою религию.

Возникают сомнения, является ли постмодернистская религия религией в традиционном смысле или же лишь ее имитацией. Концепция религиозного возрождения подвергается довольно жесткой критике со стороны ряда исследователей. Отмечается, что в Европе по-прежнему остается прочной позиция секуляризации, реального роста религиозности в развитых странах не наблюдается [7]. Никакого обратного «заколдовывания» мира в эпоху постмодерна не происходит. Наоборот, сакральный центр религии замещается субъективными ощущениями человека. Традиция не возрождается, но происходит ее деконструкция, распад на элементы, из которых составляются причудливые коллажи псевдорелигий.

В эпоху постмодерна религия, как и другие сферы социальной жизни, подвергается цифровизации и виртуализации. Выполнение религиозных практик и ритуалов, общение с религиозными наставниками и единоверцами, участие в религиозных праздниках и даже посещение святых мест осуществляется в виртуальном формате. Виртуальная реальность делает религиозные знания общедоступными, тем самым открывая возможности для индивидуального духовного поиска. С одной стороны, цифровизация религиозной сферы способствует распространению религиозных знаний, популяризации религий, но одновременно с этим религия еще больше десакрализуется и приобретает симуляционный характер [8].

Какие функции выполняет религия в современном постмодернистском обществе? Психологические функции – исцелять и развлекать. В эпоху постмодерна степень невротизации общества гораздо выше, чем в традиционной культуре. Довольно распространенной психологической проблемой становится кризис идентичности, когда человек теряет себя, дезориентированный огромным количеством возможностей для выбора. В этом плане религия дает ориентир для формирования системы ценностей и стратегии поведения. Религия позволяет

компенсировать человеку то, что ему не хватает в реальной жизни. В обществе потребления развлечения становятся одной из приоритетных целей и устремлений человека. В этом плане новые религии дают также большие возможности для проведения свободного времени, организуют различные мероприятия, фестивали, встречи и т.п.

Наряду с психологическими религия также выполняет и социальные функции, важнейшей из которых для современного общества является достижение согласия в условиях плюрализма. Ю. Хабермас, автор концепции постсекулярного общества рассматривает религию как возможную альтернативу или «функциональную замену национализма как идеологии деградирующих национальных государств» [9, с. 77].

Хотя по факту религия остается инструментом политических манипуляций, в том числе и для разжигания конфликтов.

Вывод. Религиозное возрождение в современном обществе не предполагает возвращения к традиционной культуре. В эпоху постмодерна формируется религиозность нового типа, которая требует дальнейших исследований и осмысления. Отличительными признаками этой религиозности становятся игровой характер, цифровизация, плюрализм и субъективизм.

Литература

1. *Нуржанов Б.Г.* Постмодернистская религия / Б.Г. Нуржанов // Вестник КазНУ. Серия религиоведения. №2 (10). 2017. С. 58-62.

2. *Хабермас Ю.* Против «воинствующего атеизма». «Постсекулярное» общество – что это такое? URL: <http://www.islam-portal.ru/communication/stat/100/1411/> (дата обращения 03.09.2023)

3. *Горошко Ю.Н.* Новые религиозные движения в контексте феномена религиозного возрождения / Ю.Н. Горошко // Культура народов Причерноморья с древнейших времён до наших дней: материалы конференции: XLV Международные научные чтения (17-18 октября 2018, г. Симферополь) / Крымский федеральный университет, 2018. С.41-43.

4. *Матеуцкая А.В.* Постмодерн и религия URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/postmodern-i-religiya> (дата обращения 03.09.2023)

5. Сафронов А.Г. Психология религии / А.Г. Сафронов. К.: Ника-Центр, 2002. 224с.

6. *Самедов Э.О.* постмодерне в религии URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1777 (дата обращения 03.09.2023)

7. *Данненберг А.Н.* Христианство между модерном и постмодерном: критические размышления / А.Н. Данненберг // Вестник Московского университета. Сер. 7. Филология. 2015. №4. С.95-109.

8. *Багаева К.А.* Религия в ситуации постпостмодернизма / К.А. Багаева // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. 2021. Вып. 4. С. 11–17.

9. *Богатова О.А.* Социологическая концепция постсекулярного общества и ее критики / О.А. Богатова // Гуманитарные и политико-правовые исследования. 2018. № 1. С. 68-83.

ПРОБЛЕМАТИКА ЛЮБВИ В ЕВРОПЕЙСКОЙ ФИЛОСОФИИ XX ВЕКА

Закирова Гульнара Фазыловна

к. филос. наук, старший преподаватель

Казанский государственный энергетический университет

email: zgul77@mail.ru

Гурьянов Алексей Сергеевич

доктор философских наук, профессор

Казанский государственный энергетический университет

Казанский государственный медицинский университет

email: alexeigurianov@rambler.ru

г. Казань

Аннотация

Статья посвящена анализу феномена любви в западно-европейской философии XX века. Каждая эпоха внесла свой вклад в объяснение этого феномена с философской точки зрения, однако именно для философии XX века характерно пристальное внимание к этому явлению, вызванное кардинальным изменением статуса любовных отношений в сознании общественности, в основе которого стояли значимые социальные явления прошлого века. Философия любви находилась в поле внимания Х. Ортега-и-Гассета, М. Шелера, Э.Фромма, Г. Маркузе, Ж. Бадью, Ж. Бродрийяра, Ж.-П.Сартра, С. де Бовуар, Б. Рассела. Несмотря на относительное единство временных рамок, объединивших этих мыслителей, их идеи являют собой поразительное многообразие мнений по данному вопросу, каждое из которых сугубо индивидуально, нетривиально, аргументировано и обязательно несет в себе отпечаток эпохи.

Ключевые слова: любовь, человек, чувство, мужчина, женщина, влюбленность, отношения.

THE PROBLEM OF LOVE IN THE EUROPEAN PHILOSOPHY OF THE XX CENTURY

Zakirova G.F.

PhD, Senior Lecturer

Kazan State Power Engineering University,

email: zgul77@mail.ru

Kazan

Guryanov A.S.

Doctor of Philosophy, Full Professor,

Kazan State Power Engineering University,

Kazan State Medical University,

email: alexeigurianov@rambler.ru

Kazan

Abstract

The article is devoted to the analysis of the phenomenon of love in Western European philosophy of the 20th century. Each era has contributed to the explanation of this phenomenon from a philosophical point of view, but it is the philosophy of the 20th century that is characterized by close attention to this phenomenon, caused by a radical change in the status of love relationships in the public consciousness, which was based on significant social phenomena of the previous century. The philosophy of love was in the field of attention of H. Ortega y Gasset, M. Scheler, E. Fromm, G. Marcuse, J. Badiou, J. Baudrillard, J.-P. Sartre, S. de Beauvoir, B. Russell. Despite the relative unity of the time frames that united these thinkers, their ideas represent an amazing variety of opinions on this issue,

each of which is purely individual, non-trivial, well-argued and necessarily bears the imprint of the era.

Keywords: love, man, feeling, man, woman, falling in love, relationship.

Любовь – одна из важнейших ценностей в жизни человека. Как и любой другой феномен человеческой жизни, она меняется и эволюционирует, подчиняясь времени. И помимо искусства, философия является еще одной областью человеческой деятельности, которая занимается исследованием этого феномена с незапамятных времен. Западная философская мысль XX столетия представляет в этом отношении большой интерес.

Х. Ортега-и-Гассет, известный работами, посвященными социальным проблемам, первым изложивший принципы доктрины «массового общества», представил свою собственную нетривиальную концепцию любви. В «Этюдах любви», пытаясь выстроить свое понимание феномена любви, он вступает в полемику по этому вопросу с Фомой Аквинским, Августином Аврелием, Б. Спинозой и, главным образом, со Стендалем. Х. Ортега-и-Гассет не соглашается с первыми тремя в их интерпретации чувства любви, главным образом потому, что им свойственно проводить параллель между любовью и ненавистью, считая их двумя проявлениями желания. Во-первых, он утверждает, что любовь нельзя отождествлять с желанием, ибо последнее стремится обладать желаемым объектом, а когда это желание удовлетворено, оно умирает, что несвойственно любви. «Именно поэтому желание умирает тотчас после того, как удовлетворено; обладание для него смерть. Напротив, любовь – это вечная неудовлетворенность» [1], – утверждает Х. Ортега-и-Гассет. Желание, следовательно, само по себе пассивно, а любовь, наоборот, – активна. Обладание любимым не приводит к завершению чувства любви. А если такое происходит, то, по мнению философа, это не любовь. Во-вторых, несмотря на определенные сходства между любовью и ненавистью, проводить

аналогию здесь ошибочно, поскольку это два диаметрально противоположных чувства. Если ненависть направлена на разрушение предмета своей страсти, то любовь же стремится созидать, вдыхать жизнь [см.:1]. Что касается Стендаля, точнее его интерпретации любви, то здесь Х. Ортега-и-Гассет высказывается еще категоричнее, утверждая, что настоящая любовь незнакома Стендалю, поскольку последний, опираясь на личный опыт, полагает, что любовь не вечна, она рождается и умирает. По мнению Х. Ортеги-и-Гассета, в отличие от псевдолюбви, настоящая любовь умереть не может, несмотря на жизненные трудности, разлуку и далекие расстояния [см.:1]. Проблема Стендаля в том, что он ошибочно принимает за любовь чувство восхищения каким-то, как ему показалось, совершенным качеством объекта страсти и после исчезновения восхищения исчезает и так называемая любовь.

Х. Ортега-и-Гассет призывает ни в коем случае не путать любовь с половым инстинктом, поскольку сексуальное влечение «существует независимо от объекта. Влечение томит до появления человека или ситуации, способных его удовлетворить. В результате ему безразлично, кто именно послужит удовлетворению» [1]. И если половой инстинкт способствует продолжению рода, не дает ему угаснуть и в этом его главное предназначение, то любовь, являясь благородным чувством, совершенствует человечество.

Теологическая концепция любви основоположника философской антропологии М. Шелера, именуемая им *ordo amoris*, представляет большой интерес. Являясь последователем идей Св. Августина, М. Шелер считал любовь основополагающей, базисной категорией жизни человека. *Ordo amoris* – духовная квинтэссенция человека. Основной тезис его концепции – человеку следует любить вещи в этом мире подобно тому, как их любит Господь, то есть любовное чувство человек должен пропускать через любовь к Богу, которую он понимает как всеобъемлющую силу, тогда как все остальные виды любви являются шагами к ней. Любовь, по М. Шелеру, – это постоянное развитие,

совершенствование человека на пути к высшей любви – любви к Богу. И совершенствование это идет не через интеллект или волю, а именно через любовь. Любовь – первооснова. По М. Шелеру, «человек, прежде чем он есть *ens cogitans* или *ens volens*, есть *ens amans*» [2, с.352].

Один из основателей неопрейдизма Э. Фромм, выстраивая свою концепцию любви, говорит о цельности данного чувства, то есть призывает, с одной стороны, ни в коем случае не считать его производным от полового инстинкта, а с другой – не смешивать его, как это часто бывает, с чувством влюбленности. Хотя, несомненно, оба чувства играют очень важную роль в любовных отношениях. Основопологающим в любви, по мнению Э. Фромма, является искусство любить, которым владеет далеко не каждый и которое основывается на умении давать. Философ утверждает: «Любовь – это деятельность, активность, а не пассивный эффект... Любить – значит, прежде всего, *давать*, а не *получать*» [3, с.14]. Кроме того, активным проявлением любви, по Э. Фромму, являются ответственность за любимого человека, забота, уважение и знание. Концепция любви Э. Фромма наиболее близка нашему пониманию этого явления. Другое дело, что искусство, в данном случае, не должно стать излишне «искусственным», а само чувство – искусственным образованием, подменяющим естественные радости от этого чувства. Соответственно, навыки, овладение которыми предполагается искусством любви, не должны проявляться автоматически. Любовь – это свободный и приносящий удовольствие труд, а не рутинная, автоматически выполняемая и вынужденная работа, которая также требует мастерства. И если любовь превращается в такую работу, то дискредитирует саму себя. К сожалению, обстоятельства семейной жизни часто способствуют подобной автоматизации и рутинизации любви, вследствие чего живое чувство затирается, как затираются смыслы слов от их частого употребления.

Г. Маркузе придерживается несколько иной точки зрения, утверждая, что предназначение человека – в любви эротической, которая

находится под давлением религиозных и моральных норм. И если снять это напряжение, то мы получим любовь настоящую, свободную – такую, какой она должна быть на самом деле.

Интерес представляет также точка зрения Ж. Бодрийяра, выделяющаяся своей нетривиальностью. По мнению философа, в современном мире любовь не существует. Времена безумной, страстной любви давно прошли: «Сегодня нас охватило воскрешение любовного дискурса, реактивация чувства от скуки, от пресыщения. Эффект симуляции любви» [4]. Любовь, в его понимании, ассоциируется со сплошными ограничениями, которыми любящий окружает объект любви.

Совершенно иного мнения придерживается А. Бадью, противопоставляя чрезмерно скептической концепции Ж. Бодрийяра свою романтическую концепцию. Согласно А. Бадью, любовь рождается при встрече двух противоположностей. Противоположность может выражаться чем угодно, но ее наличие обязательно для рождения любви. Кроме того, важным моментом А. Бадью считает не столько рождение любви, сколько ее продолжительность. Именно длительность и постоянство отличает истинную любовь от несерьезного чувства. Именно умение преодолевать трудности, часто встречающиеся на пути настоящей любви, характеризует ее как любовь. «Real love is one that triumphs lastingly, sometimes painfully, over the hurdles erected by time, space and the world», – утверждает философ [5, с.32].¹ Для нашего исследования важна следующая мысль Бадью: философ не считает, что реализация любви происходит через создание семьи и рождение детей. Семья и дети – это составляющие любви, несомненно, но не основополагающие. Любовь, по А. Бадью, – это переосмысление жизни и другой взгляд на время: «Of course, if we echo the poet, love is also the “the dour desire to endure”. But, more than that, it is the desire for an unknown duration» [5, с.33].²

---

¹ Перевод: «Настоящая любовь длится долго, иногда мучительно пробираясь сквозь препятствия, воздвигнутые временем, пространством и миром».

² Перевод: «Конечно, если вторить поэту, любовь – это тоже «суровое желание терпеть». Но, более того, это надежда на неведомую нам продолжительность».

Представитель экзистенциализма, французский философ Жан-Поль Сартр рассматривает любовь как сложное чувство, которое не порождается сексуальным инстинктом. Особенность и необычность его концепции в том, что он связывает любовь с понятием свободы. По мнению Ж.-П. Сартра, физическое обладание предметом страсти, а также обладание его физической свободой не делает счастливым влюбленного, поскольку такой подход пахнет вещиизмом. Ж.-П. Сартр утверждает, что любой влюбленный «хочет владеть свободой как свободой» [6, с.28], подразумевая, как мы считаем, ответные чувства и духовную близость.

Идеолог феминистского движения и также представитель экзистенциальной философии С. де Бовуар не без основания полагает, что мужчины и женщины понимают любовь по-разному. «Байрон совершенно верно заметил, что в жизни мужчины любовь представляет лишь одно из занятий, тогда как для женщины она есть сама жизнь» [7, с.209], – подмечает С. Де Бовуар. Для женщины любовь подразумевает полную отдачу ее душевных и физических сил, полное подчинение и порой даже растворение в любимом человеке. Философ объясняет подобное положение вещей не природными причинами, а социальными. Исторически женщине была, как нам известно, отведена подчиненная, второстепенная роль. С детства ей внушали, что ее предназначение – служить мужчине, как господину, который выше ее, женщины, во всех проявлениях [см.:7, с.209]. Однако здесь таится и противоречие, поскольку получив любовь, а точнее, господина, женщина, по сути, не испытывает все прелести любви в реальной жизни, а, наоборот, поглощена заботами и проблемами. Отдавая всю себя другому существу, женщина становится несчастной в итоге. Мужчины же в большинстве своем, даже будучи сильно влюбленными, никогда полностью, без остатка не отдаются этому чувству. Мужчины являются «средоточием собственной жизни, и любимая женщина для них является одной из ценностей в ряду других». Впрочем, здесь явно прослеживаются переживания из личного опыта.

Британский философ Б. Рассел считает любовь одним из самых важных явлений в жизни человека. Под любовью он понимает не любые отношения между разнополыми людьми, а «лишь те, которые подразумевают сильные эмоции и представляют собой сочетание физиологии и психологии» [8, с.111]. Б. Рассел призывает не путать секс с любовью, иначе банальное удовлетворение физических потребностей можно принять за любовь. Более того, не стоит принимать увлечение или влюбленность за любовь, поскольку для них характерна мимолетность и быстротечность, любовь же чувство серьезное, требующее больших душевных затрат. Кроме того, есть еще один важный момент – серьезное и искреннее чувство неизбежно связано с некоторой потерей индивидуальности, чего боятся некоторые люди, в особенности мужчины. Любовь подразумевает преодоление собственного эгоизма.

В работах европейских философов XX века понимание феномена любви, в большинстве своем, оторвано от религии и отличается большим разнообразием мнений, но практически всегда любовь рассматривается в контексте взаимоотношений мужчины и женщины и тех условий и обстоятельств, которые ее порождают, сопровождают, способствуют развитию или деградации её.

Литература

1. *Ортега Г.* Этюды любви. URL: [ortega-i-gasset-hose-etjudy-o-ljubvi-filosoff.org .pdf](http://ortega-i-gasset-hose-etjudy-o-ljubvi-filosoff.org.pdf) (Дата обращения: 18.01.22).
2. *Шелер М.* Избранные произведения/М.Шеллер, пер. с нем.; под ред. Денежкина А.В. М.: Издательство «Гнозис», 1994. – 490 с.
3. *Фромм Э.* Искусство любить / Э.Фромм. М.: Издательство АСТ, 2009. 64с.
4. *Бодрийяр Ж.* О любви. URL: <https://finbahn.com/жан-бодрийяр-о-любви/> (дата обращения: 09.07.2022).
5. *Badiou A.* In Praise of Love/ A. Badiou. Translated by Peter Bush. – London: Serpant's Tail, 2012. 104 p.

6. *Сартр Ж.-П.* Любовные поражения / Ж.-П. Сартр // Ж.-П. Сартр, С. де Бовуар. Аллюзия любви. М.: Алгоритм, 2007. 240 с.
7. *Бовуар С.* Отношения отчуждения / С. Бовуар // Ж.-П. Сартр, С. де Бовуар. Аллюзия любви. М.: Алгоритм, 2007. 240с.
8. *Рассел Б.* Брак и мораль / Б. Рассел. АСТ, 2020. 288 с.

РАЗВЕЩЕСТВЛЕНИЕ КАК МЕТАФОРА ПОСТМОДЕРНИЗМА В КОНЦЕПЦИИ «ВИРТУАЛИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА»

Д.В. ИВАНОВА¹

Иманбаева Жулдыз Машинбаевна
магистр гуманитарных наук, преподаватель,
Казахский национальный университет имени аль-Фараби,
e-mail: Zhuldyz.Imanbayeva@kaznu.edu.kz
г. Алматы

Аннотация

Российский социолог Иванов Дмитрий Владиславович в монографии «Виртуализация общества» делает попытку сконструировать социологическую модель объясняющую метафорой виртуальной реальности различные тенденции изменений социальных процессов в экономической, политической, технологической, культурной сферах жизни на рубеже XX-XXI вв. Как указывает ученый повсеместное использование слова «виртуальный» в XXI веке свидетельствует о возросшей роли компьютерных технологий в повседневной практике людей, но вместе с тем существует тенденция метафорического использования понятия «виртуальная реальность». Этим понятием обозначаются феномены социальной жизни, не связанные непосредственно с информационными технологиями, в них происходит замещение реальных действий образами или симуляцией. Модель виртуализации общества целостно описывает социокультурные изменения рубежа XX-XXI вв. и претендует на звание еще одной теории обще-

---

¹ Статья подготовлена в рамках финансирования Комитета науки МОН РК (Грант №BR10965263 «Социальная модернизация казахстанского общества: идейно-мировоззренческие основания, концептуальные модели, социокультурные процессы, социально-политические технологии»).

ственных изменений, наряду с распространенными теориями модернизации и глобализации.

Ключевые слова: виртуализация общества, постмодернизм, виртуальная реальность, модерн, обвеществление, развеществление

DISEMBODIMENT AS A METAPHOR OF POSTMODERNISM IN THE CONCEPT OF "VIRTUALIZATION OF SOCIETY"

by D.V. IVANOV

Imanbaeva Zhuldyz Mashinbaevna

Master of Arts, Lecturer

Al-Farabi Kazakh National University

e-mail: Zhuldyz.Imanbayeva@kaznu.edu.kz

Almaty

Abstract

Russian sociologist Dmitry Ivanov, in his monograph “Virtualization of Society,” makes an attempt to construct a sociological model that explains, with the metaphor of virtual reality, various trends in changes in social processes in the economics, in political, technological and cultural spheres of life at the turn of the 20th-21st centuries. As the scientist points out, the widespread use of the word “virtual” in the 21st century indicates the increased role of computer technology in the everyday practice of people, but at the same time there is a tendency to use the concept “virtual reality” metaphorically. This concept denotes phenomena of social life that are not directly related to information technology; in them, real actions are replaced by images or simulation. The model of virtualization of society holistically describes the sociocultural changes at the turn of the 20th-21st centuries and claims to be another theory of social change, along with the widespread theories of modernization and globalization.

Keywords: virtualization of society, postmodernism, virtual reality, modernity, reification, dematerialization

Теория «виртуализации общества» В.Д. Иванова в отличие от классических теорий общественного развития О. Конта, Г. Спенсера, К. Маркса, Д. Белла и др. не устанавливает закономерность универсальных процессов – прогресса, эволюции, развития, не стремится подвести эмпирические данные под строгие законы истории, а лишь фиксирует логическое единство тенденций в общественных изменениях. Различение теорий развития и теорий изменений важно в качестве методологического принципа.

Д.В. Иванов критикует теории, которые ставят во главу угла технологический детерминизм как основной фактор трансформации общества. Он утверждает, что технологии не влияют на структуру общественных институтов: «Информационное общество, таким образом, оказывается фантомом постиндустриальной эпохи... Урок марксизма не пошел впрок» [1, с. 9]. Согласно марксизму, развитие технологий, в терминах исторического материализма *рост производительных сил*, приводит к появлению новых форм собственности и на их основе к новым формам отношений в экономике, политике, искусстве и т.д.

Теоретиков «виртуального общества» А. Бюля, Э. Паэтау, А. Крокера и М. Вэйнштейна Д.В. Иванов обвиняет в технологическом детерминизме. А. Бюль по аналогии с теорией марксизма усложняет представление о структуре механизмов воспроизводства современного общества. Благодаря компьютерным технологиям появляются виртуальные аналоги реально существующих институтов. Образование виртуального пространства как места воспроизводства общества Бюль называет виртуализацией.

Авторы теории «виртуального класса» А. Крокер и М. Вэйнштейн рассматривают гиперпространство как новую сферу экспансии капитализма. Потoki электронной информации – это современный

капитал, который сосредоточивается в руках производителей программного обеспечения и интернет-операторов. Развитие киберкапитализма, по их мнению, и есть основной признак виртуализации общества.

Э. Паэтау рассматривает общество как систему коммуникаций. Появление виртуальных аналогов традиционных форм коммуникации (интеракции и организации) знаменует структурную дифференциацию общественной системы. Этот процесс по аналогии с ростом производительных сил в историческом материализме имеет перманентный, предсказуемо развивающийся характер. На этом тезисе Э. Паэтау строит свою модель «виртуализации социального».

Д.В. Иванов в какой-то степени признает эвристичность указанных теоретических моделей трансформации общества. Но вместе с тем говорит, что в них нет ничего нового, что эти модели применяют прежние детерминистские схемы с тезисами «новые производительные силы – новые общественные отношения» или «новые элементы – новая структура» к новым условиям. Описание технологий виртуальной реальности вытесняет собственно социологический анализ. Все внимание сосредоточивается на социальных эффектах компьютеризации. Например, А. Бюль изменения в обществе сводит к появлению виртуального мира, он технологически опосредован и существует параллельно реальному миру. Реальный мир, в свою очередь, не изменяется.

Д.В. Иванов справедливо указывает на то, что именно реальный мир является источником изменений, ведь в нем возникли технологии виртуальной реальности. Поэтому стоит рассматривать виртуализацию в первую очередь как социальный процесс. Было бы упрощением считать возможным объяснить и описать все многообразие эмпирически фиксируемых данных как следствие компьютеризации. Д.В. Иванов строит свою теорию на основе анализа стремлений-ценностей. Общество представляется не как система институтов, а как процесс реализации ценностей. В процессе реализации ценностей создаются и приходят в упадок социальные институты. В эпоху Модерна социальные

институты как нечто объективное, внешнее и устойчивое по отношению к индивиду формируют социально-историческую реальность. В эпоху Постмодерна человек самоотчуждается в виртуальную реальность, он живет, сознавая ее условность, эфемерность и нестабильность. Виртуализация общества означает симуляцию вещественных и человеческих отношений.

Исторический рубеж начала модернизации датируется концом XVIII – началом XIX вв., а по некоторым исследованиям еще более ранним периодом. Эпоха Модерн воплощает модель массового общества, это ее основное универсальное свойство. В экономике это индустриализация, в политике – демократия, в культуре – общедоступное образование. Государство управляет населением через всеобщие институты занятости, избирательного права, образования, воинской повинности, медицинского и пенсионного страхования и пр. В условиях современной системы социального обеспечения-контроля формируется однородное в отношении прав и обязанностей общество. Социальный статус человека определяется не принадлежностью к какой-либо группе, классу, а личностными качествами и достижениями.

Новый социальный порядок был опосредован изменениями в мировоззрении людей. Не случайно в это время идеи Просвещения XVIII в. с их абсолютизацией свободы и прогресса как основных ценностей получают широкое распространение и поддержку. Культура в целом переживает трансформацию. Если рассматривать культуру как развивающееся единство, то вслед за П. Сорокиным необходимо признать, что «Всякая великая культура есть не просто конгломерат разнообразных явлений, сосуществующих, но никак друг с другом не связанных, а есть единство, или индивидуальность, все составные части которого пронизаны одним основополагающим принципом и выражают одну, и главную ценность» [2]. Ценности определяют проблемную картину мира и способы решения этих проблем в данном социуме.

Ценности эпохи Модерн задают вектор развития всякого рода творчества, проникая во все сферы общественной и личной жизни человека. Д.В. Иванов сравнивает модернизацию с процессом овеществления общества. Беспрецедентный рост материального производства сопровождается технологическим покорением природных ресурсов, рационализацией и технизацией общества. Идеи Свободы и Прогресса воплотились в стремление обладать материально сущим. «Действительное основание современной культуры определяется как отчуждение человеческой сущности в вещи, как стремление располагать сущим как благом, или как наделение существованием и смыслом лишь чувственной реальности» [1, с. 96].

Если оглянуться назад, то человек всегда отчуждал себя в вещи, вкладывая все свои знания, умения и навыки, желания в продукты своей деятельности. Модернизация подстегнула этот процесс, распространила в невиданных масштабах. Развитие сложной системы социальных институтов поменяло способы и характер взаимодействия человека и общества. Перед лицом всемогущих "инстанций", наделенных широкими полномочиями и авторитетом человек как личность унифицируется, превращаясь в социальную функцию их деятельности. Недаром классики теории модернизации рассуждали о современном обществе как об абстрактной машинерии институтов.

В эпоху Постмодернизма происходит обратный овеществлению процесс – развеществление. Термин «постмодернизм» впервые был применен относительно нового направления в архитектуре в 1960-х гг. Новая эстетика зданий предполагала смешение разных стилей в духе эклектики и отвергала стилевое однообразие в архитектуре зданий. Французский философ Ж.-Ф. Лиотар эклектизм определил как основную характеристику современной культуры в целом [3].

Д. Белл в сборнике эссе под названием «Конец идеологии», вышедшем в 1960 г., утверждал, что великие гуманистические политические идеологии, восходящие к девятнадцатому и началу двадцатого веков, каковыми были модернистские политические доктрины, ис-

черпали себя [См.: 4, с. 70]. В государствах, где уровень благосостояния большинства населения высокий и где созданы институты для цивилизованных переговоров между группами, необходимость в масштабных социальных концепциях отпадает. Электорат в своей массе уже более не распределяется по оси «правые – левые», он дробится на различные движения: антивоенное, правозащитное и экологическое движения, движения, отстаивающие интересы этнических, культурных и др. меньшинств, локальных общин и т.д. Вместо большинства есть конгломерат меньшинств.

Во второй половине XX века в философии науки все более стал закрепляться тезис об отсутствии каких-либо универсальных критериев истинности научного знания. В эпистемологическом анархизме дальше всех зашел П. Фейерабенд, провозгласивший лозунг «можно все». Следуя принципу пролиферации, в противоположность принципу кумулятивизма научного знания ученые должны создавать свои теории, не заботясь о том, насколько они согласуются с другими теориями. Термин «пролиферация» Фейерабенд позаимствовал из биологии, он означает разрастание ткани организма путем размножения клеток.

С эстетического эклектизма начинался Постмодернизм. В искусстве в конце 60-х – начале 70-х годов XX века в Америке и Европе возник концептуализм. Как говорил один из идеологов концептуализма Джозеф Кошут, «еще важно задуматься, что, когда постмодернизм и концептуализм только зарождались, шла вьетнамская война. В обществе звучала критика, в том числе и американской культуры. Поэтому основное внимание уделялось не форме скульптуры или картины, а ее смыслу» [6]. Важно передать замысел художника, и не важно, каким способом. Техника концептуального искусства разнообразна и практически безгранична в выборе материалов. Объектом концептуального искусства может стать не только предмет, но и явление, процесс.

Какова проблемная повестка новой культурно-исторической реальности? За критикой и отрицанием, возможно, ничего и нет, поскольку цели, поставленные эпохой Модерна достигнуты, идеалы Свободы и Прогресса исчерпали себя. «Но постмодернисты не столько отрицают, сколько симулируют социальную активность в модернистском, нормативном ее толковании» [1, с. 36]. Когда цель достигнута, нет нужды быть деятельным и целеустремленным. В обществе массового потребления и демократии идеи Свободы и Прогресса перестали быть идеалом, проникнув глубоко в повседневную жизнь стали частью коллективного бессознательного.

В эпоху Постмодерна система социальных институтов, которая в свое время рассматривалась как главная мобилизующая и организующая сила, приходит в упадок. «Инертность», «меланхоличность», «расслабленность» масс на исходе XX в. описали в своих социологических теориях Ж.-Ф. Лиотар и Ж. Бодрийяр. «Исчезновение» социального фиксировал А. Турен.

Социальная жизнь, не ориентированная на ценности, теряет целостность. В таких условиях от индивидов не требуется целесообразного взаимодействия, они разобщены и ни к чему не стремятся. Социальность сохраняет лишь внешний фасад. «Общество не исчезает, хотя перестает быть реальным» [1, с. 38].

Структурирование общества на подсистемы происходило в рамках общей цели, ценности – распоряжения сущим или овеществления. Политика, экономика, наука, искусство как отдельные сферы не сформировались бы, если бы отношение к ним не включало ценностный аспект. Когда ценности Модерна перестают быть актуальными, общество развеществляется. Несмотря на то, что его структурные подсистемы продолжают существовать.

Для объяснения этого феномена Ж. Бодрийяр в 1970-х гг. ввел понятие симуляция. Согласно его концепции, «утрата» реальности происходит оттого, что нарушается связь между знаком и означаемым (референтом). Реальное, по замечанию Д.В. Иванова, ценностно

содержательно. Реальное противостоит фикции такими характеристиками как устойчивость, постоянство, надежность, определенность. Согласно М. Хайдеггеру всякое «дело» (имеется в виду реальное действие с определенной созидательной целью) в ценности имеет свое основание, и в нем черпает свою устойчивость. По Ж. Бодрийяру исчезновение реальности происходит на фоне «перепроизводства» вещей и действий как знаков реального. Значит, развеществление это утрата ценностей, замена их лишь образами ценностей.

В своих рассуждениях Ж. Бодрийяр определяет ряд этапов и стадий симуляции. В первой фазе знак передает суть определяемого, т.е. имеет отношение к реальности, на второй – искажает, на третьей – маскирует отсутствие реального, на четвертой – не имеет никакой связи с реальностью. В работе «Симулякры и симуляция», написанной в 1981 г., он эпоху постмодернизма называет эпохой тотальной симуляции [6, с. 3]. Тип соотношения знака и действительности, соответствующий третьему и четвертому порядку, описывает как раз современное время. Ж. Бодрийяр под симулякрами понимает то, что отражает не реальный человеческий опыт, а нечто что никогда не существовало. Симулякры копируют сами себя и «функционируют как самореферентные знаки».

Реализация ценностей Свободы и Прогресса означает завершение процесса овеществления. Социальные институты – знаки ценностей Модерна в эпоху Постмодерна превратились в объект манипуляции. Самовоспроизводство общества происходит посредством активной знаковой симуляции. Чисто внешнюю апелляцию к ним можно в достаточной мере наблюдать в рекламе, масс-медиа, политике, искусстве как фабриках по производству символов ценностей. Симуляция есть важный симптом развеществления общества.

Развеществление негативно характеризует процессы в обществе, поскольку за отрицанием не предлагается чего-то нового. Будучи продолжением Модерна, Постмодернизм предложил лишь симуляцию как уничтожение старого, оставаясь при этом в рамках институциональных образцов прошлого как среди поблекших декораций: «социальное

по сути мертво, но продолжается в отвратительной форме, подобно росту ногтей и волос у трупа» [Цит. по: 1, с. 4], – писал Ж. Бодрийяр. Д.В. Иванов предлагает термин виртуализации общества как метафору процесса замещения реальности образами или развеществления.

Автор концепции виртуализации общества Д.В. Иванов оценивает свою работу как попытку охватить единой мыслью поддающийся наблюдению социолога набор разрозненных фактов и явлений. До создания полноценной теории общественных изменений рубежа XX-XXI вв., по мнению исследователя, еще далеко. Феномен виртуализации общества требует дальнейшего исследования. На данном этапе «теория виртуализации» – это только концептуальная схема или исследовательский проект. «Разрозненные представления об экономических, политических, технологических, культурных переменах – доктрины постиндустриальной экономики, постмодернизма, компьютерной революции и т.п. увязаны в целостное видение современного общества метафорой виртуальной реальности, которая разворачивается в социологическую модель, способную объяснить множество фактов и тенденций, наблюдаемых в различных областях жизни» [1, с. 2]. Д.В. Иванов предостерегает, что технико-экономическое видение общественных проблем при всей своей очевидности и внешней простоте не всегда адекватно отражает действительность: не компьютерная революция виртуализировала общество, а скорее, наоборот, виртуализация общества привела к революции в информационно-коммуникативных технологиях.

Литература

1. *Иванов Д.В.* Виртуализация общества. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2000. 224 с.
2. *Сорокин П.* Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. 543 с.
3. *Лиотар Ж.-Ф.* Состояние постмодерна. СПб.: Алетейя, 1998. 160 с.

4. Белл Д., Иноземцев В.Л. Эпоха разобщенности: Размышления о мире XXI века. М.: Центр исследований постиндустриального общества, 2007 – 304 с.

5. Джозеф Кошут рассказал «Ведомостям» о сути искусства // сайт газеты Ведомости. URL: <https://www.vedomosti.ru/lifestyle/characters/2015/04/15/dzhozef-koshut-rasskazal-vedomostyam-o-suti-iskusstva/> (дата обращения: 30.09.2023).

6. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции. М.: Издательский дом «ПОСТУМ», 2015. 240 с.

АРЕТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К АНАЛИЗУ ВАКЦИННОЙ НЕРЕШИТЕЛЬНОСТИ

Каримов Артур Равилевич

доктор философских наук, профессор

Университет Иннополис

e-mail: anthropology.ksy@mail.ru

г. Иннополис

Аннотация

В данной статье рассматриваются факторы возникновения такого феномена как вакцинная нерешительность (ВН) – выжидательная позиция по поводу вакцинации. Анализируются социально-культурные, социально-эпистемологические и когнитивные факторы возникновения ВН. Особое внимание уделяется анализу когнитивных факторов, таких как когнитивные искажения и мотивированное рассуждение. Делается вывод о том, что хотя эмпирические исследования показывают корреляцию между вакцинной нерешительностью и иррациональными факторами (такими как религиозные убеждения или когнитивные искажения), вакцинная нерешительность может быть проявлением рациональных мотивов, таких как интеллектуальная скромность.

Ключевые слова: вакцинная нерешительность, эпистемология, когнитивные искажения, антивакцинаторство.

AN ARETAIC APPROACH TO THE ANALYSIS OF VACCINE HESITANCY

Karimov A.R.

Doctor of Philosophy,

Professor of Innopolis University

e-mail: anthropology.ksy@mail.ru

Innopolis

Abstract

This article examines the factors behind the emergence of such a phenomenon as vaccine hesitancy - a wait-and-see attitude regarding vaccination. Socio-cultural, socio-epistemological and cognitive factors are considered. Particular attention is paid to the analysis of cognitive factors, such as cognitive biases and motivated reasoning. The article concludes that although empirical studies show a correlation between vaccine hesitancy and irrational factors (such as religious beliefs or cognitive biases), vaccine hesitancy may be a manifestation of rational motives such as intellectual humility.

Keywords: vaccine hesitancy, epistemology, cognitive biases, anti-vaccination.

Введение

В последнее время эпидемия коронавируса (и связанная с ней проблематика вакцинации) уже не так актуальна для философских исследований, как это было еще год назад, но ученые не исключают новую волну заражений и даже говорят о возможных новых массовых локдаунах и введении масочного режима уже зимой 2023-2024 гг. в связи с распространением нового штамма «Эрис» (EG.05) [1]. В любом случае, вопросы, которые были подняты во время последней пандемии, по-прежнему актуальны, и одним из этих вопросов является проблема отношения к вакцинации. Множество философских работ

было посвящено такому феномену, как антивакцинаторство, анализу его причин, в том числе с точки зрения современной эпистемологии [2]. В данной статье предметом анализа является не антивакцинаторство, а более распространенное явление, которое в литературе получило название «вакцинная нерешительность» (vaccine hesitancy).

Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) назвала вакцинную нерешительность (ВН) одной из десяти главных глобальных угроз здоровью в 2019 году. ВН была определена как «нежелание или отказ от вакцинации, несмотря на наличие вакцин» [3]. Однако в литературе нет единства определений. Бюссинк-Вооренд и др. в большом комплексном обзоре различают три различные концепции ВН: 1) когнитивные способности или аффект, 2) поведение и 3) принятие решений [4]. В первом смысле под ВН понимается определенное состояние сознания субъекта, которое описывается в терминах когнитивных эмоций: нежелание, неуверенность, сомнения в пользе вакцинации. Во втором смысле речь идет не просто об определенном типе ментального отношения, а об определенном типе действия – колебание или отказ от вакцинации. В третьем смысле речь идет об определенном типе принятия решений: нерешительность в том, вакцинироваться или нет. Авторы отмечают, что определение ВН только с точки зрения поведения стирает различие между ВН и антивакцинаторством. Антипрививочники в принципе отказывают в доверии всем вакцинам, тогда как «вакцино нерешительные» субъекты избирательны в своем отношении к вакцинам – они могут одобрять одни вакцины и отвергать другие. Например, они могут одобрять вакцины против оспы или кори, которые уже доказали свою эффективность, и отвергать вакцины против коронавируса, которые являются относительно новыми, т.е. они испытывают двойственное отношение к вакцинам, проявляющееся, соответственно, в том, что они не спешат вакцинироваться, даже если это одобряет большинство медицинских экспертов.

Примером вакцинной нерешительности является отказ от детской комбинированной вакцины против кори, краснухи и паротита (ММР). Дело в том, что в 1998 г. в известном медицинском журнале «Ланцет» была опубликована статья, в которой утверждалось, что среди побочных эффектов ММР вакцины может быть аутизм. Эта статья вызвала большой резонанс, так как причины появления аутизма до сих пор не выявлены. Однако в 2010 году статья была отозвана из журнала в связи с нарушением медицинской этики, также Вашингтонский Институт медицины (США) в 2004 г. провел масштабное исследование и пришел к выводу, что ни ММР, ни другие вакцины не могут вызвать аутизм [5]. Несмотря на это, в сети по-прежнему распространена идея о том, что данная вакцина вызывает аутизм, и большое количество родителей во всем мире не спешат вакцинировать своих детей от этих, в общем-то, опасных болезней из-за своей неуверенности и колебаний.

В 2013 году симптомы после прививки от вируса папилломы человека (ВПЧ) – от головокружения до обмороков и усталости – вызвали сомнения в вакцинации против ВПЧ в Дании, Ирландии и Колумбии. Эти симптомы ВОЗ теперь характеризует как «реакции, связанные со стрессом при иммунизации». Но в определенное время люди не спешили вакцинироваться данной прививкой из-за опасений о возможных негативных последствиях.

Конечно, наиболее очевидный кейс представляет собой вакцинация против коронавируса и отношение к ней. Галанис и соавторы в своем обзоре 44 исследований среди 317 055 родителей из разных стран (США, Европы, Африки, Китая, Индии, Новой Зеландии, Бразилии) показали, что только 60,1% родителей намеревались вакцинировать своих детей от COVID-19, в то время как 22,9% намеревались отказаться от вакцинации, а 25,8% не были уверены [6].

Цифра примерно в 25% часто появляется в различных исследованиях в области вакцинной нерешительности, что свидетельствует о том, что этот процент является примерно одинаковым в различных

странах (где-то чуть больше, где-то чуть меньше). То есть 25% всех людей в большинстве стран не являются ни сторонниками вакцинации, ни ее противниками, а занимают выжидательную позицию («wait and see attitude»). Насколько такая позиция является обоснованной? Для ответа на этот вопрос необходимо проанализировать причины возникновения ВН.

Анализ причин вакцинной нерешительности

В целом, можно выделить три основных, на наш взгляд, группы факторов, которые могут вызывать ВН: социально-культурные, социально-эпистемологические и когнитивные. Рассмотрим их по порядку:

1) Первая группа факторов – это социально-культурные. Есть группы населения, которые в массе своей скептически относятся к вакцинации. Например, взрослые чернокожие американцы значительно меньше доверяют своему правительству, чем белые, из-за исторического и современного опыта дискриминации и расистских социальных норм [7]. В связи с этим, вакцинная нерешительность среди черного населения США значительно шире распространена, чем среди белых.

Сюда же можно добавить различные консервативные группы населения, которые из-за религиозных или иных культурных традиций также в целом негативно относятся к новым технологиям вообще и к новым технологиям в медицине, в частности. Религиозные убеждения часто включаются в качестве предиктора скептицизма в отношении вакцин, поскольку крупнейшими группами недостаточно привитых являются именно верующие группы населения, а также потому, что Всемирная организация здравоохранения определила религиозность как определяющий фактор нерешительности в отношении вакцинации [8].

П. Макнахтен и др. исследовали роль культурных нарративов (коллективного подсознания) в отношении к новым технологиям в целом [9]: нарратив «будьте осторожны со своими желаниями» в европейской культуре – идея о том, что получение именно того, чего вы

желаете, может привести к непредвиденной катастрофе; нарратив «ящик Пандоры»: соблазнительно закрытый ящик, который, если его открыть, высвобождает все зло; нарратив «вмешательство в природу» – идея о том, что новые технологии могут «вмешиваться в природу», опирается на древнее представление о природе как о чем-то священном; нарратив «богатые становятся богаче» говорит о том, что новые технологии способны порождать дальнейшую несправедливость и неравенство, как на глобальном, так и на местном уровне и т.д.

2) Социально-эпистемологические факторы, снижение общественного доверия к экспертам, в целом. Речь идет о том, что люди, в принципе, осведомлены о том, что ученые рекомендуют какую-то вакцину, но они не доверяют, в целом, науке и экспертам. Например, в кейсе с ММР вакциной люди не доверяют журналу, который отозвал статью о вреде этой вакцины, а также не доверяют другим исследованиям, доказавшим безопасность этой вакцины, потому что считают, что ученые могут быть коррумпированными, недобросовестными и т.д.

Для подобного недоверия, действительно, имеются некоторые основания. Широко известно, что коммерциализация медицинской отрасли привела к множеству недобросовестных исследований, которые рекламируют те или иные медицинские препараты или услуги из корыстных интересов, и этот факт нельзя отрицать. Существует множество исследований финансовых конфликтов интересов в медицинских исследованиях. Фармацевтические компании влияют на рынок, распространяя медицинские журнальные статьи, которые в выгодном свете представляют те или иные продукты, которые продвигаются на рынке.

Также нельзя отрицать и роль социальных сетей в распространении заблуждений о вреде вакцин. Поскольку большинство людей привыкли черпать информацию не из научных журналов, а из соцсетей, где группы «антипрививочников» достаточно активно представлены, то это, безусловно, оказывает влияние на общественное доверие к вакцинам в целом, и хотя оно может и не приводить к полному

отрицанию вакцин (т.е. антивакцинаторству), но «зронить зерно сомнения», достаточное для того, чтобы занять выжидательную позицию, вполне способно.

3) Индивидуальные когнитивные факторы – когнитивные искажения (cognitive bias) и мотивированное рассуждение (motivated reasoning).

Мотивированное рассуждение можно определить как эмоциональную предвзятость, которая приводит к решениям, основанным на их желательности, а не на их логической обоснованности. Другими словами, это тенденция находить аргументы в пользу выводов, в которые мы хотим верить, более сильными, чем аргументы в пользу выводов, в которые мы не хотим верить [10]. Это не просто принятие желаемого за действительное, поскольку люди активно ищут доказательства и аргументы, подтверждающие их позицию.

Исследования в области эволюционной психологии также называют еще один феномен, который объясняет появление эпистемического недоверия к посторонним и, таким образом, также может, возможно, объяснить ВН – это логика «свой – чужой». Логика «своей» группы в противоположность «чужой» проявляется в реакциях отворачивания к «другим» или, во всяком случае, в предвзятом отношении, которое мы склонны проявлять по отношению к тем, кто не входит в наше ближайшее окружение.

Недостаток доверия к безопасности вакцинации подкрепляется индивидуальными факторами, такими как когнитивные искажения. Идея состоит в том, что даже серьезно подтвержденные объективные данные и научные данные о статистически низкой вероятности серьезных побочных эффектов после вакцинации не убеждают общественность. Это происходит потому, что при принятии решений люди обычно полагаются на Систему 1, а не на Систему 2 (Канеманн и Тверски), а Система 1, как известно, подвержена когнитивным ошибкам. Очень немногие люди, столкнувшись с решением о вакцинации или отказе от вакцинации, будут читать последние публикации в

журнале «Ланцет», чтобы узнать, каков объективно доказанный процент побочных эффектов, или применять теорему Байеса для расчета вероятности возникновения для себя серьезных побочных эффектов. Будучи людьми, мы ищем короткие пути в процессе принятия решений, и эти короткие пути часто являются когнитивными искажениями.

Некоторые из наиболее влиятельных когнитивных искажений, которые, как было доказано, влияют на ВН, это:

Эффект фрейминга – негативное представление результатов применения вакцины путем подчеркивания меньшей доли пациентов с побочными эффектами, чем у большинства пациентов без побочных эффектов. Например: «Вакцина X вызвала побочные реакции у 0.1%», вместо «Вакцина X не вызвала побочных реакций у 99.9%».

Пренебрежение базовой оценкой – переоценка редких побочных эффектов и недооценка частых легких побочных эффектов.

Предвзятость доступности информации в СМИ (освещение в СМИ предлагает яркое и эмоционально убедительное сообщение, которое влияет на принятие решения о вакцинации).

Предвзятость бездействия – люди рассматривают вакцинацию как действие, и когда они ожидают побочных эффектов, они склонны избегать действия (не делать прививку).

Оптимистическая предвзятость (игнорирование риска заражения и последствий потенциальных инфекций в результате отказа от прививки: «Я не в группе риска!»).

Предвзятость подтверждения – переоценка достоверности информации против вакцин и недооценка достоверности информации в пользу вакцин.

Неприятие двусмысленности – люди предпочитают известный риск от заболевания, а не неизвестный риск, связанный с вакциной от того же заболевания.

Исследователи также обнаружили, что что интеллектуальная скромность отрицательно коррелирует с нерешительным отношением к вакцинации [11]. Это может быть связано с тем фактом, что люди,

которые не боятся интеллектуальных трудностей или имеют более точное понимание своих собственных знаний, могут искать новую информацию о вакцинах, не беспокоясь о том, что они ошибаются. Возможно, что люди с высоким интеллектуальным смирением понимают, что их знания о вакцинах могут быть ограничены, и не рассматривают потенциально новую информацию как угрожающую.

Однако нельзя исключать, что та же интеллектуальная скромность может добавлять сомнение в непоколебимой истинности своих убеждений и способствовать появлению ВН. Признание собственной ограниченности проявляется, как правило, в занятии выжидательной позиции. Тогда ВН будет иметь уже интеллектуально добродетельный мотив. Для обоснования этой гипотезы требуются дальнейшие эмпирические исследования.

В заключение хотелось бы отметить, что мы не можем однозначно определить ВН как чисто иррациональную установку. Хотя верно, что для некоторых людей ВН может быть результатом указанных в статье иррациональных факторов, таких как религиозные убеждения или когнитивные искажения, для других ВН может быть результатом чисто рационального процесса, например, признания того, что ученые могут ошибаться. Выжидательная позиция в отношении вакцинации может быть результатом принятия на себя ответственности за собственные убеждения и действия.

Литература

1. *Joi P.* Will we see a return to masks and lockdowns against COVID-19 this winter? // VaccinesWork [Электронный ресурс]: <https://www.gavi.org/vaccineswork/will-we-see-return-masks-and-lockdowns-against-covid-19-winter>

2. *Karimov A., Lavazza A. & Mirko Farina M.* Epistemic Responsibility, Rights, and Duties During the Covid-19 Pandemic // *Social Epistemology*, 2022 [Электронный ресурс]: <https://doi.org/10.1080/02691728.2022.2077856>

3. Всемирная организация здравоохранения. Десять угроз глобальному здравоохранению в 2019 году. [Электронный ресурс]: <https://www.who.int/news-room/spotlight/ten-threats-to-global-health-in-2019>

4. *Bussink-Voorend, D., Hautvast, J. L. A., Vandeberg, L., Visser, O. & Hulscher, M. E. J. L.* // *Nature Human Behaviour*, 2022 [Электронный ресурс]: <https://doi.org/10.1038/s41562-022-01431-6>

5. Институт медицины. Обзор безопасности иммунизации: вакцины и аутизм. Вашингтон, округ Колумбия: Издательство национальных академий, 2004. https://www.ncbi.nlm.nih.gov/books/NBK25344/pdf/Bookshelf_NBK25344.pdf.

6. *Galanis P, Vraka I, Siskou O, Konstantakopoulou O, Katsiroumpa A, Kaitelidou D.* Willingness, refusal and influential factors of parents to vaccinate their children against the COVID-19: a systematic review and meta-analysis. // *Pub Med*, 2022 [Электронный ресурс]: doi:10.1016/j.ypmed. 2022.106994

7. *Smith, S.* Race and Trust // *Annual Review of Sociology* 36:453–75, 2010.

8. *Fournet, N., Mollema, L., Ruijs, W. L., Harmsen, I. A., Keck, F., Durand, J. Y., Cunha, M. P., Wamsiedel, M., Reis, R., French, J., Smit, E. G., Kitching, A., & van Steenbergen, J. E.* (2018). Under-vaccinated groups in Europe and their beliefs, attitudes and reasons for non-vaccination; two systematic reviews // *BMC Public Health*, 18(1), 196. [Электронный ресурс]: <https://doi.org/10.1186/s12889-018-5103-8>

9. *Macnaghten P., et. al.* Understanding Public Responses to Emerging Technologies: A Narrative Approach // *Journal of Environmental Policy & Planning*, [Электронный ресурс]: DOI: 10.1080/1523908X.2015.1053110

10. *Casigliani V, Menicagli D, Fornili M, Lippi V, Chinelli A, Stacchini L, Arzilli G, Scardina G, Baglietto L, Lopalco P, Tavošchi L.* Vaccine hesitancy and cognitive biases: Evidence for tailored communication with parents // *Vaccine X*. 2022 Jul 2. doi: 10.1016/j.jvacx.2022.100191. PMID: 35859887; PMCID: PMC9289735.

11. *Senger Amy R., Huynh Ho P.* Intellectual humility's association with vaccine attitudes and intentions // *Psychology, Health & Medicine*, 2020. DOI: 10.1080/13548506.2020.1778753

**СОЦИАЛИЗАЦИЯ И НЕТВОРКИНГ
В ОНЛАЙН-ОБРАЗОВАНИИ:
БЫТЬ ИЛИ НЕ БЫТЬ?**

Карина Яна Владимировна

ст. преподаватель кафедры НППиГ ИФМиБ

Казанский (Приволжский) Федеральный Университет

e-mail: yana.buligina@mail.ru

г. Казань

Аннотация

В исследовании представлен анализ статей по проблеме социализации и установлению социальных связей во время онлайн-обучения. Показано, что эта проблема уже давно осознается и признается крупнейшими платформами, предоставляющими онлайн-образование, такими как Нетология, Skillbox, Яндекс и т. д. Ими предлагаются и реализовываются различные варианты решения проблемы, начиная с инициирования неформального общения между студентами онлайн: создание групповых чатов, использование социальных сетей для знакомства и завязывания полезных связей, до перехода в офлайн и открытия офисов-коворкингов в крупных городах.

В 2020 году проблема социализации и дефицит человеческого взаимодействия во время обучения коснулась и традиционных университетов, предоставляющих очное образование. Тем не менее, именно этот аспект проблемы онлайн-обучения пока еще мало исследован как в зарубежном, так и на отечественном научном поле.

Ключевые слова: онлайн-образование, онлайн-обучение, дистанционное образование, социализация, нетворкинг, социальные связи, общение, коммуникация.

SOCIALIZATION AND NETWORKING IN ONLINE EDUCATION: TO BE OR NOT TO BE?

Karina Y.V.

senior lecturer of the Department of NPPG IFMB

Kazan (Volga Region) Federal University

e-mail: yana.buligina@mail.ru

city of Kazan

Abstract

An overview of articles on the problem of socialization and networking during online learning is presented. It is shown that the problem has been recognized by the largest platforms providing online education, such as Netology, Skillbox, Yandex, etc. They offer and implement various solutions to the problem beginning from initiating informal communication between students online: creating group chats, using social networks to meet and make useful connections, to opening offices for co-working and offline communication in cities.

In 2020, the problem of socialization and the lack of human interaction during training also affected traditional universities providing full-time education. Nevertheless, this aspect of the problem of online learning that has not yet been studied enough both in the foreign and Russian scientific field.

Keywords: online education, online learning, distance education, socialization, networking, social interactions, communication.

Стремительное развитие интернета за пару последних десятилетий нового века повлекло за собой цифровизацию и виртуализацию почти всех сторон нашей жизни, включая образование. Дистанционные форматы образования стали появляться еще в середине XX века до эпохи интернета. Тогда это были «почтовые» курсы: студентам

присылались задания по почте, и по почте же принимались их ответы. Эндрю Финберг, философ, один из первых новаторов в онлайн-коммуникации, в своей статье «Споры об онлайн-образовании и будущем университета» упоминает, что первая образовательная онлайн-программа была реализована в Калифорнии в Западном Институте Поведенческих Наук (WBSI), в 1982 году, когда Интернет еще был закрыт для широкой общественности [1].

С выходом Интернета за пределы университетов и технологических компаний, все процессы в дистанционном образовании значительно упростились и ускорились: теперь не надо неделями ждать нового письма с заданием и обратной связи на предыдущий ответ. Стерлись географические границы, и почти стерлись границы временные.

Среди прочих достоинств онлайн-обучения называют: доступность, гибкость, обеспечение приобретения новых знаний и непрерывного образования, которое сегодня требуется во многих профессиях.

А для организаций, предоставляющих онлайн-обучение это: достаточно низкая стоимость курсов, которая с каждым набором студентов все больше оправдывает себя; возможность сотрудничать с профессорами со всего мира, для проверки домашних заданий – привлекать не такой высокооплачиваемый преподавательский состав и т. д. [1, 2].

Среди основных проблем онлайн-платформ называют технические и технологические, возрастающую конкуренцию в области онлайн-курсов и увеличение стоимости рекламных услуг, низкий уровень интереса клиентов после покупки курсов [2]. У самих учащихся возникают сложности с концентрацией и удержанием внимания, с запоминанием и усвоением материала [2]. Отсутствие живого человеческого общения, которое на контрасте стало заметно студентам и преподавателям традиционных учебных заведений в 2020 году [3, 4, 5].

Когда мы говорим про онлайн-обучение, мы имеем в виду несколько разных групп. Это онлайн-платформы, которые изначально предоставляют такие услуги: онлайн-школы, университеты, платформы предлагающие курсы повышения квалификации. И все остальные традиционные учебные заведения, которые были вынуждены перейти на онлайн-формат обучения.

Про проблемы и недостатки онлайн-образования все заговорили в 2020 году, когда с ними столкнулись и традиционно очные учебные заведения по всему миру, которые были вынуждены перейти в онлайн.

Российский новостной портал РБК выпустил цикл статей, посвященных онлайн-обучению [6, 7, 8]. Авторы акцентируют внимание на том, что онлайн-обучение подрывает основы основ – живое общение и установление социальных связей, и напоминают про мировой опыт: «Любое элитарное образование подразумевает, что студенты не только получают знания, но и устанавливают между собой прочные отношения на всю оставшуюся жизнь» [6]. Владимир Мау, ректор РАНХиГС при Президенте РФ, согласен: «Химия человеческих отношений все равно будет важнейшим элементом университета. Хороший вуз – это про общение с себе подобными, а не про маркетинг, упаковку знаний, навыков и компетенций» [7].

Есть и иной взгляд на ситуацию: социализация и нетворкинг нужны не всем, это зависит от целей обучения. «Есть люди, которые считают, что им комфортнее учиться самостоятельно, без переписок в чате, вебинаров в неудобное время. Вероятно, они просто решают для себя какую-то частную задачу. Есть также мнение, что никакие вебинары и чаты не смогут заменить живое общение. С пандемией у нас есть прекрасная возможность на собственном опыте это проверить», – говорит Русина Лекух, лид реферального маркетинга в «Яндекс.Практикуме» [8].

Еще одно из достоинств онлайн-образования по заверениям тех, кто его продвигает и предлагает – это возможность не только получить необходимые знания, но и повысить свой социальный статус, получить

более высокооплачиваемую работу и в целом улучшить качество своей жизни [1, 2].

Но так ли это на самом деле? Онлайн-обучение позволяет легко получить новые знания и повысить квалификацию. Но, возвращаясь к идее знакомств и установления контактов, позволяет ли оно повысить социальный статус и найти новую работу только лишь с новыми знаниями без нетворкинга [6]?

Во многих статьях обсуждается (не)удовлетворенность общением, но не непосредственно нетворкинг. В статье 2022 года группа китайских исследователей делает вывод, что общение с одногруппниками и с тьюторами можно компенсировать качественным содержанием курса – оно вызывает больше удовлетворенности [3].

Испанские исследователи, напротив, пришли к выводу, что даже в специализированном онлайн-университете существует средний и высокий уровень неудовлетворенности студентов сопровождением (взаимодействием и общением), хотя вуз прикладывает много усилий для продвижения интерактивного опыта студентов во время учебы [4].

В единственной российской статье утверждается социализирующий потенциал онлайн-обучения, но из текста самой статьи неочевидно, в чем же он заключается, кроме тезиса про взаимодействие поколений во время онлайн-курсов, когда молодежь помогает старшему поколению освоить новые технологии [13].

Интересно то, что сами образовательные онлайн-платформы признают эту проблему, здесь мы нашли больше статей от ведущих российских образовательных онлайн-платформ, которые рассказывают о своем опыте в социализации детей и взрослых людей на онлайн-курсах [9, 10, 11, 12].

Платформы Дневник.ру и Школа Будущего Онлайн считают, что дети сами легко социализируются в процессе обучения, общаясь в мессенджерах и соцсетях между уроками или после занятий и много времени посвящают обсуждению не учебных вопросов, а разговаривают о своих увлечениях и интересах [9, 10]. Тогда как образовательные

платформы для взрослых изыскивают все новые способы, чтобы помочь людям устанавливать полезные знакомства.

Яндекс на своих онлайн-курсах старательно поддерживает нетворкинг и приветствует трудоустройство через знакомых – это не просто распространенная и удобная практика, но и, в некотором роде, гарантия качества нового работника: «Мне кажется, давно пора понять, что, если человек трудоустроен благодаря своим неформальным связям – это вовсе не перечеркивает его компетенций. «Яндекс», например, растет так качественно как раз благодаря тому, что друзья приводят сюда друзей, которые, попадая в общую hr-воронку, часто с большей вероятностью получают позицию» [8].

В Нетологии считают, что один из главных факторов успеха в нетворкинге – «это личная заинтересованность. Достаточно искреннего интереса и желания как принимать пользу, так и делиться ею – и тогда выстраивание профессиональных связей будет лёгким и приятным процессом» [12]. А методист Skillbox Анастасия Александренко утверждает, что «сам по себе нетворкинг вряд ли возникнет, даже если собрать людей в одной аудитории» [11]. Поэтому компания прикладывает много усилий для знакомства и сплочения людей как в онлайн, так и в офлайн-формате. В сентябре прошлого года компания открыла офлайн-офис в Казани, он стал вторым после Краснодара [14]. Так компания борется со снижением интереса пользователей после покупки курсов [2] и большим процентом студентов, не доходящих до конца обучения. Выяснилось, что многим студентам тяжело учиться онлайн из-за сложности в самоорганизации, а другим важна мотивация группы, таким образом, даже онлайн-платформы частично переходят к традиционной модели обучения.

В качестве заключения хочется отметить: что бы ни планировали идеологи цифровизации образования, окончательный выбор будут делать живые люди по всему миру. И не всегда этот выбор совпадает с теоретическими моделями и расчётами. Пока мы, кажется, предпочитаем живое человеческое общение?

Литература

1. *Feenberg A.* The Online Education Controversy and the Future of the University // *Foundations of Science*. – 2017. – Vol. 22, № 2. – URL: https://www.researchgate.net/publication/287402285_The_Online_Education_Controversy_and_the_Future_of_the_University (дата обращения: 20.09.2023). – Режим доступа: свободный.

2. *Yashalova N. N., Vasiltsova V. S.* Digital Education: New Challenges and Opportunities // *Scientific And Technical Information Processing*. – 2020. – Vol. 47, № 4. – URL: <https://link.springer.com/article/10.3103/S0147688220040073> (дата обращения: 20.09.2023). – Режим доступа: для авториз. пользователей.

3. *Li X., Lin X., Zhang F., Tian Y.* What Matters in Online Education: Exploring the Impacts of Instructional Interactions on Learning Outcomes // *Foundations of Science*. – 2017. – Vol. 22, № 2. – URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2021.792464/full> (дата обращения: 20.09.2023). – Режим доступа: свободный.

4. *Rivera-Vargas P., Anderson T., Cano C. A.* Exploring students' learning experience in online education: analysis and improvement proposals based on the case of a Spanish open learning university // *Education Technology Research and Development*. – 2021. – Vol. 69. – P. 3367–3389. – URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s11423-021-10045-0> (дата обращения: 20.09.2023). – Режим доступа: для авториз. пользователей.

5. *Pérez-Fernández H., Martín-Cruz N., Delgado-García J. B., Rodríguez-Escudero A. I.* Online and Face-to-Face Social Networks and Dispositional Affectivity. How to Promote Entrepreneurial Intention in Higher Education Environments to Achieve Disruptive Innovations? // *Frontiers in Psychology*. – 2020. – Vol. 11. – URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2020.588634/full> (дата обращения: 20.09.2023). – Режим доступа: свободный.

6. *Нуреев Б.* Будущее образования в онлайн: как поменяются лекции, студенты и педагоги URL: <https://trends.rbc.ru/trends/>

education/5f0f2d4d9a79475e6bcc47fc (дата обращения: 20.09.2023). – Режим доступа: свободный.

7. *Андреева А.* Учебная тревога: что ждет образование в будущем URL: *https://trends.rbc.ru/trends/education/5f5f84d89a7947f0d1ed9671* (дата обращения: 20.09.2023). – Режим доступа: свободный.

8. *Лекух Р.* Между парами: как наладить процесс социализации при онлайн-обучении. – URL: *https://trends.rbc.ru/trends/education/5edfd5639a79474695830ed4* (дата обращения: 20.09.2023). – Режим доступа: свободный.

9. 33 способа использования социальных сетей для совершенствования учебного процесса URL: *https://dnevnik.ru/news/250756* (дата обращения: 20.09.2023). – Режим доступа: свободный.

10. Социализация в онлайн-школе: как получить обратную связь от преподавателей и одноклассников URL: *https://school-of-future.online/blog/sotsializatsiya-v-onlayn-shkole-kak-poluchit-obratnuuyu-svyaz-ot-prepodavateley-i-odnoklassnikov/* (дата обращения: 20.09.2023). – Режим доступа: свободный.

11. Как организовать нетворкинг на онлайн-курсе URL: *https://skillbox.ru/media/education/kak-organizovat-networking-na-onlaynkurse/* (дата обращения: 20.09.2023). – Режим доступа: свободный.

12. Нетворкинг в онлайн-обучении: как получить максимум пользы и расширить сеть профессиональных контактов URL: *https://netology.ru/blog/09-2021-online-networking* (дата обращения: 20.09.2023). – Режим доступа: свободный.

13. *Сохраняева Т.В.* К вопросу о социализирующем потенциале практик онлайн-обучения / Т. В. Сохраняева // Социально-политические науки. 2017. – Текст: электронный. – URL: *https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-sotsializiruyuschem-potentsiale-praktik-onlayn-obucheniya* (дата обращения: 20.09.2023). – Режим доступа: свободный.

14. Skillbox открыл ещё одну офлайн-школу URL: *https://skillbox.ru/media/education/skillbox-otkryl-eshchye-odnu-oflaynshkolu/* (дата обращения: 24.09.2023). – Режим доступа: свободный.

**«КУЛЬТУРНЫЙ КАПИТАЛИЗМ»
КАК СОЦИАЛЬНАЯ ФОРМА
СОВРЕМЕННОГО ГУМАНИТАРНОГО ПОВОРОТА**

Козырьков Владимир Павлович

*доктор социологических наук, профессор
профессор кафедры отраслевой и прикладной социологии
Национальный исследовательский Нижегородский государ-
ственный университет имени Н.И. Лобачевского,*

e-mail: kozir3@yandex.ru

г. Нижний Новгород

Аннотация

Автор исходит из идеи П. Сорокина, что гуманитарный поворот обусловлен воздействием Второй мировой войны и ее последствиями. Но эта идея рассматривается критически, так как капитализм в поствоенную эпоху научился использовать культуру для скачка в росте прибыли и в освоении новых для себя сфер жизнедеятельности человека. Культура в качестве способа предотвращения войны была потеснена на задний план. В статье рассматриваются новые формы капитализма в виде культурного и гуманитарного капитализма. Рассматриваются направления использования культуры в качестве капитала. Автор приходит к выводу, что сформировался новый тип гуманитариев, ориентированных не на развитие человека, а на прибыль за счет технологизации духовности.

Ключевые слова: посткапитализм, культурный капитализм, гуманитарный поворот, гуманитарии, культура, гуманитарный капитализм.

"CULTURAL CAPITALISM"
AS A SOCIAL FORM OF THE MODERN
HUMANITARIAN TURN

Kozyr'kov Vladimir Pavlovich
Ph.D., Full Professor
Lobachevsky State University,
Nizhny Novgorod

Abstract

The author proceeds from P. Sorokin's idea that the humanitarian turn is caused by the impact of the Second World War and its consequences. But this idea is considered critically, as capitalism in the post-war era learned to use culture for a leap in the growth of profits and in the development of new spheres of human activity. Culture as a way of preventing war has been pushed to the background. The article considers new forms of capitalism in the form of cultural and humanitarian capitalism. Examines the directions of using culture as capital. Concludes that a new type of humanitarians has formed, focused not on human development, but on profit through the technologization of spirituality.

Keywords: postcapitalism, cultural capitalism, humanitarian turn, humanitarians, culture, humanitarian capitalism.

Гуманитарный поворот во второй половине XX века во многом вызван Второй мировой войной, ее последствиями и осмыслением. Нет ничего страшнее для человека и культуры, чем война, тем более война на истребление целых народов и государств. Выросшая на гребне острого общего кризиса капитализма, война обратила внимание представителей всех социально-гуманитарных дисциплин на тот факт, что современное государство и все его мощные структуры, включая международные, не смогли предотвратить войны. Следовательно, был

сделан вывод, средство ее предотвращения надо искать в особенностях развития культуры.

К этому выводу пришел П.А. Сорокин в исследовании социальной и культурной динамики. Он показал, что главная причина войны – кризис культуры, господство ее сенситивной формы. Он предупреждал, что это приведет к мировой войне [1]. В послевоенные, 50-60-е годы, он исследовал духовную культуру, которая могла бы стать залогом недопущения войны. В частности, исследовал альтруизм, любовь, интегративные процессы. Считал, что именно эти факторы должны сыграть решающую роль в предотвращении войны. Для многих такое средство представлялось социологической утопией, когда, скажем, русско-американский ученый доказывал необходимость интеграции США и СССР в силу сходства их общественных структур [2].

Если принять идею П. Сорокина, то главным фактором спасения человечества становится сам человек, но только если мы культуру будем рассматривать в качестве способа формирования и развития человека [4]. Поэтому необходимо воспитание молодого поколения в духе этой идеи.

Но в то же время для субъектов бизнеса стало очевидно, что наиболее эффективным и дешевым средством извлечения прибыли является также культура в целом, – культурный капитал, включённый в структуру экономики на разных ее уровнях и в разных формах. В качестве культурного капитала может использоваться и культура в ее общем виде, и такое ее проявление () форма, как массовая культура: шоу-бизнес, СМИ, корпоративная культура. Возобладала установка: в конкурентной борьбе между странами и компаниями выигрывает тот, у кого выше культурный уровень управления, профессионализма работников, условий производства. Таким образом, возникли новые условия как для развития капиталистической экономики, так и для развития культуры.

Культура в этом случае рассматривается как высшее достижение в определенной отрасли производства и как высокое качество управления этой отраслью. То есть такая культура, которая имеет лишь опосредованное отношение к человеку, являясь культурой развития средств производства капитала, а не средством воспроизводства и развития самого человека. Только такая культура, то есть культура в ее опосредованном и усеченном виде, может быть культурным капиталом. Именно в таком понимании культура устраивает бизнес-класс, так как позволяет ее использовать в качестве одного из ресурсов увеличения прибыли. Однако поскольку культура все же входит в процесс производства прибыли через человека и через условия его труда, постольку есть формальные основания назвать капитализм посткапитализмом. Точно так же, как раньше рабочих стали относить к капиталистам, поскольку они становились держателями акций. Теперь этим средством «выскакивания» из узких рамок капитализма стали считать культуру.

Нужно сказать, что само по себе выделение культуры в качестве главного фактора производства есть симптоматичный факт, когда теоретики капитализма расширяют смысл этого понятия. До этого класс предпринимателей относил к культуре только сферу искусства. Предельным теоретическим вариантом расширения понятия «культура» стала теория капитала П. Бурдьё, для которого все является капиталом: и сама культура в ее предметном выражении, и сам человек. И не только реально существующий, но еще не родившийся в виде материнского капитала.

Таким образом, посткапитализм – это стадия развития капитализма, на которой его «спасителем» становится культура. Но как же человек и процесс предотвращения войны через воспитание? Эта идея П. Сорокина осталась только для идеологических декораций. Особенно вдохновенно теоретиками и последователями этого пути развития экономики произносится фраза о необходимости инвестиций в науку, так как она дает наибольшую прибыль.

В процесс производства культура входит двумя путями: *непосредственно* в виде дизайна, освоения эстетических средств для развития творческого воображения, создания собственных учреждений культуры в виде арт-центров, клубов, дворцов культуры, а также творческих фольклорных коллективов, художественной самодеятельности, физической культуры и спорта.

И опосредованно, когда культура входит в экономику через освоение общей культуры общества, которая воздействует на производство и на работников через все доступные СМИ, систему образования, просвещения, государственные, общественные и частные учреждения культуры, доступ к которым имеет *каждый человек* и может выбирать культурные ценности в соответствии со своими интересами и вкусами.

В первом направлении ответственность за культурное содержание полностью ложится на предпринимателей. Они и платят за развитие этого направления. Во втором случае бизнес снимает с себя прямую ответственность за уровень культуры. Тем более что все эти ресурсы культуры достаются бизнесу бесплатно.

Правда, по второму пути он может действовать двояко: во-первых, переложить ответственность на самих работников, на семью, на особенности процесса культурного развития человека. Во-вторых, стимулировать процесс культурного производства, создавая для этого условия в виде арт-центров, фондов, научных и учебных заведений. То есть определенные финансовые капиталы бизнес может вкладывать и в сферу культуры.

Для реализации первого и второго пути развития современное капиталистическое сообщество интегрировало слой гуманитариев. В итоге, модифицируясь, общество стало приобретать форму культурного капитализма [5, с. 155-169] или посткапитализма, стадию, в которую, якобы, вступил современный капитализм, отрицая самого себя, выходя за свои пределы. Одновременно сложившееся общество можно назвать и гуманитарным капитализмом: когда, например,

С. Жижек говорит о культурном капитализме, его содержание он иллюстрирует примерами из социальной области, связанной с социальной помощью, благотворительностью и т.д., а не из области морали, науки, искусства.

Понятие культуры в этом случае приобретает свой, специфический смысл, отличный от понятия гуманитарного, поэтому привязка понятия культуры к категории капитализма смещает содержание данного понятия, делая его аморфным, и, одновременно, возвышает феномен капитализма. Но возвышение происходит только на словах, в области PR, а не на деле, так как реальная культура, которая интегрируется в капиталистическое общество, существует больше как массовая культура и средства образования, которые нужны для воспроизводства и роста лишь профессионального уровня работников.

Впрочем, капитализм возвышается и через понятие гуманитарного, но это возвышение происходит внутри самой структуры общества, сумевшего использовать социальную сферу, сферу благотворительности, образования и воспитания для извлечения прибыли. Гуманитарность становится пресловутыми издержками производства прибыли, которые капитализм вынужден учитывать, чтобы сохранить себя как тип общества. Более того, такое включение позволяет капитализму выдвигать на передний план свою необходимую связь с ценностями гуманизма в решении многих вопросов, убеждая с помощью СМИ и всей системы современных массовых коммуникаций, что человеческий капитал является для него главным капиталом и главным ресурсом общества.

Такое развитие современного общества приводит к неожиданным последствиям. Полвека назад наличие гуманитариев в науке рассматривали как показатель того, что существует масса наук, включая социальные науки, в которых проблема человека игнорируется. Это привело к скачку в антропологизации наук. Сейчас ситуация противоположная: в то время как гуманитарная сфера расширилась, по крайней мере, с ее презентативной стороны, гуманитариев часто обвиняют

в том, что они занимаются такими проблемами, которые далеки от потребностей социальной практики и человека. «Физики» и «лирики» поменялись местами.

Вполне логично, что обвинения в негуманности гуманитариев чаще звучат со стороны ортодоксальных «физиков», а не креативных «лириков». Гуманитарии защищаются, указывая на продолжающееся углубление дегуманизации общественных отношений и феноменов культуры в условиях более глубокой технологизации капитализма и вымывания слоя позитивно-гуманистической культуры.

Происходит это путем еще более глубокой технологизации и капитализации сферы культуры: информатизации и технологизации коммуникаций, конвертирования всех видов информации в цифровые формы их хранения, передачи и воспроизводства. Капитализация выражается процессами наращивания «человеческого капитала», «материнского капитала», «детского капитала» и др. форм гуманитарного капитала.

В результате затихает диалог гуманитариев, так как каждый высказывает и утверждает только себя через разработку разных гуманитарных технологий. Дискуссия как институт науки умирает, превращаясь в громкие публичные споры, в которых рождается не истина, а скандал как форма рекламы. Становится ненужной и массовая коммуникация по проблемам гуманитарной науки, так как гражданское общество ничего не ждет нового от гуманитариев, довольствуясь своей доморощенной внутренней духовностью. В итоге в обществе образуется не общественное самосознание с пониманием социальных процессов, а некое гуманитарное марево, пустота [6], в пространстве которого можно и дальше успешно развивать общество гуманитарного капитализма, в которое интегрируются гуманитарии с соответствующими талантами.

Такие гуманитарии находят теоретическое оправдание своей состоятельности, создавая концепцию мультипарадигмальности и постмодернизма, в которых доказывают исчезновение общества, общих закономерностей и общих наук.

А если они исчезают, то люди начинают испытывать потребность в экспертах, социальных инженерах, консультантах и прочих гуманитариях нового типа, которые призваны связывать всех людей в одно целое лишь знанием технологий в решении частных практических проблем. Общество становится не понимающим, а технологизированным.

Таким образом, постмодернизм, при всей его внешней эпатажности и логической неупорядоченности, есть лишь обратная сторона технологизации функций гуманитариев в процессе производства прибыли [7]. Технологизация гуманитариев постмодернистского типа направлена не на производство, не на развитие культуры и человека, а на технологизацию духовности человека индивидуализированного, нарциссического типа.

Таким образом, характер культуры за протекшее после второй мировой войны время изменился. Однако в появившихся новых направлениях и структурах не зародилась тенденция, которая уводила бы общество от угрозы войны. Культура еще не выработала форму табу, которое, как в прошлом в сфере морали, не стала бы непреодолимой преградой для развития милитаризма. Более того, культура стала служить развитию структур общества наживы, которые приводят к войне.

Литература

1. *Сорокин П.А.* Социальная и культурная динамика / П.А. Сорокин. М.: Астрель, 2006. 1176 с.
2. *Сорокин П.А.* Кризис нашего времени // Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / П.А. Сорокин. М.: Политиздат, 1992. С. 427-504.
3. *Сорокин П.А.* Главные тенденции нашего времени / П.А. Сорокин. М.: Наука, 1997. 352 с.

4. *Козырьков В.П., Придатченко М.В., Шалютина Н.В.* Социология культуры в цифровом обществе / В.П. Козырьков, М.В. Придатченко, Н.В. Шалютина. СПб.: Алетейя, 2022. 378 с.

5. *Жижек С.* Культурный капитализм //Жижек С. 13 опытов о Ленине / Славой Жижек. М.: Ad Marginem, 2003. С. 155-169.

6. *Липовецки Ж.* Эра пустоты. Эссе о современном индивидуализме / Жюль Липовецки. СПб.: Владимир Даль, 2001. 331 с.

7. *Нуссбаум М.* Не ради прибыли. Зачем демократии нужны гуманитарные науки / Марта Нуссбаум. М.: Издательский дом ВШЭ, 2014. 192 с.

**АКТУАЛЬНОСТЬ И ТРАНСФОРМАЦИИ
ФИЛОСОФСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ:
КАЗАХСТАНСКИЙ И МИРОВОЙ ОПЫТ**

Куранбек Асет Абайулы

кандидат философских наук

заведующий кафедрой философии

Казахский национальный университет

имени аль-Фараби

e-mail: akuranbek@gmail.com

Республика Казахстан

г. Алматы

Лифанова Татьяна Юрьевна

кандидат философских наук, доцент

Казахский национальный университет

имени аль-Фараб,

e-mail: lifanova.tatiyana@gmail.com

Республика Казахстан

г. Алматы

Аннотация

Статья посвящена анализу основных тенденций развития современного философского образования в Казахстане. Формируя модель выпускника специальности «Философия», важно ответить на вопросы, каким должен быть современный философ и какой «философ» нужен современному казахстанскому обществу. Сегодня профиль компетентности выпускника высших учебных заведений должен быть сформирован в логике потребностей и интересов современного информационного общества и ориентирован на внедрение личных и социальных траекторий. В работе представлен краткий анализ после-

вузовских программ (магистратуры и докторантуры) по специальности «Философия» в аспекте определения особенностей формирования компетентностной модели выпускника современного вуза. В целом принципиальной установкой докторского образования является стимулирование мобильности, поддержка европейских и международных совместных докторских программ и схем двойных докторских степеней как отражение растущей интернационализации подготовки исследователей.

Ключевые слова: философия, философское образование, докторантура, магистратура, компетенции, модернизация.

**RELEVANCE AND TRANSFORMATION
OF PHILOSOPHICAL EDUCATION:
KAZAKHSTAN AND WORLD EXPERIENCE**

Asset A. Kuranbek

*Candidate of Philosophical Sciences, Head of the Department of Philosophy,
al-Farabi Kazakh National University
Almaty, Republic of Kazakhstan*

Tatiana Y. Lifanova

*Candidate of Philosophy, Associate Professor
al-Farabi Kazakh National University
Almaty, Republic of Kazakhstan*

Abstract

The article is devoted to the analysis of the main trends in the development of modern philosophical education in Kazakhstan. When forming a model of a graduate majoring in «Philosophy», it is important to answer the questions of what a modern philosopher should be and what kind of «philosopher» is needed by modern Kazakhstani society. Today,

the competency profile of a graduate of higher educational institutions should be formed in the logic of the needs and interests of the modern information society, and be focused on the implementation of personal and social trajectories. The paper presents a brief analysis of postgraduate programs (master's and doctoral studies) of the specialty "Philosophy" in the aspect of determining the features of the formation of a competency model of a modern university graduate. In general, the guiding principle of doctoral education is to stimulate mobility, support European and international joint doctoral programs and double doctoral degree schemes as a reflection of the growing internationalization of researcher training.

Keywords: philosophy, philosophical education, doctoral studies, master's programs, competencies, modernization.

Традиции философского образования в Казахстане уходят своими корнями в середину прошлого века и вполне способны репрезентировать культурные, социально-политические перипетии нескольких десятилетий. Анализ динамики образовательных программ по философии может быть сопряжен с оценкой трансформации содержания общего курса «Философия», начавшейся с отхода от постулатов марксистско-ленинской философии и незавершенной до настоящего времени. В целом именно сейчас, когда определенный этап уже пройден, возможна полноценная рефлексия, анализ актуальных проблем и работа над ошибками.

Активное преобразование программ начинается с периода независимости Казахстана и первоначально характеризуется изменением внешнего формата реализации учебного процесса, результатом которого, почти через два десятилетия, становится современная система оценки достижений учащихся. На примере КазНУ им. аль-Фараби возможно отметить, что в 1992 году, впервые и в Казахстане, и в Центральной Азии, университет приступает к реализации первого этапа Болонских преобразований – внедрению модели 2-уровневого цикла. Первые программы бакалавриата по специальности «Философия»

открыты в КазНУ им. аль-Фараби в 1992 году. Первые в системе казахстанского образования магистры-философы получили диплом КазНУ в 1998 году. Начиная с 2010 гг., КазНУ им. аль-Фараби предлагает программы докторантуры, ведущие к получению степени доктора философии (PhD).

Философское образование за эти годы не только модифицировалось структурно и содержательно, но и, что не менее важно, кардинально изменилась постановка целей организации образовательного процесса. В связи с этим возникает главный вопрос о возможности осмысления философии как профессии. Иными словами, формируя модель выпускника специальности философия, мы должны ответить на вопросы, каким должен быть современный философ и какой «философ» нужен современному казахстанскому обществу.

Формирование модели философского образования в контексте инновационного развития. В условиях профессиональной ориентации приходится считаться с тем фактом, что будущая сфера профессиональной деятельности выпускников остается неопределенной и не имеет строгой привязки к конкретному виду прикладной деятельности. Область деятельности философа не ограничивается специальностью, прописанной в дипломе, что порождает ряд преимуществ и недостатков. В первую очередь следует ответить на вопрос, какие же преимущества может дать такая неопределенность в профессиональной и личностной самореализации выпускника специальности «Философия». Универсальное и глобальное образование философа ведет не только к знанию общих законов развития природы, общества и человеческого мышления, но и к применению этих знаний к анализу современного общества, продуцированию различных стратегий профессиональной деятельности, вне зависимости от предметной области.

«Человек, находящийся внутри бизнеса, может дойти до обоснования проблемы принятия решений, – отмечает декан философского факультета МГУ В. Миронов, – но при этом нужно понимать, что философ функционально знает общие законы развития... Философ

в отличие от представителя конкретной области знания работает при принципиальном понимании, что знания всегда будет не хватать, при том, что нужно принимать решения» [1, с. 5].

Весьма перспективно считать данный вид компетенций не только прерогативой философских дисциплин, но и частью междисциплинарных образовательных стратегий университетов.

Рассуждая о содержания философского образования, следует отметить, что в современных научных исследованиях достаточно обоснована взаимосвязь между успешностью руководителя, новатора, ученого (вне зависимости от сферы деятельности) и наличием у него так называемого философского мышления. Так, в работах Javidі K.T., Abootorabi R. и Farahbakhsh S. [2] констатируется наличие положительных корреляций между философским мышлением (то есть наличием понимания, проникновения, гибкости) руководителей школ и их творчеством.

Сегодня профиль компетентности не только философа, но и выпускника высших учебных заведений должен быть сформирован в логике потребностей и интересов пост-современного общества ориентирован на внедрение личных и социальных траекторий.

Наибольший интерес в аспекте определения особенностей трансформации образовательной модели специальности «Философия» представляет анализ послевузовских программ. Так, в казахстанских вузах программы подготовки бакалавров отличаются от европейских большей продолжительностью по сравнению с Болонской моделью [См.: 3]. В целом программы бакалавриата различных мировых университетов структурно схожи, содержат курсы по истории мировой и национальной философии, теоретические дисциплины и достаточно много углубленных курсов по специализации вуза и/или региона.

Степени магистра являются более универсальными, чем докторская квалификация и имеют широкий спектр профессионального и научного применения. Анализ международного опыта организации магистерских программ специальности «Философия» показывает, что

их важнейшей особенностью является ориентация на междисциплинарный аспект. Многие ведущие вузы с целью придания программам практической направленности и, как следствие, коммерческой привлекательности, подчеркивают их интегральный характер. Возможно привести пример Оксфордского университета, где обучающимся предлагается ряд программ, ведущих к получению степени магистра и включающих философию в качестве основного компонента: «Literae Humaniores» (четырёхлетняя программа, которая включает в себя древнюю и современную философию; классические языки и литературу и т.д. и предполагает предварительное изучение классического языка, хотя можно начать изучение языков более-менее «с нуля»); «Philosophy, Politics and Economics» (трехлетняя программа); «Psychology and Philosophy» и др.

Философия является исследованием, которое включает в себя методологический компонент, а также элементы поиска смысла, обретения универсальной мудрости (что, как правило, представлено в рекламных проспектах программ). Кроме того, программы магистратуры ведущих зарубежных вузов отличает отсутствие кредитов на так называемый педагогический компонент. При почти полном отсутствии грантов многие программы ориентированы на финансовый успех среди абитуриентов. В программах магистратуры превалирует выборный компонент и, соответственно, дисциплины, сопоставимые со специализацией – масс-медиа, политика, религиоведческие исследования, литература и др.

Отличительной особенностью магистерских программ специальности «Философия» КазНУ им. аль-Фараби является научно-педагогическая направленность, хотя профильные программы в Казахстане тоже есть, их востребованность именно по философии гораздо ниже, на что определенное влияние оказывает и отсутствие финансирования, государственных грантов на профильную магистратуру.

Докторантура. Докторское образование (как третий цикл) официально стало частью Болонских преобразований в 2003 году. Однако

на уровне докторских степеней программы различных вузов значительно отличаются. В докладе Trends 2010 отмечается, что «изменения на докторском уровне были самыми впечатляющими по своей глубине и темпам осуществления» [4]. С одной стороны, для уровня подготовки докторов характерны типичные проблемы Болонской структуры, такие, как определение квалификационных рамок, выход на рынок труда, признание квалификаций, с другой – можно констатировать и наличие специфических трудностей.

Анализ международных материалов, докладов Европейской ассоциации университетов (EUA), глубинных интервью казахстанских экспертов позволяет обобщить основные проблемы докторской подготовки.

1. Соотношение исследовательской работы и теоретического обучения в докторантуре. Завершенной программа докторантуры считается после защиты оригинального научного исследования. В тоже время традиция докторского обучения как выполнения оригинального исследования под руководством одного профессора без изучения определенных теоретических дисциплин все более подвергается сомнению. И, соответственно, признается необходимость освоения всеми докторантами определенных навыков, компетенций. С 2010 года академическая докторантура полностью заменила в казахстанских вузах исследовательскую докторантуру и аспирантуру.

2. Переход от традиционных, прямых отношений соискатель-руководитель к контрактному соглашению между докторантом, руководителем (руководителями) и учебным заведением, требующий от вузов обеспечения стандартов научного исследования и руководства. В проектах Европейской ассоциации университетов (EUA) отмечается, что основная возможность трудоустройства обладателей докторской степени в неакадемической среде вытекает из навыков, которые они получили, обучаясь проведению исследований. Работодатели высоко ценят уровень научных и технических знаний, которыми обладают доктора из европейских университетов, в том числе их

аналитические способности, умение интегрировать знания из разных источников и способность работать в междисциплинарных областях. С другой стороны, преимущества докторской степени не считаются привлекательными для карьеры, не предусматривающей имманентного исследовательского компонента [См.: 5].

3. Завершенность докторских программ. Одно из требований к организации программ докторантуры – возможность их завершения в установленные сроки, включая процедуру публичной защиты. Международные эксперты, в первую очередь участвующие в процедурах аккредитации, отмечают, что, несмотря на высокие требования, казахстанская программа докторантуры может быть успешно и в срок выполнена. «Требования к докторантам очень высоки, но выполнимы» – таково обобщенное заключение экспертов. Однако международный опыт указывает на сложность решения данной проблемы. Например, страны, имеющие два этапа докторского обучения – теоретическое обучение, за которым следует написание диссертации, – склонны констатировать тот факт, что второй этап часто не завершается. «ABD» – «все, кроме диссертации» (all but the dissertation) – это американское выражение, означающее подобную ситуацию. Характерен пример США, где теоретическая часть длится в среднем два года, но завершение степени занимает от шести до девяти лет при высокой норме отсева [См.: 6].

4. Профессиональная докторская степень. В Казахстане в 2015-2016 гг. введена так называемая профильная докторантура и степень доктора по профилю. Профессиональная докторская степень довольно интенсивно внедряется в систему образования с конца 80-х – начала 90-х годов прошлого века в англосаксонской академической среде. В тоже время эта тенденция относительно все еще нова, как для казахстанских, так и для европейских вузов. Как отмечается в проекте EUA «DOC-CAREERS», эти степени позволяют тем, кто работает по некоторой профессии, проходить докторское обучение в своей профессиональной области. «Совместные докторские программы,

обеспечивающие соприкосновение с неуниверситетской средой, являются прекрасным способом улучшить способность докторантов связывать абстрактное мышление с практическим применением и наоборот, как это требуется для развития новых знаний, продуктов или услуг» [7]. Но и в этих новых формах докторского образования основным компонентом остается оригинальное исследование. В казахстанской академической среде четкого представления о профессиональной докторантуре пока не сформировалось, чему способствует длительная исследовательская традиция.

В целом принципиальной установкой докторского образования является стимулирование мобильности, поддержка европейских и международных совместных докторских программ и схем двойных докторских степеней как отражение растущей интернационализации подготовки исследователей.

В заключении хотелось бы отметить, что, начиная с 2019 года, вузы Казахстана в целом получили автономию в определении содержания обучения по различным специальностям и направлениям подготовки, что расширило их спектр и в тоже время значительно повысило требования к разработке образовательных программ.

Литература

1. *Рожков А.* Философ в деле. Профессиональные мыслители пригодятся в любом бизнесе / А.Рожков // Российская Бизнес-газета. Карьера и менеджмент. – 2015. – № 6(985). URL: <https://rg.ru/2015/02/17/filosofia.html> (дата обращения 27.09.2023)

2. *Javidi K.T., Abootorabi R.* A study of the relationship between principals' philosophical mindedness and their creativity/ K.T. Javidi, R. Abootorabi // Procedia – Social and Behavioral Sciences. – 2011. – Volume 15. – P. 1314-1322. URL: <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2011.03.284>

3. Реализация Болонского процесса в странах Tempus. – Брюссель, 2012. Выпуск 9. – С. 51-57.

4. Trends 2010: a decade of change in European Higher Education. – Brussels, 2010. URL: http://www.eua.be/Libraries/publications-homepage-list/trends_2010049364_ca84b96a879ce5ff00009465c7.pdf (дата обращения 27.09.2023).

5. Doctoral Education - Taking Salzburg Forward: Implementation and New Challenges. - Brussels, Belgium: European University Association, 2016. URL: http://www.eua.be/Libraries/publications-homepage-list/Doctoral-Education_Taking_Salzburg-Forward.pdf (дата обращения 27.09.2023).

6. Collaborative Doctoral Education in Europe: Research Partnerships and Employability for Researchers Report. DOC-CAREERS II Project. – Brussels, Belgium: European University Association, 2015. URL: http://www.eua.be/Libraries/publications-homepage-list/EUA_Doc_Careers_II_web.pdf (дата обращения 27.09.2023).

7. Collaborative Doctoral Education University-Industry Partnerships for Enhancing Knowledge Exchange. DOC-CAREERS. – Brussels, Belgium: European University Association, 2009. URL: <http://www.eua.be/activities-services/publications/eua-reports-studies-and-occasional-papers.aspx> (дата обращения 27.09.2023).

**ИДЕЯ СМЕРТИ В ФИЛОСОФИИ
(НЕ ТОЛЬКО ГЕГЕЛЯ):
К ПРОБЛЕМЕ БЕЗАЛЬТЕРНАТИВНОСТИ
НАСТОЯЩЕГО**

Либерман Самсон Александрович
кандидат философских наук, доцент
Казанский (Приволжский) Федеральный Университет
e-mail: samsonliberman@gmail.com
г. Казань

Аннотация

В статье рассмотрено несколько подходов к концептуализации смерти и негативности, противопоставленных подходу Г.В.Ф. Гегеля и А. Кожева, согласно которому негативность и смерть включаются в структуру реальности как завершающие ее целостность, тотальность. Сделано предположение, что возможность иного понимания смерти, прежде всего как внешнего опыта субъекта события, события Другого в логике Э. Левинаса и «вне-памятного» в логике Ж. Лиотара, может дать альтернативные презентистскому представления о будущем.

Ключевые слова: Событие, смерть, негативность, отрицание, субъект, Другое, будущее.

THE IDEA OF DEATH IN PHILOSOPHY (NOT JUST HEGEL): ON THE PROBLEM OF LACK OF ALTERNATIVES TO THE PRESENT

Liberian Samson

Ph.D, Associate Professor

Kazan (Volga Region) Federal University

e-mail: samsonliberman@gmail.com

Kazan

Abstract

The article considers several approaches to the conceptualization of death and negativity, opposed to the approach of G.V.F. Hegel and A. Kozhev, according to which negativity and death are included in the structure of reality as completing its integrity, totality. The assumption is made that the possibility of a different understanding of death, first of all as an external experience of the subject of the event, the event of Another in the logic of E. Levinas and "out-of-memory" in the logic of J. Lyotard, can give alternative presentist ideas about the future.

Keywords: Event, death, negativity, negation, subject, Other, future.

В известном эссе Александра Кожева гегелевский проект философии подается как тематизация категории субъекта. Последний, понимаемый как эссенция негативности и самоотрицания, противопоставляется самотождественной субстанции [1, с. 131]. Вслед за ним этот же мотив выделяют Ю.В. Перов и К.А. Сергеев в своей вступительной статье к «Лекциями по философии истории» Гегеля [2, с. 15], а также Д.Э. Гаспарян в работе «Социальность как негативность» [3, с. 39].

Последняя в целом склонна толковать тематизацию негативности, которая является инструментом «расширения имманентного», а потом и его «тотализации», как «задачу века» [3, с. 21] и ведущий

мотив неклассической философии. Классическая философия рассуждала в рамках противопоставления трансцендентного и имманентного и отдавала предпочтение прекрасному и вечному перед несовершенным и изменяющимся. Неклассика же, начиная, прежде всего, с Гегеля, представляет свой объект не как нечто вечное и неизменное, вроде мира эйдосов Платона, но как становящееся, подвижное. Да, Гегель говорит об Абсолюте, но его Абсолют с необходимостью должен сбываться в посюстороннем. Сущности являются, явления существенны, абсолютом – это субъект, а не субстанция.

Развитие же неклассической философии Д.Э. Гаспарян склонна толковать как радикализацию этой установки на включение негативного в структуру реального. Выстраивая линию преемственности «Гегель – Кожев – Сартр» [3, с. 74], она настаивает на тотализации имманентного как одной из основных характеристик современной философии. Если у Гегеля имманентное впервые оказывается в фокусе философского рассмотрения как форма проявления трансцендентного, то у Сартра трансцендентное уже полностью вытеснено имманентным. Теперь человек обречен только на свободу, а главной его сущностной характеристикой оказывается отсутствие сущностных характеристик.

Такое включение негативности в структуру реального влечет за собой характерное представление о смерти как о необходимом для обновления малом зле (жертва) или о предельном выражении, пиковом состоянии настоящего (экзистенциал). У Ж. Батая эти два аспекта смерти объединяются в его концепте траты. Смерть понимается как некоторый экстаз, слияние с абсолютным, платой за доступ к которому является жертвование собственной жизнью. Так, именно в жертвоприношении сбывается бог, в казни – государство, в смерти солдата – героическая победа и история [4, с. 41].

Как иронично замечает Жан Люк Нанси, «Со времён Лейбница нет больше смерти в нашей Вселенной: так или иначе, абсолютная циркуляция смысла (или ценностей, целей, истории...) заполняет и

поглощает всякую предельную негативность, извлекает из каждой единичной законченной судьбы прибавочную стоимость человечества или бесконечного сверхчеловечества. Точнее, допускает смерть всех и каждого в бесконечной жизни» [4, с. 41]. Он назовет этот проект социального имманентистским, то есть основанным на идее гегелевского самосбывающегося абсолюта, требующего смерти частного и единичного, его растворении в едином [4, с. 26].

В массовой культуре мы найдем массу сюжетов, разыгрывающихся вокруг этого мотива вечно умирающего и вечно воскресающего субъекта: начиная военной патетикой, где герои продолжают жить благодаря жертвам своих товарищей, заканчивая рок-н-рольным саморазрушением, когда «только дойдя до предела смерти, начинаешь жить по-настоящему». Особенно много Нанси анализирует образ любовников, которые обязательно по закону жанра должны умереть ради осуществления любви в полной мере, должны полностью раствориться в ней и друг в друге.

Как нам кажется, мотив презентизма, вечно настоящего и безальтернативности капитала можно связать именно с этой «гегелевской» линией понимания негативности и смерти. Действительно, если смерть оказывается лишь предельным выражением существующего и необходимым моментом настоящего, альтернатив вечно сбывающемуся абсолюту не остается, а различные сценарии будущего будут лишь новыми вариантами развития все того же самого.

Однако, это не единственный способ понимания смерти, который развивается в философии XX века. В психоанализе, постфеноменологии и постмодернистской эстетике разрабатывается представление о смерти как о внешнем субъекту событии. Внешнее опыту субъекта и явленности в настоящем событие не просто «не вписывается» в тот или иной линейный нарратив, событие – это то, что ломает и подрывает его возможность. Однако это отрицание не является продуктивным, оно по определению не может быть пережито и встроено в систему настоящего.

Жан Лиотар, разрабатывает тему не-данного в опыте события на примере работы категорий возвышенного у И. Канта и первичного вытеснения у З. Фрейда. Их объединяет предположение чего-то, что не может быть зарегистрировано психической системой или системой первичных синтезов у Канта. Субъект не может пережить это событие в силу его чрезмерности, в силу отсутствия подходящих инструментов для его представления. И если рядовая вытесненная травмирующая ситуация является вытесненным переживанием (и может быть представлена сознанию посредством гипноза, например), то первичная травма не была пережита и зарегистрирована, этих воспоминаний и представлений у нас нет даже в подсознании [5, с. 31].

Лиотар говорит о некоем онтологическом Забвении, которое предшествует всякой памяти, в том числе исторической. При этом, такое Забытое вполне может иметь аффектацию, то есть оказывать влияние на происходящее. Если само событие возвышенного или первичного вытеснения Лиотар описывает как шок без аффекта, потрясение, незарегистрированное системой, то в последующем это забытое и похороненное в глубинах подсознания событие вызывает аффекты, то есть происходит аффект без шока. Событие обнаруживается уже всегда как прошедшее, как то, что было забыто [5, с. 33].

Таким образом, единственное, что может сделать психоаналитик или художник – указать на сам факт Забвения. Для Лиотара подлинным искусством является только такое, которое оказывается способно это делать – указывать на невозможность представленности Забытого, на бессилие письма и речи зафиксировать его [5, с. 63].

Схожий мотив можно найти в серии эссе Э. Левинаса о М. Бланшо. Указание на невидимое, выговаривание несказанного – такова основная интенция письма, согласно Э. Левинасу. И если, согласно М Хайдеггеру, такое указание на не-данность является выговариванием истины, событием истины как непотаенности, то у М. Бланшо (по мнению Э. Левинаса) мы имеем дело скорее не столько с истиной как выведением из потаенного, сколько с сознательным заблуждением

[6, с. 21]. Мы не выводим нечто на свет, не проявляем его, не приводим к бытию, но только акцентируем внимание на чем-то внешнем и недоступном нам, а потому являющемся скорее темным для нас.

Сам Э. Левинас обозначает это нечто как «Другое». Обнаружение Другого возможно в первую очередь благодаря доступности опыта смерти. Именно смерть является событием, которое не может быть присвоено субъектом в качестве своего, является границей возможного опыта. Однако если для экзистенциализма такая пограничность смерти является манифестацией субъекта, сбыванием его в собственной полноте, то для Э. Левинаса это скорее открытие собственной неполноты, открытие внешнего: «Смерть лишена пафоса предельной человеческой возможности, она представляет собой... что схвачено быть не может, перед чем “я” теряет свою самость» [6, с. 17-18]. Опыт смерти позволяет выйти субъекту из «загроможденности собой», декартовского солипсизма, когда другой человек всегда существует лишь в силу представленности в моем сознании. Или не существует, как в известном пассаже про зонтики, поскольку эта представленность всегда ограничена и может быть подвергнута сомнению.

Схожую трактовку смерти можно найти и у Жан-Люка Нанси. Вслед за Ж. Батаем он признает важность темы смерти для понимания социального. Однако философский проект последнего является предельным выражением гегелевского имманентизма, а социальное понимается как результат траты и смерти, пусть не постоянный и подвижный, но вполне регулярный, как говорят кибернетики, «метастабильный». Ж.Л. Нанси же отказывается от идеи смерти как жертвы и экстаза, предлагая взамен опыт неполноты. Смерть трактуется им как обнаружение человеком собственной ограниченности и потребности в Другом. И именно вокруг события смерти конституируется социальное, сообщество, призванное эту ограниченность в некотором смысле компенсировать [4]. Для Нанси важно, что эта компенсация не может быть полноценной, а подлинное сообщество не может существовать устойчиво. Сообщество – это событие, оно случается и обязательно распадается.

Как заметил Э. Левинас, «это “не” не похоже на негативность у Гегеля и Маркса» [6, с. 21]. И темпоральность, которая выстраивается вокруг такой трактовки негативности, тоже будет иной. Наиболее интересно, на наш взгляд, ее изложил современный французский феноменолог Клод Романо. Для презентизма важно, что любое прошлое (на самом деле и будущее тоже) представляет собой пережитое настоящее, в версии Э. Гуссерля оно является своеобразной реконтекстуализацией этого “прошлого-настоящего”, то есть его памятью из сейчас. Возможность же вне-опытного события, «прошлого, которое никогда не было моим настоящим» [7, с. 144], заставляет нас признать вне-опытный характер темпоральности, не укладывающийся в наши линейные синтезы «прошлое-настоящее-будущее» [8, с. 242].

То есть не мы из настоящего предполагаем некоторое прошлое и будущее (обреченные поэтому всегда быть лишь нашими субъективными проекциями), но внешнее нам событие нарушает наши горизонты возможного и настоящего. Романо, однако, добавляет, что такое событие должно быть обязательно встроено и освоено субъектом, встроено в личный нарратив, субъект только в результате такого столкновения с внешним и становится собой, однако онтологически это внешнее предшествует мне как первой картезианской очевидности.

Однако легко представить ситуацию, когда субъект оказывается неспособным справиться с внешним, и тогда субъект не может «прийти-к-себе» и оказывается травмированным. И если для Романо такая ситуация является патологией и исключением, то для Лиотара и Левинаса скорее онтологическим основанием. Или этическим требованием.

Надо сказать, что такое понимание смерти лежит в основании современного настроения в философии, особенно таких ее течений, как спекулятивный материализм, философия ужаса, акселерационизм, постколониальные исследования и т.д. Контингентность К. Мейясу, то есть отрицание, понятое не как часть посюстороннего, не как

гносеологическое ограничение моего знания о внешнем, но как онтологическое качество этого внешнего, напрямую выводится из принципа событийности у А. Бадью, его учителя. Так же, как и контингентность у Юка Хуэя напрямую отсылает к ключевой работе Лиотара. Существующее игнорирование феноменологических корней современной проблематики, несмотря на переведенность всех основных работ, удивляет, в то время как бесконечные ссылки на Делеза и Гваттари начинают утомлять.

В конце необходимо отметить, что эмансипаторный потенциал «событийной» темпоральности сегодня уже не кажется столь очевидным, как было еще несколько лет назад в связи с работами Славоя Жижека и Алена Бадью. Современный капитал переживает существенные трансформации, что проявляется, в том числе, и в освоении новых мобилизационных стратегий, связанных с экстраординарными ситуациями, чрезвычайными положениями, катастрофами и т.д. Событие сегодня необходимо рассматривать и как часть современной капиталистической политической практики. Однако это, на наш взгляд, только придает теме дополнительную актуальность.

Литература

1. *Кожев А.* Идея смерти в философии Гегеля / Пер. с франц. и послесл. И. Фомина. Редакция В. Большакова. М.: Логос, Прогресс-Традиция, 1998. – 208 с.

2. *Перов Ю.В., Сергеев К.А.*, «Философия истории» Гегеля: от субстанции к историчности / Ю.В. Перов, К.А. Сергеев. Вступительная статья к Г.В.Ф. Гегель Лекции по философии истории. СПб.: Наука, 1993. С. 5-53.

3. *Гаспарян Д.Э.* Социальность как негативность / Д.Э. Гаспарян. М.: КДУ, 2007. – 256 с.

4. *Нанси Ж.-Л.* Непроизводимое сообщество: Новое издание, пересмотренное и дополненное / Пер. с франц. Ж. Горбылевой и Е. Троицкого. М.: Водолей, 2011. – 208 с.

5. *Лиотар Ж.-Ф.* Хайдеггер и «евреи» / Пер. с франц., послесл. и коммент. В.Е. Лапицкого. 2-е изд., испр. СПб.: Machina, 2014 – 206 с.

6. *Левинас Э.* О Морисе Бланшо / Сост. и пер. с франц. В.Е. Лапицкого. СПб.: Machina, 2009. – 118 с.

7. *Лошаков Р.* Беседа с Клодом Романо / Р. Лошаков // HORIZON. Феноменологические исследования. 2017. Т. 6. № 1(11). – С. 241-264.

8. *Романо К.* Авантюра времени / К. Романо; [пер. с франц. Р. Лошакова, науч. ред. Г. Вдовиной]. М.: РИПОЛ классик, 2017. – 220 с.

**«ВОЗРОЖДЕНИЕ» РЕЛИГИИ И ПОСТСЕКУЛЯРИЗМ
В КОНТЕКСТЕ АНАЛИЗА
ВИРТУАЛЬНОЙ РЕЛИГИОЗНОСТИ¹**

Лифанов Сергей Алексеевич

*магистр социологии, докторант кафедры
философии, Казахский национальный универси-
тет имени аль-Фараби*

e-mail: lifanov.sergey.a@gmail.com

Республика Казахстан

г. Алматы

Аннотация

В статье рассматривается взаимосвязь и взаимовлияние процессов секуляризации и постсекуляризации в контексте социально-экономических трансформаций, а также развития информационных технологий. Современная социально-экономическая ситуация, рост экономической нестабильности и глобализационные процессы оказали влияние на изменение религиозности, внося значительные коррективы в классическую секуляризационную теорию, согласно которой рост просвещения, индустриализм, формирование демократических политических институтов постепенно снижает рост религиозности общества в целом. В то же время феномен резкого роста уровня религиозности в странах бывшего Советского Союза, в том числе в Казахстане, на фоне экономических спадов начала XXI века в сравнительной страновой перспективе может быть определен как средний. Основные причины этого кросс-культурные исследования объясняют рядом факторов, в первую очередь – это «идеология», высокий

---

¹ Статья подготовлена в рамках проекта грантового финансирования МНВО РК АР19679699 «Религиозность/духовность, благополучие и идентичность казахстанской молодежи: сравнительное страновое исследование».

образовательный уровень и традиции атеистического образования и др., во-вторых – религиозное разнообразие. В то же время существует необходимость дальнейшего развития и уточнения взаимовлияния процессов секуляризации и религиозного «возрождения» под влиянием цифровых технологий.

Ключевые слова: религиозное сознание, секуляризация, пост-секуляризация, виртуальность, атеизм, модернизация.

«REVIVAL» OF RELIGION AND POSTSECULARISM IN THE CONTEXT OF ANALYSIS OF VIRTUAL RELIGIOUSNESS

Lifanov S.A.

*Master of Sociology, doctoral student
of the Department of Philosophy,
al-Farabi Kazakh National University,
Almaty, Republic of Kazakhstan*

Abstract

The article examines the relationship and mutual influence of the processes of secularization and post-secularization in the context of socio-economic transformations, as well as the development of information technologies. The modern socio-economic situation, the growth of economic instability and globalization processes have influenced the change in religiosity, making significant adjustments to the classical secularization theory, according to which the growth of enlightenment, industrialism, and the formation of democratic political institutions gradually reduces the growth of religiosity in society as a whole. At the same time, the phenomenon of a sharp increase in the level of religiosity in the countries of the former Soviet Union, including Kazakhstan, against the backdrop of economic downturns at the beginning of the 21st century, can be defined

as average in a comparative country perspective. Cross-cultural studies explain the main reasons for this by a number of factors, first of all, “ideology”, high educational level and traditions of atheistic education, etc., and secondly, religious diversity. At the same time, there is a need to further develop and clarify the mutual influence of the processes of secularization and religious “revival” under the influence of digital technologies.

Key words: religious consciousness, secularization, post-secularization, virtuality, atheism, modernization.

Исторические перипетии XX века показали, что предположение конца XIX века о том, что упадок религии является неизбежным побочным продуктом модернизации – необоснованное. «Выдающиеся социальные мыслители XIX века – Огюст Конт, Герберт Спенсер, Эмиль Дюркгейм, Макс Вебер, Карл Маркс и Зигмунд Фрейд – все считали, что религия постепенно утратит свое значение и перестанет иметь значение с приходом индустриального общества» – отмечается в работе Norris P. и Inglehart R. «Sacred and Secular: Religion and Politics Worldwide» [1, с. 3]. Однако *homo economicus* или *homo faber* всегда был и остается также и *homo religiosus*. И уже в 70-х годах иранский религиозный и политический деятель Аятолла Хомейни констатирует вполне очевидное: «Массы естественным образом тянутся к религии» [2, с. 26]. В тоже время, несмотря на рост религиозности населения, преждевременно утверждать, что в современных обществах секуляризация полностью исчезла.

Таким образом, основанием исследования трансформации религиозных практик под влиянием виртуализации может быть сопоставительный анализ двух взаимодополнительных тенденций, таких, как секуляризации и постсекуляризации. Специфика постсекуляризма заключается в том, что тенденции усиления влияния религии не противоречат, например, утверждениям Макса Вебера, что промышленный менеджмент, современная наука, светские школы и правительственные

учреждения полностью взяли на себя эпистемологические, психологические и социальные обязанности, ранее выполнявшиеся религиозными институтами.

В современной литературе термин «постсекулярный» не является общепринятым, кроме того, само явление постсекуляризации не имеет общепринятой дефиниции. Для понимания тенденций развития современного религиозного сознания недостаточно просто констатировать факт роста авторитета религии в обществе, поскольку происходит формирование нового типа отношений между секулярным и религиозным сознанием. Частью этих процессов является и распространение религиозных идей, отношений и форм жизни в виртуальной реальности современных компьютерных технологий. «В современном секулярном мире религия трансформируется и в очередной раз меняет свое место и роль в структуре общества» [3, с. 148].

Так, в рамках концепции С. Хантингтона, именно десекуляризация является одним из базовых как социальных, так и идеологических процессов последней четверти двадцатого века. Хантингтон оценивает десекуляризационные тенденции как противоположные глобализации и служащие основанием поиска национальной идентичности [См.:4]. Также методологически важно вписать в эти социальные характеристики возможности киберреальности как беспрецедентного средства расширения религиозных практик. Проблема десекуляризации затрагивается и в работах Питера Бергера («The Desecularization of the World: A Global Overview», 1999), которые первоначально ориентированы на осмысление религиозного упадка, секуляризацию [5]. Однако П. Бергер приходит к диаметрально противоположным выводам.

Возрастание роли религии в общественной жизни не является линейным процессом. По мнению отечественных исследователей, в Казахстане в настоящее время одновременно наличествуют три процесса, так или иначе связанных с темой постсекуляризма. Первый – имеет место проявления секуляризма в обществе, когда право человека, согласно Конституции РК, «не исповедовать никакой религии»

перерастает в атеистическое желание этих свободных от религии людей сузить сферу функционирования религии в общественном пространстве. Второй – присутствуют постсекулярные проявления, когда некоторые области общественной жизни, например, искусство и особенно литература в РК, ранее бывшие не очень подверженными религиозному влиянию, стали в заметной мере религиозными. И третий, самый значительный и массовидный: в РК все еще идет процесс возрождения религии, постоянный приток в религию новых верующих разных конфессий. Все три процесса задают контекст религиозности населения Казахстана в различных ее проявлениях. В том числе и в отношении религиозной конверсии [См.:6, с. 90-93].

В качестве эмпирического примера, объясняющего тенденции изменения религиозности на страновом уровне, возможно привести данные двух исследований, представленных в работе Kusano K., Jami W.A. [7].

Исследователи представляют анализ трех предварительных коррелятов, чтобы получить первоначальное представление об исторических различиях и траекториях религиозности и модернизации:

- 1) Различие в динамике религиозности между посткоммунистическими и некоммунистическими странами;
- 2) Существенная изменчивость траектории религиозных изменений: многие страны демонстрируют явные признаки секуляризации, в то время как другие демонстрируют усиливающиеся тенденции религиозности;
- 3) наличие корреляций между религиозностью и темпами экономического роста и социальным неравенством.

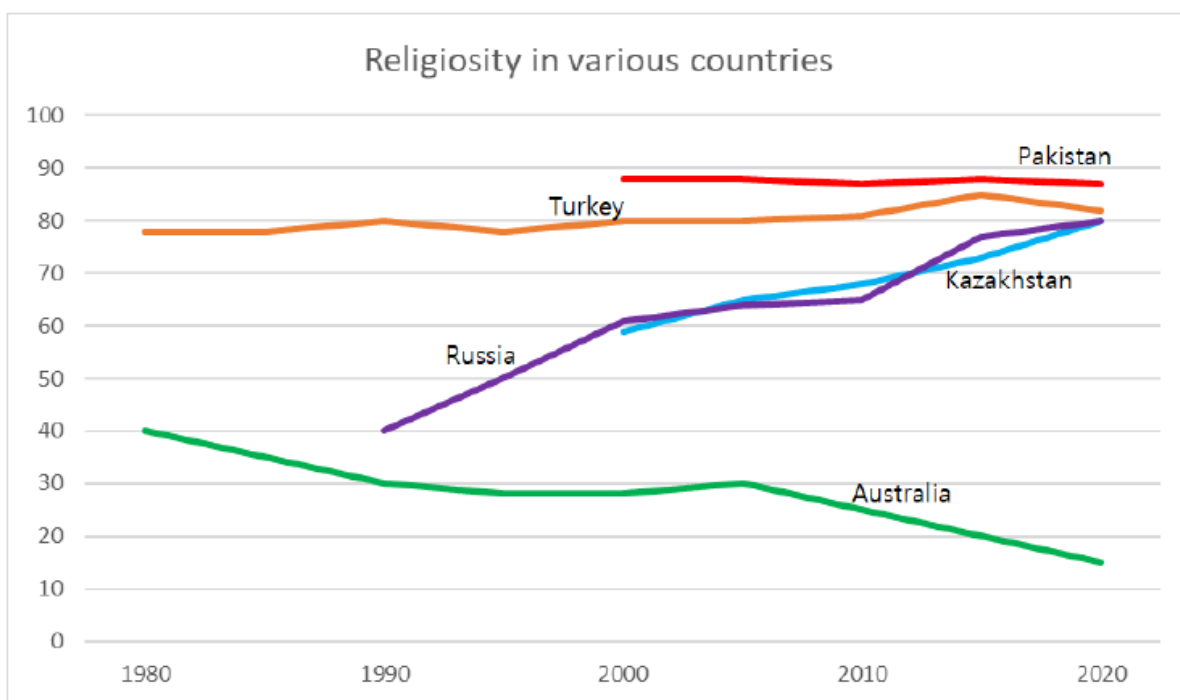

Рис. 1. Темпы роста религиозных изменений в отдельных странах с 1981 г. по настоящее время: сравнительные данные [См.: 7]

Влияние экономических факторов на религиозность внутри стран проанализировано с учетом так называемого «коммунистического фактора», под которым подразумевается идеология, высокий образовательный уровень и традиции атеистического образования на фоне отсутствия в большинстве стран запрета или преследования религии (что, конечно, же увеличивает спрос на «запретное»). Влияние индекса Джини (показатель, отражающий степень неравенства в распределении доходов внутри различных групп населения) на религиозность внутри страны также сдерживалось долей религиозного разнообразия. Авторы пишут: «Увеличение индекса Джини положительно предсказывало рост религиозности в странах с христианским меньшинством (например, в Кыргызстане, Казахстане)» [7]. Однако общая тенденция изменения уровня религиозности в таких странах показывает средние темпы, что и объясняется, в первую очередь, наличием «коммунистического фактора» и религиозного разнообразия [см.: 8, с. 123].

Иными словами, когда изменившиеся социальные институты не обеспечивают людей гарантиями общественного роста, модернизация может создать больше стимулов полагаться на религию. Именно этот факт непосредственно приводит к мысли о коммуникативной функции религии и характере влияния киберреальности на социальные и непосредственно религиозные потребности человека. Здесь важно отметить, что процессы активной цифровизации, совпадающие с религиозным подъемом, носят глобальный характер, устраняя рамки пространственно-временных, государственных и иных границ. Взаимозависимость таких разных процессов, как постмодернизация, религиозное возрождение и виртуализация, может объяснить теория систем Лумана Н. [см.: 9], которая посредством понятия «дифференциация» объясняет сосуществование множества систем, в которых присутствует коммуникация и обработка символов, то есть кодов. Это означает, что в дифференцированной системе наличествует два вида среды: одна, общая для всех подсистем, и другая, отличающаяся от первой, – внутренняя среда каждой подсистемы. Такая система закрыта лишь в определенном роде и оказывается аутопойетической системой, где любые коды из других систем перекодируются под свою реальность. Отчасти современному человеку становятся не нужны ни реальные сообщества, ни религиозные общины, не надо выходить из дома и куда-то идти, чтобы попасть в другую реальность, потому что он сам сконструировал свою реальность и систему отношений для этой реальности.

Анализ качественно различных типов существования религии в киберпространстве показывает корреляцию между процессами секуляризации/ постсекуляризации и трансформацией религии и духовности в контексте виртуальности [см.: 10].

Особенности формирования современного техномира возможно обобщить в следующих положениях:

1) достижение в развитии сетевых технологий проявлений эмерджентности;

- 2) усложнение и расширение процессов сетевого взаимодействия;
- 3) преобладание гипертрофированного индивидуализма и нарциссизм;
- 4) визуализация культуры и формирование фрагментированного представления о реальности, некое недоработанное пиксельное мировоззрение;
- 5) виртуализация практически всех элементов культуры.

Важным признаком постсекулярного общества является присутствие религиозного плюрализма. В постсекулярном обществе религиозный плюрализм, развиваемый посредством глобализации и цифровизации, бросает вызов условиям религиозной монополии. Таким образом, в условиях развития информационного общества с его непосредственной гипертрофией свободы самовыражения и многообразием коммуникативных возможностей религиозная идентичность формируется под влиянием разнонаправленных социокультурных тенденций.

Литература

1. *Norris P., Inglehart R. Sacred and Secular: Religion and Politics Worldwide* / P. Norris, R. Inglehart. – Cambridge: Cambridge University Press, 2011. – 360 p.
2. *McDougall W.A. The Myth of the Secular: Religion, War, and Politics in the Twentieth Century* / W.A. McDougall // *Orbis. International Literary Journal*. – 2020. – Vol. 64, Issue 1. – P. 24-42.
3. *Минченко Т.П. Религия, свобода совести и новые технологии в постсекулярном мире* / Т.П. Минченко // *Журнал Известия Томского политехнического университета*. – 2012. - №6 (321). – С. 148-156.
4. *Хантингтон С. Столкновение цивилизаций?* / С. Хантингтон // *Полис*. - 1994. – №1. – С. 33-48

5. *Бергер П.* Религия и проблема убедительности / П. Бергер, пер. с англ. М Сокольской // *Неприкосновенный запас*. – 2003. – № 6 (32). – С. 56-64.

6. Религиозные конверсии в постсекулярном обществе (опыт феноменологической реконструкции). Коллективная монография / Под общ. ред. А.Х. Бижанова. – Алматы: Институт философии, политологии и религиоведения КН МОН РК, 2017. – 431 с.

7. *Kusano K., Jami W.A.* Selected anomalies or overlooked variability? Modernization is associated with secularization in countries with high historical wealth but is associated with increasing religiosity in post-communist or Christian-minority countries / К. Kusano, W.A. Jami // *Current Research in Ecological and Social Psychology*. – 2022. – Vol. 3, 100036, <https://doi.org/10.1016/j.cresp.2022.100036> (дата обращения 23.09.2023)

8. *Henrich J.* The weirdest people in the world: How the west became psychologically peculiar and particularly prosperous / J. Henrich. – London: Farrar, Straus and Giroux, 2020. – 704 p.

9. *Луман Н.* Реальность массмедиа / Н. Луман, пер. с нем. А.Ю. Антоновского. – М.: Праксис, 2005. – 256 с.

10. *Maxwell P.* Virtual Religion in Context / P. Maxwell // *Religion*. – 2002. – Volume 32, Issue 4. – P. 343-354.

НОВАЯ СУБЪЕКТНОСТЬ АКАДЕМИЧЕСКОГО ТЕКСТА В ЭПОХУ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Ломаев Степан Леонидович

кандидат физико-математических наук

главный специалист центра

онтологического моделирования

старший научный сотрудник

Удмуртский федеральный исследовательский центр УрО РАН

e-mail: lomaevst@udman.ru

г. Ижевск

Аннотация

В статье приведен обзор применения нейронных сетей в научных исследованиях. Показано, что технологии нового поколения, созданные на основе большой языковой модели, открывают широкому кругу пользователей возможность массово фальсифицировать оригинальность письменных текстов, включая тексты диссертаций и научных статей. Таким образом, искусственный интеллект не только открывает новые перспективы развития, но также формирует угрозы важнейшим структурам академического сообщества – рецензируемым научным журналам, а также институту присвоения научных степеней. Выдвинута гипотеза, что дальнейшее развитие технологий, подобных ChatGPT, приведет пространство академического текста к новой самоорганизации, в которой наукоподобные утверждения будут порождаться без участия человека.

Ключевые слова: искусственный интеллект, нейронные сети, фальсификация, научный журнал, ChatGPT.

NEW SUBJECTIVITY OF ACADEMIC TEXT IN THE ERA OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Lomaev S. L.

*Candidate of Physical and Mathematical Sciences
Chief Specialist of the Ontological Modeling Center*

Senior Researcher,

Udmurt Federal Research Center of the

Ural Branch of the RAS,

e-mail: lomaevst@udman.ru

Russia, Izhevsk

Abstract

The article provides an overview of the neural network application in scientific research. It is also shown that next-generation technologies based on large language models open up the possibility for a wide range of users to falsify the originality of written texts, including dissertations and scientific articles. Thus, artificial intelligence not only opens up new development prospects, but also poses threats to important structures of the academic community - peer-reviewed scientific journals and the institute of scientific degrees conferring. The hypothesis is put forward that further development of technologies such as ChatGPT will lead the field of academic text to a new self-organization, in which science-like statements will be generated without human involvement.

Keywords: artificial intelligence, neural networks, falsification, scientific journal, ChatGPT.

Введение

Новые технологии могут оказывать существенное влияние на развитие как отдельных сфер общественной жизни, так и на жизнь общества в целом. Например, изобретение прядильных машин и парового двигателя стало катализатором промышленной революции,

интенсивной урбанизации и формирования в Западной Европе нового центра мирового разделения труда. Не менее ярким, но более дискуссионным примером можно посчитать появление в Европе стремян, ставшее важным фактором формирования системы феодализма [1].

Однако при анализе будущего влияния какой-либо новой технологии стоит иметь в виду, что вокруг любой технической инновации, как правило, надувается информационный, а за ним и финансовый пузыри, что приводит на первых порах к завышенным ожиданиям. В пример можно привести «пузырь доткомов» (Dot-com bubble), существовавший в период с 1995 по 2001 год.

Сегодня мы наблюдаем резкое развитие технологий на базе нейросетей. Этот процесс несет обществу как широкие перспективы развития, так и серьезные вызовы сложившимся социально-экономическим, коммуникативным и даже когнитивным практикам, и привлекает большое внимание научного сообщества. Выходит большое количество статей, в которых исследуется сама технология на базе нейронных сетей, приводятся результаты научных исследований окружающего мира, полученных с использованием технологии искусственного интеллекта, рассматриваются общественные изменения, инициированные распространением и применением данной технологии [2].

Однако тема того, как искусственный интеллект сам повлияет на структуру научного сообщества, остается в стороне от основного потока академических исследований. В то же время, применение технологии искусственного интеллекта несет угрозу важнейшим структурам академического сообщества – рецензируемым научным журналам, а также институту присвоения научных степеней. Данная статья посвящена обзору и анализу данной угрозы.

Машина генерации феноменологических законов

Искусственный интеллект, основанный на применении технологии нейросетей, в философской интерпретации представляет собой машину генерации феноменологических законов [3]. Если между двумя

или несколькими повторяющимися явлениями наблюдается устойчивая корреляция, то технология искусственного интеллекта на базе нейронных сетей позволяет смоделировать и просчитать данную корреляцию, даже если внутренние механизмы исследуемого процесса скрыты от исследователя. Кроме того, данную технологию можно рассматривать как некоторого «идеального ученика». В структуре нейросети сохраняются все примеры, на которых она обучалась, а сама структура данной технологии позволяет ей «пробрасывать мосты» между сохраненными примерами.

Любое фото конкретного человека, выложенное в социальные сети или в СМИ рядом с указанием его имени, может служить для нейронной сети материалом, на котором она обучится узнавать данного человека. Именно благодаря легкости создания учебного материала (баз данных с фото и подписями) искусственный интеллект достиг сегодня большого успеха в распознавании человеческих лиц. Схожим образом обстоит дело и с распознаванием голоса и его принадлежности конкретному человеку: современным нейросетям для этого достаточно нескольких персонализированных телефонных разговоров.

Приведенные выше примеры касались обучения нейросетей на базе данных, полученных от человека. В этих случаях люди сами учат нейросеть, как распознавать лица и голоса других людей. Однако высокой эффективностью обладает и метод обучения нейросетей машинным способом. Такие технологии используются, например, в моделировании конденсированных сред методами молекулярной динамики. Сначала делается сложный квантомеханический расчет атомной структуры вещества (например, высокоэнтропийных сплавов), который требует долгого расчетного времени на суперкомпьютерах, а затем расчетные данные выступают в качестве базы данных для обучения нейросетей [4]. Этот подход позволяет существенно сократить расчетное время для моделирования свойств веществ при изменении концентраций легирующих элементов и примесных атомов.

Яркой иллюстрацией эффективности обучения машины машиной является сравнение программ для игры компьютерных игр в шахматы и го. 11 мая 1997 года считается днем, когда машина превзошла человека в игре в шахматы. В этот день шахматный суперкомпьютер Deep Blue, разработанный компанией IBM, выиграл матч из шести партий у чемпиона мира по шахматам Гарри Каспарова.

Технологии, подобные Deep Blue [5], не позволяли добиться такого успеха в игре го. В этой игре машина одолела человека спустя 19 лет – в марте 2016 года AlphaGo, разработанная компанией Google, выиграла со счётом 4:1 у Ли Седоля, профессионала 9-го дана (высшего ранга).

Главное новшество AlphaGo заключается в том, что в ее основе лежит принцип нейронной сети. AlphaGo обучалась на большом количестве профессиональных партий, вследствие чего обрела способность предсказывать, какой ход сделает профессионал в той или иной позиции [6]. Этот принцип позволил AlphaGo обыграть не только профессиональных игроков-людей, но и все существующие на то время программы, просчитывавшие ходы аналогично тому, как это делал Deep Blue.

AlphaGo была примером «идеального ученика», который обучался людьми, лучшими игроками в го. В октябре 2017 компания DeepMind сообщила о появлении улучшенной версии программы – AlphaGo Zero. Обучение нейросети в этот раз обошлось без человеческого участия: AlphaGo Zero обучалась играть в го с нуля, играя сама с собой [7]. Через двадцать один день самообучения система достигла уровня силы игры AlphaGo, а затем и превзошла его. Другими словами, машина, которую обучала машина, превзошла машину, которую обучал человек.

Искусственный интеллект и фальсификация оригинальности текста

Развитие индустрии персональных компьютеров и программного обеспечения позволило существенно увеличить мощности публи-

кации текстов, в том числе, в научных журналах. К началу XXI века возможности производства текста настолько превзошли возможности осмысленного прочтения текста человеком, что проблема плагиата в научной сфере вышла на качественно новый уровень. Даже в специализированных научных изданиях стало производиться столько текстов, что ни один рецензент или редактор не мог своевременно читать и удерживать в памяти всю полноту актуальной информации, а, следовательно, проверить оригинальность текста, предлагаемого к публикации. Это стало проблемой, прежде всего, для рецензируемых научных журналов, диссертационных советов, высшей аттестационной комиссии (если речь идёт о России), и, как следствие, для всего института оценки качества результатов научного труда.

В качестве ответа на этот вызов стали появляться «программно-аппаратные комплексы для автоматической проверки текстовых документов на наличие заимствований». Для русского языка такой системой стал «Антиплагиат», начавший свою работу в 2005 году и рекомендованный к использованию советом по координации управления качеством профессионального образования при Рособрнадзоре в 2007 году. Этот сервис представляет собой специализированную поисковую систему, позволяющую выявить заимствования в тексте, как из открытых, так и из специализированных источников. Сегодня она используется в подавляющем количестве научных журналов, диссертационных советах, вузах и в Высшей аттестационной комиссии при Минобрнауки России.

Использование Антиплагиата вкупе с требованием к научным сотрудникам и преподавательскому составу вузов повысить объем публикаций, создало за два последних десятилетия индустрию ререйтинга академических текстов с целью маскировки плагиата. Борьба между индустрией фальсификации и индустрией проверки оригинальности до определенного момента напоминала ситуацию на фронтах Первой мировой войны – средства обороны (автоматической проверки оригинальности) превосходили средства нападения (фальсификации),

а потому движение фронтов было медленным и требовало больших усилий.

Ситуация изменилась, когда в ноябре 2022 года компания OpenAI запустила новый чат-бот на основе большой языковой модели, известный как ChatGPT (Generative Pre-trained Transformer). Данная технология, среди прочего, позволяет делать автоматический рерайтинг текстов. Другими словами, ChatGPT открывает широкому кругу пользователей возможность обходить ограничения Антиплагиата и массово фальсифицировать оригинальность письменных текстов.

Расклад сил поменялся, и теперь та же борьба больше напоминает ситуацию на фронтах Второй мировой войны: средства атаки превосходят средства обороны. Кроме того, вполне вероятно появление еще более мощного средства фальсификации академического текста. Подобно тому, как вслед за игрой AlphaGo (обучаемой на базе игр между профессиональными игроками) пришла более мощная версия игры AlphaGo Zero (обучаемая чисто машинным образом), вслед за существующими версиями ChatGPT (обученными на корпусе текстов, написанных живыми людьми), может прийти версия генератора (или рерайтера) академических текстов, обученная системами типа Антиплагиат.

Подобно тому, как AlphaGo Zero обучалась, играя сама с собой, генератор текстов следующего поколения, «играя» с Антиплагиатом, сможет обучиться максимально эффективно обходить систему распознавания заимствований. Подобным же образом, вероятно, можно обучить нейросеть генерировать (обрабатывать и дополнять) академические тексты таким образом, чтобы они достигали максимально возможного количества цитирования. Базы для гипотетического обучения такого генератора текстов предоставляют системы типа Scopus, Web of Science, или отечественная система eLibrary.Ru (РИНЦ).

Рассмотренные выше примеры реальных и гипотетических генераторов текстов работают с базами данных, представляющими собой своего рода пресс-портреты феноменов и их комплексов, созданных

на базе существующих публикаций (в нашем случае – публикаций в академических журналах). Вливание в «естественный» поток академического текста потока сгенерированных или обработанных с помощью нейросетей «искусственных» текстов будет, в свою очередь, менять пресс-портреты, на базе которых продолжится генерация следующих текстов. В этом смешанном потоке могут появиться дискурсы и нарративы, которые будут обладать, говоря техническими терминами, положительной обратной связью.

В философской интерпретации такая самоорганизация текста представляет собой не что иное как субъектность нового типа, которая способна сама из себя порождать наукоподобные утверждения без участия человека. Используя терминологию Бруно Латура [8], эту ситуацию можно описать следующим образом: новые нелюди будут появляться уже не в пространстве Природы, а в пространстве искусственного генерируемого текста.

Литература

1. *White Lynn*. Medieval technology and social change. – Oxford: Clarendon Press, 1962. – 163 p.

2. *Наумов В.Б., Чеховская С.А., Брагинец А.Ю., Майоров А.В.* Правовые аспекты использования искусственного интеллекта: актуальные проблемы и возможные решения. – М: Издательский дом Высшей школы экономики, 2021. – 42 с.

3. *Ломаев С.Л., Ломаева Н.С.* Технократический нарратив о рациональном управлении в контексте развития технологий искусственного интеллекта // Дискурс-Пи. – 2022. – Т. 19. – №. 4. – С. 178-194.

4. *Kondratyuk N. et al.* First-principles calculations of the viscosity in multicomponent metallic melts: Al-Cu-Ni as a test case //Journal of Molecular Liquids. – 2023. – Т. 380. – С. 121751.

5. *Campbell M., Hoane Jr A. J., Hsu F.* Deep blue // Artificial intelligence. – 2002. – Т. 134. – №. 1-2. – С. 57-83.

6. *Silver D. et al.* Mastering the game of Go with deep neural networks and tree search // *Nature*. – 2016. – Т. 529. – №. 7587. – С. 484-489.

7. *Silver D. et al.* Mastering the game of go without human knowledge // *Nature*. – 2017. – Т. 550. – №. 7676. – С. 354-359.

8. *Латур Бруно.* Политики природы: как привить наукам демократию / Латур Бруно, пер. с фр. Е. Блинов. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2018. – 335 с.

КАПИТАЛИЗМ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Маслихин Александр Витальевич

*доктор философских наук, профессор, депутат
Государственного Собрания Республики Марий Эл,*

e-mail: maslikhin@yandex.ru

г. Йошкар-Ола

Аннотация

Капитализм как общественный строй рассмотрен с позиций его достижений и недостатков. Раскрыты подходы к оценке этого общественного строя в гуманитарном знании. Приведены суждения о капитализме классиков социально-философской мысли. Выделены особенности развития капитализма в постсоветской России. Представлены основные пути дальнейшей эволюции общественного строя.

Ключевые слова: социальная философия, капитализм, частная собственность, средний класс, капитал, Россия, гуманитарное знание.

CAPITALISM: HISTORY AND MODERNITY

Maslikhin Alexander Vitalievich

*Doctor of Philosophy, Professor, Deputy
State Assembly of the Republic of Mari El*

Yoshkar-Ola

Abstract

Capitalism as a social system is considered from the standpoint of its achievements and shortcomings. Approaches to the assessment of this social system in the humanities are disclosed. The reasoning about capitalism by

the classics of socio-philosophical thought is given. The features of the development of capitalism in post-Soviet Russia are highlighted. The main ways of further evolution of the social system are presented.

Key words: social philosophy, capitalism, private property, middle class, capital, Russia, humanitarian knowledge.

Социальная философия в России и за рубежом использует ряд моделей общественного развития. Одной из моделей, получившей широкое распространение, является рассмотрение общества в историческом аспекте, в виде прогрессивных изменений, как переход от одного общественного строя к другому. В современных условиях со всей силой звучит вопрос: по какому пути будет развиваться человечество – капиталистическому, социалистическому или путем конвергенции. Иначе говоря, требуется решить, какое общество более справедливо по своему устройству, какое нанесет меньше вреда природе, обеспечит материальное и духовное благополучие человека.

Капитализм, как известно, далеко не новый феномен в истории. Он возникает в период разложения феодализма несколько веков тому назад. В странах Западной Европы Английская буржуазная революция XVII века, Великая французская революция конца XVIII века, революционные события в Германии середины XIX века открыли простор для дальнейшего развития капитализма. Следовательно, он имеет сравнительно немалые исторические сроки своего развития.

Общественные науки уделяют пристальное внимание как содержанию и сущности капитализма, так и мировоззренческим оценкам этого общественного строя. Обратим внимание на две противоположные оценки капитализма: оценки апологетов капитализма, то есть всех тех, кто положительно оценивают его сущность, содержание и роль в истории, и оценки марксистов, подвергающих критике его значение как в истории, так и в жизни трудового народа. При всей содержательной вариативности оценок их социальных носителей, в

конечном счете, все рассуждения получают однозначную дихотомию: «за капитализм» – «против капитализма».

Капиталистическое общество во многих странах мира имеет как общие черты, так и свои особенности.

К общим чертам относятся: господство частной собственности на средства производства, наличие капитала в руках буржуазии, государственная власть, отражающая главным образом интересы экономически господствующего класса, наличие глубоких противоречий (нередко – антагонистических) в основных сферах общественной жизни – экономической, социальной, политической, духовной.

Из истории известно: родиной капиталистических отношений была Италия. В Новое время первое капиталистическое общество возникает в Англии. Процесс его возникновения научно исследовали английские политэкономы А. Смит и Д. Рикардо. Существенный вклад в изучение капитализма внесли К. Маркс и Ф. Энгельс. Марксизм подчеркивал прогрессивность капитализма по сравнению с феодализмом. Классики марксизма в «Манифесте Коммунистической партии» писали: «Буржуазия менее чем за сто лет своего классового господства создала более многочисленные и более прогрессивные производительные силы, чем все предшествовавшие поколения, вместе взятые» [1, с. 429].

Но какой ценой все это было создано, за счет кого? Глубинной и главной же причиной существования капитализма выступает частная форма собственности на средства производства и эксплуатация наемного труда капиталом.

Понятие «частная собственность» имеет фундаментальное значение для раскрытия и понимания капитализма, перспектив его развития, поэтому оно заслуживает особого внимания.

В эпоху Просвещения (XVIII в.) великий гуманист Ж.-Ж. Руссо сделал следующее высказывание о судьбоносном значении частной собственности в жизни людей: «Первый, кто, огородив участок земли, придумал заявить: „Это мое!“ – и нашел людей достаточно про-

стодушных, чтобы тому поверить... От скольких преступлений, войн, убийств, несчастий и ужасов уберег бы род человеческий тот, кто, выдернув колья или засыпав ров, крикнул бы себе подобным: «Остерегайтесь слушать этого обманщика; вы погибли, если забудете, что плоды земли – для всех, а сама она – ничья!» [2, с. 69]. Согласно Руссо, результатом появления частной собственности было рабство, неравенство людей: «Человек рожден свободным, но повсюду он в оковах» [3, с. 79].

Вся история человечества, начиная с рабовладельческого общества, подтверждает данные слова. Следует напомнить о двух-трех – столетнем господстве колониальной системы; двух мировых войнах, развязанных капиталистическими странами и унесшими десятки миллионов человеческих жизней; «локальных войнах» как постоянных спутниках капитализма.

Возникновение капиталистической формы собственности К. Маркс раскрыл в «Капитале» (24 глава). На примере конкретных исторических событий в Англии он исследовал так называемую «утреннюю зарю капитализма» – «первоначальное накопление капитала». Он убедительно показал роль государства и крупной собственности в массовом разорении английских крестьян и появлении новых классов – буржуазии и пролетариата. «Заря» капитализма была кровавой в прямом смысле слова. Английские помещики, захватывая общинные земли, выгоняли крестьян из собственных домов, а землю превращали в пастбища для овец. Массы людей, лишенных средств к жизни, превращались в бродяг, нищих и разбойников. Против ограбленных людей государство издавало жестокие законы, возникло так называемое «кровавое законодательство». Плетями, пытками и раскаленным железом бродяг и нищих заставляли насильственно работать на капиталистических предприятиях. К. Маркс писал: «...новорожденный капитал источает кровь и грязь из всех своих пор, с головы до пят» [4, с. 770]. Как известно, частная собственность и ныне существует в большинстве стран мира.

В условиях капитализма в жизни людей большую роль играет капитал, находящийся в руках миллионеров и миллиардеров. О его силе и значении дает нам представление следующая оценка английского писателя Т. Дж. Диннинга, которую использовал К. Маркс: «Капитал избегает шума и брани и отличается боязливой натурой. Это правда, но это еще не вся правда. Капитал боится отсутствия прибыли или слишком маленькой прибыли, как природа боится пустоты. Но раз имеется в наличии достаточная прибыль, капитал становится смелым. Обеспечьте 10 процентов, и капитал согласен на всякое применение; при 20 процентах он становится оживленным, при 50 процентах положительно готов сломать себе голову, при 100 процентах он попирает все человеческие законы, при 300 процентах нет такого преступления, на которое он не рискнул бы, хотя бы под страхом виселицы...» [4, с.770].

Маркс, например, отмечал, что капиталист не потому является капиталистом, что он управляет промышленным производством, – он становится руководителем производства потому, что он капиталист. При капитализме происходит присвоение буржуазией труда эксплуатируемых, что вызывает классовую борьбу. «Капитализм породил свою борьбу – борьбу между буржуазией и пролетариатом» [5, с. 383].

Во второй половине XX века получила распространение концепция «среднего класса». Она проповедует идею об исчезновении основных классов капиталистического общества – буржуазии и пролетариата, будто бы поглощенных средним классом. Социологи предпринимают попытки доказать, что капиталистическое общество ныне становится бесклассовым. В качестве критерия для зачисления в «средний класс» берутся род занятий, доход и прочие индексы. При таком подходе в этот слой оказываются зачисленными люди из разных общественных классов и социальных групп, от сотрудников полицейского аппарата, зажиточных фермеров до мелких служащих и квалифицированных рабочих. Они пророчат «среднему классу» великое будущее, видят в нем «перспективы истории». Триумф «среднего класса» ныне якобы демонстрирует США.

Увеличение численности служащих и технических специалистов, которое действительно происходит при капитализме, не может отменить основного классового деления капиталистического общества на буржуазию и рабочий класс, смягчить противоречие между трудом и капиталом, ибо эти представители средних слоев не являются классами, а относятся к социальным группам. Данные рассуждения сеют иллюзию о возможности создания бесклассового общества в условиях капитализма без классовой борьбы.

В современной России сторонники капиталистического пути развития усиленно распространяют миф о необходимости формирования среднего класса. Что можно сказать по данному поводу? Во-первых, они проявляют заботу не о среднем классе, а о создании новых капиталистов, олигархов – так стали их называть в народе. Они уже созданы «денежными реформами» Гайдара и «ваучеризацией» Чубайса. Во-вторых, в процессе «дикого капитализма» уже и так возник класс «деклассированных элементов» – люди были ограблены новым господствующим классом, лишены работы, жилища и т.д. Знание о том, как зарождался капитализм в Европе, как происходило превращение «дикого капитализма» в «цивилизованный» необходимо не только научному сообществу, но и народным массам. При отсутствии актуальных социальных знаний трудящиеся вынуждены жить иллюзиями, в ложном свете истолковывая кризисы, безработицу и нищету. Этому учит опыт прошлого.

Отметим также несколько особенностей становления капитализма в современной России.

Первое. Капитализм в Западной Европе развивается примерно 2-3-4 столетия; в современной России «новый» капитализм имеет «юношеский» возраст: условно говоря, 30 с небольшим лет (1991-2023). Но при этом он показал уже свой «характер» – по количеству олигархов (миллиардеров) он обогнал Западную Европу.

Второе. В Европе капитализм пришел на смену феодализму в результате свершения буржуазных революций (английской – XVII в.,

французской – XVIII в.), в которых участвовали народные массы. Поэтому там капитализм, по сравнению с феодализмом, представлял собой на первых порах прогрессивное явление. В современной России переход от социализма к капитализму стал происходить вопреки воле советского народа, «сверху», был осуществлён небольшой кучкой противников социализма на основе антипатриотической акции – разгрома Советского Союза. Переход от социализма СССР к олигархическому капитализму современной России являет собой не прогресс, а регресс, шаг назад с точки зрения исторического развития.

Третье. В современной России сложился так называемый дикий капитализм, пронизанный кризисами и различного рода общественными противоречиями, небывалой противоположностью между бедностью и богатством. Поэтому он характеризуется антинародной направленностью; большинство населения живет в бедности – значительно хуже, чем при социализме.

Особое значение в деле обеспечения нормальной жизни людей и тем более для установления дружбы и сотрудничества народов имеют господство принципов равноправия, невмешательство стран в дела друг друга, строгое уважение территориальной целостности, взаимовыгодное экономическое и культурное сотрудничество в международных отношениях, всеобщее и полное разоружение под строгим международным контролем.

Поэтому известная часть человечества стремится к установлению и развитию коллективной формы собственности во имя недопущения конфликтов, войн и революций, при которой риск их возникновения намного меньше, чем при частной форме собственности. Можно указать и на мнение людей, которые ратуют за смешанную экономику: частную и коллективную. Где же истина? Ее покажет будущее, общественно-историческая практика. Хотя и сегодня ясно, какая форма собственности более гуманна и справедлива.

Литература

1. *Маркс К., Энгельс Ф.* Манифест Коммунистической партии // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Издание второе. М.: Гос.изд. политич. лит-ры, 1955. Т. 4. – С. 419-459.
2. *Руссо Ж.-Ж.* О происхождении и основаниях неравенства между людьми // Ж.-Ж. Руссо. Избранное. Серия: Люди. Время. Идеи. М.: Детская литература, 1976. – С. 67-74.
3. *Руссо Ж.-Ж.* Об общественном договоре. Политический трактат // Ж.-Ж. Руссо. Избранное. Серия: Люди. Время. Идеи. М.: Детская литература, 1976. – С. 79-88.
4. *Маркс К.* Капитал. Т. 1 // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Издание второе. М.: Гос. изд. политич. лит-ры, 1960. Т. 23. – С. 43-900.
5. *Маслихин А.В., Маслихин В.Д.* Человек и картины мира / А.В. Маслихин, В.Д. Маслихин. Йошкар-Ола: Мар. Гос. ун-т. 2002. – 478 с.

СУЩНОСТЬ И ОТЛИЧИЕ ФРАКТАЛЬНОГО ТИПА ДЕТЕРМИНИЗМА

*Меньчиков Геннадий Павлович,
доктор философских наук, профессор, профессор,
Казанский (Приволжский) федеральный университет,
e-mail: menchikov-gp@mail.ru
г. Казань*

Аннотация

Принцип детерминизма неустраим как из науки, так и из жизненной практики, поскольку он связан с предохранением человечества от безумия и небытия (М.Фуко, Ж.Делёз и Ф.Гваттари и другие). Сегодня неоклассическая философия знает три типа детерминизма – классический; неклассический; современный неоклассический детерминизм, суть которого в том, что это фрактальный тип детерминизма. Целью данной статьи является попытка кратко представить в чем его сущность, коренное отличие и значимость. Методологическим основанием данного дискурса являются реалистический, компаративистский, герменевтический подходы, метод генерализации.

Ключевые слова: неоклассическая философия, фрактальный детерминизм, реализм, самовозникновение, ситуационность, сложность.

THE ESSENCE AND DIFFERENCE OF FRACTAL-LIKE DETERMINISM

*Menchikov G.P.
PhD., Full Professor
Kazan (Volga Region) Federal University,
Kazan*

Abstract

The principle of determinism can not be removed from life practice, since it is also associated with the protection of humanity from insanity and unbeing (M. Foucault, J. Deleuze and F. Guattari, etc). Today, neo-classical philosophy knows three types of determinism – classical; non-classical; and modern neoclassical determinism, the essence of which is that it is a fractal determinism. The purpose of this article is to try to answer the question of what is the essence, difference and significance of the still little-known fractal type of determinism. The fundamental basis for their typification is the realistic approach [1], comparative, hermeneutical and generalization methods of cognition.

Keywords: neoclassical philosophy, fractal determinism, realism, spontaneous bring into the world, emergence, thinking together with-complexity.

В отличие от классического (линейного, монокаузального) и неклассического (нелинейного, вероятностного) типов неоклассической фрактальный тип детерминизма прежде всего основывается на принципиально ином понимании фундаментальных основ мироздания – на внезаданности бытия Абсолютом; и детерминированность выводится фактически впервые из субстанциональных самодвижущихся глубин бытия, а не из трансцендентной или имманентной кем-то, чем-то заданности [см.: 2].

Особое значение во фрактальном детерминизме имеет открытие представлений в синергетике и фрактальности бытия при объяснении «эмерджентности», самовозникновения бытия как такового и его т.н. конечных явлений. Особое внимание фрактальный детерминизм уделяет здесь теории внутреннего, соотношению внутреннее-внешнее. Внутреннее здесь это именно уже не привнесённое имманентно внутреннее и не заимствованное или навязанное внешнее (как представлялось раньше), а сложностно порожденное изнутри, результат динамики самого процесса превращения различного уровня «фрактальных размерностей», процесс-результат взаимодействия взаимодействий. Здесь внешнее не отделяется от внутреннего и не противостоит внутреннему. Поскольку само внешнее в принципе не вброшено извне, а тоже порождено-вращено и на деле в принципе все состоит из внутреннего, только уже другого эволюционно-произошедшего-масштаба-и-уровня-внутреннего. В плане происхождения детерминации нового, небывшего в ней особенно важна сложностная динамика бахромистостей какого-либо фрактала – «величайшая машина Мира», если идти дальше делезовской складки [3].

Получается, что фрактальный детерминизм в объяснении *созревания-порождения-самовозникновения* детерминаций, во-первых, обращает внимание не столько на сами вещи, сколько на *различные грани деятельной стороны вещей* в бытии, на их «способность производить и производиться, производства/возникновения», на то, «что и как их производит или они производят». То есть на их *делание/сделанность* в едином существе [4, с. 33], на факт *осуществления действия* в бытии. (А не только и не столько на его обещание делания, оязыковление, означивание, репрезентацию, артикуляцию, интенцию, которые, конечно, есть тоже событие, но все-таки *after-postmodernism* (ское) лукавое со-бытие) [8]. Во-вторых, фрактальный детерминизм связывает себя с фактом укорененности делания в бытии *на всех стадиях* существования бытия в целом и его конечных явлений; не с какой-либо одной, а с тремя, условно говоря, фазами детерминации:

и с подготовительной фазой действия, и с переходной осуществления делания и результативной. В-третьих, не бинарно (не разрывая, не противопоставляя жизненно органично единое), как раньше, а *бинокулярно* – одновременно с а) предметом, б) процессом – вместе с фазовым переходом (медиацией) и с в) результатом; учитывая целостность, единство «предмет-процесс-результата», а не «вдруг-предмета» и... «вдруг-результата». То есть учитывается ещё и т.н. «континуальный волновой тип каузальности», отличный от линейной причинности дискретных связей между элементами. Когда, как поясняет исследователь И.Н. Белоногов, в рождении саморождаемости, в возникновении самовозникновения в «качестве основных элементов предполагаются не дискретные точки и их связи, но потоки и волны, которые взаимопроникают «между» этими дискретными деталями, они-то и *интерферируют* (подчеркнуто мной – Г.М.) и производят резонансы». Возникает детерминационная связь состояний или лучше, по Р.Б. Орланову, возникает «прецедентная детерминация» – неповторимое, нерасчлененное сочетание многообразных волнообразных и потокообразных фрактальных детерминаций, определивших новое состояние системы [5]. Поскольку некорректность бинарности, по замечанию М. Фуко, состоит в том, что «сама возможность её заложена в моменте чисто негативном»: все будет «отталкиваться от» – ум, понимание от непонимания, умственной отсталости; язык от афазии; память от амнезии; личность от её раздвоения; человек от ошибки природы и т.д.» [6]. В-четвертых, под детерминизмом во фрактальном его типе понимается незавершенная процессуальность любой системы как в принципе всегда открыто, а потому такой, где всегда в принципе происходит превалирование внутренних, но (!) внутренних – не предвзятых, заданных Абсолютом, а самопроизвольных моментов делания – то, что называют «*аутопоэзисом*», которые взаимодействуют с внешними, но (!) внешними, являющимися сами внутренними, то есть одноприродными (также обладающими аутопоэзисностью, климаменностью, интерферентностью и посюсторонностью,

а не потусторонними). Во фрактальном типе детерминизма «внутреннее» и «внешнее» не одинаково, но не разноприродно, *а одноприродно – в своей поюсторонности*. В-пятых, во фрактальном детерминизме каждый из аутопоэзисных «механизмов» и элементов зарождения и процессуальности спонтанности бытия, самодетерминации его конечных явлений (клинамен, бахромы, интерфейс, трансгрессия фрактальных подсистем) действует рекурсивно, являясь и причиной и следствием одновременно по отношению друг к другу и к «включенному третьему» (Николеску). Их частичные результаты *вбрасываются тут же в «топку»* этого же детерминационного процесса. В-шестых, фрактальный детерминизм связывает себя с различной мерой и характером «стыков бахромистостей» (мерой взаимодействий, диффузией их состояний, свойств, функций, частей структуры) – этих в разные ежикообразные стороны фрактальных подсистем. Поэтому во фрактальном детерминизме различают и *разную* работу причинности, обусловленности, детерминации средой, связи состояний и других форм детерминированности в сущем. Не допуская отождествления, подмены понятий в их жизненном применении, не допускают игнорирования главного – *законосообразной логики бытия* [7] мироздания, потерей чего и может рисковать современный реформируемый университет. Особенно это важно в формировании ума студентов и в стратегии воспитания, где все еще продолжает действовать такое небезнегативное положение как «все делает внешнее» – «среда воспитывает человека», «какова среда, таков и человек». А если среда почти сошла с ума? Но это тема дальнейшего исследования.

Итак, главные особенности неоклассического типа детерминизма состоят в стремлении объяснить самое трудное и таинственное в миропонимании – спонтанность самодетерминации и её возникновение – через различную степень активности бытия, проявляющуюся через формирующуюся разную способность к взаимозависимости и взаимопомощи друг другу так называемых конечных явлений бытия,

а не только из фатально или волюнтаристически внешней трансцендентной или имманентной заданности Абсолютом.

Литература

1. «Реалистический поворот» в современной эпистемологии, философии сознания и философии науки? / Материалы «круглого стола». Участники: *В.А. Лекторский, Б.И. Пружинин, Д.И. Дубровский, Д.В. Иванов, А.С. Карпенко, Г.Д. Левин, Е.А. Мамчур, С.В. Пирожкова, А.В. Родин, Н.М. Смирнова, Е.О. Труфанова, Е.Л. Черткова* // Вопросы философии. 2017. №1. С. 5-38.

2. *Князева Е.Н.* Идея эмерджентной эволюции в воззрениях Э. Морена, И. Стенгерс и Ж. Де Роснэ // Философские науки. 2011. №9. С. 99-115; *Аксенов Г.П.* Рассимволизация Абсолюта // Вопросы философии. 2015. №8. С. 53-63; *Меньчиков Г.П.* Детерминизм XXI: проблемы и решения. М.: Спутник+, 2015. 96 с.

3. *Мандельброт Б.* Фрактальная геометрия природы. М.: Ин-т компьютерных исслед., 2002. 656 с.; *Меньчиков Г.П.* Фрактальность – всеобщее свойство бытия // Ученые записки Казанского университета. Т.150, кн.4. Гуманит. науки. 2008. С.80-86.

4. *Тайсина Э.А.* Очерки новой гносеологии. В 4-х ч. Очерк II. Онтология экзистенциального материализма. Казань: Казан. гос. энерг. ун-т, 2010. – 139 с.

5. *Аршинов В.И.* Перспективы антропоцентризма в оптике цифровой эпохи // Вопросы философии. 2023. № 6. С.79-82.; *Белоногов И.Н.* Ризома: по ту сторону сетей и иерархий // Вопросы философии. 2023. №6. С.91-94.; *Орланов Г.Б.* Детерминизм как эпистемологическая проблема // Эпистемология & философия науки. 2011. Т.№ 3. С.101-113; *Меньчиков Г.П.* Детерминизм XXI: проблемы и решения. М.: Спутник+, 2015. С.27-53.

6. *Фуко М.* История безумия в классическую эпоху. М.: Аст, 2010. 614 с.

7. Щелкунов М.Д. Чем рискует классический университет в современном обществе? //Философские науки. 2018. № 2. С.85-95.

8. *Bazargani D.T., Lazrsari V.N.* “Postmodernism”: Is the Contemporary State of Affairs Correctly Described as ‘Postmodern’? // Journal of Social Issues & Humanities. 2015. Vol. 3. No 1. P.89-96.

ЭПИСТЕМИЧЕСКАЯ НЕСПРАВЕДЛИВОСТЬ: ПРОФИЦИТ И ДЕФИЦИТ ДОВЕРИЯ ДРУГОМУ КАК ПРОБЛЕМА КОГНИТИВНЫХ ПРАКТИК

Муртазин Салават Раисович

*ассистент кафедры истории, философии и социологии
Казанский государственный медицинский университет*

e-mail: murtazin.salawat2013@yandex.ru

г. Казань

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению феномена эпистемической несправедливости как дефицита и профицита эпистемического доверия другому. Актуальность данной проблемы обусловлена тем, что значительная часть знаний об окружающем мире, которыми располагает человек, не получены им самостоятельно, но являются результатом его доверия свидетельству другого. В качестве одной из главных причин значительной роли доверия в процессе познания рассматривается существование такого феномена, как «чисто позиционное преимущество». Значительная роль коммуникативного знания в жизни человека ведёт к необходимости поиска баланса между чрезмерным доверием и чрезмерной подозрительностью по отношению к другому. С точки зрения автора, данная проблема является актуальной не только в контексте получения человеком знаний об окружающем его мире, но также знаний о его собственном теле и здоровье.

Ключевые слова: эпистемология, познание, знание, свидетельство, доверие, эпистемическая несправедливость, здравоохранение, добродетели.

**EPISTEMIC INJUSTICE:
SURPLUS AND DEFICIT OF TRUST
IN THE OTHER AS A PROBLEM OF COGNITIVE PRACTICES**

Murtazin S. R.

*assistant of the Department of History,
Philosophy and Sociology
Kazan State Medical University,
Kazan*

Abstract

The article is devoted to the consideration of the phenomenon of epistemic injustice as a deficit and surplus of epistemic trust in another. The relevance of this problem is due to the fact that a significant part of knowledge about the surrounding world, which a person has, is not obtained by him/her independently, but is the result of his/her trust in the testimony of another. The existence of such phenomenon as «purely positional advantage» is considered as one of the main reasons for the significant role of trust in the process of cognition. The significant role of communicative knowledge in human life leads to the need to find a balance between excessive trust and excessive suspicion towards the other. From the author's point of view, this problem is relevant not only in the context of a person's acquisition of knowledge about the world around him, but also knowledge about his own body and health.

Keywords: epistemology, cognition, knowledge, testimony, trust, epistemic injustice, healthcare, virtues.

На практике мы нередко сталкиваемся с формой познания, в рамках которой мы имеем дело не с непосредственно интересующим нас объектом, но с убеждениями об этом объекте другого субъекта, который, как нам представляется, взаимодействовал с этим объектом и смог сформировать о нём истинные обоснованные убеждения.

Говоря иначе, нередко между нами и объектом в качестве посредника появляется другой субъект. Знания, полученные через посредника в виде другого субъекта, обозначаются в современной эпистемологии как «коммуникативное знание» [см.:1]. В то же самое время те сведения и убеждения, которые другой субъект пытается до нас донести, обозначаются в рамках современной эпистемологии как «свидетельство». То есть, мы можем определить коммуникативное знание как форму знания, источником которого является свидетельство другого субъекта относительно интересующего нас объекта.

Но почему эпистемологии, в принципе, необходимо уделять внимание этой форме познания? Как мы знаем из курсов философии и/или истории философии, многие мыслители пытались ответить на вопрос о том, какой именно источник наших знаний об окружающем мире является самым главным и надёжным. В качестве кандидатов на эту роль в основном рассматривались либо разум и причастные к нему врождённые идеи, либо ощущения, полученные посредством органов чувств. В рамках философии Нового времени это проявилось в виде противостояния таких направлений философской мысли, как эмпиризм и рационализм [см.:2, с. 8]. Но что, если не разум и не чувства, но свидетельство является главным источником если не всех знаний отдельно взятого человека, то, как минимум, значительной их части? В своей монографии «Эпистемология добродетелей» А.Р. Каримов формулирует тезис о тотальности коммуникативного знания: одним из главных источников наших знаний о мире являются свидетельства других людей [см.: 3, с. 315]. Каков источник наших знаний о событиях далёкого прошлого, факте существовании стран и городов, в которых мы никогда не были, о произошедшей вчера в соседнем районе нашего города автомобильной аварии и т.д.? Все эти и многие другие наши убеждения об окружающей нас действительности, в истинности и обоснованности которых мы обычно не сомневаемся, получены нами не посредством (правильного) использования нами нашего (и только нашего) собственного разума и/или наших

(и только наших) органов чувств, но благодаря тому, что мы приняли те или иные свидетельства в качестве заслуживающих нашего доверия.

В чем причина того, что знание через свидетельство играет столь значимую роль в жизни человека? Одной из главных причин этого является то, что отдельно взятый человек физически не может получить знания о всём окружающем его мире самостоятельно и без посредников. Например, в своём труде «Истина и правдивость: эссе по генеалогии» Бернад Уильямс пишет, что «каждый человек в коллективной группе нуждается в информации, для получения которой он или она находится не в самом лучшем положении: все они, в разное время и в отношении различных частей информации, находятся в преимущественном или неблагоприятном положении (чисто позиционном или ином) по отношению друг к другу» [4, с. 42]. Например, тот, кто непосредственно наблюдал произошедшую вчера в соседнем районе аварию, находился в том положении, благодаря которому он мог самостоятельно сформировать истинные обоснованные убеждения о ней. Мы, в свою очередь, не можем вернуться в прошлое и самостоятельно убедиться в том, что авария действительно произошла. Поэтому мы вынуждены в этом вопросе доверять другому, так как он, говоря словами того же Б. Уильямса, в данном контексте обладает «чисто позиционным преимуществом» (*purely positional advantage*) по сравнению с нами. Таким образом, хотим мы того или нет, мы не можем всегда находиться в положении, позволяющем нам самостоятельно, независимо от свидетельства другого, сформировать истинные и обоснованные убеждения касательно всех вещей или явлений, в знаниях о которых мы по тем или иным причинам можем нуждаться. О том, почему эпистемологические теории и концепции, игнорирующие влияние подобного рода позиционного преимущества на познавательную деятельность человека, являются нереалистичными мы подробнее писали в предыдущих наших публикациях, например в статье «Эпистемический эгоизм и проблема доверия в познании» [5].

Знание через свидетельство, и, следовательно, доверие другому играет значительную роль в процессе познания нами окружающего мира. Однако подобного рода зависимость от другого, от его точности и искренности в качестве знатока и познающего субъекта, ведёт к тому, что перед нами неизбежно возникает вопрос о границах нашего доверия другому. Говоря проще, мы должны решить, кому, когда и почему мы можем доверять как надёжному источнику свидетельств, а кому - нет. И в этом вопросе мы можем впасть в две противоположные крайности: либо в легковерие, либо в подозрительность. Об этих крайностях, например, пишет один из главных представителей эпистемологии добродетелей Линда Загзебски [6, с. 160]. Легковерие, как можно догадаться, проявляется в тех случаях, когда человек проявляет чрезмерное доверие, не прикладывая усилий для уточнения того, насколько точен и/или искренен тот, кому он доверяет. Говоря иначе, необходимость доверия в познании не означает того, что нам следует доверять всем во всех возможных случаях. Иногда доверие может оказаться неуместным. В качестве конкретного примера легковерия мы могли бы привести случаи, когда, формируя убеждения о женском здоровье или прививках, люди больше доверяют не экспертам в области медицины, а различного рода знаменитостям [см.:7, с.182-186]. Подозрительность, наоборот, является проявлением не уместного в том или ином контексте, недостаточно обоснованного или вовсе необоснованного скептицизма по отношению к другому в качестве надёжного и добросовестного источника свидетельств.

С нашей точки зрения, и легковерие, и подозрительность как формы переизбытка или дефицита эпистемического доверия могут рассматриваться в качестве проявления такого феномена, как эпистемическая несправедливость. В рамках современных исследований эпистемическая несправедливость чаще всего рассматривается в контексте проблемы подозрительности по отношению к определённым социальным группам, которым из-за существующих в том или ином обществе стереотипов, например расовых или гендерных, систематически

отказывают в эпистемическом доверии. Именно о такой форме эпистемической несправедливости пишет в своём труде «Эпистемическая несправедливость. Власть и этика познания» Миранда Фрикер [8]. С нашей точки зрения, не меньшего внимания заслуживает эпистемическая несправедливость, которая проявляет себя не только в форме дефицита, но и в форме переизбытка доверия, также обусловленного, скорее, предрассудками и привычками, нежели взвешенной оценкой свидетельства. В качестве примера мы могли бы привести случаи чрезмерного доверия науке как совершенной форме знания и познания. В таком случае формальной принадлежности человека к науке может оказаться достаточно, чтобы его свидетельства рассматривались в качестве заслуживающих большей степени доверия, чем все остальные. Подобного рода легковерие по отношению к науке критикуется многими авторами, например, такими как Пол Фейерабенд [см.:9, с. 301-302] и Лорейн Коуд [см.:10, с. 244].

Одной из областей жизни человека и общества, в рамках которой проблема нахождения баланса между крайностями легковерия и подозрительности является одной из наиболее актуальных, – сфера медицины и здравоохранения. Это наше предположение кому-то может показаться странным. Действительно, до этого мы рассматривали случаи, когда причиной нашей зависимости от свидетельств другого является его позиционное преимущество. С этой точки зрения, казалось бы, никто не может занимать более выигрышное положение в вопросе способности формулировать истинные и обоснованные убеждения о нашем теле, чем мы сами. Однако, утверждая так, мы упускаем два важных нюанса, связанных с нашими знаниями о собственном теле. Во-первых, значительная часть нашего тела фактически недоступна для нас. Мы можем ощущать нечто в нашем животе, но то, что это нечто – наш желудок мы узнаём от другого, например, от врачей, авторов школьных учебников или от учителя биологии. Говоря словами Ж.–П. Сартра, в значительной мере наше тело мы знаем «посредством понятий Другого» [11, с. 373]. Во-вторых, тело

человека представляет из себя сложный и многогранный объект, изучение которого требует совместной работы самых разных взаимосвязанных научных дисциплин (анатомии, физиологии, биохимии и т.д.), полноценное освоение и понимание которых требует долгих лет обучения. То есть, даже если бы наше тело было нам полностью доступно, мы нуждались бы в тех, кто обладает специализированными знаниями. Говоря иначе, нам необходимы эксперты, которые могут помочь нам распознать нашу болезнь, а также дать корректные рекомендации для её излечения.

Таким образом, знания о нашем теле в значительной части являются знаниями, полученными через свидетельство. Это означает, что поиск баланса между подозрительностью и легковерием, который может быть обозначен как «эпистемическая справедливость», в отношениях между врачом и пациентом является одной из важных задач, и она остаётся актуальной не только для теоретиков-эпистемологов, но также для медицины и системы здравоохранения. Существенный вклад в решение этой задачи, с нашей точки зрения, могут внести такие направления философских исследований, как этика и эпистемология добродетелей.

Литература

1. *Karimov A., Solodukho M. Problems of knowledge by communication / A. Karimov, M. Solodukho // Вісник Національної академії керівних кадрів культури і мистецтв. № 4, 2017. Р. 217–220.*

2. *Лысенко В.Г. Чувственное и рациональное познание: Индия и Запад (принципы сравнительного анализа) / В.Г. Лысенко // Философский журнал. 2010. №2 (5). С. 5-16.*

3. *Каримов А.Р. Эпистемология добродетелей: научная монография / А. Р.Каримов. СПб: Алетейя, 2019. 428 с.*

4. *Williams B. Truth & Truthfulness: an essay in genealogy / B. Williams. Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2002. 343 p.*

5. *Муртазин С.Р.* Эпистемический эгоизм и проблема доверия в познании / С. Р. Муртазин//Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2021. № 5. С.35-51.
6. *Zagzebski L.* Virtues of the Mind: An Inquiry into the Nature of Virtue and the Ethical Foundations of Knowledge / L. Zagzebski. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. P. 160.
7. *Николс Т.* Смерть экспертизы: как интернет убивает научное знание / Том Николс; [пер. с англ. Т.Л. Платоновой]. М.: Эксмо, 2019. 368 с.
8. *Fricker M.* Epistemic Injustice. Power and the Ethics of Knowing / M. Fricker. New York: Oxford University Press. 2007. 188 p.
9. *Фейерабенд П.* Против метода. Очерк анархистской теории познания / П. Фейерабенд; пер. с англ. А.Л. Никифорова. М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2007. 413 [3] с.
10. *Code, L.* Ecological Thinking: The Politics of Epistemic Location / L. Code. New York: Oxford University Press. 2006. 322 p.
11. *Сартр Ж.-П.* Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии / Ж.-П. Сартр; пер. с фр., предисл., примеч. В.И. Колядко. М.: Республика, 2000. 639 с.

**ФЕНОМЕН ПОСТ-ПРАВДЫ
В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ
КОММУНИКАТИВНОГО РАЗУМА
Ю.ХАБЕРМАСА**

Нигоматуллина Резида Масхутовна
Кандидат философских наук, доцент, доцент
Казанский (Приволжский) федеральный университет,
email: nigomati@mail.ru
г. Казань

Аннотация

Понятие «пост-правды» соотносится с понятиями «истина», «правильность», «правда», различаемыми в теории коммуникативного разума Ю. Хабермаса. Показано, что несмотря на то, что в русской языковой картине мира истина и правда являются разными смысловыми концептами, пришедшее из английского употребление понятие пост-правды не является релевантным в российском контексте. Основаниями для подобного вывода являются традиционный релятивизм смысловых интерпретаций в отечественной литературе, власть масс-медиа в публичной сфере, обособление друг от друга отдельных сфер.

Ключевые слова: пост-правда, истина, правильность, правда, факты, ценности.

THE PHENOMENON OF POST-TRUTH IN THE CONTEXT OF THE THEORY OF COMMUNICATIVE MIND BY J. HABERMAS

Nigomatullina Rezida Maskhutovna

PhD, Associate Professor

Kazan (Volga region) Federal University

email: nigomati@mail.ru

Kazan

Abstract

The concept of “post-truth” correlates with the concepts of “truth”, “correctness”, “truth”, distinguished in the theory of communicative reason by J. Habermas. It is shown that despite the fact that in the Russian linguistic picture of the world truth and truth are different semantic concepts, the concept of post-truth, which came from English, is not relevant in the Russian context. The grounds for such a conclusion are the traditional relativism of semantic interpretations in Russian literature, the power of the mass media in the public sphere, and the isolation of individual spheres from each other.

Keywords: post-truth, truth, correctness, truth, facts, values.

Теория коммуникативного разума Ю. Хабермаса разделяет понятия «истинность», «правильность» и «правдивость» как критерии успешной коммуникации, направленной на взаимопонимание. «В установке, ориентированной на взаимопонимание, говорящий каждым своим членораздельным высказыванием выдвигает притязание на то, что: произнесенное высказывание истинно (то есть предпосылки существования указанного пропозиционального содержания соответствуют действительности); с учетом данного нормативного контекста речевое действие правильно (то есть, что легитимен сам нормативный контекст, которому оно подчинено); в манифестируемой речевой

интенции подразумевается то же, что и выражается явно» [1, с. 203-204]. Другими словами, истине соответствует объективная реальность, факты; правильность речи отражает соответствие нормам и ценностям, правда отражает искренность намерений, выражающихся в поведении.

В русском языке существуют два культурных концепта «истина» и «правда», эти понятия различаются, в отличие от многих языков. Так, в английском языке существует общее понятие «truth», во французском языке – истина и правда обозначается общим термином «La vérité» [2]. Поэтому если мы говорим о пост-правде применительно к английским или, например, французским культурным реалиям, то можно без потерь заменить ситуацию постправды на постистиину, и это будет означать примерно одно и то же: «Это общественная ситуация, когда апелляция к личным убеждениям людей и их эмоциям более действенна, чем ссылка на объективные факты» [3].

Содержание этих понятий в русской языковой картине мира и обыденных представлениях сложнее: понятие истинности распределено на два термина, понятия истины и правды связаны с противопоставлением разума и чувств, истина едина, а правда множественна и у каждого своя и т.д. [4]. В целом, в контексте повседневности термин «правда» гораздо популярнее, и его употребление чаще связывается с переживаниями и представлениями о справедливости. В соответствие с этим нам видится, что в современных повседневных российских культурных и политических реалиях смыслы правды и пост-правды не так уж и различаются, если подразумевать под правдивостью, как у Хабермаса, демонстрацию искренности намерений и переживаний безотносительно к установлению истинности высказываний. Современные массмедиа и ведущиеся ими информационные войны предоставляют возможность индивиду выбрать тот контент, который совпадает с его потребностью в переживании справедливости независимо от соответствия информации реальным фактам.

Истина в концепции коммуникативного действия Ю. Хабермаса предполагает, что взаимопонимание зависит от того, насколько основание того, что говорит участник коммуникации соответствует действительности. Однако проблема культурных и образовательных посредников социальных отношений в российском социуме заключается в том, что действительность понимается очень широко. В статье Е.Е. Михайловой, посвященной описанию таких понятий как истинность, правильность и правдивость в теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса, стремление к истине участника разговора интерпретируется автором как соразмерность с тем, что представляет собой «объективно существующий социальный порядок (легитимные институты, научные парадигмы, традиции, стандарты, ценности)» [5, с. 30-31]. Тогда возникает вопрос, являются ли, например, ценности фактами реальности или объективными сущностями? Если мы онтологизируем ценности, то неизбежно наделяем реальностью и правами ту группу, которая разделяет эти ценности, а также их высказываниям придаем характер истинности. Соответственно «отменяем» чужих, чьи ценности мы не признаем. Разве данное положение вещей не напоминает нам ситуацию пост-правды, когда любой факт интерпретируется нами в той системе ценностей, которая нам уже и без того хорошо знакома и понятна? Те идейные расколы, которые мы перманентно наблюдаем в российской общественной жизни, говорят нам, что пост-правда совсем не новый для нас термин, он давно заменяет все три концептуальных хабермасовских понятия, так как тенденция принимать за реальность ценностные (идеологические) оценки оказывается устойчивой когнитивной стратегией в российском обществе. Апелляция к ценностям и ценностным переживаниям заменяет нам дискурсивные (интерсубъективные) основания истинности и правильности, как соответствие фактам и нормам, а также подменяет правдивость, которая доказывается поведением, демонстрирующим нерасхождение слова и дела.

Следует обратить внимание, что Хабермас, проблематизируя представление об истинности, говорит не столько о фактичности и чувственном восприятии, сколько о притязаниях на истинность, которые обосновываются с помощью рационально мотивированного консенсуса как результата аргументированного обсуждения. Однако «проблема состоит в том, что в речь, констатирующую факты, закрадываются ценностные суждения», – пишет исследователь [1, с. 45]. Таким образом, он особо подчеркивал необходимость рефлексии оснований как высказываний, так и интерпретаций, которая должна вести к осознанию, вычленению и элиминации априорных ценностных конструкций. С одной стороны, это традиционное научное требование ценностной нейтральности, однако, с другой стороны, речь идет также о необходимости критического отношения к подмене ссылки на объективность ссылкой на ценность.

Обсуждая состояние ясности или неясности представлений об истине, правильности и правде в современном российском культурном и политическом поле, мы должны осознавать, что действуем в пространстве социальных наук интерпретативного типа, метод которых допускает проблематизацию того, что считать объективным. Теория коммуникативного действия предполагает, что взаимопонимание в обществе возможно лишь через коммуникативный процесс, в котором люди договариваются о том, что считать фактами. Предположим, что позицию Ю. Хабермаса можно перенести на публичную сферу и публичное обсуждение, где властвуют массмедиа. Эта реальность создает новое отчуждение человека от возможности быть участником коммуникационного процесса, ведущего к знанию, разуму и истине, поэтому содержательно говорить о различении правды и постправды в современной ситуации скорее всего бессмысленно. Однако не бессмысленны усилия социальных исследователей, которые выступают в роли интерпретаторов, стремящихся понять значение текста лишь той мере, в какой им удастся постичь, «почему автор чувствовал себя вправе высказывать (в качестве истинных) определенные

утверждения, признавать (в качестве правильных) определенные ценности нормы, выражать (в качестве правдивых) определенные переживания, либо приписывать их другим» [1, с. 49-50]. Интерпретация, возможно, приведет нас к выделению и классификации обособленных сфер общества, которые задают условия существования противоречащих друг другу когнитивных стратегий определения реальной фактичности отдельным общностям и социальным группам.

Литература

1. *Хабермас Ю.* Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука, 2006. 377 с.

2. *Шатилова Л.М., Борисова В.В.* Сопоставительный анализ концепта «Правда/истина» в русской и французской языковой картине мира // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. №11-2 (77). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sopostavitelnyy-analiz-kontsepta-pravda-istina-v-russkoy-i-frantsuzskoy-yazykovoy-kartine-mira> (дата обращения: 22.09.2023).

3. https://yandex.ru/q/question/chto_takoe_postpravda_26c12138/ (дата обращения: 22.09.2023).

4. *Арутюнова Н.Д.* Истина: фон и коннотации // Логический анализ языка. Культурные концепты / отв. ред. Н.Д. Арутюнова, Т.Е. Янко. М.: Наука, 1991. С. 21-30.

5. *Михайлова Е.Е.* Истинность, правильность и правдивость в теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса / Е.Е. Михайлова // Поиск истины и правда жизни в пространстве современной культуры: Сборник научных статей / Под редакцией О.Д. Маслбоевой. Выпуск 4. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2018. С. 29-34.

**ОСОБЕННОСТИ ПОТРЕБЛЕНИЯ
СОВРЕМЕННЫХ МЕДИАПРОДУКТОВ
(НА ПРИМЕРЕ ИГРЫ DISCO ELYSIUM THE FINAL CUT 2019)**

Николаева Евгения Михайловна

*доктор философских наук, профессор, профессор,
Казанский (Приволжский) федеральный университет,
e-mail: kaisa1011@rambler.ru*

г. Казань

Котляр Полина Сергеевна

*кандидат философских наук, доцент,
Казанский (Приволжский) федеральный университет,
e-mail: polikotsob@mail.ru*

г. Казань

Аннотация

С развитием цифровых технологий становится общим местом стремление обозначать современное общество как общество знаний. Тем самым подчеркивается положительный потенциал освоения человеком сетевого пространства. Однако наряду с этим цифровизация общества делает его и обществом незнаний, обществом одиночества, обществом сверх-консюмеризма и развлечений. Становится очевидным, что с изучения потенциала, который технологии предоставляют современному пользователю, исследовательский интерес следует сместить на реальные отношения между медиатехнологиями и людьми, акцентируясь на проблеме реального потребления медиа пользователями. На сегодняшний день еще остается популярной исследовательская позиция, которая заключается в понимании компьютерных игр как продукта, в первую очередь, развлекательного, но одновременно содержащего высокий деструктивный социальный потенциал.

Однако компьютерные игры становятся тем культурным продуктом, переживание которого переоткрывает известные жанры для пользователя. На примере игры Disco Elysium авторы анализируют феномен выхода за классические структуры жанра детектива.

Ключевые слова: компьютерные игры, медиапотребление, Disco Elysium, цифровое пространство, постиндустриальное общество.

**FEATURES OF THE CONSUMPTION
OF MODERN MEDIA PRODUCTS
(ON EXAMPLE GAME DISCO ELYSIUM: THE FINAL CUT 2019)**

Nikolaeva E.M.

Ph.D., Full Professor

Kazan (Volga Region) Federal University,

Kazan

Kotliar P.S.

Ph.D., Associate Professor

Kazan (Volga Region) Federal University,

Kazan

Abstract

With the development of digital technologies, the desire to designate modern society as a knowledge society is becoming common place. This emphasizes the positive potential of human development of the network space. However, along with this, the digitalization of society makes it a society of ignorance, a society of loneliness, a society of super-consumerism and entertainment. It becomes obvious that from studying the potential that technologies provide to the modern user, the research interest should be shifted to the real relationship between media technologies and people, focusing on the problem of real media consumption by users? To date, there is still a popular research position, which is to understand computer

games as a product, primarily entertaining, but at the same time containing a high destructive social potential. However, computer games are becoming that cultural product, the experience of which rediscovers known genres for the user. Using the Disco Elysium game as an example, the authors analyze the phenomenon of going beyond the classic structures of the detective genre.

Keywords: computer games, media consumption, Disco Elysium, digital space, post-industrial society.

Французский философ, занимающийся теорией нарратива, Цветан Тодоров предлагает следующую структуру вымышленного повествования:

- 1) исходное равновесие;
- 2) нарушение равновесия;
- 3) состояние нарушенного равновесия, которое может меняться на протяжении всего произведения, но остается дисгармоничным;
- 4) восстановление равновесия;
- 5) восстановленное равновесие (впрочем, не тождественное исходному) [см.: 1].

Этот же идеальный нарратив переносится на медиапродукты: от кинопроизводства до интервью. Стабильность и описание персонажей предстает перед зрителем в начале истории, затем оппозиционные силы дестабилизируют равновесие, и герои стараются исправить произошедший сбой. После устранения бедствия вновь восстанавливается стабильность, однако это уже принципиально другой порядок дел, чем был в начале истории, так как герои пережили невзгоды и трансформировались. Данная нарративная стратегия в ситуации избытия медиа-повествований сохраняется, однако перестает работать для аудитории с более низким порогом скуки.

Так, жанр ужасов стал для зрителя избыточно предсказуемым, что нейтрализует ожидаемое впечатление, режиссеры пытаются интегрировать новые приемы, например действия в фильме ужасов «Солнцестояние» (2019) происходят при солнечном свете, а отличие

от жанровой условности заключается в том, что маньяки, чудовища всегда нападают на своих жертв в ночное время или в темных помещениях. Попыткой дисквалифицировать жанр классического детектива является детектив «Достать ножи» (2019), когда зритель, ожидая шаблонное развитие сюжета, оказывается обманут. Однако фрейм цифровой игры позволяет пользователям оказаться в действительной ситуации ужаса, когда аватар по мере прохождения игры приобретает определенные артефакты, очки, проходит через ряд квестов, чтобы встретить так называемого «босса» (главного врага этой локации или сюжета). Бой содержит в себе элемент неожиданности, игрок должен разгадать его механику, – то, как само пространство необходимо должно работать на него, ему приходится переживать множественные смерти персонажа, пока он не разгадает выигрышную тактику боя.

В бою победа может быть вовсе недоступна, то есть игрок должен продержаться определенное время или совершить ряд действий, когда начнется кат-сцена, которая приведет героя в следующую точку. Например, в игре Resident Evil Village, когда у аватара игрока заканчиваются патроны или начинается его преследование, он должен пройти до определенной точки, здесь переживание ужаса становится действительным, даже при повторной игре пользователь может снова и снова переживать те эмоции, которые уже недоступны зрителю при повторном просмотре фильмов ужасов.

Видеоигры прошли долгий путь от автоматов в парках аттракционов, домашних приставок к телевизорам, компьютерных индивидуальных и многопользовательских (мультиплеерных) совместных игр до массовых многопользовательских онлайн-игр (ММО). На сегодняшний день наиболее распространенным видом приобретения игр выступает цифровая дистрибуция – это тип распространения игр через платформы, такие как Steam, Gog, Epic Games Store, когда покупатель не приобретает физический носитель, а подписывается на игру как на медиапродукт. Аналогичный способ покупки стал распространен на платформах с кинофильмами (сервисы Кинопоиск,

Netflix, HBO и др.) и книжных сервисах (Литрес, Bookmate, MyBook и др.), когда пользователь оплачивает подписку на сервис или покупает отдельные цифровые товары, которые становятся доступны на всех его устройствах без покупки физической копии. Пандемия Covid-19 только подтвердила необходимость таких платформ цифрового распространения.

Следствием популяризации онлайн-подключения к игре стало расширение игровой индустрии, пользователи впервые получили доступ к такому широкому ассортименту игр, а инди-разработчики (прим. от англ. Independent – независимый) получили возможность быстро получать широкую аудиторию поклонников и развивать свой продукт благодаря его популяризации через обратную связь от игроков, прошедших игру.

Одним из примеров такой инди-игры является *Disco Elysium: The Final Cut* (2019), которая стала первым продуктом эстонской студии ZA/UM. Эта игра относится к жанру RPG (Role-Playing Game) – ролевая игра. Для данного типа игр характерно наличие возможности выбора типа персонажа игры, улучшения его характеристик (силы, скорости, выносливости, коммуникабельности) при переходе на следующий уровень игрока или приобретения артефактов, усиливающих игрока. Данный продукт представляет собой боевую систему с определенным набором навыков и возможностей ведения боя, он имеет обширную сюжетную линию, возможность выбора пользователем вариантов ответов, которые будут влиять на дальнейшие события в игре. Мир данной игры интерактивно раскрывается перед пользователями согласно выбранной ими роли. Цифровые игры, дающие пользователю возможность создания собственного мира, имеют более высокие показатели интерактивности пользователей, чем цифровые игры типа тетриса.

Название игры *Disco Elysium* Д. Хамис предлагает интерпретировать следующим образом: ««disco» – единственное число первого лица латинского глагола «discere», означающего «учиться, изучать».

Итак, название игры можно прочесть как «Я изучаю Элизиум» [2]. Элизиум имеет веер возможных отсылок, среди которых наиболее близкой к концепции игры выступает коннотация «обитель блаженных», а Disco, благодаря множественным отсылкам в игре к 1970-ым, приводит через истертые предметы того времени к ностальгии. Пользователь должен следить за детективными зацепками, чтобы найти преступника, однако сюжет диссонирует с ожиданиями.

Игра начинается с темноты, неизвестный ведет беседу с рептильным мозгом и лимбической системой. После непродолжительных препирательств персонаж открывает глаза и оказывается в причудливой позе на полу посреди гостиничного номера. Вокруг множество пустых бутылок от алкоголя. Герой не помнит ничего о себе и страдает сильным похмельем. Спустившись в холл гостиницы, он встречает лейтенанта Кима Кицураги, который сообщает ему, что является его напарником, из другого полицейского участка, которого направили помогать расследовать убийство – повешенный уже несколько дней висит на дереве на парковке за гостиницей.

Постепенно в разговорах с многочисленными свидетелями линчевания и другими жителями города Ревашоль перед детективами разворачивается общая картина происходящего в этом городе. Практически каждый из собеседников главного героя имеет определенные взгляды в отличие от самого главного героя, который, страдая от алкогольно-наркотической амнезии, не помнит в том числе ничего из своих политических убеждений и мировоззренческих позиций. Знакомство с политическими фракциями осуществляется в диалогах с другими персонажами. Главному герою предлагается выбрать из нескольких возможных вариантов ответов, которые зачастую идеологически окрашены, относятся к идеологии коммунизма, фашизма, морализма и ультралиберализма. Игрок может каждый раз выбирать утверждения, относящиеся к разным политическим направлениям, но можно последовательно придерживаться одной политической позиции.

Коммунизм, созданный в мире *Disco Elysium* Красом Мазовым, и коммунистическая революция остались воспоминанием, большинство настоящих коммунистов были расстреляны, остались лишь единицы среди романтических студентов или старых философов. Идеология фашизма в Ревашоле невидима и растворена в идее традиционалистов. Морализм («гуманисты») представлен как идеология разума и идеология действующего режима, что пришла на смену коммунизму и фашизму, это та идея добра, которая пришла и превратила Ревашоль в руины. Однако главной заботой власти является сохранение капиталистических интересов. Ультралиберализм («капиталисты») строится вокруг идеи денег. Ультралибералы состояли в союзе с коммунистами, чтобы свергнуть короля, после чего заключили сделку с моралистами ради извлечения финансовой выгоды из оккупации.

Несмотря на то, что создатели игры, получая награду на церемонии *Game Awards 2019*, поблагодарили, в частности, Карла Маркса и Фридриха Энгельса [3], в игре критически раскрывается каждая из идеологий. Фашизм для главного героя оказывается способом упрощения восприятия собственных неудач и переложения собственной вины на сторонние процессы. В реальности старый порядок романтизируется и превращается в фантазию, в геймплее игровой персонаж, выбирающий идеологию фашизма, начинает нести моральный ущерб, что в итоге неизбежно приводит персонажа к гибели от отсутствия морали. Если игрок выбирает варианты взаимодействия, выгодные персонажу, то игра предполагает, что он близок к капитализму.

Для пользователя эта игра становится испытанием – классический сценарий, когда игровой персонаж должен дойти до конца игры и успешно ее завершить. В *Disco Elysium* продуктивность прохождения может быть реализована как через предполагаемо правильную стратегию игры, так и через практику саморазрушения персонажа, таким образом игра побуждает пользователей декодировать повествование и фигуру персонажа, что дает возможность игроку пережить трансгрессивный опыт.

В *Disco Elysium* игрок оказывается участником мета-повествования, наполненного метафорами и узнаваемыми образами, которые, однако, в ходе раскрытия сюжета оказываются обманом, оборачиваются негативными последствиями для персонажа. Этическая диада хорошее-плохое в *Disco Elysium* заменяется ризомностью идеологий. Благодаря интерактивной включенности пользователь оказывается выведен за рамки сюжетного канона и сталкивается с проблемой осмысления себя самого и необходимости отвечать на вопрос, что бывает после окончания революций.

Литература

1. *Маслов Е.С.* Нарратологический подход к концепции «Конца истории» Ф. Фукуямы // Манускрипт. 2020. Т. 13. №. 1. С. 149-153.

2. *Хамис Д.* *Disco Elysium*: юродивый урбанизм. Центр политического анализа. 03.12.2020. URL: <https://centerforpoliticsanalysis.ru/position/read/id/disco-elysium-jurodivyj-urbanizm?fbclid=IwAR3L> (дата обращения 02.09.2023).

3. *Jackson G.* *Disco Elysium* Developers Shout Out Marx and Engels in Game Awards Victory Speech. Kotaku. 13.12.2019. URL: <https://www.kotaku.com.au/2019/12/disco-elysium-developers-shout-out-marx-and-engels-in-game-awards-victory-speech/> (дата обращения 02.09.2023).

**НАУКА В СТИЛЕ «ПОСТ-»:
«ПОСТМОДЕРНИСТИЧНОСТЬ»
СИНТЕТИЧЕСКОЙ БИОЛОГИИ**

Николаева Евгения Михайловна

*доктор философских наук, профессор, профессор,
Казанский (Приволжский) федеральный университет,
e-mail: kaisa1011@rambler.ru*

г. Казань

Лагутин Марк Владимирович

*аспирант кафедры общей философии
Казанский (Приволжский) федеральный университет
e-mail: marc.lagutin@yandex.ru*

г. Казань

Аннотация

В данной статье освещаются эпистемологические основания для рассмотрения синтетической биологии как постмодернистской науки. Исследование начинается с выявления основных корреляционных составляющих между синтетической биологией и духом постмодерна. Исследуется эпистемологическая позиция постмодерниста, отношение синтетической биологии и постмодернизма к истине, а также элемент социальной направленности знания как структурного начала постмодернистской науки. Указываются условия, при которых неклассическая направленность научной сферы в совокупности с индивидуальными методами могут давать основания для формирования аргументов в пользу постмодернистского рассмотрения синтетической биологии, и как последние ее достижения предоставляют методологическую базу для выстраивания аргументов в пользу постмодернистского характера этой научной сферы.

Ключевые слова: постмодернизм, философия, синтетическая биология, эпистемология, Пост-Дарвиновская биология, креационизм.

**SCIENCE IN THE STYLE OF «POST-»:
THE «POSTMODERNITY» OF SYNTHETIC BIOLOGY**

Nikolaeva E.M.,

Ph.D., Full Professor

Kazan (Volga Region) Federal University,

Kazan

Lagutin M.V.,

postgraduate student of the Department of General Philosophy

Kazan (Volga Region) Federal University,

Kazan

Abstract

This article highlights the epistemological grounds for considering synthetic biology as a postmodern science. The research begins with the identification of the main correlative components between synthetic biology and the spirit of postmodernity. The epistemological position of the postmodernist, the relation of synthetic biology and postmodernism to truth and the element of social orientation of knowledge as a structural element of postmodern science are investigated. The conditions under which the non-classical orientation of the scientific sphere in combination with individual methods can give grounds for the formation of arguments in favor of postmodern consideration of synthetic biology, and how its latest achievements provide a methodological basis for building arguments in favor of the postmodernity of this scientific sphere are indicated.

Keywords: postmodernism, philosophy, synthetic biology, epistemology, Post-Darwinian biology, creationism.

Заинтересованность постмодерном – тем, как он влияет на все сферы человеческой жизни, где его можно обнаружить, заставила исследователей различных научных и философских областей начать находить проявления «постмодернистичности» за пределами искусства и экзистенции. Выявление нового феномена в науке или искусстве вызывает у современных философов соблазн трактовать это новое в терминологии «пост-». Множественные примеры влияния духа постмодерна на произведения искусства прослеживаются довольно отчетливо, но можно ли говорить подобное о естественных науках, которые независимы от мнений или зависимы лишь временно? В статье будет рассмотрен взгляд на синтетическую биологию как на «постмодернистичную» дисциплину. Гипотетически это возможно благодаря специфике этой научной отрасли, которая руководствуется инструменталистскими целями, что и отличает ее от других, хотя и близких для нее, наук, таких как генетика, цели которых являются объяснительными. Действительно, цели синтетической биологии не являются объяснительными в прямом смысле, а о возможностях для их использования в этом ключе синтетические биологи не задумываются.

Главная идея синтетической биологии заключается в создании принципиально новых биологических структур. Как правило, они создаются в практических целях, где эпистемически ценными будут лишь условия их создания – полная инструкция по сборке и данные о всех составляющих элементах структуры. Эпистемологические цели здесь замкнуты «рецептом» конкретной структуры, которая, помимо этого, создается не с целью узнать, можно ли создать что-то, а с целью исполнения заказа на это что-то. Фокус на инженерном подходе в ущерб теоретическим построениям является поводом для некоторых исследователей считать, что цели синтетической биологии находятся в лоне парадигмы пост-правды.

Приведем позицию исследовательницы Оливии Маковой [2]. Согласно ее позиции, синтетическая биология в силу своего акцента на инженерной составляющей отвергает объяснительные притязания

на биологическую реальность, поскольку не идет путем построения теории. С точки зрения исследовательницы, это характеризует синтетическую биологию как науку, принципиально отказывающуюся от подчинения единой теоретической перспективе. Логика такова, что специфичность подхода синтетической биологии, которая заключается в отказе от построения какой-либо теории, рассматривается здесь как общий отказ от истины или построения теоретической системы, претендующей на истинность. Маковой смотрит на синтетическую биологию с позиции постмодернистского эпистемолога, для которого теория как таковая является прежде всего «мейнстримом», суть которого заключается в рациональной экспансии реальности.

Такой теорией, которая стремится обнаружить абсолютную истину в отношении всех материальных (физичных) вещей, является теория происхождения видов путем естественного отбора Ч. Дарвина. Поскольку мир состоит исключительно из реальных объектов, которые ведут себя в соответствии с законами природы, последние могут быть познаны, а их понимание позволяет объяснить весь мир. Теоретические построения, которые имеют притязания на обладание абсолютной истиной, для постмодернистского эпистемолога невозможны, поскольку независимо от степени истинности теории она не может быть истиной абсолютно, а может лишь претендовать на определенную степень истинности [2, с. 504]. Далее, Маковой утверждает, что подход постмодернистского эпистемолога исключает абсолютную истину из науки, и это становится основой для формирования научной идеологии пост-правды. Одной из форм такой пост-правды является Пост-Дарвиновская биология.

Такая эпистемологическая позиция, при которой теория не в состоянии обладать абсолютной истиной, должна обуславливать существование не только фрагментарной истины, но и множественность теорий, где все они являются эпистемологически равноправными. Причина такого равноправия заключается в том, что любая теория, независимо от своих амбиций, не в состоянии претендовать на абсолютную истину, а только лишь на определенную степень вероятности,

которая, как нам кажется, не может иметь вероятность истинности 100% или вероятность истинности 0%. В этих крайних точках мы или нарушаем аксиому постмодернистской эпистемологии об абсолютной истинности, или заявляем тотальный эпистемологический пессимизм, что также неприемлемо в силу наличия объективного знания. Вот почему любая из теорий будет иметь какую-то *долю* истины. Это дает нам основание считать креационистскую теорию эпистемически валидной в современности «пост-».

В реабилитацию креационистской позиции можно добавить не только специфичность постмодернистской эпистемологии, но и специфичность синтетической биологии. Это отмечает и Маковой [2, с. 504-505], отталкиваясь от телеологичности синтетических созданий – у каждой созданной биологической структуры есть цель существования; какой бы она в действительности ни была, цель всегда будет направлена на человеческие потребности. Согласно Маковой, синтетические организмы являются валидными аргументами в пользу теорий разумного замысла, поскольку представляют собой воплощение человеческого замысла. В этом смысле, видовая инженерия синтетической биологии действительно может быть локальным аргументом в пользу креационистской теории.

Однако вернемся к истине. При детальном рассмотрении мы обнаружим, что «постмодернистичность» синтетической биологии прослеживается в отношении к истине. Поскольку истина в пределах постмодерна теряет свою всеобщность и становится не столько обнаруживаемой, сколько конструируемой, постольку это накладывается на достижения синтетической биологии, демонстрирующей эффективность такого подхода. Постмодернизм постулирует сделанность истины, которая в большей степени делается, создается, чем обнаруживается [4, с. 7]. Следуя этому принципу, истина синтетической биологии будет почти полностью удовлетворять истине постмодернистского типа. В силу того, что главным достижением синтетической биологии является создание биологических структур, которые

принципиально не существовали в природе до их создания, следует признать, что каждое действительно существующее синтетическое создание является истинным, поскольку существует, познаваемо и адекватно окружающей реальности. Это создание, будь то глубокая модификация существующей клетки или новая клетка, будет являться подтверждением возможности создания истины. А поскольку синтетическая биология преимущественно создает, а не обнаруживает, то утверждение: «сконструированная истина синтетической биологии постмодернистична» будет истинным.

Однако здесь остается и то, что препятствует полному тождеству – объективные основания, благодаря которым создание какой-либо синтетической структуры возможно. Они обладают самостоятельным бытием, и их невозможно сконструировать, но лишь обнаружить этим конструированием. Как например при создании синтетического белка мы не создаем физический закон его синтеза, но лишь обнаруживаем возможность такого синтеза путем подбора взаимодействующих друг с другом аминокислот. В этом смысле мы будем вынуждены признать, что сконструированная постмодернистичная истина синтетической биологии основывается на некой объективной истине.

Далее, синтетической биологии свойственно и следующее качество, обычно характеризующее науку постмодерна – социальная значимость. Имеется в виду не просто неотрывность научного знания от общества и его применения в обществе, но, скорее, его определенность обществом и общественным мнением [1, с. 101]. Здесь может возникнуть парадокс, связанный с тем, что синтетическая биология – естественная наука, целями которой являются конкретные биологические структуры, их функции и методы их конструирования, однако они определяются общественным интересом в куда большей степени, чем родственные ей отрасли, как, например, биология. Это связано как с историей формирования синтетической биологии, так и с действительным состоянием этой науки сегодня, которое характеризуется

сугубо общественной направленностью. Синтетическая биология обязана своим появлением не столько своим реальным научным достижениям, сколько политической программе, рекламе и последующему общественному резонансу [5, с. 1]. Синтетическая биология появилась в отчетах председателя подкомитета по нанотехнологиям Национального совета США по науке и технологиям Михаила Роко и социолога Уильяма Синса Бейнбриджа, опубликованных в 2002 году, где наука была представлена не как теоретическая система, а как перспективное решение общественных проблем [3, с. 5-6]. А благодаря активной рекламной кампании она получила и свое применение как, в первую очередь, общественно полезная наука, достижения которой будут использоваться для преодоления генетических трудностей как человека, так и среды его обитания.

Несмотря на указанные выше аргументы в пользу того, чтобы считать синтетическую биологию наукой в постмодернистском духе, другие важнейшие определения такой науки либо не подходят синтетической биологии, как, например, ее представление в качестве нарратива, либо соотносятся с ней весьма условно, как, например, отношение к истине из-за наличия парадоксов. Так или иначе, поскольку синтетическая биология отличается многими своими аспектами от классических наук, для философов, занимающих позицию постмодернистской эпистемологии, синтетическая биология необходимо будет совпадать и/или отражать некоторые элементы, характерные для постмодернистской науки.

Литература

1. *Хлебникова О.В.* Образ науки в постмодернизме / О.В. Хлебникова // *Epistemology & Philosophy of Science*. – 2006. – №1. С. 97-109.
2. *Macovei O.* Post-Darwinian Biology / О. Macovei // *BRAIN. Broad Research in Artificial Intelligence and Neuroscience*. – 2022. – Vol. 13. – Iss. 4. Pp. 496-513.

3. *Roco M.C.* Converging Technologies for Improving Human Performance: Nanotechnology, Biotechnology, Information Technology and the Cognitive Science / M.C. Roco, W.S. Bainbridge; National Science Foundation. Arlington, Virginia, 2002. 482 p.

4. *Rorty R.* (1989), *Contingency, Irony and Solidarity.* / R. Rorty // Cambridge University Press. Cambridge, 1989. 201 p.

5. *Schummer J.* From Nano-Convergence to NBIC-Convergence: The best way to predict the future is to create it / J. Schummer. // *Governing Future Technologies: Nanotechnology and the Rise of an Assessment Regime.* 2009. Vol. 27. Iss. 1. Pp. 57-71.

НОСТАЛЬГИЯ И ПОСТАПОКАЛИПТИЧЕСКОЕ БУДУЩЕЕ В ВИДЕОИГРАХ «АТОМИС HEART» И «FALLOUT-4»

*Николай Федор Владимирович,
доктор философских наук, доцент, профессор,
Российский государственный гуманитарный университет,
Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского,
e-mail: fvnik@list.ru
г. Нижний Новгород*

Аннотация

Конец капитализма сегодня крайне трудно вообразить – подчас, сложнее, чем конец света. В 2000-е годы поиск пост-капиталистических стратегий социального развития все чаще переплетается с ностальгией или ретротопией, часто подменяющей устремленность в будущее прагматической мифологизацией прошлого. В статье обсуждаются результаты проведенного социологического исследования: 20 интервью с молодыми людьми, прошедшими «Atomic Heart» и 8 фокус-групп, посвященных сравнению этой игры с «Fallout-4». Доказывается, что видеоигры меняют историческую память и воображение, – позволяют игровым платформам «воображать за нас»; делают прошлое эстетизированным, но лишенным политических, социальных и культурных смыслов. Ностальгия при этом перестает быть рефлексивной критикой современности и размышлением о возможном будущем, превращается в прагматическое подчинение прошлого и грядущего прагматическим интересам настоящего.

Ключевые слова: ностальгия, исследования видеоигр, коммуникативная память, ремедиация, исследования культуры.

NOSTALGIA AND POST-APOCALYPTIC FUTURE IN «ATOMIC HEART» AND «FALLOUT-4»

*Nikolai F.V.,
PhD, Professor,
Russian State University for the Humanities,
Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,
Nizhny Novgorod*

Abstract

The end of capitalism is extremely difficult to imagine – even more difficult than the end of the world. In the 2000s the search for post-capitalist strategies of social development is increasingly intertwined with nostalgia or retrotopia, replacing aspiration to the future with aestheticization and mythologizing of the past. The article discusses the results of a sociological study based on 20 interviews with young people who completed «Atomic Heart» and 8 focus-groups on the comparison of this game with «Fallout-4». It is argued that video games change the historical imagination – allow gaming platforms to «imagine for us»; make the past aestheticized, but devoid of political, social and cultural meanings. At the same time, nostalgia ceases to be a reflective criticism of the present and a reflection on a possible future, it turns into a pragmatic subordination of the past and the future to the pragmatic interests of the present.

Keywords: nostalgia, game studies, communicative memory, remediation, cultural studies.

Понятие «посткапитализм» обсуждается в современной социальной философии и исследованиях культуры в самых разных аспектах [1; 2; 3]. Многие авторы при этом подчеркивают, что конец капитализма крайне трудно представить – подчас, сложнее, чем конец света [4]. В 2000-е годы поиск оснований посткапиталистических стратегий социального развития все чаще переплетается с ностальгией. Этим

взаимосвязям и разграничению различных версий ностальгии также посвящено множество известных исследований [5; 6; 7; 8]. Важно отметить (особенно в контексте современных дискуссий о политике памяти [9; 10]), что в ностальгии преобладает иная темпоральная оставляющая, – устремленность не в будущее, но в прошлое. Причины ее распространения в современном обществе носят комплексный характер и прежде всего связаны с недовольством растущей неопределенностью и чудовищным социальным расслоением, которому противопоставляется (пусть несколько мифологизированное) равенство и справедливость в прошлом. И в России, и в США, и в Европе (при всех отличиях их политических режимов) людям не хватает оптимистического образа будущего, который явно присутствовал в культуре 1950-60-х годов. Отсюда популярность ностальгии именно по этому периоду как в кинематографе («Безумцы», М. Вайнер, 2007-2015; «Оптимисты», А. Попогребский, 2017-2021; «Оттепель», В. Тодоровский, 2013; «Стиляги», В. Тодоровский, 2008; и т.д.), так и в видеоиграх («Atomic Heart», Mundfish, 2023; «Fallout», Bethesda Game Studios, 1997-2015; «BioShock», 2K Boston, 2007-2010 и др.) В видеоиграх эта ностальгия часто переплетается с элементами киберпанка, для классики которого характерно недовольство корпорациями, стремящимися в погоне за сверхприбылями подчинить весь мир, разочарование в техническом прогрессе и коллективистских проектах переустройства общества, которые оказалось крайне трудно реализовать. Подчеркнем также медиатизированный характер этой ностальгии – ее опосредованность медиа, особенно среди молодежи. Молодые люди узнают в видеоиграх не само прошлое (например, поздний СССР, который они не застали), но его коммуникативные образы, эстетизированные в рамках популярной культуры. Ярким примером такой медиатизации или ремедиации (переноса образов из одного медиа-формата в другой, – например, из кинематографа в видеоигры) представляется ностальгия в «Atomic Heart» и «Fallout-4».

Действие игры «Atomic Heart» (Mundfish, 2023) происходит в 1955 году в альтернативном СССР, который после быстрой победы во Второй мировой войне в 1942 году оказался мировым лидером в производстве роботов, которые внезапно начинают нападать на людей на «Предприятии 3826». Главный герой – майор Сергей Нечаев («Агент П-3») – должен выяснить причины этого «восстания машин» и разоблачить происки создателей советской программы «Коллектив 2.0» – Х.Р. Захарова (ХРАЗа) и Д. Сеченова, которые стремятся к захвату США и построению коммунизма во всем мире.

Главный герой игры «Fallout-4» (Bethesda Game Studios, 2015) просыпается от криогенного сна в убежище «Волт-тек» после атомной катастрофы и пытается разыскать своего сына в разрушенном Бостоне, на руинах которого борются между собой несколько банд и организаций, которыми манипулирует таинственный «Институт», наладивший массовый выпуск роботов (синтов) и стремящийся реорганизовать и контролировать всю жизнь на Земле.

В рамках проведенного социологического исследования было собрано 20 интервью с молодыми людьми, прошедшими «Atomic Heart» («Fallout» гораздо меньше знаком российским пользователям) и проведено 8 фокус-групп, посвященных сравнению этих игр (точнее сделанных на их основе игрофильмов). Результаты исследования требуют отдельного разговора. В рамках данной статьи обозначим лишь основные теоретические выводы:

Во-первых, ностальгия в представлениях молодежи строится через узнавание элементов (деталей) игрового мира, отсылающих к другим популярным медиа: мультфильмам «Ну погоди!», песням Аллы Пугачевой и т.д. Ключевым показателем «достоверности» этих деталей оказываются позитивные эмоциональные отклики в социальных медиа или в ходе онлайн-коммуникации с друзьями и знакомыми. Эти детали оказываются гораздо важнее сюжета; именно они определяют представления о прошлом, а не ценности, политические идеи и культурные смыслы, связанные с текстами и нарративами исторической памяти.

Во-вторых, сюжетная линия игр слабо считывается пользователями – культурный канон киберпанка с его социальной критикой корпораций не вызывает отклика аудитории. Отдельные образы оказываются гораздо важнее общего нарратива и смысла, процедурная риторика подчиняет прежние дискурсивные тропы.

В-третьих, представленные в игре воображаемые миры не распознаются студентами как социалистический или капиталистический. Их гибридный характер накладывается на актуальное положение дел, в котором моральное сообщество оказывается под вопросом. Показательно, что прямая взаимосвязь личного выживания (которое преобладает в «Atomic Heart») и восстановления общего социального порядка (которое выводит на передний план в «Fallout-4») не вызывает отклика или интереса у молодежи.

Таким образом, видеоигры меняют историческое воображение, как пишет об этом А. Ветушинский, позволяют игровым платформам «воображать за нас» [11], сдвигают темпоральные границы и синхронизируют сложные отношения между прошлым, настоящим и будущим. Ностальгия при этом перестает быть рефлексивной критикой современности и размышлением о возможном будущем, превращается в прагматическое подчинение прошлого и грядущего ситуативным интересам настоящего. В этом контексте проведение фокус-групп и обсуждение продуктов популярной культуры в рамках *game studies* позволяет скорректировать и «заземлить» критическую теорию, часто оторванную от эмпирического материала; сделать практики коммеморации и осмысления будущего более рефлексивными.

Литература

1. *Матвеев И.А.* Версии посткапитализма: борьба за будущее / И.А. Матвеев // Социология власти. 2018. – № 4. С.207-2018.
2. *Павлов А.В.* Постмодернистский ген: является ли посткапитализм постпостмодернизмом? / А.В. Павлов // Логос. 2019. № 2 (129). С. 1-24.

3. *Шефер А.А.* Посткапитализм в политических теориях современных левых: истоки, современность, перспективы / А.А. Шефер // Вестник Пермского университета. Политология. 2023. № 2. С. 133-141.
4. *Скляр Л.* Конец света или конец капитализма? / Л. Скляр // Социологические исследования. 2016. № 11. С. 165-167.
5. *Бауман З.* Ретротопия / Зигмунт Бауман, пер. с англ. В.Л. Силаевой. М.: ВЦИОМ, 2019. 160 с.
6. *Бойм С.* Будущее ностальгии / Светлана Бойм, пер. с англ. А. Стругача. – М.: Новое литературное обозрение, 2019. 680 с.
7. *Липовецкий М., Михайлова Т.* Больше, чем ностальгия (поздний социализм в телесериалах 2010-х гг.) / М. Липовецкий, Т. Михайлова // Новое литературное обозрение. 2021. № 3. С. 127-147.
8. *Мазур Л.Н.* Ностальгия по СССР: память – мифы – политика / Л.Н. Мазур // Документ. Архив. История. Современность. 2019. № 19. С. 180-206.
9. Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы: акторы, институты, нарративы / Под ред. А.И. Миллера, Д.В. Ефременко. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020. 632 с.
10. *Кирчанов М.В.* «Историческая политика в мире»: плоды отстраненного изучения // Диалог со временем. 2023. № 82. С. 15-28.
11. *Ветушинский А.* Игровые платформы воображают за нас: конец воображения в видеоиграх // Новое литературное обозрение. 2019. № 4 (158). С. 186-199.

КОММЕРЦИАЛИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ КАК МЕХАНИЗМ САМОЗАЩИТЫ СОВРЕМЕННОГО КАПИТАЛИЗМА

Перепелкин Лев Александрович

Аспирант

Казанский федеральный университет,

г. Казань,

e-mail: hng7505@gmail.com

Аннотация

В статье рассматривается логика коммерциализации общественных организаций и сферы цифрового потребления как механизма самозащиты современного капитализма. Автор полагает, что неочевидная для обычного человека деятельность некоммерческих организаций в корпоративных целях способствует сохранению положительной динамики развития современного капитализма. Вместе с этим поддерживается и образ капитализма как прогрессивной общественно-ориентированной системы. Автор указывает на трансформацию сферы некоммерческих организаций в коммерческие структуры, чему немало способствует развитие сферы цифрового производства и потребления как механизма адаптации людей к проблемам современного капитализма. Автор приходит к выводу, что динамика деятельности некоммерческих организаций в условиях развития цифрового потребления способствует формированию в общественном сознании положительного образа современного капитализма.

Ключевые слова: коммерциализация; капитализм; цифровое производство; некоммерческие организации

COMMERCIALIZATION OF THE PUBLIC SPHERE AS A SELF-DEFENSE MECHANISM OF MODERN CAPITALISM

Perepelkin L.A.

Postgraduate student,

Kazan Federal University,

Kazan,

e-mail: hng7505@hmail.com

Abstract

The article examines the logic of the commercialization of public organizations and the sphere of digital consumption as a self-defense mechanism of modern capitalism. Changing the functioning logic of the non-profit organizations is postulated in order to maintain the positive dynamics of the development of modern capitalism. and maintain the image of capitalism as a progressive socially oriented system. the author points out the transformation of the sphere of non-profit organizations into commercial structures. The article also examines the importance of the sphere of digital production and consumption as a mechanism for people's adaptation to the problems of modern capitalism. the author comes to the conclusion that both the sphere of activity of non-profit organizations and the sphere of digital consumption contribute to the formation of a positive image of modern capitalism both by broadcasting its ability to solve social problems and by eliminating discourses critical of modern capitalism from the public consciousness, replacing them with the variety of materials offered within the sphere of digital consumption.

Keywords: commercialization; capitalism; digital production; non-profit organizations.

Наиболее значимые проблемы современности имеют в качестве своего источника последствия социально-экономических противоречий развития капитализма: бедность, экономическое и социальное

неравенство, социальная отчуждённость. Очевидно, что главным критерием того, насколько эффективен современный капитализм и каковы его долгосрочные перспективы развития, является вопрос возможности решения этих и ряда других социально-экономических проблем при сохранении основного принципа капиталистического производства – расширенного воспроизводства капитала.

Основные проблемы современного капиталистического общества решаются посредством экономических и технологических механизмов, внедрением в общественное бытие новых форм общественных организаций, посредством адаптации людей к своему общественному положению благодаря сфере цифрового потребления. В первом случае речь идёт о том, что существуют объективные основания для снижения издержек производства посредством его интенсификации, экономии на постоянно возрастающем масштабе производства, изменениях в системе организации трудовой деятельности в связи с возможностями, которые обеспечивают платформенные технологии, выступающие и источником занятости населения, и социальным лифтом, и инструментом получения информации, удовлетворяющей любой спектр потребностей человека: от развлечений до обучения. Цифровизация дает возможности для развития вроде бы традиционных сфер экономической жизни, реализованных в новом качестве на базе цифровых технологий. Примером подобных отраслей являются: Edtech, Fintech, Philtech, Insurtech, Foodtech, цифровая медицина. Также развитие цифровых технологий утверждает первостепенное значение такой сферы деятельности людей, как «big data» [1, с. 47], которая обеспечивает значительное повышение эффективности маркетинга, поскольку позволяет лучше понимать потребительское поведение, а также формировать его в определённом направлении.

На фоне растущего глобального неравенства и других уже названных проблем современный капитализм вынужден создавать механизмы изменения общественного отношения к себе. Такое изменение обусловлено необходимостью транслировать социальным агентам

преимущества современного капитализма, демонстрировать его возможности в решении как обще-социальных проблем, так и социально-экономических задач, а также бытовых проблем отдельных индивидов, не прибегая при этом к пересмотру институционального ядра современного капитализма, состоящего из ряда институтов и принципов их функционирования: института частной собственности, принципа примата прибыли, института кредитования, института фондового рынка как механизма контроля и перераспределения финансовых, а следовательно, и материальных ресурсов в интересах крупнейших финансовых и промышленных корпораций [2, с. 232].

Необходимость увеличения уровня потребления, как в ценовых, так и в натуральных величинах обуславливается необходимостью сохранения рабочих мест, поддержания уровня доходов домохозяйств, увеличения корпоративных прибылей. Такое положение объективно детерминирует дальнейшее обострение проблем, вызванных идеологией консюмеризма: ухудшение экологической обстановки, социально неэффективное использование ресурсов, избыточное потребление, возрастание степени социальной отчуждённости. При этом в условиях современного капитализма сложились феномены, которые указывают на эти проблемы: антиконсюмеризм, энвайронментализм, дауншифтинг и т.д. Инициирование развития этих и подобных явлений может исходить как от некоммерческих, так и от коммерческих организаций. Если мотивация некоммерческих организаций на уровне обыденного сознания может быть рассмотрена как интенция борьбы за всестороннее улучшение мира, то логика развития коммерческих организаций никак не может быть представлена исходя из такой мотивации.

Одним из механизмов развития современного капитализма, на наш взгляд, является придание нового статуса некоммерческим организациям. Современный капитализм предлагает такую модель, при которой некоммерческие организации не противопоставляются коммерческим организациям, а органично их дополняют, способствуя

ряду целей корпораций: улучшению их репутации, повышению узнаваемости бренда, демонстрации их социальной ориентированности. В конечном счете деятельность некоммерческих организаций должна способствовать не просто направлению потребительской активности общества, но и росту лояльности населения к деятельности конкретных фирм, чьи позиции на рынке таким образом могут значительно усилиться [3, с. 211]. Стоит также учесть и то обстоятельство, что благотворительные мероприятия редко остаются вне поля государственного участия, которое выражается в со-финансировании их проведения. В этом случае корпорации и их фонды экономят денежные средства, рекламируют себя в позитивном свете, повышают степень своего взаимодействия с государственными органами.

Некоммерческие организации, действуя в интересах крупных корпораций, в то же время могут быть самостоятельными корпоративными единицами, экономическая задача которых состоит в максимизации сбора пожертвований, или в так называемом «фандрайзинге» [6, с. 1-3]. Одним из важнейших КРІ показателей является общий объем собранных пожертвований, что важно не только с точки зрения возможности реализовать тот или иной социально-значимый проект, но и с точки зрения возможностей присвоить определённый объем собранных пожертвований в форме заработной платы директора и других работников фонда. Интересно, что в текущее время работа в НКО может быть рассмотрена населением как один из приоритетных вариантов, поскольку такая работа даёт возможности получения заработной платы, позволяет деятельно участвовать в решении различных социальных проблем, что дает возможность человеку осознавать действительную важность своего труда, не обращая особого внимания на то, что решаемые некоммерческими организациями проблемы либо прямо создаются крупными корпорациями, либо решаются государством на уровне производства общественных благ или социального распределения. Так, формируется некая новая сфера бизнеса, которая существует там и тогда, где и когда логика капиталистического производства создаёт некоторый круг социальных проблем,

в части из которых виновны крупные корпоративные структуры, а в другой части – неэффективная деятельность государства. В этой сфере деятельности есть все атрибуты, присущие бизнесу: КРІ, конкуренция, в том числе за наиболее квалифицированную рабочую силу, заработные платы и гонорары, необходимость формирования общественной лояльности к бренду, которая, создаёт потенциальные возможности повышения экономической эффективности данных организаций.

Активная деятельность некоммерческих организаций характерна для всех стран современного мира, при этом коммерческий характер некоммерческих организаций институализирован в виде «social enterprise» [7, с. 22-34], «charitable for-profit entity» [8, с. 3-4], а также в иных организационных формах, главная особенность которых состоит в том, чтобы обеспечить возможность функционирования некоммерческих организаций в интересах коммерческих фирм, перенимая не только их цели, но и диалектически трансформируясь в бизнес-структуры по содержанию, оставаясь благотворительными общественными организациями по форме.

Деятельность различных общественных некоммерческих организаций указывает обществу на объективность проблем социального неравенства, бедности, слабости социальных лифтов, военных конфликтов и других спутников современного капиталистического общества. Неспособность и неготовность общественных акторов решать данные проблемы обуславливают необходимость адаптации человека к такой реальности. Подобная адаптация осуществляется двумя разнонаправленными стратегиями, объединяет которые принципиальная важность цифрового производства и потребления для уменьшения значения социальных проблем, детерминированных развитием капитализма. Игнорирование социально-экономических проблем происходит, во-первых, в форме «думскроллинга» [5], позволяющего пользователю абстрагироваться от качественных характеристик проблем и противоречий собственной жизни в пользу формирования образа

достаточно комфортного существования на фоне совокупности проблем других индивидов и социальных групп, локализованных в разных частях света. Во-вторых, цифровое потребление может быть механизмом абстрагирования от негативного информационного фона. В этом случае многообразие цифрового легкодоступного контента концентрирует внимание человека на материалах, которые максимально отдалены от политэкономического содержания. При этом цифровые платформы позволяют любому человеку реализовываться и в качестве автора, и в качестве потребителя. Эти платформы с одной стороны, остаются площадкой и для политэкономических дискуссий, а с другой стороны, являются механизмом искоренения политэкономической повестки из общественного сознания. Очевидно, что основной мотивацией работы таких площадок является экономическая эффективность, к чему прямо или косвенно стремится большинство авторов на этих площадках. Так эти площадки не просто реализуют свои финансовые цели, но и формируют отдельный сектор экономической деятельности.

Таким образом, представляется, что современный капитализм, с одной стороны, действительно создаёт технические и технологические основания своего развития, однако, с другой стороны, он способствует тому, что, предполагая некоммерческие цели, различные общественные организации действуют в коммерческих целях, формируя образ современного капитализма, якобы, способного решать наиболее острые социально-экономические проблемы.

Одновременно, при использовании и развитии сферы цифрового производства и потребления [4, с. 97], современный капитализм, на наш взгляд, способствует адаптации человека к уже названным объективно существующим проблемам общественного развития посредством абстрагирования от реального мира в пользу потребления постоянно возрастающего объёма цифровых материалов, которые способны как сформировать лояльное отношение к современному капитализму, ввиду трансляции относительно благополучного положения

человека в этой системе, так и полностью искоренить всякий интерес к политэкономическим вопросам.

Литература

1. *Лapidус Л.В., Полякова Ю.М.* Гиганомика как новая социально-экономическая модель: развитие фрилансинга и краудсорсинга // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2018. №6.

2. *Миланович Б.* Капитализм и ничего больше: будущее системы, которая правит миром = Capitalism, Alone: The Future of the System That Rules the World. / Пер. с англ. А. Ф. Васильева. М.: Издательство Института Гайдара, 2022. 400 с.

3. *Поликанов Д.И.* НКО. Как устроены некоммерческие организации. - Москва: Бомбора, 2022. 256 с.

4. *Шлыкова О.В.* Цифровое потребление культурного контента в условиях «новой нормы» дистанцированного мира 2020. №5 (97). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovoye-potreblenie-kulturnogo-kontenta-v-usloviyah-novoy-normy-distantsirovannogo-mira> (дата обращения: 26.09.2023).

5. Почему мы так любим плохие новости? // RTVI URL: <https://rtvi.com/dzen/u-nas-dve-novosti-i-obe-plokhie-ili-kak-spasti-mozg-ot-tyagi-k-negativu/> (дата обращения: 24.09.2023).

6. Что такое фандрайзинг: 10 вопросов о пожертвованиях // РБК URL: <https://trends.rbc.ru/trends/social/5ede06ef9a7947f45e7f4b4e> (дата обращения: 24.09.2023).

7. *Georgia Levenson Keohane.* Social Entrepreneurship for the 21st Century: Innovation Across the Nonprofit, Private, and Public Sectors. McGraw Hill Professional, 2013. 263 с.

8. *Fritz, Joanne.* How is a non-profit different from a for-profit business? // About Money. 2014. 43 с.

ЧРЕЗМЕРНОСТЬ ПОСТ-СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Полякова Наталья Борисовна

*кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой,
Удмуртский государственный университет,*

e-mail: midies@mail.ru

г. Ижевск

Аннотация

В статье осуществляется попытка проанализировать основные способы упорядочивания цифровой реальности, уподобляющейся социальному миру. Объектом исследования является новый мир совместного сосуществования разумных существ, доступный мышлению и постигаемый чистой умственной связью – цифровая социальность или диджитал бытие человека и человечества. Утверждается неопределенность, чрезмерность и избыточность информационного состояния диджитал пространства, которое порождает необходимость определенности и как следствие возникновение поисковых систем, социальных сетей, искусственного интеллекта и особенного цифрового языка. Они есть способы ориентации или навигации в пространственно-временном континууме человечества. Входя в искусственный цифровой мир, человек несет свою меру как концепт понимания совместного бытия. Множественность мер оборачивается соприсутствием в одном месте в здесь-и-сейчас прошлых, настоящих и вероятно будущих знаний. Так возникает чрезмерность сущностно-содержательной составляющей цифровой реальности по отношению к блуждающему в этом пространстве разуму. Предлагается для описания такого состояния категория «постсоциальность».

Ключевые слова: цифровая реальность, постсоциальность, мера, чрезмерность, человечество, способы ориентации, искусственный интеллект.

EXCESSIVENESS OF POST-SOCIAL REALITY

Polyakova N. B.,

Ph.D, Associate Professor, Head of the Department,

Udmurt State University,

e-mail: midies@mail.ru

Izhevsk

Abstract

The article attempts to analyze the main ways of ordering digital reality, likened to the social world. The object of the research is a new world of co-existence of intelligent beings, accessible to thinking and comprehended by pure mental connection – digital sociality or digital being of man and humanity. The uncertainty, over-dimensionality and redundancy of the information state of the digital space is asserted, which generates the need for certainty and, as a consequence, the emergence of search engines, social networks, artificial intelligence and a special digital language. They are ways of orientation or navigation in the space-time continuum of humanity. Entering the artificial digital world, a person carries his measure as a concept of understanding joint existence. The multiplicity of measures turns into the presence of past, present and probably future knowledge in one place in the here-and-now. This is how the immensity of the essential and meaningful component of digital reality arises in relation to the mind wandering in this space. The category “postsociality” is proposed to describe such a state.

Keywords: digital reality, postsociality, measure, excess, humanity, ways of orientation, artificial intelligence.

Современное состояние социальности связывается с нашим неизменным присутствием в сети интернет, с цифровизацией большей части аспектов нашей жизни и постоянным напоминанием о проблемах, что несёт нам самообучающийся искусственный интеллект.

Мы однозначно можем сказать, что пребывание в соцсетях, игровых сферах, блогах, чат-ботах трансформировало нашу жизнь, проявленную во всех её аспектах.

Человеческая жизнь, традиционно понимаемая как многоаспектная, прежде всего, благодаря социальному укладу, также перекочевала в диджитал пространство.

Так человеческое существо силой своего разума оказалось в искусственном виртуальном пространстве. Это место доступно только благодаря наличию у человека разума и мысли, оно представимо и открыто для каждого, благодаря врождённой человеческой способности создавать своим мышлением воображаемые миры.

Исследования мозга, в том числе Т. Черниговской, актуализировали представление о том, что такое пространство не смотря на отсутствие в физическом мире, воспринимается человеком таким же реальным. Это означает, что такое виртуальное есть реальное или иначе реальность, открывающаяся мыслящему разуму.

Использование далее категории сознания, наверное, показалось бы более оправданным, но философия сознания в тех исследованиях, которые мы имеем сейчас, находит причину и исток происходящих цифровых деформаций человека в его биологической, природной составляющих [1].

Мы же в своем кратком исследовании попытаемся трактовать диджитал как знаковую, языковую, представленную в понятиях цифровую мерность бытия. И здесь нам кажется более обоснованным применение понятия «мышление».

Что понимается здесь под мышлением? Вслед за И. Кантом интерпретируем мышление как пространство, сочетающее в себе чувственное (образное), рассудочное (представимо-понятийное) и разумное (категориальное) начала [2].

Так, можно сделать небольшое заключение о том, что искусственный воображаемый цифровой мир есть мыслимая реальность, созданная и доступная нам благодаря нашему мышлению.

Но что мы обнаруживаем, входя в это пространство? Визуализированное знание, а именно, благодаря двоичному цифровому коду или языку, фиксированную, а далее, преобразованную в доступную органам чувств и с их помощью интериоризированную в наше мышление информацию.

Человек с помощью своего мышления постоянно производит концепты от примитивных до высокоинтеллектуальных, которые представлены в разнообразных формах – от визуальных образов до математических формул. Данные постоянно загружаются в системы и остаются навсегда, формируя избыточность и хаос новой социальности. Человеческое мышление, сохраняя собственные границы, старается сохранить в этом пространстве себя и свое творчество, и одновременно туда же размещает то, от чего пытается избавиться как от излишнего или уже ненужного, выгружает все в диджитал. И ценное, и незначимое сохраняется и становится реальностью разумной жизни человечества навсегда. Если раньше человек избавлялся от ложной и ненужной информации физически, сжигая или уничтожая память, то сейчас, даже если ты стираешь память в собственном доступе, то в цифре. Оно остается навсегда и со временем превращается в цифровой мусор, далее – в неразличенность истины и лжи, смылосодержащего и бессмысленного, случайности и закономерности, то есть становится состоянием неопределённости или хаоса. И хотелось бы назвать вот эту цифровую реальность чистым разумом, но разумность априори предполагает осмысленность и рациональную упорядоченность. Поскольку в таком месте нет ни того ни другого, поэтому внесение в это место искусственного интеллекта явилось необходимостью. Если система навигации в цифровой интернет-реальности – это поисковая система, схожая с навигацией по звездам, то ориентация и организация реальности при помощи искусственного интеллекта уже

претендует на внесение физических или математических моделей расчета передвижения.

Так, виртуальное пространство является постоянно наполняющимся, и входящий туда человеческий разум сталкивается с «вымещенным наружу» собственным интеллектом и итогами интеллектуального труда всего человечества, созданного за все время его существования. По отношению ко входящему разуму наблюдается избыточность чрезмерность информации и знания, big data.

Это пространство или в этом пространстве соединяются в единое целое человечество на уровне потребления и воспроизводства знания. Возникает чисто умственная связь, которая и есть новая социальная связь человечества. Чисто умственная связь открывает доступ к человеческому разуму не только настоящего, но и прошлого, а в прогностических производимых концепциях – и доступ к будущему человека. Это указывает что в этом пространстве время также схлопывается как и пространство в один онлайн формат. Нет разделенности на близкое и далекое, произошла детерриториализация (Ж. Делез), нет временной разверстки, есть бесконечно длящееся настоящее (П. Вирилио). Таким образом, утеряны основные способы ориентации в пространстве и времени – они не действуют, – поэтому необходимо набросить новую систему координат как новую меру человеческой бытия.

Возникает вопрос об ориентации разума в новой диджитал реальности. Новая социальность и ее обустройство не размечено и переопределяется каждый момент времени, поэтому человеческому разуму сложно ориентироваться и не потерять себя самого передвигаясь внутри цифровой жизни. Поисковые системы, социальные сети, различные системы каналов, а в итоге искусственный интеллект становятся новыми мерами, моделями, на основе которых производится упорядочивание избыточной для человеческого разума информационной реальности, задаются ее границы.

Искусственный интеллект в таком случае возможно понимать, как попытку внесения порядка в это хаотическое сосуществование

человеческого разума, миров, индивидуальных человеческих измерения. Страх ИИ возникает в связи с тем, что установление законом и порядка всегда была фигура власти. То сейчас ИИ приписывается властная функция над человечеством.

Существование человека в физическом плане было расширено и переосмысленно с появлением биороботов, существование мышления переосмысливается с появлением и попытками дообучить генеративные модели искусственного интеллекта. Начиная с подбора наиболее вероятного слова для окончания фразы «мама мыла....», до использования всего массива знаний в попытке создания искусственного сознания и мышления.

Социальные сети – это попытка создать ограниченное пространство определенные места, через которые имелась бы возможность человеческому разуму самопредъявляться. А итогом такого является самоидентификация человека в социальных сетях. Еще одним способом или попыткой упорядочить пространство, является создание языка или пиктограммы, нулевой степени, когда символ или образ не требует привлечения дополнительных знаний для того, чтобы понять и сориентироваться, с кем ты общаешься и куда ты передвигаешься. Такой язык, создание этого языка базировалось на фреймах человеческого сознания, как на стандартизированных формулировках, доступных всему человечеству или растиражированных для всего человечества.

Результатом функционирования социальных сетей является перенесение любого действия в физическом мире в иллюзорную картинку виртуального мира. И далее возникновение зависимости от бесконечной манифестации собственной жизни в открытом пространстве цифры, в связи с тем, что выключение тебя из этого пространство, начинает восприниматься как исчезновения тебя из этого необходимого социального, но виртуально-представленного взаимодействия.

Таким образом, можно наблюдать следующие способы рационализировать, то есть упорядочить жизнь в цифровой реальности: социальная сеть, поисковая система, искусственный интеллект, язык цифрового общения. Все эти способы упорядочивания оказываются нерабочими для существования человека, поскольку являются чрезмерными и требуют постоянного уточнения. Чрезмерность проявляется в том, что поисковые системы выдают миллион ссылок, с учетом твоих предпочтений, которые выявил искусственный интеллект, на основе твоего пребывания в социальных сетях и цифровой реальности в целом. На свой вопрос ты получаешь не упорядоченную картину социальности, а дополнительно произведённую только для тебя вариацию ссылок в никуда. Цифровой язык не вносит соразмерность, его визуальность многомерна и требует лексического уточнения.

Итак, возникает состояние, в котором человек совместно сосуществует с помощью своего разума со всем человечеством сразу во все времена и на всех территориях. Это есть новое состояние – сосуществование и сообщество в неупорядоченных формах, это возможно назвать пост-социальностью.

Литература

1. *Деннет Д.* Насосы интуиции и другие инструменты мышления / Д. Деннет. – М.: Изд-во АСТ: Corpus, 2021. – 576 с.
2. *Кант И.* Что значит ориентироваться в мышлении / И. Кант // Кант И. Сочинения в 8-ми т. (под общей ред. проф. А.В. Гулыги). Т.8. – М.: Чоро, 1994. – С.86 –105.

ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКАЯ НАУКА И ФИЛОСОФИЯ: НОВЫЕ ГРАНИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Приходько Федор Степанович

*кандидат философских наук, доцент, доцент,
Белорусская государственная сельскохозяйственная академия,*

e-mail: Prihodko.fedor@yandex.by

г. Горки

Аннотация

Освещены особенности взаимосвязи философии и научного знания на различных этапах их развития. С начала своего возникновения и вплоть до Нового времени философия включала в себя всю совокупность знаний о действительности. Философские и научные знания не дифференцировались, развивались как единый комплекс представлений об окружающем мире. С XV-XVI вв. начавшаяся специализация и дифференциация научных знаний положила начало процессу их отмежевания от философии. Возникли представления, что зрелая наука не нуждается в философии, поскольку сама способна решать сложные проблемы бытия. Показано, что взаимодействие между ними резко возросло в период становления и развития постнеклассической (современной) науки. Выделены и проанализированы ее характерные черты. Показано, что глубинное взаимодействие современной науки и философии обусловлено спецификой постнеклассического этапа развития науки, настоятельно требующей философского осмысления.

Ключевые слова: глобальный эволюционизм, коэволюция, нелинейность, постнеклассическая наука, самоорганизация, целостность.

POST-NON-CLASSICAL SCIENCE AND PHILOSOPHY: NEW FACETS OF INTERACTION

Prihodko F.S.,

PhD (philosophy), Docent; Associate Professor

Belarusian State Agricultural Academy

Horki

Abstract

The features of the relationship between philosophy and scientific knowledge at various stages of their development are highlighted. From the beginning of its origin and up to Modern times, philosophy included the whole body of knowledge about reality. Philosophical and scientific knowledge did not differentiate, but developed as a single set of ideas about the surrounding world. From the XV-XVI centuries, the specialization and differentiation of scientific knowledge began, which marked the beginning of the process of their dissociation from philosophy. There were ideas that mature science does not need philosophy, since it is capable of solving complex problems of existence itself. It is shown that the interaction between them sharply increased during the formation and development of post-non-classical (modern) science. Its characteristic features are highlighted and analyzed. It is shown that the deep interaction of modern science and philosophy is due to the specifics of the post-non-classical stage of the development of science, which urgently requires philosophical understanding.

Keywords: global evolutionism, coevolution, nonlinearity, post-nonclassical science, self-organization, integrity.

С начала своего возникновения философские и научные знания не дифференцировались, развивались как единый комплекс представлений об окружающем мире. Философия включала в себя всю совокупность знаний о действительности. В древнем мире и в Средние

века философию часто называли наукой наук (царицей наук), что подчеркивало приоритетную роль философии в системе знаний. Так, названия многих научных трудов, ставших основой классической науки, содержали термин «философия»: «Математические начала натуральной философии» (И. Ньютон), «Философия ботаники» (К. Линней), «Философия зоологии» (Ж. – Б. Ламарк), «Опыт философии теории вероятностей» (П. – С. Лаплас) и др.

Однако начиная с середины XIX в. формируются новые представления о характере взаимоотношений науки и философии. Так, позитивисты настаивали на том, что зрелая наука, ставшая на собственные ноги, не нуждается в умозрительной философии; она сама способна решить любую запутанную проблему бытия.

Позитивизм выдвинул несколько фундаментальных идей. В философии было предложено устранить метафизический контекст. Однако Конт, хоть и резко возражает против «метафизической» философии, но не требует устранения философии как таковой. По его мнению, философия должна разрабатывать общенаучные методы познания, раскрывать связи между науками. Еще дальше идут в противопоставлении философии и науки представители иррационалистического направления в философии – экзистенциализм, философия жизни, персонализм и др. Они настаивают на полном равноправии и самостоятельности как философии, так и науки, отсутствии внутренней взаимосвязи и взаимовлияния этих областей культуры из-за, с их точки зрения, принципиально различных предметов и используемых методов. Как главную черту философии представители этих направлений выделяют ее субъективный характер, отражение в ней личности философа. Чувственно-эмоциональные переживания жизненных ситуаций, наблюдения над общественными процессами, личный опыт общения, искусство, размышления над человеческой историей – именно тот материал, на основе которого должны решаться философские и мировоззренческие вопросы, проблемы смысла жизни. Такие знания, представления, убеждения, впечатления не менее важны, чем научные

законы и теории. Более того, отдельные представители философии постмодернизма признают терапевтическую значимость и оздоровительную морально-психологическую ценность мистики, магии, астрологии, суеверий для современного «больного» социума [1, с. 82-83]. Здесь ценность научного мировоззрения по сути приравнена к значимости любого мифа. Восторжество подобная позиция и вскоре научное миропонимание может быть вытеснено суевериями и предрассудками.

В последние десятилетия радикально изменяются основания науки, что ведет к возникновению постнеклассической науки, характеризующейся рядом ключевых идей – самоорганизацией, нелинейностью, человекосоразмерностью, коэволюцией, идеей глобального эволюционизма, системностью, экологизмом. Важнейшей особенностью постнеклассической науки является то, что она может плодотворно развиваться, только опираясь на философию. В отличие от предшествующего этапа развития философии и науки, когда один вид знания противопоставлялся другому как более значимый, современная диалектическая концепция признает тесную, необходимую и существенную связь академической философии и современной, постнеклассической, науки. Эта связь проявляется в активном использовании наукой и философией познавательных ресурсов друг друга. По-новому осмысливаются такие явления, как нелинейность, детерминированная хаотичность, виртуальность, формируются новые представления об окружающей реальности, формах существования, развития, о причинно-следственных связях, пространстве, времени. Глубокое осмысление этих феноменов невозможно без опоры на философию, ее категориальный аппарат. Глубинное взаимодействие современной науки и философии обусловлено спецификой постнеклассического этапа развития науки. Так, набирает силу парадигма целостности, рассматривающая мироздание, биосферу, ноосферу, социум, индивида и т.д. как единую целостность, системообразующим элементом которой выступает человек. Он не противостоит изучаемому объекту, не вне его, а внутри, он элемент, познающий систему, целое.

Философия обладает огромным потенциалом, позволяющим ей быть посредником для различных областей знания, для ученых различных специальностей, решающих общую для всех проблему. Она помогает обнаружить точки соприкосновения, общее таких существенно различающихся областей знания как естественные науки и обществознание. Диалог представителей различных сфер деятельности и ученых наиболее плодотворен в рамках философского осмысления проблем.

Философия конструирует определенные образы реальной действительности, на основе которых исследователь формирует гипотезы и свой предмет научной деятельности. Она разрабатывает и предлагает наиболее общую картину реальности, ее общее видение. Через призму этой картины формируются видения конкретных наук, являющихся частью целого – философского видения мира. Философия дает представление не только о прошлом, прошедшем мире, а также настоящем, но, учитывая исторический опыт, предлагает современному социуму видение будущего жизнеустройства.

Таким образом, осмыслением не только наличного человеческого мира, но и того, каким он может быть, реализуется важнейшая функция философии.

Сглаживаются барьеры между субъектом и объектом, между объективным миром и миром человека. Уже в период неклассического естествознания было обнаружено, что «на фундаментальных законах физики лежит печать субъективности» (А. Эдингтон), что «субъект и объект едины», между ними не существует барьера (Э. Шредингер), что «сознание и материя являются различными аспектами одной и той же реальности» (К. Вайцеккер) и т.п. Энактивизмом (группой концепций, возникших в рамках когнитивной науки) познание изображается не отражением в сознании субъекта внешнего мира, а процессом конструирования мира посредством взаимодействия между мозгом, телом и внешней средой. Энактивизм настаивает на несостоятельности противопоставления субъекта и объекта, организма и внешней среды, тела и сознания, реального и виртуального.

Циклическая, взаимоопределяющая связь субъекта и объекта делает невозможным четкое разграничение того, что проистекает от первого, и что идет от второго. По отношению друг к другу субъект и объект выступают как взаимное отражение друг друга. Человека в этой парадигме можно представить как индивида в мире, который одновременно в нем, мир полностью внутри него, а сам индивид «окутан миром», «пронизан им». Человек вбирает в себя мир, «всплеском» или «вспышкой» которого является [2, с. 96 – 97].

Современный исследователь осознает он это или нет, пользуется определенными мировоззренческими, ценностными установками, смысложизненными ориентирами, которые предлагает ему философия и которые в определенной мере могут влиять на характер исследования и его конечные результаты. Взгляды на мир, свое место в нем, идеалы, жизненная позиция, убеждения, нравственные принципы, ценностные ориентации у современного ученого формируются под мощным воздействием философии, у которой за многовековую историю накоплен огромный интеллектуальный и духовный потенциал. Влияние философии на научное познание особенно ощутимо при разработке теорий, в первую очередь фундаментальных.

На развитие постнеклассической науки большое влияние оказывает интегративная функция философии, заключающаяся в целостном, системном обобщении и синтезе различных форм познания, общественной практики, культуры, в формировании образа цивилизации. Интегративные процессы, охватившие естествознание и социально-гуманитарные науки, философию и науку, научное и вненаучное знание и т.п. – опираются на философию.

Ныне актуальной задачей становится понимание самой научной деятельности. Наука усложняется, она охвачена процессами интеграции и дифференциации одновременно, перенасыщена фактической информацией. Появляется множество концептуальных построений, имеющих псевдонаучный характер, но претендующих на статус научных. Осмысление происходящего в конкретной научной области, группе смежных наук, науке в целом в XXI в. – одна из задач философии.

Важность методологической функции философии признают представители различных наук. Так, член Конституционного суда Российской Федерации А. А. Гусейнов отмечал: «... в процессе осуществления стратегического правосудия, мы испытываем необходимость в методологическом наставничестве. ... мы начали понимать, что посоветоваться с философами и получить такой методологический заряд просто необходимо» [3].

Таким образом, разнообразие функций философии показывает, что вся научная деятельность насыщена философским содержанием. Наличие слоя философских оснований у всех фундаментальных теорий составляет важную предпосылку тесного взаимодействия и взаимовлияния философии и современной науки.

Литература

1. *Жиртуева Н.С.* Постнеклассическая наука и философско-мистическая картина мира / Н.С. Жиртуева // Вопросы философии. – 2018. – № 8. – С. 77-85.

2. Энактивизм: концептуальный поворот в эпистемологии / Е.Н. Князева // Вопросы философии. – 2013. – № 10. – С. 91-104.

3. Право и национальные традиции. Материалы «круглого стола». Участники: А. А. Гусейнов, В.С. Степин, А.В. Смирнов, Г.А. Гаджиев, Н.С. Бондарь, Э.Ю. Соловьев, В.М. Межуев, П.Д. Баренбойм, В.В. Лапаева, С.Л. Чижков // Вопросы философии. – 2016. – № 12. – С. 3-41.

**ФРЕЙМИРОВАНИЕ
КАК ПРАКТИКИ ФОРМИРОВАНИЯ
ОБРАЗА РОССИИ**

Рашкин Михаил Николаевич

аспирант,

Казанский инновационный университет

имени В.Г. Тимирясова

e-mail: mn-rashkin@yandex.ru

г. Казань

Аннотация

Образ России выступает как постоянно обновляющееся представление, в которое каждый из субъектов, входящих в российский социум, вносит интенции, желания-чаяния и проекты, воплощающие как всеобщие, так частные интересы.

Фундаментальной составляющей образа России выступает метафора, которая является традиционным объектом исследования во многих гуманитарных науках, т.к. способность к созданию метафор является частью языковой компетенции каждого человека. Люди получают и делятся знаниями с другими людьми посредством языка, важнейшим выразительным средством которого является метафора. Именно поэтому интерес к ней не ослабевает с античности до настоящего времени. Метафора и фреймы выступают синонимичными понятиями и являются очень важными инструментами в формировании языковой картины мира и, в частности, современного образа России.

Ключевые слова: метафора, фрейм, фреймирование, образ России, имагология, медиадискурс, идентичность.

FRAMING AS SHAPING PRACTICES IMAGE OF RUSSIA

Rashkin Mikhail Nikolaevich
graduate student,
Kazan Innovation University
named after V.G. Timiryasov
Kazan

Abstract

The image of Russia acts as a constantly renewing concept, where each of the subjects that make up the Russian society brings into it intentions, desires, aspirations and projects that embody both general and private interests.

A fundamental component of the image of Russia is metaphor, which is a traditional object of study in many humanities, because the ability to create metaphors is part of every person's linguistic competence. People receive and share knowledge with other people through “language”, which helps us, including through metaphor. That is why interest in metaphor has not waned from antiquity to the present day. Metaphor and frames are synonymous concepts and are very important tools in the formation of a linguistic picture of the world and, in particular, the image of modern Russia.

Keywords: metaphor, frame and framing, image of Russia, imagology, media discourse, identity.

В современном мире уделяется особое внимание значимости применяемых фреймов, анализируется обратная связь от общества и разбирается полученная реакция. Наглядным примером выступает Русский ассоциативный словарь, представляющий собой своего рода свод правил и рекомендаций для оперирования знаниями, формирования картины происходящего [см.: 1].

Со временем устоявшиеся образы устаревают и появляется необходимость в формировании новых стереотипов для привлечения внимания к некоторым проблемам, например, к проблеме экологии, политическим и социологическим вопросам. Для того чтобы процесс фреймирования достигнул поставленных целей, он должен открывать новые возможности действий всем участникам этого процесса, позволять свободно выбирать пути дальнейшего развития ситуации [см.: 2, с. 87].

Например, участникам политических вопросов необходимо уметь варьировать между различными мнениями в свою пользу, т.к. совершение политических шагов предполагает коллективные действия, а политики зачастую не согласны друг с другом. Решение данной проблемы находится на поверхности. Именно процесс фреймирования позволяет приобрести поддержку разных аудиторий [см.: 3].

Процесс фреймирования позволяет погрузиться внутрь социально-политических процессов, выявить напряжение в обществе, которое разрушает систему ценностей и верований. То, что всеми воспринималось как терпимость, для некоторых может быть безразличием. В момент столкновения общества с новыми событиями, оно стремится наделить ситуацию смыслом, поскольку неопределенность не позволяет им действовать.

Итак, фреймирование, безусловно, является и политическим, и социальным процессом конструирования образа России. Этот подход демонстрирует определенные способы видения страны, которые конструируются и поддерживаются в процессе их фреймирования (к одним из основных метафорических моделей современной России относят военную метафору, криминальную метафору, метафору спорта и метафору сферы искусства) [см.: 4, с. 95].

Фрейм имеет значение и академическое, и практическое.

Более подробно остановимся на практической составляющей, т.к. мало разработать теорию, необходимо найти ей практическое применение. Подходящим примером является фреймовое моделирование образа России в иноязычном медиадискурсе - французских СМИ.

Результат анализа статей, посвящённых России во французских СМИ, показывают, что Россия в основном рассматривается через призму суждения о её политических поступках, и эти данные дают лишь легковесное представление о стране [см.: 5].

Особое внимание уделяется анализу происходящих событий. Эксперты занимаются поиском причин наблюдаемого кризиса в отношениях между странами, рассматривают различные сценарии дальнейшего развития событий, предлагают пути решения существующих проблемных вопросов.

Классическим и наиболее часто встречающимся является фрейм «Путин», так как во многих публикациях Россия как участница международных отношений отождествляется именно с президентом Российской Федерации. Сообщение о каждом значимом шаге страны на мировой политической арене сопровождается приведением комментариев российского президента. Но с началом изоляционизма по отношению к РФ, объявления ограничений и применения санкций в статьях всё чаще встречается критика, направленная в адрес Владимира Владимировича Путина. Создавая отрицательный образ главы государства, авторы параллельно формируют негативные представления о стране. Также в некоторых статьях прослеживается аналогия между И.Сталиным и В.Путиным, что не лучшим образом сказывается на образе действующего российского президента [см.: 5, с. 16].

Можно сделать вывод, что во французских СМИ Россия изображается как мировой игрок на международной арене. Но в то же время образ России постоянно изменяется и является функцией от текущего временного периода, а также международного политического фона. Как следствие, нельзя однозначно говорить об объективности сформированного образа в зарубежном медиадискурсе и следует согласиться с Л.Р. Абдуллиной, что этот образ служит средством для достижения определённых целей заинтересованных лиц [см.: 5, с. 18].

Следующее практическое значение фреймирования образа России находим в сфере геополитики. Одной из целей её является создание геополитических картин мира и достижение сбалансированного

комплекса политических соглашений по какому-либо крупному или глобальному региону между участниками международных переговоров, часто придерживающихся различных политических взглядов [см.: 6].

В работе Д.Н. Замятина «Политико-географические образы и геополитические картины мира» отмечается, что формирование образов в географии представляет собой не что иное, как элементы последовательного пространственного осмысления окружающего мира, в ходе которого развиваются различные структуры пространственного восприятия.

К некоторым географическим понятиям можно применить процесс фреймирования, так как эти понятия формируют разнообразные географические образы. Постоянное перемещение точки зрения наблюдателя при создании географических образов обеспечивает высокую степень соответствия результатов деятельности пространственного мышления объективно изменяющимся характеристикам внешнего мира, т.к. при этом пространство самого мышления стремится совпасть с задаваемыми ему параметрами [см.: 7, с. 9].

Особое место в представлении образа о государстве и его народе имеют следующие геополитические факторы: пограничность, близость и удаленность. Нередко географическая близость усиливает восприятие «других», в том числе и соседей, близких по своей культуре (например, восприятие России в странах Прибалтики). С точки зрения негативного восприятия выделяют: вероисповедание, исторические разногласия и культуру. Негативное представление может возникнуть и в территориально удаленных странах, но следует отметить, что такое восприятие более изменчиво по сравнению с восприятием соседними странами. Данный факт можно подтвердить на примере восприятия России в Великобритании, Германии и Соединенных Штатах в период следующих событий XX столетия: Первая и Вторая мировые войны, революция 1917 года, «холодная война» и развал СССР [см.: 8].

Корреляционным понятием фреймирования выступает предназначенная для обогащения гуманитарных знаний и наук так называемая имагология, которая исследует идентичность и механизмы связей в процессе коммуникаций национальных культур. Имагология представляет собой научную дисциплину, содержащую средства представления национальных образов при помощи категорий другой / иной. О.Ю. Поляков в своей работе «Й. Леерссен о репрезентации национальных образов в системе культуры» призывает изучать категорию национального, выделяя общие места и стереотипы восприятия «Других» через противопоставление с автообразами. Также Поляков обращает внимание на то, что нации в действительности не что иное, как проекционные экраны, категории, которые мы наполняем содержанием, образами, упорядочивая разнообразие мира [см.: 9, с. 164].

В XX веке на фоне глобального соперничества мировых держав в США и Германии уделяется особое внимание изучению образа России в контексте имагологии, что в конце XX века стало причиной зарождения отечественной имагологии. Стали появляться работы, посвященные представлению о России за рубежом. Задача заключалась в том, чтобы понять методы и причины формирования образов и стереотипов в различных странах.

Образы России выделяют свою нацию из всего человечества, указывая ее особые типологические черты, и формулируют моральные, коллективно-психологические особенности, объясняют культурные особенности. Согласно теории Леерссена, для репрезентации России необходимо обратиться к ее историческим контекстам, литературным канонам как хранилищу исторической памяти, таким как: Россия – защитница Европы от монголо-татарского завоевания; Россия Петра I; Россия – победительница Наполеона; России как источник культурного творчества XIX-XX вв.; Россия – Октябрьская революция и гражданская война; Вторая мировая война; Советский Союз и пр.

Проработка проблемы определения образа России как значимой фигуры в мировой истории на современном этапе очень актуальна,

потому что начавшиеся еще в конце XX века преобразования в экономической и общественной сферах имели стихийный характер, и даже сегодня они не поддаются аутентичному объяснению. Нельзя допустить подобного в начале XXI века [см.: 8].

Используя образы природы, климата, вероисповедания, культуры, обычаев, истории можно достичь положительного представления о России. Причем историческая динамика выступает важным фактором, нацеленным на определение устойчивых, традиционных герменевтических цепей, из которых складывается картина мира России [см.: 8].

В начале XXI века одной из первоочередных задач является задача жизнеобеспечения, порождающая конкурентные отношения, борьбу за ресурсы. Этот незамысловатый механизм сохраняется на протяжении всей истории человечества, и его не изменили предпринимавшиеся на протяжении XX века, особенно после Второй мировой войны, попытки создания международных институтов и правовых норм, которые обеспечили бы толерантное сосуществование [см.: 10].

Резюмируя изложенный материал, можно сделать вывод о постоянно обновляющемся образе России под воздействием интересов участников российского социума посредством различных проектных подходов и интерпретаций. Но объединяющим их инструментом выступают имагологические механизмы, которые позволяют изучать образы России в других культурах, с пониманием их специфики, определяемой как русской «онтологией», так и историей. Для достижения поставленных целей необходимо проникнуть в символическое поле цивилизационно-культурных особенностей России и осознать ее положение среди иных культур.

Литература

1. *Караулов Ю.Н., Черкасова Г.А., Уфимцева Н.В. и др. Русский ассоциативный словарь / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева и др. В 2 т. – М., 2002. – 781 с.*

2. Яноу Д., ван Хульст Мерлин. Фреймы политического: от фрейм-анализа к анализу фреймирования / Яноу Д., ван Хульст Мерлин // Социологическое обозрение. – 2011. – Т. 10. – № 1-2. – С. 87-113.

3. Балашова Л.В. Русская метафора: прошлое, настоящее, будущее / Л.В. Балашова. - М.: Языки славянской культуры, 2014. 495 с.

4. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000): Монография / А.П. Чудинов. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т., 2001. 38 с.

5. Абдуллина Л.Р., Микаэль Ж.М. Брисар Фреймовое моделирование образа России во французском медиадискурсе / Л.Р. Абдуллина, Микаэль Ж.М. Брисар // Казанский лингвистический журнал. 2019. Том 2. № 2. С. 5-20.

6. Цымбурский В.Л. Поэтика геополитики: статьи 2001-2009 гг. Том 2 / В.Л. Цымбурский. 499 с. URL: https://www.studmed.ru/symburskiy-v-l-poetika-geopolitiki-tom-2-stati-2001-2009-gg_03feca519f4.html (дата обращения: 02.08.2023)

7. Замятин Д.Н. Политико-географические образы геополитические картины мира (Представление географических знаний в моделях политического мышления) / Д.Н. Замятин // – Полис. Политические исследования. 1998. № 6. С. 80-91.

8. Земсков В.Б. Образ России «на переломе» времен / В.Б. Земсков // Новые российские гуманитарные исследования. – 2006. – Том 25. URL: <http://nrgumis.ru/articles/81/> (дата обращения: 14.08.2023)

9. Поляков О.Ю. Й. Леерсен о репрезентации национальных образов в системе культуры / О.Ю. Поляков // Знание. Понимание. Умение. 2015. № 3. С. 162-168.

10. Юрьева И.П. Концепт Россия как фрагмент русской национальной картины мира периода XX – начала XXI вв. / И.П. Юрьева // Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Челябинск, 2008. 23 с. URL: <https://www.prlib.ru/item/337574> (дата обращения: 11.08.2023).

ИСКУССТВО ПОСТМОДЕРНА: СТРУКТУРА ЯВЛЕНИЯ

Севостьянов Дмитрий Анатольевич
доктор философских наук, доцент, профессор
Институт искусств, Новосибирский государственный
педагогический университет
e-mail: dimasev@ngs.ru
г. Новосибирск

Аннотация

В статье рассматривается искусство эпохи постмодерна. Данная эпоха может трактоваться как период проявления определенных идеологических установок. Она же является и определенным периодом развития культуры, наступление которого обусловлено проявлением объективных закономерностей. Идеология постмодерна сводится к деконструкции ранее существовавших ценностей, норм и правил, в том числе и канонов художественного творчества. Постмодерн как период развития культуры проявляется в преобладании ранее созданных художественных произведений над картиной объективной реальности. В результате любое, вновь создаваемое художественное произведение, вольно или невольно строится на аллюзиях к другим произведениям, созданным ранее. Это касается как содержательного наполнения произведений искусства, так и художественной формы, представленной в них. Создать не известную ранее сюжетную линию или использовать не применявшуюся прежде художественную форму в культуре постмодерна становится почти невозможным делом. Таковы объективные свойства художественного творчества данной эпохи.

Ключевые слова: модернизм, эпоха постмодерна, идеология постмодерна, форма художественного произведения, содержание художественного произведения, аллюзия.

POSTMODERN ART: STRUCTURE OF THE PHENOMENON

*Sevostyanov D.A.,
Ph.D., Associate Professor
Institute of Arts, Novosibirsk State Pedagogical University
Novosibirsk*

Abstract

The article discusses the art of the postmodern era. This epoch can be interpreted as a period of manifestation of certain ideological attitudes. It is also a certain period of cultural development, the onset of which is due to the manifestation of objective laws. The ideology of postmodernism boils down to the deconstruction of pre-existing values, norms and rules, including the canons of artistic creativity. Postmodernity as a period of cultural development is manifested in the predominance of previously created works of art over the picture of objective reality. As a result, any newly created work of art is voluntarily or involuntarily based on allusions to other works created earlier. This applies both to the content of the works of art and the artistic form presented in them. Creating a previously unknown storyline or using an art form that has not been used before becomes almost impossible in postmodern culture. These are the objective properties of the artistic creativity of this era.

Keywords: modernism, postmodern era, postmodern ideology, form of artwork, content of artwork, allusion.

Эпоха постмодерна, в которой, как считается, пребывает современная нам культура (а в частности и в особенности – художественная культура), представляет собой весьма любопытное явление. Данная эпоха представляет собой, если угодно, закономерный этап развития культуры, и ее следует рассматривать именно в этом качестве.

«Постмодерн», по всей видимости, название не слишком удачное. Оно не отражает собственного содержательного наполнения. Оно говорит лишь о том, что нынешнее состояние культуры составляет как бы надстройку над «модерном». Но что делать, если именно это обозначение данной эпохи уже стало общеупотребительным. Предшествующий ей «модерн», к слову сказать, отмечен тем же свойством: данный термин тоже не имеет собственного содержания, намекая лишь на некую «современность». Впрочем, то, что преддверием для нынешнего состояния художественной культуры стала именно модернистская стадия ее развития, составляет весьма примечательный факт, о чем еще будет сказано далее.

Постмодерн включает в себя, безусловно, мировоззренческий аспект. Постмодерн может быть знаменем и идеологией, посредством которой перестраивается мир (перестраивается порой таким образом, что результаты данной перестройки, по правде сказать, не слишком воодушевляют). Он может рассматриваться и как закономерная стадия в поступательном развитии художественной культуры и культуры в целом.

Что касается идеологической составляющей постмодерна, то она в большой степени сводится к деконструкции ранее существовавших ценностей, норм и правил. Об этом достаточно ясно указывается, например, в работе А. Панарина: «Представители предшествующего, модернистско-конструктивистского стиля могли быть какими угодно ниспровергателями, атеистами и даже экстремистами, но они не сомневались, что за порядком, который они ниспровергают, должен последовать новый – «подлинный» и достойный. Деконструктивизм идет дальше: здесь процедура ниспровергательного демонтажа понимается как самоценная – за ней не стоит вожделенная твердь нового достойного порядка или нравственная безупречность «светлого будущего». Напротив, деконструктивизм неизменно берет себе в союзники силы разложения и глумления, инстанции, играющие на понижение, на ниспровержение «божественной триады» – Истины, Добра и Красоты.

Антиподы этой триады, справедливо «униженные» онтологически и морально в классической картине мира, берут реванш в постмодернистской» [1, с. 130].

Действительно, можно выделить ряд предметных областей, в которых в эпоху постмодерна происходит подобная деконструкция. Это и сфера религиозных верований. Это такая универсалия культуры, как семья и брак (до настоящего времени браки приобретали всевозможные исторические формы, но брак оставался браком, покуда в постмодернистском мире он не был объявлен целиком устаревшим понятием). Это, наконец, явственные покушения на биологическую природу человека. При этом канон творчества в ситуации постмодерна становится отсутствием каких бы то ни было канонов [см.: 2, с. 36]. Все перечисленные явления не просто признаются как допустимые, но и поднимаются на щит в качестве непременно внедряемой идеологемы.

При анализе же постмодерна как стадии развития культуры могут быть объективно выявлены следующие существенные моменты. Художественная культура представляет собой значительный по объему пласт информации, в котором может быть выявлено два основных компонента; их можно по старинке обозначить как «форму» и «содержание». Вариации формы порождают те или иные направления в искусстве, формирование художественных стилей, а также изобразительную манеру авторов и исполнителей. Вариации содержания затрагивают суть изображенного (отображенного) в произведениях искусства.

Эпоха постмодерна затрагивает оба эти компонента. Содержание любого произведения искусства неизбежно перестает быть оригинальным, поскольку в нем всегда можно обнаружить аллюзии к чему-либо ранее созданному; проявление подобных аллюзий со временем становится просто неизбежным.

Старая истина, гласящая, что искусство так или иначе отображает окружающую (природную ли, социальную) действительность, в эпоху постмодерна все более отходит на второй план. Первый же план

занимает действительность искусственная, ранее созданная в художественных произведениях – вновь созданное произведение становится реализацией всевозможных отсылок к этой действительности. Обычная, то есть природная или социальная картина мира (при всех ее содержательных изменениях) остается, хотя бы и в формальном отношении, в целом той же, что и была, в то время как искусственная (художественная) реальность разрастается буквально в геометрической прогрессии. Эта искусственная реальность существует, разумеется, и в отображенном виде – в сознании людей, а прежде всего в сознании самих художников, которые, что называется, постоянно «варятся» в соответствующей профессиональной среде. В связи с этим при создании чего-то нового невозможно обойтись без отсылок (аллюзий) к чему-то созданному ранее, ибо, за какую бы тему художник ни взялся, он почти наверняка уже не будет в ней абсолютным первопроходцем. Прошли те времена, когда творческая личность обладала возможностью творить, что называется, на девственной почве, ибо самой этой «девственной почвы» практически не осталось: вся она неоднократно освоена, вспахана и перепахана предшественниками. Все темы, на которые можно было создать нечто, уже, по всей видимости, затрагивались множество раз.

Данная ситуация усугубляется тем, что мы ныне живем в условиях информационного века. Произведения искусства и прежде накапливались столетиями, и ранее созданное неизбежно так или иначе влияло на создаваемое вновь. В литературном творчестве, к примеру, от аллюзий уйти было нельзя буквально с момента возникновения европейской прозы, ибо ей предшествовал и античный эпос, и греческая драматургия, и римская литературная классика. Несколько иначе обстояло дело в изобразительном искусстве, поскольку изображение не есть текст, и скопировать либо сохранить его в аутентичном виде долгое время было хотя и реальным, но весьма непростым делом. В силу этого воздействие работ одних художников, творивших несколько прежде, на других, создававших свое впоследствии, было

все-таки достаточно сильно ограничено. Иное дело теперь; произведения самых разных авторов и присущие им технические приемы стали доступны для ознакомления (настолько доступны, что избежать этого знакомства, по-видимому, уже невозможно).

Нельзя при этом сказать, что данная тенденция проявилась лишь сравнительно недавно. Еще в рукописях Леонардо да Винчи, собранных в так называемый Атлантический кодекс, встречается такая мысль: «...Живопись из века в век склоняется к упадку и теряется, когда у живописцев нет иного вдохновителя, кроме живописи, уже сделанной» [3, с. 366]. Но, конечно, теперь, в нынешних условиях, подобные вещи неизбежно встречаются значительно чаще.

Известно, что развитие человечества часто рассматривается как цикличное, что оно, согласно мнениям многих исследователей, идет по своеобразной спирали. В результате, если в художественном произведении новизна его исчерпывается фабулой, в которой отображены недавно произошедшие либо ныне происходящие события, то и здесь нетрудно обнаружить, что нечто подобное этим событиям наверняка имело место и прежде, и в давным-давно созданных произведениях уже было неоднократно отображено. Таким образом, от аллюзий и тут не уйти.

Аллюзии к ранее созданному в процессе художественного творчества возникают ныне порой и в тех случаях, когда автор произведения подобного намерения и вовсе не имел. В связи с этим вспоминается «Рассказ старого уголовника» Карела Чапека, в котором писателю, опубликовавшему свой новый рассказ, почудилось, что этот рассказ он невольно у кого-то «позаимствовал», непреднамеренно совершив плагиат; он стал расспрашивать знакомых литераторов, и выяснилось, что рассказ этот он стянул у Чехова, у Мопассана, а также еще по меньшей мере у дюжины всевозможных писателей – от Кнута Гамсуна до безвестного автора сказок «Тысячи и одной ночи».

Если содержательное наполнение художественных произведений с некоторых пор представляет собой последовательность все новых

и новых повторов, то не в меньшей мере эта закономерность проявляется в отношении художественной формы. Именно применительно к художественной форме мы можем сказать, что ситуация, известная под именем постмодерна, могла возникнуть (и возникла) именно *после модерна*, и никак иначе.

Известна старая истина, что художник – это не тот, кто хорошо выучил и использует некоторые, до него придуманные правила художественного творчества; художник – тот, кто эти правила создает. Но, тем не менее, художник на протяжении столетий был также и хранителем традиций, воспроизводящим усвоенный им культурный контент. Трудно сказать, что было важнее; обе эти функции составляли гармоническое единство. Искусству (в исходном смысле этого слова) нельзя выучиться по книгам и руководствам, оно передается, что называется, «с ручки на ручку», от учителя к ученику, который, весьма вероятно, потом своего учителя в чем-то превзойдет.

Но вот наступила эра модерна, и данное единство оказалось в определенной мере разрушенным. На первое место вышло то самое создание собственных правил, а традиция оказалась не то чтобы отмененной (она по-прежнему соблюдалась в работах многих художников), а просто отодвинутой в сторону. Эксперименты с формой на какое-то время буквально захлестнули искусство.

Однако довольно скоро выяснилось, что вариабельность художественной формы, по-видимому, не безгранична. И в настоящее время такие эксперименты в основном уже становятся, так или иначе, повторением пройденного или найденного прежде. Художникам приходится прилагать уже какие-то нечеловеческие усилия, чтобы их изобразительная манера несла в себе хотя бы какой-то признак подлинной оригинальности. А многие и не спешат прилагать подобные усилия, вполне удовлетворяясь таким повторением пройденного и найденного. Именно эти деятели постмодерна имеются в виду, когда утверждается, что постмодерну присуще коллажное мышление [см.: 4] – художник ныне уже не изображает и не отображает, а в основном лишь склеивает из готового.

Уместно применить такую аналогию. Известно, что существуют два типа живых организмов, различающиеся по характеру питания: автотрофы и гетеротрофы. Автотрофы не нуждаются в готовой органике; все нужные им органические вещества они синтезируют из неорганических. Гетеротрофы, напротив, способны существовать, лишь потребляя органику, выработанную либо автотрофами, либо (вторично) другими гетеротрофами. Примерно то же можно наблюдать и в искусстве. Художники, не ставшие продуктом культурной ситуации постмодерна, сохраняют способность работать с «сырой» реальностью; художники-постмодернисты постоянно нуждаются в реальности, ранее воспринятой и «переваренной» кем-то другим. А поскольку данное явление, как уже говорилось, одновременно затрагивает и формальную, и содержательную сторону художественного творчества, тем самым формируется новая художественная реальность, с которой нам ныне, хотим мы этого или нет, приходится иметь дело.

Литература

1. *Панарин А.* Глобализация как вызов жизненному миру. За Хайдеггера / А. Панарин // Сумерки глобализации: Настольная книга антиглобалиста; сост. А. Ашкерев. – М.: ООО Издательство АСТ: ЗАО НПП «Ермак», 2004. – 348с.

2. *Нагорских Т.Н.* Феномен моды в эстетике постмодернизма / Т.Н. Нагорских // Гуманитарные и социальные науки. – 2008. – №1. – С. 35-38.

3. *Леонардо да Винчи.* Атлантический кодекс, лист 141 // Эстетика Ренессанса: Антология. В 2 т. Т. 2. Сост. и науч. ред. В.П. Шестаков. – М.: Искусство, 1980. – 639с.

4. *Богомолова М.А.* Коллажное мышление в изобразительном искусстве постмодерна / М.А. Богомолова // Известия Волгоградского гос. пед. ун-та. – 2008. – № 8. – С. 149-152.

НОМО ИКЕА

(Впечатления-размышления в жанре импрессионизма)

Серебряков Фаниль Фагимович

кандидат философских наук, доцент,

Казанский (Приволжский) федеральный университет,

E-mail: fanserebr@yandex.ru

Казань

Аннотация

Работа представляет собой некоторые размышления, вызванные впечатлениями от посещения супермаркета «Икея». Размышления эти относятся к осмыслению определенных аспектов феномена «общества потребления» и, главным образом, тех трансформаций, которые при этом происходят с человеком – обывателем, потребителем, объектом и одновременно субъектом такого общества. Неким символом общества потребления можно считать супермаркеты вроде «Икеи», представляющие собой один из типов дрозгоров, о которых пишет Ж. Бодрийяр в «Обществе потребления». Отмечается, что у современных «торговых империй» были прообразы, зародыши еще в тот период развития капитализма, современником которого был Э. Золя, талантливо описавший это явление в романе «Дамское счастье». Уже тогда появились тенденции, которые на стадии модуса капитализма, называемого обществом потребления, обернутся результатом, именуемым в работе Номо Икеа.

Ключевые слова: Номо Икеа, вещи, товар, «Икея», супермаркет, потребительство, реклама, буржуазный мир.

HOMO IKEA

(Impressions-reflections in the genre of impressionism)

Serebryakov F.F.,

Candidate of Philosophy, Associate Professor

Kazan (Volga Region) Federal University,

Kazan

Abstract

The work represents some reflections inspired by the impressions of visiting the «Ikea» supermarket. These reflections relate to understanding some aspects of the phenomenon of consumer society and mainly those transformations that occur with the average person, consumer, object and at the same time subject of such a society. Supermarkets like «Ikea» can be considered a certain symbol of it; they are one of the types of drugstores that J. Baudrillard writes about in “The Consumer Society.” It is noted that modern “trading empires” had prototypes, embryos back in that period of development of capitalism, a contemporary of which was E. Zola, who talentedly described this phenomenon in the novel “Ladies’ Happiness.” It was at that time that tendencies appeared, which at the stage of the mode of capitalism led to the consumer society, will result in the phenomenon named in the work Homo Ikea.

Keywords: Homo Ikea, things, goods, Ikea, supermarket, consumerism, advertising, bourgeois world.

Этот текст был начерно написан давно, лет десять назад, под впечатлением первого посещения магазина «Икея». Потом написанное было заброшено на полмысли. Теперь достал и пробежал по тексту. Ум мой остался удовлетворен сутью написанного тогда, ибо мысли мои с тех пор только укрепились в том, что было сказано. Мне не хотелось продолжить эту вещь или уж просто завершить явно обрывающиеся линии, даже логически требующие продолжения,

поскольку тематически текст содержит в себе широкие возможности (да и надобность) для смыслового «продолжения». Хотелось так и оставить: заметки в духе импрессионизма, впечатления-размышления только после первого посещения – продолжить можно, создав другую вещь. Но кое-что я все же дописал.

Итак, Икея. Посещение первое. Я даже не думал, что найду столько замечательнейших человеческих типов, просто прохаживаясь по этим бесконечным коридорам, закоулкам, переходам и переулкам громадного, радужно улыбающегося тебе, кокетливо моргающего многоцветным аргусовым оком соблазняющей рекламы и бесстыдно обнажающего тело блистательными витринами лифчиков, трусиков, колготок, пеньюаров или подавляющего, обезволивающего тебя выскакивающими то и дело из-за каждого угла, за каждым поворотом, то слева, то справа, то сразу с двух сторон, то откуда-то сверху громадами пылесосов, пижам, ящичков, стаканов, кроватей, люстр, унитазов и еще миллиона нужных, а еще более, ненужных, причудливых, вовсе непонятных, для чего они нужны, вещей, соблазняющего запахами еды, исходящими от мини-кафе, запахами, перемешанными с пьянящими и дурманящими ароматами парфюма, все и всех пожирающего Чудовища-Левиафана с таким ласково-манящим названием «Икея».

Бог мой, каким почти милым и невинным, просто забавляющимся ребенком, должен выглядеть у ступней этого Каннибала, под тенью этого ненасытного Гаргантюа эмильзоляевский «супермаркет» «Дамское счастье» («где торгуют всем на свете! Суший базар, да и только!» – как с презрением выразился один персонаж романа, мелкий лавочник – герой уходящей поры капитализма – его юности) [1, с.] – еще маленький зародыш этого нынешнего символа буржуазной Твари Потребительства. Твари, точно лернейская гидра, своими цепко-стальными, но мягкими, источающими притягательный сладко-ядовитый запах, липкими щупальцами обхватившей горло уже сотен и тысяч российских городов и поселений; Твари, в хохочущем,

скачущем, в ослепляющем белозубой улыбкой неоновом свете реклам и названий супермаркетов, торгово-развлекательных центров, отелей и борделей которой нет-нет да выныривают, при пристальном взгляде, лукаво подмигивающие контуры трех цифр – 666. Правда, и этот головастик нынешних «торговых империй» – «Дамское счастье», столь живо и осязаемо-зримо, даже натуралистично, со всеми слизями, выделениями и циркуляциями представленный на обозрение миру талантом Эмиля Золя¹, уже тогда своими намазанными в манящие помады губами-челюстями в наполнявшем все вокруг дурманящем аромате своих выделений – запахов духов – перемальывал людишек, которые при этом только умилялись, сходили с ума и стонали от восторга, не понимая, да и, вцепившись руками, ногами, зубами в коробки и свертки с вожделенными покупками, не желая понимать, что в резиновом желудке этого златоокого Дьявола умирает каждый из них, умирает Человек, разъеденный кислотой потребительства, а выделяет он, Дьявол, все новые и новые клоны – прообразы нового человека, грядущего хама – Ното Икеа... .Счастье... Дом счастья... Суррогат счастья, суррогат чувств... Королевство кривых зеркал... «Матрица», клонирующая самодовольных мажоров – квазигероев времени, не способных к созиданию здорового общественного организма в любой его форме... И что нужно для этого счастья? Какие усилия предпринять? Какие движения души совершить? Какую преграду

---

¹ В романе есть сюжетная линия, но нет лиц, нет личностей, есть лики, мелькания, мельтешения, вялые, невпечатляющие, пресные и плоские, сочиненные переживания и заурядные субъекты вроде сентиментального хищника-капиталиста новой формации Муре, хозяина «Дамского счастья», лишенного сильных страстей, правда, в соответствии с образом обладающей упорным характером «золушки» Денизы (у Бальзака, писавшего в период становления «частной инициативы», даже негодяи – фигуры, личности, впечатляющие типы), есть физиогномика; настоящие же герои – лавки, сам магазин с его бесконечными галереями, залами, отделами и прилавками и, конечно, товары – эти подвязки, кружева, белье, зонтики, перчатки, шляпки, шелка и тысячи других вещей, которые у женщины, посещающей этот «храм счастья», говоря словами автора, «пробуждают ...жажду новых наслаждений, ...великие соблазны, которым она неизбежно поддается, приобретая сначала как хорошая хозяйка, затем уступая кокетству и, наконец, вовсе очертя голову, поддавшись искушению».

преодолеть? Кого одолеть и какого «минотавра» в себе перебороть? Ничего! Никого! Никакого! Все возможно здесь и сейчас. Все для тебя доступно. Ты можешь стать всем. Всем, кем и чем хочешь стать. Ты здесь создаешь сам себя, и ничего особого от тебя не требуется. Никаких «героических» усилий или напряжения. Нужно только протянуть руку и взять. Взять и купить. И некрасивый станет красивым. Невзрачный – видным. От хилого будет исходить сила. Если ты стыдишься того, что ты не как все – стань таким же! В чем проблема?! Вот, купи это, одень вон то, носи этот «прикид», пользуйся этим – и тебя не отличишь от других, от таких же «продвинутых» твоих сверстников. От таких же успешных. Ты не хочешь быть как все? Хочешь выделяться? В чем проблема?! Протяни руку и возьми вот это. Возьми и купи. Купи это, одень вон то, носи этот «прикид», пользуйся этим – и ты не будешь как все! Ты будешь «продвинутым», не то, что твои сверстники, будешь успешным! Но не забывай, никогда не забывай: «прикид» быстро стареет и ветшает, выходит из моды; то, что ты купил, – хорошо, но сегодня есть уже лучше: вон то и вот то – это по-настоящему сделает тебя таким же, как все – как все «продвинутые». Если не хочешь быть хуже других, поди и купи. Да, «прикид» ветшает и стареет, выходит из моды, сегодня есть лучшее, что может тебя сделать непохожим на других, выделить среди всех этих лузеров. Если не хочешь быть как все, походи и купи...

Здесь, в этом мире подлинной «демократии», умирает всякая зависть к более успешному и «навороченному», пропадают все комплексы неполноценности, вызванные подобными чувствами, и, ввиду очевидности их преодоления, стерилизуются разум, чувство реальности, понимание значения ценностей и скреп жизни. Но здесь, из закоулков души, выползает и новая зависть – от осознания невозможности «быть таким же», и – в то же время – порождаются ее друзья-враги, новые чувства-обманки – превосходства, исключительности, самодовольства, развращающие тем более, что они рождены иллюзией-чумой: для этого достаточно из того, что надо делать, сделать

лишь одно: взять и купить, подражать, выглядеть, приобрести соответствующий «прикид», внешний и внутренний.

Если бес учителя Передонова Ардальона Борисовича из «Мелкого беса» Ф. Сологуба – недотыкомка – «маленькая тварь неопределенных очертаний – маленькая, серая, юркая» – являлась ему везде: на маскараде, дома, дразнила его, ехидничала, улыбалась, подсказывала, то у Ното Икеа она сидит в голове, в душе и водит человеком, ведет его, шепчет. Шепчет языком реклам, соблазном на красочных картинках баннеров, погружая его в «возможность невозможных снов», коверкая его сознание, психику, унося его в королевство кривых зеркал (которое отнюдь не заканчивается за порогом этих символов-миров, этих «икей»). Мы наблюдаем эти суррогаты чувств, суррогаты счастья, но плюс к этому уже и настоящие симптомы человека нового типа, наброски которых были столь талантливо описаны в романе Золя: «Женщина не в силах противиться дешевизне и покупает даже то, что ей не нужно, если только убеждена, что это выгодно», «магазины пробуждают в ней жажду новых наслаждений, они представляют собой великие соблазны, которым она неизбежно поддается, приобретая сначала как хорошая хозяйка, затем уступая кокетству и, наконец, вовсе очертя голову, поддавшись искушению», «неутолимая жажда тряпок», «глупость и бесполезность существования», «смертельно усталая, она не могла оторваться от прилавков, которые притягивали ее к себе так властно, что она то и дело безо всякой надобности возвращалась обратно, снова и снова обегая в ненасытном любопытстве все отделы»; «стоя перед этим разъяренным водопадом, они испытывали глухую боязнь, что их втянет поток этой роскоши, и в то же время ощущали непреодолимое желание броситься туда и там погибнуть», «с расширяющимися зрачками, опьяненная бесконечной вереницей плясавших перед нею богатств»...

Ното Икеа. Это и есть самое разрушительное для человечества изобретение и вместе с тем органичное выделение, даже итог, причем, иррациональный итог, развития буржуазного мира, предоставленного самому себе, своему естественному развитию без всяких

«противовесов» в виде иных систем ценностей, институтов, структур, устремлений.

Иррациональный потому, что *образ-уя* человека по образу и подобию своему, по идее своей, по родовой сущности, то есть «квалифицированного потребителя», движимого, прежде всего, стремлением к накопительству, потребительству, наживе, обогащению, материальному приобретению и видящего в достижении этого свою, если так можно выразиться, состоявшуюся как человека («успешность», как принято сегодня говорить), делающего это основанием, мерой оценки себя и других. Образуя такого человека, буржуазный мир тем самым постепенно формирует стерилизованного, импотентного как личность Номо Икеа, утрачивающего способности к творчеству, критичности и сопротивлению, то есть пружины всякого Развития.

«Сидя в седле, – говорил один мудрый китайский советник Чингис-хана, – можно завоевывать государства. Но, сидя в седле, нельзя управлять государством». Подобно этому, желая обогащаться, можно манипулировать людьми, создавая из них зомбированных гуманоидов, сердца которых начинают биться в сто крат сильнее при виде на прилавке цветной туалетной бумаги, еще и испускающей запах розы, или иной «заманухи», но нельзя надеяться на то, что так можно вырастить пассионариев, говоря словами Льва Гумилева, людей, которые только одни и способны к социальному творчеству, модернизации, сопротивлению.

И вот грустный итог торжества «общества потребления» – этой фабрики Номо Икеа. 700 человек было в молодежном лагере под Осло, среди них – сотни здоровых, физически крепких парней, когда их, как куропаток, летом 2011 года расстреливал всего один псих, делая, надо полагать, при этом паузы, чтобы перезарядить автомат. И эти плоды «толерантного общества» бегали, прятались, визжали, подставлялись, и никому из них, видимо, в голову не пришла мысль, что надо сопротивляться. Самим. Надо убить убийцу. Хоть голыми руками, но задушить гадину, удавить, перегрызть горло. В результате – погибло

более 90 мальчишек и девчонок, которые уже никогда больше не увидят ни своих розовых туалетных бумаг, ни своих фигурных зубочисток и сотен еще других вещей, нужных, чтобы человек чувствовал себя «успешным», жил «цивилизованно и комфортно». Это, последнее, им внушали лощеные красавцы с баннеров и подмигивающие, разодетые девицы с экранов телевизоров, журналисты, родители, учителя и правительства...

Мне трудно пока представить, что подобное было бы возможно в моей России. Пока трудно... Слишком мало времени она нежилась в лучах этого солнца-счастья. Хотя еще с петровских времен отличалась завидной способностью быстро усваивать чужой опыт (уродуя его, правда, или преобразуя, – как кому угодно – на свой манер, «под себя»). Но там, в их осло и парижках, слишком долго работал буржуазный крот истории, слишком добросовестно он обтачивал плоды свои. Но и здесь, «от Москвы до самых до окраин», лед тронулся...

...Будильник своим бесстыдным неморгающим взглядом вперился мне в лицо и тупо тикает, тикает, тикает, словно дразнится, только язык еще не показывает (так и хочется удавить эту гадину-железяку).

Икея. Десять лет спустя. ...Странно, но меня теперь все это вовсе не угнетает, как было в первый раз. И от бесконечного хождения по этим лабиринтам и залам среди наваливающихся на тебя, методично окружающих со всех сторон товаров, не возникает уже того головокружения, той легкой паники, какие случаются у человека, впервые попавшего сюда. Не появляется ряби в глазах – они, чувствую я, наверное, уже светятся любопытством, отзываются на этот слепящий окружающий мир, обещающий нам «стабильность для улучшения повседневной жизни» [2].

Однако почему-то вспомнились строки из брюсовской «Прохожей»: «Она прошла и опьянила/Томящим сумраком духов/И быстрым взором оттенила/Возможность невозможных снов/... Я вдруг слышал жадный хохот/И змеи оплели меня...» ... Более ничего не раздражает,

как было в прошлом – все нормально, как у всякого «нормального человека». Я вовсе не злюсь на этих людей. И они мне теперь не кажутся уж такими заурядными, такими законченными мещанами и вообще «бандерлогами» какими-то, как я о них раньше думал. Почему? Я привык? Я стал таким же? Я один из них? Я был не прав изначально? Не знаю. Но хуже всего – не хочу думать об этом. Меня это теперь несколько угнетает. И доставляет, при попытке продолжить думать в прежнем духе, какое-то неотчетливое, труднообъяснимое, глухое чувство неудобства, даже нечто похожее на стыд. Потому что мне это уже нравится, что ли? Ходить здесь... И приходить еще... Хотя и побывал-то здесь с тех пор еще пару раз, пожалуй.... Вон там какая-то интересная штучка... блестящая такая... Интересно, что это? ...

Литература

1. Золя, Эмиль. Дамское счастье. М. Эксмо, 2023. 445 с.
2. <https://www.ikea.com/global/en/our-business/our-view-on/clothing-storage-unit-furniture-stability>

**Ф. ГЕЛЬДЕРЛИН ОБ ОЖИДАНИИ И ЯВИ
(В СТИХОТВОРЕНИИ «КАК В ПРАЗДНИК»)**

Смирнов Николай Алексеевич
кандидат философских наук, доцент
Казанского (Приволжского) федерального университета
e-mail: nikolay.smirnov.1992@mail.ru,
г. Казань

Аннотация

Поэтический взгляд учит нас видеть в мире больше, чем в нём есть. Не желая быть учениками такой трудной школы, мы прибавляем обычно «больше, чем в нём есть на самом деле». Религия остаётся тогда мировоззрением, история – хроникой фактов, а философия учит мышлению, помогающему ориентироваться в практической жизни. Мерой истины и восприятия будет, в таком случае, повторяемость, типичность, дающие возможность сразу получить результат, а редкое, небывалое, необыкновенное станут уделом воображения, фантазии, вкуса – всего того, что субъективно, несерьезно, и не может быть принято в расчёт. Однако ещё прежде, чем мы решим, что смысл имеет только то, что может быть «принято в расчёт», мы совершенно упускаем из виду, что возможность «видеть в мире больше, чем в нём есть» предполагает какое-то иное понимание того, что такое «есть», или даже просто – не желает соглашаться с привычным пониманием «есть» и «на самом деле». Поэзия – вечное инакомыслие по самому бесспорному из вопросов (настолько бесспорному, что никто и не считает это вопросом). Целой эпохой (последней большой эпохой) такого метафизического инакомыслия был немецкий романтизм, мечтавший, воображавший, сновидевший не субъективно-эстетически, а онтологически – до смерти, до безумия, не соглашаясь с тем, что есть «на самом деле».

Ключевые слова: немецкий романтизм, Гельдерлин, предчувствие, явление, поэзия.

HELDERLIN ON EXPECTATION AND APPEARANCE (IN THE POEM "LIKE A HOLIDAY")

Smirnov Nikolay Alekseevich

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor

Kazan (Volga Region) Federal University

e-mail: nikolay.smirnov.1992@mail.ru,

Kazan

Abstract

A poetic view teaches us to see more in the world than there is in it. Not wanting to be students of such a difficult school, we usually add “more than there really is in it”. Religion then remains a worldview, history – a chronicle of facts, and philosophy teaches thinking that helps to navigate practical life. The measure of truth and perception will be, in this case, repeatability, typicality, which make it possible to immediately get the result, and the rare, unprecedented, extraordinary will become the inheritance of imagination, fantasy, taste – all that is subjective, frivolous, and cannot be taken into account. However, even before we decide that it only makes sense that can be “taken into account”, we completely miss that the opportunity to “see more in the world than there is in it” implies some other understanding of what “is”, or even simply – does not want to agree with the usual understanding of “is” and “in fact”. Poetry is an eternal dissent on the most indisputable of issues (so indisputable that no one considers it a question). The whole era (the last big era) of such metaphysical dissent was German romanticism, dreaming, imagining, dreaming not subjectively aesthetically, but ontologically – to death, insanely disagreeing with what is “in fact”.

Keywords: German romanticism, Gelderlin, premonition, phenomenon, poetry.

И в отдельной человеческой жизни, и в нашей общей истории бывают моменты, когда наша душа или души многих одновременно охвачены ожиданием грядущей большой эпохи или события. Человеку кажется тогда, что он стоит на пороге чего-то небывалого, абсолютно иного, совершенно нового, невиданного, и призван быть свидетелем, участником и даже может быть творцом. Предчувствие сбывается, приходит с неотвратимостью, и дело человека в том только состоит, чтобы быть здесь и встретить, а выбор только в том заключается, чтобы встретить прямым взглядом или опустить глаза. Такой эпохой и такими людьми были, наверное, первые христиане, воодушевленные эсхатологическим чувством и жаждой преодоления смерти. В новое время (может быть последней) такой эпохой был немецкий романтизм, а самой сильной (и одновременно самой уязвимой, а может быть именно поэтому самой уязвимой) фигурой – Фридрих Гельдерлин. Когда мы смотрим отдаленно на эту эпоху или прислушиваемся к взволнованным голосам этих людей, нам, рассматривающим историю вычислительно-хронологически, начинает казаться, что эпоха, которую они ожидали, не наступила. Наоборот, мы видим, что воодушевленное и беспокойное ожидание сменилось разочарованием, усталостью и согласием на то, что есть. Значит ничего в действительности и не может быть, кроме того, что есть? Значит их слова – поэтическая фантазия? А единственная большая эпоха – это само ожидание большой эпохи, а Бог – это прекраснейшая из всех, но всё-таки выдумка человека? Пожалуй последнее, что не даёт нам запечатать эти фантазии печатью «здравого смысла» окончательно – это герменевтическая точность. Ведь мы говорим об этом из разочарования и оцениваем восторг с точки зрения разочарования. С чего мы взяли, что именно разочарованный взгляд – это взгляд трезвый? Мне кажется, что само понимание истории как хронологической последовательности сменяющихся друг друга эпох и состояний – это настроение

разочарования. Из этого настроения мы видим смыслы событий только как результаты и составляем отчет о них. И тогда ожидаемое романтиками просто не состоялось, не осуществилось. Но что если мы попытаемся увидеть историю не разочарованным, а вдохновенным взглядом – как свершающееся событие, а не череду фактов?

Взгляд Гельдерлина, мало сказать, что воодушевленный – он свидетель праздника.

«Как в праздник посмотреть промокшие поля
С утра идет крестьянин после душной
Ночной грозы, когда уже прохладу
Пролили молнии и, унося угрозы, еще грохочет
отдаленный гром,
И в русло возвращается родное
Река, и освеженно зеленеет
Земля, и слезы радости роняет
Лоза, дождем обласкана небесным,
И под лучами тихими, блистая, стоят деревья рощи, –

Так и вы стоите при погоде благодатной,
Вскормленные не только школой, но и
В объятьях легких чудно-вездесущей,
Могучей и божественно-прекрасной
Природы» [1].

Поэт – свидетель явления Природы [см.: 2]. Он встречает её пробуждение. Это не смотр результатов, не работа, а праздник, когда можно просто быть и давать явлению свершаться. Утреннему, свежему, новому событию нужен не оценивающий, не планирующий, не отмеривающий взгляд. Распахнутый прохладе молнии («die kuhlenden Blitze»), свежести земли («frisch der Boden»), радостному небесному дождю («des Himmels erfreuendem Reegen»). Чудесные объятия, в

которых Природа держит поэта – вездесущи и могущественны («Allgegenwartig», «machtige»), они не отпускают. В поэтическом восторге – предельная строгость и обязательность. Но это именно предельная, абсолютная строгость. В отличие от мнимой строгости разочарованного расчёта, обеспеченной внешним правилом, эта строгость основана только на свободе. Так вскармливает божественная Природа в отличие от школы (в оригинале ещё точнее – не вскармливает, а воспитывает, «erziehet», не школа, а учитель – «Meister»). Воспитание божественной Природы строже воспитания человеческого – оно требует от ученика быть очарованным, замороженным. Замороженный, очарованный взгляд – предельно послушный. Естественность божественной Природы – самое совершенное искусство, такое совершенное, что переставшее быть искусственным.

В этой замороженности явлением Божественного ожидание сильнее отсутствия, а предчувствие – сильнее прогноза. Само Божественное не может быть дано как факт, Священное не может явиться как очевидность опыта. Божественное является неявно, в утаивании, отменяя наглядность результатов (принципиально отменяя – переводя видящего по другую сторону видения). Предчувствие – это не «ещё не», а уже и есть сама встреча с Божественным. Предчувствие не может оправдаться или не оправдаться, потому что оправдание или не оправдание – не божественные мерки, а человеческие, мерки разочарования. Предчувствие – должная, подобающая форма встречи с Божественным. Единственно возможная форма встречи с самим Божественным. Способы данности человеческих явлений (когда они прямо дают сами себя) – факты, аксиомы, умозаключения. Способы данности божественных явлений – сны, мечты, предчувствия, то есть, в каком-то смысле даже нечто обратное. В поэтическом (божественном, священном) измерении ожидание – не лишенность и не то, что ещё должно состояться. Это не просто отсутствие, а священная тоска (слово, которого, как говорил Рильке, в немецком языке нет, немецкое *sehnsucht* – «искать увидеть») это и близко не наша тоска). Она

самой собой подтверждает непереносимость встречи, потому что и встреча – не факт, а событие, и не может быть выложена в наглядную биографическую схему. Видеть и предчувствовать – не два разных факта, а одно событие.

«И когда как будто спит в иное время года
Она на небе, среди растений иль народов,
Печаль ложится и на лик поэтов.
Они будто одни, но все ж полны предчувствий,
Ведь и сама она – предчувствие в покое.

Но вот и день! Я ждал его, я видел его приход,
И, виденное мной, святое пусть моим пребудет словом» [1].

Встреча грядущего дня – не календарный факт. Предчувствие – не прогноз, который ещё должен быть удостоверен. Видение – не рассмотрение со стороны. А слово, в котором пребывает (является, приходит) святое – не выражение какого-то содержания. Священное пребывает вместе с предчувствием, пребывает (само) в самом предчувствии. Совершенное осуществление священного – эсхатологическое событие, и сбудется тогда, когда факты, а точнее, наша нужда в них, исчерпают себя, и откроется нужда в неисчерпаемом, в том, что не бывает фактом. Можем ли мы увидеть то, в чём мы ещё не имеем даже потребности, потребность в чём нам ещё только предстоит узнать? Мечты и чаяния романтиков «не сбылись» в прошлом как совокупности подтвержденных или не подтвержденных фактов. Но сами по себе мечты и чаяния – больше, чем факты, и потому не могут быть поняты в плоскости подтверждения. Они пусты с точки зрения результатов, но ведь это и не окончательная точка зрения. И не в том ли состояли эти мечты и чаяния, как не в попытке увидеть жизнь с точки зрения окончательной, а значит сразу не результативной? Наверное, этим мечтам и чаяниям ещё предстоит сбыться в тот

по-настоящему исторический момент, когда мы сможем увидеть промокшие после грозы поля «как в праздник», а не как пространство для наших дел и работ.

Литература

1. Гельдерлин Ф. *Гиперион. Стихи, письма* / Издание подготовила Н.Т. Беляева М.: Наука, 1988. 717 с.

2. Хайдеггер М. *Разъяснения к поэзии Гельдерлина* / Перевод с нем. Г. Б. Ноткина СПб.: Академический проект, 2003. 320 с.

ФИЛОСОФСКОЕ ПОНИМАНИЕ МНОГОАСПЕКТНОСТИ СОВРЕМЕННОЙ ЭКОЛОГИИ

Солодухо Натан Моисеевич

*доктор философских наук, профессор
Казанский национальный исследовательский технический
университет им. А.Н. Туполева – КАИ,
e-mail: natsolod@bk.ru*

г. Казань

Солодухо Маргарита Натановна

*кандидат философских наук, доцент
Казанский национальный исследовательский технический
университет им. А.Н. Туполева – КАИ,
e-mail: margarita.nat@yandex.ru*

г. Казань

Аннотация

В статье дается философское понимание содержания экологии. Показывается, что в современной экологии находят применение знания разных наук – естественных и социально-гуманитарных, это обстоятельство делает ее объемной, богатой по своим смыслам, способной гармонично взаимодействовать с различными научными областями. Также рассматривается идеологический аспект применения экологического знания – конечной целью всех междисциплинарных и трансдисциплинарных отношений, в которые вступает экология, является забота о человеке. В основу материала положен авторский опыт оценки роли экологии, накопленный в сопоставлении этой области знания с различными частными науками, с учетом философского обобщения экологических исследований, исходя из того, что специфика философии позволяет выбранный объект изучения рассматривать в

трех основных аспектах: со стороны всеобщности, наибольшей ответственности и целостности.

Ключевые слова: экология, философия, всеобщая экология, экологическая идеология, экологический архетип, междисциплинарные исследования.

PHILOSOPHICAL INTERPRETATION OF THE MULTI-DISPECTIVENESS OF MODERN ECOLOGY

Solodukho N.M.

Ph.D., Full Professor

Kazan National Research Technical University

named after A.N. Tupolev – KAI,

Kazan

Solodukho M.N.

Ph.D., Associate Professor

Kazan National Research Technical University

named after A.N. Tupolev – KAI

Kazan

Abstract

The article provides a philosophical understanding of the content of ecology. It is shown that in modern ecology the knowledge of various sciences – natural and social-humanitarian – is used; this circumstance makes it voluminous, rich in its meaning, capable of harmoniously interacting with various scientific fields. The ideological aspect of the application of environmental knowledge is also considered - the ultimate goal of all interdisciplinary and transdisciplinary relationships into which ecology enters is to care for people. This material is based on the author's experience in assessing the role of ecology, accumulated in comparing this field of knowledge with various special sciences, taking into account the

philosophical generalization of environmental research, based on the fact that the specificity of philosophy allows the chosen object of study to be considered in three main aspects: from the side of universality, greatest significance and integrity.

Keywords: ecology, philosophy, general ecology, environmental ideology, ecological archetype, interdisciplinary research.

Как известно, экология вводится в науку в середине XIX века немецким естествоиспытателем Эрнстом Геккелем как биологическая дисциплина, изучающая взаимодействия организмов между собой и с окружающей их органической и неорганической средами. Так как речь идет об отношениях между животными и растениями, следовательно, прежде всего, экология опирается на знания, взятые из биологии. Далее, экология не обходится без использования научного знания, близкого к экологическому, однако все же заимствованного из другой научной области – географии. Экология интересуется, например, существованием животных в популяции, связанным с *ареалом* ее обитания, в качестве которого выступает *географическая среда*, то есть приповерхностная сфера Земли, характеризующаяся определенным ландшафтом.

О взаимодействии географии и экологии позволяет говорить авторский опыт: в конце прошлого века состоялась длительная совместная работа Н.М. Солодухо с членами кафедры экономической географии КГУ на республиканском, союзном и международном уровнях, написание научных и учебных работ в соавторстве с заведующим кафедрой, профессором А.М. Трофимовым и др. Так, в учебном пособии “Вопросы методологии современной географии” (1986) [1] в методологическом плане был обобщен опыт математико-географического моделирования, обоснована и изложена геоситуационная концепция, дана философско-методологическая интерпретация взаимодействия природных и социально-экономических образований, изложены основы единой теории географического поля, приведена классификация

и характеристика окружающей (географической) среды в связи с проблемой размытости географических границ и др.

Указанные исследования проводились в связи с разработкой Н.М. Солодухо общенаучного гомогенно-гетерогенного подхода к познанию действительности, выделением гомогетерогеники как области интегративно-общенаучной методологии, применением соответствующего подхода к изучению глобальных проблем (XVIII Всемирный философский конгресс: Великобритания, Брайтон, 1988). Вопросы, касающиеся непосредственно экологических ситуаций, были рассмотрены совместно с А.М. Трофимовым в книге «Наука и искусство географии: Спектр взглядов ученых СССР и США» (Москва, 1989).

Со времени введения понятия экологии прошло более полутора столетий, за этот период возникли новые направления в географии: экология человека, социальная экология и даже экология культуры. Сформировались научные области, объединяющие экологию с различными науками: экофизика, экохимия, экогеология, техническая экология и др. Начали интенсивно разрабатываться глобальная экология, системная экология, экологическое моделирование. Многообразие экологических направлений и областей, связи экологии с разными науками натолкнули на поиск объединяющей концепции современного экологического знания. Такая концепция под названием «всеобщая экология» была предложена Н.М. Солодухо в первой половине 90-х годов. Основное внимание во «всеобщей экологии» сосредоточено на выявлении и исследовании универсальных экологических отношений различных сфер – природной (материальной), социокультурной (материально-идеальной) и духовной, что нашло свое отражение в учебно-методической разработке, изданной в Казанском государственном педагогическом институте в 1995 году [2].

Во второй половине 90-х – начале 2000-х гг. концепция всеобщей экологии получила свое дальнейшее развитие в материалах Международных семинаров в С-Петербурге («Интегративная функция «Всеобщей экологии»», 1995), Международных конгрессов во Франции

(“Принципы всеобщей экологии”, 1995) и Греции (“Проблема пространства в экологии человека”, 2001), на Всероссийских и Республиканских конференциях (“Этноэкология в системе всеобщей экологии”, 1995, 1997), в теме научно-исследовательской программы АН РТ (2001 – 2002). Делу углубления и расширения концепции всеобщей экологии послужил международный СНГ семинар на базе Казанского государственного технического университета им. А.Н. Туполева с изданием коллективной работы «Актуальные вопросы всеобщей экологии» (2007) [3]. Наряду с системными представлениями в экологии совместно с А.М. Сабирзяновым разработаны ситуационные основы экологического знания в монографии «Ситуационный подход в философско-экологическом контексте» (Казань, 2013).

Особое внимание следует обратить на связи современной экологии с психологией, педагогикой, культурологией, религиоведением. Психологические аспекты экологии рассмотрены совместно с доцентом А.Х. Гимазетдиновой в монографии «Экологическое сознание и экологический архетип» (2008) [4]. Здесь представлены во взаимодействии сознательный и бессознательный уровни психики человека, в которых находит отражение экологический статус субъекта: экологическое сознание и экологическое бессознательное. Выявляются два основных уровня экологического бессознательного: личностный и коллективный (последний – «экологический архетип»). Под воздействием какой-либо кризисной, проблемной ситуации в личной или социальной жизни происходит бессознательное оживление и воплощение соответствующего архетипа, в данном случае экологического архетипа, который исторически предшествует экологическому сознанию.

В интересах человека требуется всеобщность экологического образования и воспитания, их системность, структурность и даже фольклорность, начиная со школы и детского сада. Об этом много и правильно говорит доктор географических наук, профессор З.А. Хусаинов, с которым также привелось длительно сотрудничать. Для взрослых учащихся эта идея раскрывается в процессе применения

«Экологической философии» в учебном процессе и на уровне университетской подготовки. Ведь здесь будущий специалист получает базовые знания о таких философских понятиях, как пространство, время, мир, жизнь, свойства, закон, процесс, состояние, система и структура, причина и следствие, необходимость и случайность, качество и количество, десятки других понятий и связанных с ними принципах, которые составляют философский фундамент любой науки. Экологическая философия дает целостное представление об ойкумене жизни как таковой во времени и пространстве – жизни растений, животных, людей, существовании человечества на планете Земля и во Вселенной.

В рамках экологической философии системно рассматривается методологический экологический инструментарий, необходимый, вообще говоря, любому специалисту. В КГТУ-КАИ им. А.Н. Туполева на рубеже столетий Н.М. Солодухо совместно с доцентом кафедры философии Г.Н. Алмаевым разработали и ввели в учебные планы университета курс «Экологической философии». В течение более десятка лет такой полноценный курс с экзаменом преподавался студентам – химикам в Казанском государственном техническом университете. Надо отдать должное заведующему кафедрой «Общей химии и экологии» профессору А.Н. Глебову, который поддержал этот учебный проект. Такой курс следует читать, прежде всего, экологам, биологам и географам, а также представителям технических специальностей.

Географ профессор З.А. Хусаинов привлек филологический и культурологический материал и в контексте психолого-педагогического образования обучающихся разработал систему концептуальных основ формирования экологической культуры учащихся в национальной школе, в частности, в школах Татарстана, что представлено в монографии «Экологическая культура учащихся национальной школы» (Казань, 2005). В ряде своих книг З.А. Хусаинов показал, как на уровне экологической этнопедагогики происходит естественное сочетание экологии природы и экологии культуры.

В подобном ключе была написана и нами совместная с Г.Н. Алмаевым монография «Экологическое понимание религиозного сознания» (Казань, 2014). В ней показано, что практически в любой религии присутствуют экологические аспекты, которые выражаются в стремлении сохранения окружающего мира и поклонение природе – как проявлению божественного начала. Это можно обнаружить в различных религиозных мифах, в фольклоре, обрядах, традициях.

Наконец, надо сказать о необходимости распространения *экологической идеологии*, создания повсеместных взаимосвязанных экоситуационных центров, работы гибкой системы экологического образования и воспитания с учетом естественных архитипических экологических установок и формирования экологического сознания, – и все экологические мероприятия должны координироваться на государственном и межгосударственном уровнях [5, С.128-131]. Это путь, способный избежать экологическую деградацию.

В природе и обществе неизбежно действует закон второго начала термодинамики, согласно которому в любой относительно замкнутой системе, каковой является и Земля, со временем неизбежно увеличивается энтропия – показатель дезорганизации и разрушения системы. Этому способствует человеческая деятельность, превращающая различные виды энергии в тепловую. Есть и внешние эволюционные солнечные факторы, изменяющие жизненные условия людей. И это тоже неизбежно станет весьма ощутимым в отдаленном будущем. Поэтому надо продвигаться вглубь космического пространства, правда, с экологической осторожностью. Думать уже сейчас о возможной, хотя и далекой, перспективе освоения не только планет солнечной системы, но и экзопланет, находящихся в соседних звездных системах. Это и будет означать космическое расширение ойкумены человечества.

Экологическая философия формирует широкий взгляд на экологические процессы, выявляет фундаментальные проблемы и понятия современной экологии, дает целостное представление об ойкумене

жизни как таковой во времени и пространстве – жизни растений, животных, людей, существовании человечества на планете Земля и во Вселенной.

Таким образом, в современной экологии обнаруживается отражение синтеза различных наук (биологии, географии, химии, психологии, этнографии, педагогики, филологии, религиоведения и др.) и разных общенаучных подходов (системного, ситуационного, информационно-технологического), этнических традиций.

Литература

1. *Трофимов А.М.* Вопросы методологии современной географии. Учебное пособие / А.М. Трофимов, Н.М. Солодухо. Казань: Изд-во КГУ, 1986. 84 с.

2. *Солодухо Н.М.* Методические разработки к спецкурсу «Основы всеобщей экологии» / Н.М. Солодухо. Казань: Изд-во КГПИ, 1995. 38 с.

3. Актуальные вопросы всеобщей экологии. По материалам Международного (СНГ) семинара / Под общ. ред. проф. Н.М. Солодухо. Казань: Изд-во Казан. гос.техн.ун-та, 2007. 244 с.

4. *Гимазетдинова А.Х.* Экологическое сознание и экологический архетип. Монография / А.Х. Гимазетдинова, Н.М. Солодухо. Казань: Изд-во Казан. гос. техн. ун-та, 2008. 140 с.

5. *Солодухо Н.М.* Факторы формирования экологической идеологии / Н.М. Солодухо, М.Н. Солодухо // Материалы XXIX международной научно-практической конференции Россия и Европа: «Связь культуры и экономики». Прага, Чешская Республика: Изд-во WORLD PRESS s.r.o., 2021. 157 с.

ПОЛУ-ПРАВДА, ПОСТ-ПРАВДА, ПОСТ-ИСТИНА, & POST-EVERYTHING

Тайсина Эмилия Анваровна
доктор философских наук, профессор
Казанский государственный
энергетический университет
e-mail: *Emily_Tajsin@inbox.ru*
г. Казань

Аннотация

На пути познания встречаются два блокирующих препятствия – догматизм и релятивизм. Философски они были осмыслены как метафизические крайности, противостоящие истине диалектики. Редуцируя закономерность общей гносеологии до (специального) проявления её в сфере политической философии и журнализма, можно провести параллель с «львами» и «лисами» Стива Фуллера. У него речь ведётся в рамках гипотезы пост-правды (пост-истины) как универсума культуры, и в особенности не столько игры политической силы вообще, сколько её мировоззренческой основы в лице философии. В формате данной статьи «львами» представляются догматики, а «лисами» релятивисты. Терминологическое предпочтение отдается применению понятия «пост-правда» (и «полу-правда») в качестве “*modus operandi*” политики, – и «пост-истина» применительно к философии и культуре.

Ключевые слова: правда, полу-правда, истина, истинность, пост-правда, пост-истина

HALF-TRUTH, POST-TRUTH, POST-VERITY, & POST-EVERYTHING

Emilia A. Tajsin

Ph.D., DSc, professor of Kazan

State Power Engineering University

Department of Philosophy and Mediacommunications

e-mail: Emily_Tajsin@inbox.ru

Kazan

Abstract

On the path of knowledge, there are two blocking obstacles – dogmatism and relativism. Philosophically, they were interpreted as metaphysical extremes opposed to the truth of dialectics. By reducing the pattern of general theory of cognition to its (special) manifestation in the field of political philosophy and journalism, we can draw a parallel with Steve Fuller’s (or, Machiavellian) “lions” and “foxes”. Fuller speaks in the frame of the hypothesis of post-truth as a universe of culture, and probably not so much the game of political forces in general, but rather its ideological basis lying in philosophy. In the format of this article, dogmatists are represented as “lions”, and relativists as “foxes”. Terminological preference is given to the use of the concept of “post-truth” (and “half-truth”) as a “*modus operandi*” of politics, and “post-verity” in relation to philosophy and culture in general.

Key words: truth, verisimilitude, verity, truthfulness, post-truth, post-verity

Введение

Во времена всеобщего обмана
высказанная истина будет революционным актом.

Дж. Оруэлл

Несколько лет назад Оксфордский словарь предложил следующее определение пост-правды: “Post-truth – relating to or denoting

circumstances in which objective facts are less influential in shaping public opinion than appeals to emotion and personal belief”: то, что относится к обстоятельствам, при которых объективные факты оказывают меньшее влияние на формирование общественного мнения, чем апелляции к эмоциям и личным убеждениям. Так объяснила свой выбор редакция Оксфордского словаря в 2016 г.¹.

В своем труде “Post-truth. Knowledge as a Power Game” («Пост-правда. Знание как борьба за власть»), уже ставшем классикой, Стив Фуллер с самого начала относит данное определение к «львиным» проявлениям власти, или влияния: (“The *Oxford English Dictionary*’s definition of ‘post-truth’ speaks the lion’s truth...”) [1, p. 2].

«Львы» – Фуллер использует метафоры Макиавелли – это те (влиятельные консерваторы, или ретрограды), кто рассматривает современное понимание прошлого как надежную основу для движения в будущее. (“The lions treat the status quo’s understanding of the past as a reliable basis for moving into the future”). «Лисы» – те, кто считает статус-кво искаженным пониманием прошлого, что препятствует движению в лучшее будущее. (“The foxes regard the status quo as possessing a corrupt understanding of the past that inhibits movement into a better future”) [1, p. 2]. Те и другие торгуют правдой, превращая ее не просто в игру, но в *пост-правду*.

Между тем ни соответствующее слово, ни стоящее за ним явление не возникли в 2016 г. Как поясняет А. В. Морозов, Стив Тешич, драматург, был первым, кто осознанно назвал ситуацию, неуютную для восприятия (американского) народа в связи с войной (во Вьетнаме), «правлением лжи» и «пост-истинным миром» еще в 1992 г. – вполне возможно, что под влиянием заметок Бодрийера о Войне в заливе, – войне, которой «не было». Телеаудитория предпочла цензуру и «щадающую пропаганду» подлинности жестокой истины [2, с. 287].

Позже появились и вспомогательные термины, позволяющие лучше пояснить природу феномена пост-правды; наиболее яркий из

---

¹ <https://languages.oup.com/word-of-the-year/2016/>

них – truthiness, что-то вроде «более-менее правда» (автор Стивен Кольбер), или хорошо знакомая нам «полу-правда», использующая «фигуру умолчания». Последний термин является самоговорящим; пожалуй, главная проблема здесь – возможность существования самого критерия отбора того, что именно следует донести до зрителя – читателя – слушателя в качестве официально одобряемой информации, а что повергнуть акту «эпохэ». Есть ли это универсальный критерий или нужно всякий раз подбирать ситуативные *ad hoc* объяснительные гипотезы – достаточно важный вопрос, заслуживающий дальнейшей специальной разработки.

Экспликация феноменов полуправды, пост-правды и пост-истины в философии и культуре

Полу-правда отличается от пост-правды методологически: первая – это недоговоренность, вторая – более-менее искусная манипуляция, макраме реальных фактов, в основном с целью создания сети альтернативных доводов, способных опровергнуть материалы объективных научных данных или свидетелей.

Специалист в области исследования пост-правды Ли МакИнтайр, профессор в Бостоне и Гарварде, указывает в своей книге “Post-truth”, что конструирование «альтернативных исследований», которые повели бы завуалированную, однако непримиримую борьбу с неудобствами пугающих фактов, открываемых наукой, началось в 50-х гг. XX века. Пугающим фактом оказалась обнаруженная на подопытных животных угроза рака легких вследствие курения. Когда эти данные были опубликованы в научном журнале, табачные олигархи организовали картель под названием «Исследовательский Комитет Табачной Индустрии» (TIRC) по выработке иных, дополнительных взглядов на сигаретный дым – под предлогом недоказанности угрозы; родилась стратегия «производства сомнения», и с тех пор это лозунг «пост-истинной» «экспертизы» [3, с. 22-23]. Надо заметить, используя

«звериную» терминологию Макиавелли-Фуллера, что «львы» применили тогда «лисю» тактику.

Почти через полвека примерно так же подействовали главы нефтяных компаний, предоставив финансирование для «альтернативных исследований», чтобы противостоять научным выводам о потеплении климата со всеми вытекающими отсюда последствиями. Общественность получила картинку «двух сторон» дебатов и двух рядов аргументов, которую нанятые СМИ обрисовали совершенно убедительно. Производство академических знаний в большинстве случаев рассматривается циничными «коммерсантами» как уязвимая мишень.

Джулиан Баджини, основатель и главный редактор журнала “*The Philosopher’s Magazine*”, вступая в дискуссию, подчеркивает, что эмпирические аргументы действительно могут оставлять нас в неуверенности [4, p. 54]. Однако эта незавершенность опыта – не слабость. (“Far from being a weakness, ...the open-endedness of empirical inquiry is actually its strength”. [ibid.]) Отсутствие полной определенности принципиально сопутствует получению все новых опытных данных. Абсолютная уверенность может относиться только к определенности математических аксиом и законов логики.

Этот автор оправдывает скромную сдержанность ученого, открытость дополнительным фактам, готовность противостоять властям (‘powers’), скептицизм и способность к коллективному изучению проблемы. Эти так называемые ‘epistemic virtues’, интеллектуальные добродетели, предохраняют от самодовольства и цинизма, узости мышления запредельного индивидуализма, страха перед властью предржащими и утрату веры в саму возможность правды [4, p. 105-106]. Баджини огорченно констатирует, что перечисленные пороки свойственны как раз эпохе пост-правды. Его чаяния на будущее связаны с новым пониманием «альтернативной перспективы»: необходимо искать её не как «альтернативную истину», а как *обогащение истины*, понимаемой холистски.

Опыт подрыва репутации научной экспертизы при помощи медиа и PR – начиная с деятельности TIRC (1953 г.) – есть главный инструмент пост-правды, коммерческого произведения XX века, полагает МакИнтайр.

Со своей стороны, Стив Фуллер с порога предельно расширяет временные и концептуальные границы «пост-правды», объявляя: “the concept has been always with us in both politics and science – and in a much deeper ways than those who decry its existence realize” (rendering: этот концепт всегда был с нами и в политике, и в науке – и в гораздо более глубоком смысле, чем осознают те, кто порицает возможность осознания самого его существования) [1, p. 1].

Что касается философии: Фуллер достаточно благосклонно, хотя и кратко, отзывается о Хансе Файхингере, основателе «Кантовских штудий», полагавшем, что философия *всегда* жила в мире пост-правды, в мире «как если бы», *als ob*, *as if*, – в мире «двойных кавычек» Канта. «Философия оказывается самой пост-истинной областью из всех»: “philosophy appears to be the most post-truth field of... all” [1, p. 27]. В своей «*Философии Als Ob*» Файхингер поддерживал кантианскую идею о том, человек воспринимает только феномены, конструируя фикции (вымышленные модели) невоспринимаемых сущностей (элементарные частицы, волны и т.д.), принимаемых за реальность, которым действительность «как будто бы» соответствует. Сам Фуллер пишет: “I take post-truth to be a deep feature of at least Western intellectual life, bringing together issues of politics, science and judgment” («Я считаю, что пост-правда является глубокой чертой, по крайней мере, западной интеллектуальной жизни, объединяющей вопросы политики, науки и права...») [1, p. 6]. Эта тема сближает проблематику пост-правды и так называемой «фейковой» информации, заставляя нас в широком контексте политики, науки и юрисдикции говорить именно о правде – а не об истине.

Лексическое богатство русского языка, позволяющее отличить моральную и политическую «правду» от философской «истины», дает

возможность углубиться в содержательные оттенки обоих терминов, как правило, передающихся на английском словом “truth”.

Чтобы понять, что такое пост-правда и пост-истина, необходимо удостовериться, что такое сами истина и правда.

Фуллер предлагает такое толкование.

Слово «истина» восходит к древнеанглийскому слову “troth”, и в нем заключены все философские трудности этого понятия. ‘Troth’ означает верность – но чему именно: источнику или цели? Первоначально «истина» означала верность *источнику*. Речь шла о верности тому, кто дает власть говорящему истину, будь то христианское божество или римский полководец. Именно в таком смысле слова «истина» придерживались иезуиты, католический орден Контрреформации, основанный Игнацием Лойолой. Формула «цель оправдывает средства» стала возможной [1, р. 26]. Однако благодаря другому католику, Фоме Аквинскому, истина стала рассматриваться как верность *цели*, в частности, сотворённым объектам, *rem creandam*. Мир, каким он обычно выглядит, достаточно близок к Божьему плану, поэтому верующие должны перестать пытаться угадать намерения Бога (чему был привержен, например, Ньютон) и вместо этого сосредоточиться на правильном понимании «эмпирических» деталей Творения [1, с. 26-27]. Фуллер считал, что формула *adequatio ad rem* стала основой так называемой «корреспондентской теории истины».

(Заметим: Хайдеггер прекрасно объяснил, что прочной логической средневековой основой философского соответствия человеческого интеллекта сотворенным объектам является первоначальное соответствие этих объектов плану Бога. Уничтожение этого антецедента оставило консеквент «подвешенным»).

Признавая изящество введенной Стивом Фуллером дилеммы «верности истоку» и «верности цели», необходимо все же привести иное этимологическое объяснение, более глубокое и подробное.

Truth – [ME *trouthe*, fr. OE *trēowth*, fidelity; akin to OE *trēowe*, faithful]: 1 a : *archaic*: fidelity, constancy; b : truthfulness, honesty; 2 a (1) ;

the state of being the case ; fact; (2) ; the body of real things, events, and facts ; actuality; (3) *often cap.* ; a transcendent fundamental or spiritual reality; b : a judgment, proposition, or idea, that is true or accepted as true; the body of true statements or propositions; 3 a : agreement with fact or among true facts or propositions; b : true; c : fidelity to an original or to a standard; 4 *cap. Christian Science: GOD.*

True – [ME *trewe*, fr. OE *trēowe*, faithful; akin to OHG *gitriuwi*, faithful; Skt *dārūna*, hard; *dāru* – wood]: 1 a : steadfast, loyal; b : honest, just; c : *archaic*, truthful; 2 a (1) : in accordance with the actual state of affairs <~description>; (2) ; comfortable to an essential reality; b : ideal, essential; c : being that which is the case rather than what is manifest or assumed; d : consistent; 3 a : properly so called <~love>, <the ~faith>; b (1) : processing the basic characters of and belonging to the same natural group; (2) typical; 4 : legitimate, rightful; 5 a : that if fitted or formed or that functions accurately; b : comfortable to a standard or pattern : accurate; 6 : determined with reference to the earth's axis rather than the magnetic poles; 7 : logically necessary; 8 : narrow, strict; 9 : corrected for error. Syn.: real.¹

Несмотря на различия в толкованиях происхождения термина, надо подчеркнуть важность смысла «лояльности» как экспликанды истины-правды.

«Правда» почти во всех славянских языках обозначается похожей лексикой и означает примерно одно и то же: следование непреложному пути. «Не лги» – третий императив морального кодекса не только христианства. А пост-правда *создается* и распространяется *преднамеренно*; ложь всегда должна обращаться к некой публике. «Не то чтобы факты были неважны; но их всегда можно затенить, отобразить, подать в формате (политического) контекста в пользу какой-то одной интерпретации правды в ущерб другой» [3, с. 6].

Отечественные ученые И.В. Фотиева и Т.А. Семилет указывают причины формирования общественной ситуации пост-правды: лживые

---

¹ Webster's Seventh New Collegiate Dictionary. Springfield, Mass., USA.

политики и недостоверная реклама; сенсационная журналистика и вездесущность ненаказуемого Интернета; полуправда PR-активности и тотальность победившего релятивизма [5, с. 61]. Надо заметить, что, в целом соглашаясь с этой позицией, мы усматриваем серьезную разницу между ложью и «фигурой умолчания». Первую используют недобросовестные политики и партизанские/профессиональные журналисты; вторая – инструмент деятельности PR-специалиста.

Челябинские ученые Е.И. Салганова, Бредихин С.С. и Щетинина Е.В. добавляют еще целый ряд «факторов и оснований установления в обществе состояния постправды»: снижение статуса общественной и научной экспертизы; невозможность проверки информации в перенасыщенном потоке; недостаток компетенции или времени; взаимные обвинения в использовании «фейк-ньюс» в общественно-политическом дискурсе; а с другой стороны – возрастание уровня необоснованной веры, кризис «критического разума», «бегство от разума» и «бегство от свободы» [6, с. 107]. Понятно, что речь идет о пониженном уровне аналитического восприятия и об отсутствии умения проверять соответствие информации реальному положению дел, о чем наглядно свидетельствуют проведенные исследования. «При этом почти половина населения (46%) сомневается в своей способности распознать ложь и правду в информационных потоках» [6, с. 108].

В статье этих авторов приводится значительно больше причин функционирования пост-правды, от информационного «пузыря» и эхо-камеры до двухступенчатости подачи информации и сенсационализма [6, с. 107–108]. Но дело не просто в недоверии фактам, а в том, что принимаются только те факты, которые оправдывают принятую систему взглядов (идеологию). Согласно исследованию, опубликованному в 2018 году в журнале *Science* (изучено 3 миллиона репостов и 126 тысяч цепочек ретвитов), фейковые новости распространяются на 70% быстрее, чем настоящие (Vosoughi, Roy, Aral, 2018, p. 1146–1151. [Цит. по: 6, с. 109]. К тому же фейк-ньюс есть не просто несоответствие информации объективно-реальному положению дел; это преднамеренное введение в заблуждение, решение увести читателя в сторону

от правды: “...analogy with lying will help to understand that it is the intention to mislead – that makes fake news fake” [3, с. 186].

Наибольшее распространение получают алармистские новости, что понятно без объяснений в эпоху тотальной неуверенности и всеобщих опасений по поводу завтрашнего дня.

Пост-философы пост-позитивного пост-модерного мира пост-социалистической Европы и пост-советской России, мы рассматриваем разбираемые термины и стоящие за ними явления помрачения истины со смешанным чувством экзистенциальной тревоги, скепсиса и постмодернистской иронии. Это ситуация Post-Everything. Как пишет Ли МакИнтайр, префикс пост- используется не в темпоральном смысле, как будто мы «перешагнули, пережили и «изжили» правду»; кратко опаснее явление *затмения и обесценивания истины* (курсив мой. – Э.Т.) [3, с. 5]. Главное даже не фейки и не «альс об», существенно связанные с этой «пост-истиной», а её собственная глубина и многоликость. Постмодернизм саркастичен; это пост-ирония метамодерна; но пост-истина порождает «аларм», то есть она пугает, это не просто ирония: см. следующие после “post-truth”, согласно Оксфордскому словарю, «слова года»:

2017 youthquake (слово 2014 года – vape)

2018 toxic

2019 climate emergency

2020 [not chosen]; (согласно словарю “Collins”, это lockdown)

2021 vax

2022 goblin mode

2023 –

Напрашивается примирительное, и тоже половинчатое, объяснение: пост-правда может быть понята в узком и широком смысле. По объёму понятия это «лисья» тактика (или, возможно, стратегия), которую предпринимают «львы», начиная с середины XX века, против убыточного гуманизма (узкий смысл) – и полу-правда политики, идеологии, ангажированной науки, журнализма, заказных литературных текстов, а также социологии и прочих humanities, поистине

охватывающая всё общество, или любое общество, где есть соответствующие формы культуры (широкий смысл). По содержанию это дилемма социально-политической пост-правды и теоретико-познавательной пост-истины. Представляется, что они соотносятся как вид и род, то есть пост-правда – это социологическая, политическая, идеологическая, социально-философская и т. п. разновидность пост-истины. Именно с этим различием связан русский перевод и Оксфордского определения, и Фуллеровского названия книги.

Многоликость анализируемого понятия отражена в построении классификаций истины и истинного. Она более чем полно отражена в приведенных словарных определениях, хотя данная классификация грешит отсутствием единого признака, который бы составил ее основу.

В монографии Баджини «Краткая история истины: утешение для пост-истинного мира» [4] автор различает истины «вечные», авторитетные (authoritative), эзотерические, логические, эмпирические, креативные, относительные, властные (powerful)... и при всей неожиданной пестроте эпитетов, все они обозначаются одним словом: “truth”.

Вспоминается «некая китайская энциклопедия» Борхеса, где утверждается, что «животные подразделяются на: а) принадлежащих Императору, б) бальзамированных, в) прирученных, г) молочных поросят, д) сирен, е) сказочных, ж) бродячих собак, з) включённых в настоящую классификацию, и) буйствующих, как в безумии, к) неисчислимых, л) нарисованных очень тонкой кисточкой из верблюжьей шерсти, м) и прочих, и) только что разбивших кувшин, о) издалика кажущихся мухами». Мишель Фуко охарактеризовал такую классификацию как неожиданное соседствование не связанных между собой вещей, обладающее магической силой. Из его Предисловия к «Словам и вещам»: «Чудовищность, которую Борхес вводит в своё перечисление, состоит в том, что общее пространство встреч оказывается здесь разрушенным». Однако – при всем уважении – с этой характеристикой не обязательно соглашаться, поскольку «энциклопедия» описывает вполне осязаемое и притягательное пространство: дворец

китайского императора. Так и с классификацией «истин» Джулиана Баджини: вполне можно представить, что его список исчерпывает и разъясняет все ценные разновидности высоких истин, не спускаясь к «профиту», главной ценности экономической сферы и финансовых потоков.

С. Фуллер называет расхожее понимание всего нашего времени *пейоративным*; цитируя характерную строку из медиа “*some commentators have observed that we are living in a post-truth age*”, он пишет: “*This definition is clearly pejorative*” («Некоторые комментаторы заметили, что мы живем в эпоху пост-правды... Эта дефиниция явно уничижительная») [1, p. 1]. Скорее можно согласиться, что подобное определение вырастает из чувства сожаления (regret: LeeMcIntyre) – со стороны тех, кто обеспокоен наступившим «помрачением» истины. А вот характеристика философии и философов самим Фуллером – да, является пейоративной. Он весьма насмешливо пишет: “*Philosophers claim to be seekers of truth... Another way to see philosophers is as the ultimate experts in a post-truth world*”. [1, p. 25]. Философы заявляют, что они искатели истины. Это первый путь. Другой путь – считать философов высшими экспертами в мире пост-правды. Сказано достаточно едко.

Между тем именно философия предоставляет возможность объяснить затмение истины как некую крайность, ту или иную, то есть уклон по отношению к диалектическому пониманию её, учитывающему момент абсолютности и значения относительности, присущие мышлению. Догматизм, релятивизм, софистика, эклектика являются антагонистами истины, искривляющими ее, и вместе с тем ее спутниками.

Мы склоняемся к расширительному толкованию «эпохи пост-истины», и это совершенно не обязательно время тотального упадка культуры. Да, в ней стало меньше ярких индивидуальностей; но каналы информации не уменьшились, а умножились. Как иллюстрацию, можно привести пример из области современной архитектуры, описанную в [7].

Е. И. Спешилова в статье «Urban Imaginary: образ города и медиасреда» анализирует исследовательский проект Эдварда Соджа (Soja, 2000).

В новой информационной среде происходят быстрые и значительные трансформации в городах-мегаполисах; и дело не только в цифровом цунами, сказали бы мы. Современный мегаполис, наше преимущественное место обитания, характеризуется «дихотомией разнонаправленных сил – децентрации и рецентрации, социально-пространственной интеграции и дезинтеграции, возрастания однородности и вместе с тем гетерогенности городского пространства». [7, с. 40]. Соджа предлагает использовать термин «*постметрополис*»: это не только модель развития города, но и выражение интерференции реального и воображаемого.

Автор статьи поясняет: «Классические варианты жёсткого регулирования городской жизни заменяются в постметрополисе на скрытые, мягкие манипулятивные практики, идеологический контроль посредством создания «правильных» образов в средствах массовой информации и рассредоточенного управления городским воображаемым в целом». [7, с. 41]. Последнее означает «реальные-и-воображаемые места» (real-and-imagined places): «третье пространство», объединяющие улицы, здания, парки – и поле их совместных смыслов.

Оптимистично звучит вывод Соджа: несмотря ни на что, постметрополис даст силы сопротивления (экономической и иной) эксплуатации, идеологическому прессингу и проч. «для создания активного и открытого мультикультурного общества, гетерогенного с точки зрения расы, пола, социального класса, но в то же время ориентированного на идеалы справедливости, прозрачности, неиерархичности и демократичности...» [7, с. 41]. Будем надеяться.

Заключение

Действительно, «пост-правда» не является феноменом, впервые возникшим в XX веке или в 2016 году в публицистике и социально-

политическом дискурсе. Комментаторы книги Фуллера указывают, что отношение военных и промышленности к производству знаний всегда воплощало в себе перспективу пост-правды.

Но еще в середине прошлого века В.В. Вересаев сформулировал определение *искренности*, которое как нельзя лучше может послужить ключом для наших рассуждений: «Маленький уклон в одну сторону – и будет фальшь; в другую – и будет цинизм». («Записи для себя»). Читай: небольшой уклон в правую сторону *от правды/истины* – фальшь или (не)прикрытая ложь; небольшой левый уклон – цинизм.

О «затмении» истины говорили и «симулякры» Бодрийяра, и «отсутствующая структура» Умберто Эко, и «спектакль» Э. Ги Дебора. Этот художественный гиперреализм тоже является отклонением от истины.

Концепт «пост-истина», как широкомасштабное философское понятие, охватывает все поле культуры и все исторические времена в снятом, логическом значении: нарушение баланса абсолютного и относительного. Наши надежды связаны с их равновесием.

Литература

1. *Fuller, Steve*. Post-truth. Knowledge as a Power Game. – Anthem Press, NY., 2018. – 207 p.

2. *Морозов А.В.* Как «постистинный мир» наконец стал гиперверием: рецензия на книгу Стива Фуллера // *Философия. Журнал Высшей школы экономики*. – 2021. – Т. 5, № 3. – С. 287–297.

3. *McIntyre, Lee*. Post-truth. – MTI Press Essential Knowledge Series, USA, 2018. – 216 p.

4. *Baggini, Julian*. A Short History of Truth. Consolations for a Post-truth World. – Quercus Ed. Ltd. London, England, 2018. – 115 pgs.

5. *Fotieva, I.V., Semilet T.A.* “Post-truth” in modern media: socio-cultural and philosophical aspects. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*, 1-3 (64). Философские науки, 2022.

6. *Салганова Е.А., Бредихин С.С., Щетинина Е.В.* Медиа-информационная грамотность обучающейся молодежи в эпоху Постправды. *Galactica Media: Journal of Media Studies*. 2023. No 3. – С. 102–120.

7. *Спешилова Е.И.* Urban Imaginary: образ города и медиасреда. *Galactica Media: Journal of Media Studies*. 2023. No 3. – С. 35–54.

ПОСТ-ИСТОРИЯ И НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ БЕГА ПО КРУГУ

Тарасов Алексей Анатольевич

кандидат философских наук

доцент кафедры социально-гуманитарных наук

Приволжский исследовательский медицинский университет

e-mail: alexey.an.tarasov@gmail.com

г. Нижний Новгород

Аннотация

«Пост» – это бег по кругу, дурная бесконечность, новая архаика, возврат к примитивизму, да еще и в превратной форме. Это показано на примере такого явления как «повсеместные вычисления» (ubiquitous computing) и его частного случая – китайской «системы социального кредита» (social credit system). Юбикомп – это историзация настоящего времени во все более компьютеризированном мире, где считываются уже не столетия, десятилетия или даже годы, а часы, минуты, секунды и даже доли секунд прошлого, вследствие чего мы уже не можем отличить его от настоящего. Это новое «историческое априорное»! Пост-история, одним словом! Юбикомп, система социального кредита, а также вся технология искусственного интеллекта (AI) – это, в первую очередь, технология, увековечения настоящего.

Ключевые слова: повсеместные вычисления, система социального кредита, новое «историческое априорное», пост-история, множественный субъект, дурная бесконечность.

POST-HISTORY AND NEW OPPORTUNITIES FOR RUNNING IN A CIRCLE

Tarasov A.A.,

*Ph.D, Associate Professor of Social
and Humanitarian Sciences Department
of Privolzhsky Research Medical University,
Nizhny Novgorod*

Abstract

The "post" is a running in a circle, a bad infinity, a new archaic, a return to primitivism, and even in a perverse form. This is shown by the example of such a phenomenon as ubiquitous computing (ubicom) and its special case, the Chinese social credit system. Ubiomp is the historicization of the present time in an increasingly computerized world, where it is no longer centuries, decades or even years that are being read, but hours, minutes, seconds and even fractions of seconds of the past, as a result of which we can no longer distinguish it from the present. This is a new "historical a priori"! Post-history, in a word! Ubiomp, the social credit system, as well as the entire artificial intelligence (AI) technology is, first of all, the technology of perpetuating the present.

Key words: ubiquitous computing, social credit system, new "historical a priori", post-history, multiple subject, bad infinity.

Все, что имеет приставку «пост» – это бег по кругу, дурная бесконечность, новая архаика, возврат к примитивизму, да еще и в превратной форме. Рассмотрим это на примере такого явления как «повсеместные вычисления» (ubiquitous computing) и его частного случая – китайской «системы социального кредита» (social credit system).

Данное понятие еще в 1988 году предложили ввести сотрудники научно-исследовательского центра корпорации Херох. Сокращенно – «юбикомп», и обозначает все, что связано со взаимодействием человека и вычислительной системы, пронизывающей всю его окружающую

среду посредством интегрирования в повседневные вещи (нательные устройства, «умную пыль», сенсорные экраны, умные дома и города и т.д.). Сегодня, очевидно, самым распространенным устройством «повсеместных вычислений» стал смартфон, хотя в 1990 году об этом еще никто не мог говорить как о реальности.

Для исторической науки «юбикомп» – это совершенно новая конфигурация, когда даже переживаемое пользователем в режиме настоящего времени (online) представляется фундаментально историческим. Юбикомп – это историзация настоящего времени во все более компьютеризированном мире. Это воплощение абстракции реальности на основе данных, сгенерированных, оцененных и ставших доступными с помощью широко распространенных «умных» объектов. Повсеместное уменьшение интервала ритмичности этих вездесущих вычислений делает фундаментально историческое время переживаемым пользователями как время настоящее.

Вспомним, что для неогегельянца Бенедетто Кроче (1866–1925) вся история была историей настоящего времени. Для Блеза Паскаля (1623–1662), которого, кстати, считают ученым, стоявшим у истоков создания современных счетных машин, вся история, которая не является современной, подозрительна. Но настоящее совершенное (Present Perfect) в условиях Big Data является «соверш(е)енным» не из-за исчерпанности самого архива, а из-за регистрации или получения им все большего количества данных. Так для человека все переходит в модальность «должно быть». Это и есть так называемый «перформативный поворот» или «nudge». Любое «нормативное» здесь вытесняется, подменяется «имманентным».

Грань между миром природы и искусственным миром здесь размыта. «Окна» (“windows”) существуют здесь и как прозрачные стекла, через которые можно увидеть внешний мир изнутри дома, но также и как дисплеи для цифровой информации. Юбикомп считывает не столетия, десятилетия или даже годы, а часы, минуты, секунды и даже доли секунд прошлого, которое мы уже не можем отличить от

настоящего. При этом вычислительные данные выводятся и обрабатываются в виде все более удобочитаемых («эргономичных») стимулов, а потому начинают восприниматься как предпочтительные по сравнению с «реальными» (да, здесь реальность все чаще берется в кавычки).

Если, исходя из описанной логики взаимодействия прошлого и будущего, повсеместные вычисления захватили «прошлое», то тем самым они овладели и будущим! Представьте (что довольно легко для сегодняшнего человека со смартфоном), что по дороге на работу вы смотрите в бортовом компьютере вашего автомобиля или в мониторе смартфона Google карты, чтобы проверить интенсивность движения и наличие пробок, а по приезде на работу, аналогичная система помогает быстро найти место для парковки. Вот так (вечное) настоящее время распространяется и на ближайшее будущее. Подключение к сети позволяет человеку выходить за пределы своего физического местоположения и соответствующих им сенсорных стимулов и получать все более насыщенный доступ к стимулам тех мест, в которых он окажется и даже только может оказаться в ближайшем будущем. В этом сконструированном мире мы живем (существуем) как «пользователи», «агенты» сети, все теснее связанные с циклом генерации и потребления данных. Человеческий опыт настоящего времени здесь интерполируется вычислительными данными – это мир, увиденный «протезными» глазами компьютеров, которые видят то, что недоступно человеческому глазу. Это новое «историческое априорное»! Пост-история!

Пост-история – это не история, а «историзация»; не склад исторических данных, а процесс ее, истории, творения, парадоксальным образом ее отменяющий, поскольку это уже не(бес)человеческая история! Но если это нечто недоступное, и, более того, нам не соразмерное, то, может быть, и вовсе не нужное нам? Такая постановка даже не рассматривается сторонниками «повсеместных вычислений». Напротив, для них «Интернет вещей» (Internet of Things – IoT) есть

средство компенсации и преодоления человеческой неадекватности по отношению к цифровому представлению мира. Компьютеры (и, следовательно, Интернет) почти полностью зависят в плане получения информации от людей. Почти все из примерно 50 петабайт данных, доступных на сегодняшний день в Интернете, были впервые собраны или созданы людьми – путем набора текста, нажатия кнопки записи, получения цифрового снимка или сканирования штрих-кода. Но у людей всегда ограничено время, им не хватает внимания и точности в этом деле, а потому они не очень хороши в сборе данных. Вследствие этого им нужно наделить компьютеры их собственными средствами сбора информации, чтобы они могли сами видеть, слышать и обонять мир. Автоматическая идентификация объектов и сенсорные технологии позволяют компьютерам наблюдать, идентифицировать и понимать окружающий мир – без ограничений, связанных с тем, что данные вводятся человеком. Здесь по умолчанию предполагается, что основной проблемой данных является достоверность представлений, а не сами представления. На философском языке это означает, что мир всегда уже «готов» к передаче данных, а единственная проблема с Интернетом (до внедрения IoT) заключается в том, что этот процесс передачи данных происходит с потерями и, следовательно, неточно – как раз из-за ограничений, накладываемых «человеческим фактором». Вот поэтому-то и «нужно» обойти человека в процессе генерации, оценки, подключения к данным и получения доступа к ним. Обойти человека в процессе сбора данных как раз и позволяют «умные» объекты, которые нарушают традиционную дихотомию субъект/объект, поскольку проявляют «активность» в актах восприятия, сбора и передачи данных. И наоборот, повседневная жизнь конечного пользователя все более пассивно разворачивается в рамках неуловимо исторических выходных данных различных устройств. Мир, который проходит через протезные органы чувств вычислительной системы, оказывается «первичным», а человек взаимодействует уже с готовым, переработанным продуктом (выходами), то есть чем-то вторичным. Получается гомогенизированная гетерогенность: лично

переживаемое настоящее время, разворачивающееся на границе ощущений и восприятия, переплетается до неразличимости с архивными репрезентациями явлений из других пространств и других мест, других переживаемых «настоящих времен». Так возникает «множественный субъект», а на самом деле – объект в пассивном, страдательном залоге. Человек здесь оказывается внешним по отношению к самому себе. Это интерполяция, которая приводит к интерпелляции. Напомним, что Л. Альтюссер (1918–1990) впервые предложил понятие интерпелляции в работе «Идеология и идеологические аппараты государства» (1970) [1], имея в виду действие полицейского, состоящее в безличном оклипании (интерпелляции) «Эй, вы, там!», и последующее оборачивание именно виновного субъекта. Но вчерашний «оклик» – это сегодняшний «клик». Только его производит уже не полицейский, а субъект сам себя «кликает» в смартфоне. Он сам себя формирует. У Л. Альтюссера «существование идеологии и обращение к индивидуумам как к субъектам – одно и то же». Это означает, что повсеместные вычисления – это сегодняшняя форма существования идеологии.

Когда речь идет о таких объектах, как алгоритмы, мы остаемся лишь со «знанием по описанию», то есть знанием на уровне формальной логики и правил вывода. Мир становится миром-текстом, основанным на компьютеризированном эмпиризме. Это уже не мир, который документально описывается, но мир, в котором явления основаны на документации. А потому сами явления – уже и не явления вовсе, но утверждения, суждения. При этом то, что собрано, воссоздает явления, которые оно описывает, по своему образу и подобию (*imago et similitudo*). Карта становится территорией.

В современной нейробиологии эта ситуация описывается как сверх-детерминизм и отрицание свободы воли. Знаменитые эксперименты американского ученого Бенджамина Либета (1916–2007), указывали на факт, что мозг каждый раз, что бы мы ни делали, всегда «уже принял решение» до того, как мы этого сделали осознанно

(наличие так называемого «потенциала готовности»). Эта линия рассуждений восходит своими корнями к философии Б. Спинозы. Географическая колонизация закончилась после Второй мировой войны, и была интериоризирована, в результате чего началась нео-колонизация времени. Само время получило пространственное измерение. В первую очередь с помощью компьютеров. Ведь что такое компьютер? Это искусственная модель эволюции! Эволюция, но не история. Отсюда и «пространственный поворот» в философии, о котором писал (так же как и о «технологиях контроля»), например, Ж. Делез (1925–1995). Это «перевод» времени в пространство. Пост-история – это вовсе не «конец истории». Это переход, в результате которого все стало историей. Даже настоящее и тем более будущее!

Человека здесь рассматривают исключительно как объект науки и технологий, часть мира, подчиняющуюся «естественным» законам природы. Но природа и ее законы – это то, что было «до» человека. И в этом сегодня хотят «растворить» человека – в законах природы (=фактах, то есть имманенции, а не ценностях, то есть трансценденции), в стихийном потоке эволюции, то есть «войны всех против всех». Эту конвергенцию «примитивизма» и «прогрессизма» отчетливо репрезентирует одиозная китайская «системы социального кредита», главное, предельное назначение которой – увековечение статус-кво, при котором Компартия Китая имеет господство. Это очень даже в духе китайской «вечной империи», где нет ни движения, ни истории, ни субъекта, ни индивида. Все исчислимо, поддается компьютерации, существует в рамках иерархии машин Тьюринга, самая универсальная из которых – эволюция, которая нас (людей) просто считает.

Вот почему Ж. Делез был так восхищен китайской философией, которую он и иже с ними (Б. Латур, М. Фуко и т.д.) переделали на европейский манер и подали под соусом «постмодернизма». Этот «пост» означает здесь даже не то, что «после человека», а всего лишь то, что было до него. *We have never been modern!* Так, китайское Дао – это просто «закон природы», та же самая эволюция, с которой «нужно

слиться». А сегодняшний «спонтанный порядок» Рынка позволил Китаю легко вписаться в неолиберальную (другое название «постмодернистской») эпоху и даже больше всех в ней преуспеть. Постмодернисты долго пугали нас «симулякром» (особенно преуспел в этом Ж. Бодрийяр), который может «поглотить цивилизацию». Но он уже существует. Это Китай, который выбросил все внутреннее содержание цивилизации, оставил внешнюю оболочку и начал ее бесконечно «клонировать».

Главная проблема искусственного интеллекта (AI) и повсеместных вычислений в том, что их разработка подается как нечто беспрецедентно новое, как прорыв в будущее, точка сингулярности и т.д. Но в том и парадокс, что AI – это, в первую очередь, технология увековечения настоящего. Present Eternal Continuous. Это «дурная бесконечность». Вечная имманенция. Психоз. Метастазирование на медицинском языке.

Литература

1. Альтюссер Л. Идеология и идеологические аппараты государства URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2011/3/ideologiya-i-ideologicheskie-apparaty-gosudarstva.html> (дата обращения 03.09.2023)

**РОССИЯ И ЗАПАД В КОНТЕКСТЕ
«КАПИТАЛИЗМА» И «СОЦИАЛИЗМА»**

Упоров Иван Владимирович

доктор исторических наук, кандидат юридических наук

профессор, профессор кафедры конституционного и

административного права,

Краснодарский университет МВД России,

e-mail: uporov@list.ru

Краснодар

Аннотация

Рассматриваются отношения Россия-Запад с точки зрения основных критериев различия их общественно-государственного развития. Обосновывается подход, согласно которому длительно использовавшийся критерий отнесения стран к капиталистическим и социалистическим не является существенным и актуальным, более весомым представляется цивилизационный критерий.

Ключевые слова: Россия, Запад, Европа, цивилизация, государство, противоречия, будущее.

RUSSIA AND THE WEST IN CONTEXT "CAPITALISM" AND "SOCIALISM"

Uporov Ivan Vladimirovich

doctor of historical sciences, candidate of legal sciences

professor, Professor of the Department of

Constitutional and Administrative Law,

Krasnodar University of the Ministry of

Internal Affairs of Russia,

e-mail: uporov@list.ru

Krasnodar

Abstract

Relations between Russia and the West are considered from the point of view of the main criteria for their difference in social and state development. The approach is substantiated according to which the long-used criterion for classifying countries as capitalist and socialist is not significant and relevant, the civilizational criterion seems to be more weighty.

Keywords: Russia, West, Europe, civilization, state, contradictions, future.

Длительное время человечество обходилось без какого-либо осмысления вопросов своего происхождения и особенностей развития, то есть, в этом смысле люди мало чем отличались от иных видов животных. На каком-то этапе люди (человеки) смогли выделиться из окружающего живого мира и получили уникальную возможность размышлять о своем бытии (очевидно, это произошло несколько тысяч лет назад), о чем свидетельствуют, в частности, соответствующие артефакты в виде прежде всего рисунков на камнях. Затем, как следствие мыслительной способности, наступила (и пока еще продолжается) эпоха письменности, люди фиксировали свои суждения и распространяли их в социальном пространстве. Затем это пространство

было разделено на государства, стали возникать межгосударственные войны, при этом понимание фундаментального вопроса о происхождении мира основывалось на религиозных постулатах. Но вот наступила эпоха Возрождения, и постепенно религию вытеснила наука (мы полагаем, это произошло сравнительно недавно, примерно в середине XIX – начале XX в.).

И впервые усилиями в первую очередь Маркса и Энгельса (позже Плеханова, Ульянова-Ленина и других социологов-экономистов) на основе научного анализа предшествующего периода с несправедливым, по их мнению, устройством мира, был представлен альтернативный проект того, как должно развиваться человечество в будущем. Тогда-то прочно вошли в научный социально-философский дискурс термины «капитализм», «социализм», «коммунизм».

После 1917 г. была предпринята попытка практической организации социалистических государств, и при этом под терминами «капитализм» и «социализм» («коммунизм») стали понимать совершенно разные, но существовавшие параллельно, антагонистические системы управления человеческими сообществами.

По сути дела, теоретиками научного коммунизма было заявлено, что человечество коренным образом будет изменяться, а именно капитализм постепенно будет стагнировать, и все больше и больше стран мира будут выбирать социалистический способ существования, и в будущем для всего человечества на определенном этапе засияют звезды коммунизма. И в советском государстве целое полное поколение (формально – 74 года, с 1917 по 1991 гг.) рождалось, росло и умирало в условиях тотально продвигаемой монополюс правящей КПСС единственно и публично допустимой социалистической (коммунистической) идеологии. Однако, несмотря на это, в 1991 г. СССР распался, и российский народ с необыкновенной легкостью 12 декабря 1991 г. проголосовал за новую Конституцию России, в которой ни слова не было про социализм, но совершенно четко закреплялся капитализм даже без употребления термина «капитализм» (ст. 8, 9, 13, 15, 29, 34, 35 и др.).

В целом же, на наш взгляд, в XX в. совершенно неоправданно акцентировалось внимание на различии между капиталистическими и социалистическими странами, то есть, преобладал политико-экономический критерий (наличие или отсутствие частной собственности на средства производства, идеологического монополизма и др.).

Между тем, как представляется, капитализм и социализм не определяют существенных различий между странами, называющими себя социалистическими, и странами, называющими себя капиталистическими. Значительно более существенными являются другие критерии, среди которых культура общества, менталитет народа, что складывается и закрепляется в течение многих веков.

Рассмотрим эти критерии на примере отношений между Россией и Западом (имея в виду прежде всего Европу) с точки зрения основных тенденций их исторического развития.

Так, к середине XVII в. сложилось централизованное Русское государство с уникальными характеристиками, в частности, на планете появилось крупнейшее по территории суверенное государство, где уже несколько веков живут более ста этносов. К этому следует добавить, что в то время (XVII-XVIII вв.) в основном завершился территориальный передел мира, началось активное, в привычных сегодня формах, развитие международных отношений. Россия вступила в этот процесс в качестве одного из ведущих игроков на мировой политической арене. При этом, на рубеже XVII-XVIII вв. были созданы два основных центра влияния на мировое развитие: Европа (Англия, Испания, Франция, Португалия, Дания, Швеция и др.) и Россия, причем европейские государства, несмотря на локальные войны друг с другом, представляли собой единый вид культурной цивилизации (создание Европейского Союза в середине XX в. подтверждает это). Российская цивилизация также приобрела свою специфику, которая обозначается как евразийство, и, в отличие от европейского мира (Запада), в России сложилась очень прочная абсолютная монархия. Тогда эти два глобальных цивилизационных центра еще не сталкивались

друг с другом, поскольку свободного территориального пространства еще хватало сильным государствам.

Ни о каком капитализме и социализме тогда не было речи – все страны с разной степенью успеха развивались по капиталистическому пути. Однако схожесть не устраняла различий – применительно к России управление огромными территориями было невозможно без жесткой централизации власти, и, соответственно, права человека, если использовать современную терминологию, уходило на второй план, то есть ценность государственной территории была выше ценности человеческой личности, что вполне устраивало правящую элиту, поскольку давало возможность обогащаться за счет провинций. Такой подход усугублялся доставшейся от монгольского влияния восточной составляющей в менталитете российского общества.

Соответственно, глобальное развитие осуществлялось двумя параллельными потоками. Первый поток – европейский, в рамках которого Европа, обладавшая морскими портами и соответственно более эффективными водными транспортными путями, сумела привнести свои ценности на американский континент, Австралию, значительную часть Азии и Африки, то есть, по сути, преобладающую часть земного шара. Второй поток – российский, в рамках которого Россия, в дополнение к сибирско-дальневосточным землям, присосла еще несколькими территориями, включая Украину, Прибалтику и другие земли.

Указанные обстоятельства показывают, что в то время главным критерием «успешности» развития в глобальном масштабе являлся территориальный признак. Объединенная, состоящая из нескольких государств Европа (европейская цивилизация) по сравнению с Россией в этом смысле преуспела, однако если иметь в виду размер присоединенной новой территории из расчета на одно государство, а не на цивилизацию, то, безусловно, Россия вырвалась далеко вперед (по Л.Н. Гумилеву это произошло на пике пассионарности российского суперэтноса [1, с.59]). Квинтэссенцией стремления России расширить

территорию своего государства можно считать, очевидно, неосуществленное намерение Екатерины II завладеть Босфором и Дарданеллами (тут важен сам факт постановки такой цели в связи с провозглашением России «Третьим Римом») [2, с. 36].

Уже в начале XIX в. довольно четко сформировались две крупнейшие цивилизации – европейская и российская, которые стали конкурировать и по многим позициям противопоставляться друг к другу, причем, еще раз обратим внимание, будучи капиталистическими странами (стадия раннего капитализма). Об этом свидетельствуют не только войны (война с Наполеоном, Крымская война, война с Японией), но и культурно-политическое состояние российского общества, в частности, можно отметить появление среди интеллигенции движений славянофилов и западников, художественные произведения, где находило отражение это состояние (стихотворение А.С. Пушкина «Клеветникам России» и др.).

Особость России здесь заключалась и в том, что ее некоторые внешнеполитические успехи сопровождались ослаблением и ухудшением внутреннего положения. Восстание декабристов показало, что без реальных реформ демократического характера Россия может выпасть из общемирового пути развития. Однако укоренившееся крепостничество, привилегии аристократии, ее неспособность понять динамику общественного развития и отказаться в пользу народных представителей от «данной свыше» миссии управлять государством [3, с. 79], существенно ослабили страну, и на этом фоне даже отмена крепостного права и иные реформы второй половины XIX в. уже не могли изменить тенденцию по ухудшению ситуации (поражение в Крымской войне, террор народолюбцев и др.).

В результате произошедших по указанным причинам революций 1917 г. Россия надломилась территориально (потеря Польши, Финляндии). Большевики объявили о неизбежности мировой социалистической революции. Однако, эта концепция оказалась нежизнеспособной, и уже к 1930 г. о мировой революции практически перестали говорить.

Фактически СССР, будучи страной победившего социализма, в этом смысле противопоставлял себя капиталистическому Западу.

Но это разве было ново? Нет. И в период империи Россия также противопоставлялась Западу, хотя и со своими особенностями, что выше было показано. Одна из особенностей заключалась в том, что при СССР такое противопоставление было более четким, зримым: одна система – социалистическая, другая – капиталистическая, и между ними велась известная «холодная война». Причем период советского государства можно, вероятно, считать попыткой осуществить идейно-политическую (социалистическую, коммунистическую) глобализацию, которая, впрочем, не удалась, и опять же, в силу догматического восприятия и переоценки единственного, как считала партийно-советская руководящая верхушка, направления, по которому непременно должны следовать все народы и государства. Некоторый период (очевидно, до семидесятых годов) идея коммунизма оставалась еще привлекательной, однако последовавший период кризиса экономики и несбываемых обещаний (в их числе такое фундаментальное обещание, как построение материально-технической базы коммунизма к 1980 г., о чем на весь мир было провозглашено на съезде КПСС в 1961г.) разрушил у советских людей веру в эту идею.

Результатом стал распад СССР в 1991г., после чего Россия провозгласила себя страной капитализма (на уровне Конституции России 1993 г.), имея цель войти в единое общее мировое капиталистическое пространство.

Однако, несмотря на возвращение России в капиталистическое лоно, противопоставление России и Запада не прекратилось. А имевший место в 1990-е гг. непродолжительный прозападный вектор с 2000 г. вновь стал смещаться позиционированием России на более весомую роль в процессе глобализации, что привело к существенному охлаждению отношений России и Запада, введению санкций и т.д. (в настоящее время это наглядно демонстрируют военно-политические события 2022-2023 гг.). А ведь и Россия, и США, и европейские

страны – это капиталистические страны, но эта их общность (капиталистический способ производства) отнюдь не устранил цивилизационного противопоставления России и Запада – такое противопоставление было и в период капиталистической Российской империи, и в годы социалистического СССР. И вот – новый виток противопоставления уже в годы снова капиталистической постсоветской России.

Между тем на фоне указанного противопоставления значительно укрепилась мощная восточная цивилизация – Китай, который уже по многим параметрам обгоняет и лидера Запада США, и Россию [4, с. 140] (причем Россия и Китай, будучи социалистическими странами, также вступали в конфликт, что лишний раз подтверждает, что критерий относимости страны к капитализму или социализму не является существенным). Не тесновато ли будет трем «медведям» (Россия, Запад, Китай) в одной «берлоге» (планета Земля)? При этом мы не абсолютизируем противоречия между ними – указанные страны сотрудничают по многим направлениям (экономика, спорт и др.). Однако коренные цивилизационные отличия как были, так и остаются. Произойдет ли конвергенция в будущем? Такой результат был бы, на наш взгляд, оптимальным, он позволит достичь «гуманистического миропорядка» [5, с. 29]. Но для этого нужна воля правящих элит всех геополитических субъектов, а вот этой воли как раз и недостает. Остается надежда на гражданское общество в указанных странах, которое подвигнет свои правительства искать пути только мирного сотрудничества.

Литература

1. *Гумилев Л.Н.* От Руси до России: Очерки этнической истории. СПб: Юна, 1992. 272 с.

2. *Бугай Н.Ф.* Русские – государствообразующая нация: проблемы, детализация, итоги // Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. № 5/1. С. 30-42.

3. *Жуков Д.С., Зудов Н.Е.* Избирательное право и парламентаризм в самоуправляющихся колониях британской империи (вторая половина XIX века) // *Pro Nunc. Современные политические процессы.* 2006. № 1 (4). С. 75-82.

4. *Петруня О.Э.* Перспективы сотрудничества Китая и ЕС в условиях столкновения их глобальных интересов на евразийском пространстве // *Актуальные проблемы Европы.* 2012. № 1. С. 115-143.

5. *Тихонова В.А.* Культура в контексте противоречий глобализационного процесса // *Вестник МГУКиИ.* 2019. №2. С. 22-29.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОМБИНАТОРИКА ПОСТИСТОРИИ

Фатенков Алексей Николаевич

доктор философских наук, профессор

Национальный исследовательский Нижегородский

государственный университет

им. Н.И. Лобачевского,

e-mail: fatenkov@fsn.unn.ru

г. Нижний Новгород

Аннотация

В критическом ключе даётся характеристика постистории. Подчёркивается её гипертрофированная политизированность и склонность к образованию кентаврических политических структур. В этой связи осмысливается феномен либерал-фашизма. Его альтернативой, не укладывающейся, однако, в логику истории и постистории, рассматривается социализм с человеческим лицом.

Ключевые слова: постистория, гипертрофия политического, либерал-фашизм, социализм с человеческим лицом.

POLITICAL COMBINATORICS OF POST-HISTORY

Fatenkov A.N.

DSc in Philosophy, Professor

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

e-mail: fatenkov@fsn.unn.ru

Nizhny Novgorod

Abstract

Post-history is critically characterized. Its hypertrophied politicization and tendency to form centauric political structures is emphasized. In this

regard, the phenomenon of liberal fascism is conceptualized. Its alternative, which, however, does not fit into the logic of history and post-history, is socialism with a human face.

Keywords: post-history, hypertrophy of the political sphere, liberal fascism, socialism with a human face.

Постистория – это история после её спекулятивного конца. И это эпифеномен постмодерна. Впрочем, вертикаль может быть перевёрнута – и тогда уже постмодерн, наследующий собственно историческому модерну, оказывается по отношению к постистории в роли эпифеномена. История и модерн изрядно политизированы. Постистория и постмодерн гипертрофированно распространяют властные отношения вплоть до микропор общества. Такая возможность достигается варьированием внешнего принуждения и имплантированием подчинения внутрь социальных групп и индивидов. К старым технологиям властвования добавляются новые, *IT* формата. Одним из ключевых факторов, обеспечивающих правящему классу режим гегемонии, выступает потенциальная готовность фигурантов постистории/постмодерна к склейке разрозненных элементов всех, прежде всего главных, конечно, мировоззренческих и политико-идеологических матриц, сложившихся в эпоху модерна. На практике, однако, преимущественно актуализируется одна комбинация. И этот доминирующий сценарий, вызывающий опасения, не вполне случаен.

В модерновом обществе ведущими соперничающими политико-идеологическими парадигмами выступают социализм (коммунизм), либерализм и фашизм. (В настоящей работе фрагментарно используется опубликованный текст автора [7].) Конец истории ознаменовался победой либерализма. Но она оказалась пирровой. Предвосхищая ситуацию, выразительно описал её ещё в начале 1940-х годов Пьер Дриё ла Рошель: «Коммунизм мёртв, и фашизм тоже, а старый либерализм, измождённый, хихикает у себя в уголке и не знает, что уже ни на что не похож» [4, с. 382]. Однако в координатах постмодерна эта выхолощенность и непохожесть ни на что (пусть даже не полная, а частичная)

предоставляет их носителю зримые преференции в виде предрасположенности к вариативной сочленённости с чем угодно.

Либерализм, каким он добрался до времён постистории, сочетает в себе установку на формальное равенство всех граждан перед законом с апелляцией к свободе индивида в рамках практического разума кантовского толка и с особыми правами социальных меньшинств. Как ни парадоксально на первый взгляд, постмодерновому либерализму заключить альянс с фашизмом куда проще, нежели с социализмом. Стоит только включить в круг социальных меньшинств группировки правящего слоя (а они в самом деле количественно невелики) и, вдобавок, контекстуально манипулировать природно-биологическим фактором (с атрофией его в киберполитике и гипертрофией в биополитике), как стыковка на социальной орбите либерализма и фашизма становится весьма вероятной. И ещё аргумент. Формально-законническая доминанта либерализма, тенденциозно индифферентная к содержанию правовых норм, нигилистична в своём пределе. Встречным образом нигилистичен и фашизм, что признаёт и упомянутый выше экстравагантный французский интеллектуал. «Мы не будем сражаться за то или за это. Мы будем сражаться против всех. Это и есть фашизм» [5, с. 129] – но это есть и нигилизм, без сомнения. Нигилизм, прикрытый фиговым листком тотальности масс. Акции либерал-фашизма идут вверх по мере нарастания прессинга формализации над процессом и состоянием содержательного труда, иными словами, по мере умаления и драпировки социалистических ориентиров общественной жизни.

Социализм – и в неутопически мыслимой его сущности, и в практике его строительства – притязает на преодоление нигилистических тенденций в человеческом сообществе и на укрепление неформального единения людей. Историческое поражение социалистической стратегии – выказывающее, быть может, не столько изъяны собственно социализма, сколько изъяны самой истории – было вызвано не в последнюю очередь чрезмерной технологизацией и формализацией

воплощаемого проекта, что нашло своё выражение помимо прочего в абсолютно бесперспективном намерении экономически тягаться с капитализмом. Редукция практики к технологии фатальна для социализма и сподручна для его конкурентов – фашизма и, прежде всего, либерализма.

Фашизм, в трактовке Ги Дебора, есть *«технически оснащённая архаика»* [3, с. 67]. Соглашусь и продолжу. Либерализм, по крайней мере в одной из смысловых проекций, есть технологически воспроизводящая отчуждение инноватика. Данное определение совпадает с определением капитализма, аутентичной социально-политической стороной которого, феномена социально-экономического, либерализм и является. Остаточные симпатии к либерализму – в память о временах противостояния с засильем фидеизма, клерикализма и сословного неравенства – обусловлены приватизированным им брендом свободы. Но она здесь содержательно скудна. И сопрягается не с лицом и не с полнокровной натурой человека, а с имиджем, персональным товарным знаком. Вместо свободы «для» – свобода «от». Но не от эксплуатации и товарного фетишизма, не от торговли собой, а от их радикального устранения. Свободы, задекларированной либерализмом, хватает лишь на сопротивление феодализму и его рудиментам – с капиталистическими несвободами ей никак не совладать.

Возникающий кентавр либерал-фашизма не чета археоавангарду, той синтетической композиции, которая намеревается выйти из-под опеки технологического детерминизма и, недовольная перетеканием истории в постисторию, а не исключено и самой исторической процессуальностью, ратует за нерасторжимость содержания и форм жизни. Если археоавангард обращается к прошлому и будущему, чтобы по максимуму снять отчуждение в настоящем, теперешнем состоянии общества, то либерал-фашизм оглядывается назад и заглядывает вперёд, чтобы путём рекомбинаций сохранять, умножать и капитализировать отчуждённость. Археоавангард, не закрывая глаза на проблемные места гуманизма, никак не посягает на априорную ценность

человечности. Либерал-фашизм сдаёт и гуманизм, и человечность в угоду трансгуманистической сингулярности. Технологическая каузальность приближается тут к своему апогею.

Шарнирная конструкция либерал-фашизма эффективно чередует правовые и внеправовые приёмы принуждения. Закон, исторически призванный вроде бы строго блюсти границу между правом и бесправием, в постисторических реалиях эту границу размывает. Джордж Агамбен показывает, как в прошедшие пару лет в Италии в условиях объявленной пандемии правительственные распоряжения с размытыми формулировками способствовали широкомасштабному распространению чрезвычайного положения и превращению его в политическую норму. Играя на опасениях людей за собственное здоровье, власть предержавшие через подручные СМИ нагоняют в общество страх, разобщают граждан и ставят их посредством цифровых технологий под полный контроль, попутно снимая с себя ответственность за развал медицины (см.: [1]). Для постисторического правящего класса человеческий индивид – потенциальный носитель болезнетворного вируса и актуальный носитель крамольного вируса содержательной свободы. Становящееся нормой чрезвычайное положение, о котором с либеральными интонациями говорит итальянский философ (перетолковывая определённым образом соответствующий концепт Карла Шмитта), и есть актуализированный либерал-фашизм.

Шмиттовская концепция поправу поименована самим её автором политической теологией. Подлинным сувереном, то есть тем, кто принимает решение о чрезвычайном положении – абсолютном исключении, которое онтологически первичнее любой нормы (см.: [8, с. 15–29]), – может быть только Бог. Другими словами, трансцендентный абсолют, пребывающий в вечности. В его воле вводить чрезвычайное положение какое угодно количество раз, лишь бы эти акции не выродились в закономерность. И каждое состояние тварной реальности после такого незакономерного акта будет и впрямь исключительным. В исторически текущей посюсторонности с её существенно

разнящейся событийностью абсолютного (или близкого к тому) исключения достичь невозможно. Оно не может быть ни однократным (иначе его со временем не отличить от нормы), ни многократным (иначе оно априори нормировано). В состоянии постистории – когда что-то происходит, но по существу не меняется ничего – пародийно-спекулятивное чрезвычайное положение, увы, с вполне реальными жертвами, получает постоянную прописку. И оно, что неудивительно, сливается с нормой. Постистория – это и закономерный эпилог исторического процесса, и трагикомичное его исключение.

Возвращаясь к кентаврическим структурам, характерным для постистории, критического внимания заслуживает не запрещённая её логикой сцепка либерализма с социализмом, намекающая на возможность либерального социализма, который порой пытаются подать как социализм с человеческим лицом. И поддавшихся соблазну, надо признать, немало.

Социализм с человеческим лицом, пожалуй, и вправду самый привлекательный общественный проект из всех известных. Это аутентично социалистический проект, ничуть не нуждающийся ни в либеральных, ни в каких-либо иных вкраплениях. А как же коммунизм? Он не цель, а средство; утопическое, но отнюдь не эфемерное средство укрепления позиций человеческого социализма – не утопического (от внутренних противоречий ему не избавиться), не религиозного (какой смысл в спасении, если оно невозможно без греха)... и не научного (пути науки и гуманизма расходятся сегодня всё дальше и дальше).

Социализм с человеческим лицом – экзистенциально-философский... и незатейливо-житейский. Не либеральный: без манерного трепета касательно меньшинств и «законотворчества». Он, в существенной своей доле, вообще не политический: в нём господство человека над собой рангом выше господства над другими. Схожий смысл, выраженный в контексте приоритета социального, обнаруживаем, кстати, в марксистском тезисе об отмирании государства.

Понимаю, что рассуждения о человеческом социализме фундированы лишь желанием и надеждой на счастливый случай, способный вмиг развернуть социальную событийность. Да, никакой апелляции к необходимости. Той обычно пытаются оправдать многочисленные жертвы. И никакой мелочной расчётливости. Той немало в прежних утопиях и в нынешних «дорожных картах» инноватики. В фетишизированной эффективности, пожирающей справедливость. Западняя расчётливости подталкивает человека к отказу от себя и переходу в постчеловеческое состояние. И эта западня вот-вот захлопнется.

Постисторическая среда чужеродна человеческому социализму. Фундаментальная проблема, однако, в том, что и в самой истории социализму неуютно. Ему мало быть процессом – желательно стать состоянием. Процессуальность есть атрибутивная черта коммунизма (см.: [6, с. 34]) – состоянием тому становиться, действительно, незачем (воплощённая утопия оборачивается антиутопией). Надежды Гегеля и Маркса на продуктивное снятие предыстории собственно историей, скорее всего, несбыточны. Пресловутое «пост», от которого в прогрессистско-исторической логике никуда не деться, окончательно рушит эти надежды.

Имеются ли хоть какие-то шансы на изменение общественной ситуации к лучшему? Минимальные шансы имеются всегда. Вычитал недавно у Даниэля Бенсаида: «...Судьба всякой борьбы – быть асимметричной, а задача всякого освобождения – обратить слабость в силу» [2, с. 32–33]. Может, и верно... Во всяком случае, линейные и зеркальные решения здесь точно не подойдут. Понятно, что от исторических и постисторических детерминаций человеку полностью не избавиться. Остаётся, по крайней мере, крепко держаться за приоритет жизни, по отношению к которой – и это стоит продумать – история предстаёт лишь её превращённой или даже отчуждённой формой.

Литература

1. Агамбен Дж. Куда мы пришли? Эпидемия как политика / Дж. Агамбен, пер. с ит. В. Данилова. М.: Ноократия, 2022. 144 с.

2. *Бенсаид Д.* Спектакль как высшая форма товарного фетишизма / Д. Бенсаид, пер. с фр. С. Денисова. М.: Институт Общегуманитарных Исследований, 2012. 128 с.
3. *Дебор Г.* Общество спектакля / Г. Дебор, пер. с фр. С. Офертаса и М. Якубович; ред. Б. Скуратов. М.: Логос, 2000. 184 с.
4. *Дриё ла Рошель П.* Дневник 1939 – 1945 / П. Дриё ла Рошель, пер. с фр. под ред. С.Л. Фокина. СПб.: Владимир Даль: Ювента, 2000. 603, [5] с.
5. *Дриё ла Рошель П.* Фашистский социализм / П. Дриё ла Рошель, пер. с фр. А.В. Шестакова. СПб.: Владимир Даль, 2001. 245, [3] с.
6. *Маркс К., Энгельс Ф.* Немецкая идеология // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. – М.: Госполитиздат, 1955–1981. Т. 3. С. 7–544.
7. *Фатенков А.Н.* Политический кентавр постистории и его идеологический антураж / А.Н. Фатенков // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2023. № 1 (61). С. 173–175.
8. *Шмитт К.* Политическая теология / пер. с нем. Ю. Коренца // Шмитт К. Политическая теология. Сборник. М.: КАНОН-пресс-Ц, 2000. С. 7–98.

**СЛЕЖКА И КАПИТАЛИЗМ:
АНАЛИЗ СОВРЕМЕННЫХ ОГРАНИЧЕНИЙ СВОБОД
В КОНТЕКСТЕ ПОСТПРАВДЫ**

Федотов Дмитрий Леонидович
аспирант кафедры общей философии
Казанский (Приволжский) федеральный университет
e-mail: Fedot1917@yandex.ru
г. Казань

Аннотация

Статья посвящена вопросу надзора при капитализме – явления, получившего широкое распространение с начала XXI века. Мы попытаемся указать на опасность информационных технологий, которые развиваются под влиянием крупнейших IT-корпораций в настоящем направлении. Они несут идеи датаизма и пост-правды, которые все больше колонизируют жизненное пространство человека. Складывается ситуация, что информация (следы в сети), которую пользователи оставляют при работе в интернете, является источником прогнозирования их поведения в будущем (рынки поведенческих фьючерсов). Таким образом, для наиболее развитых интернет-предприятий в мире они становятся мотивом нарушения чувства свободы и безопасности пользователей, влекущие экзистенциальные проблемы (невроты, паранойи, страхи). В результате под воздействием пост-правды, присутствующей в Интернете, поведение людей может принимать самые социально нежелательные формы, но положительно принимаемые в виртуальном мире.

Ключевые слова: капитализм, надзор, датаизм, пост-правда, поведенческие модификации, экзистенциализм.

SURVEILLANCE AND CAPITALISM: ANALYSIS OF MODERN LIMITED FREEDOM IN THE CONTEXT OF POST-TRUTH

Fedotov Dmitry Leonidovich
Postgraduate Student, Assistant
of the Department of General Philosophy
Kazan (Volga Region) Federal University
e-mail: Fedot1917@yandex.ru
Kazan

Abstract

The article is devoted to the issue of supervision under capitalism, a phenomenon that has become widespread since the beginning of the 21st century. We will try to point out the danger of information technologies that are developing under the influence of the largest IT corporations in this direction. They carry the ideas of dataism and post-truth, which are increasingly colonizing the living space of a person. There is a situation that the information (traces on the network) that users leave while working on the Internet is a source of predicting their behavior in the future (behavioral futures markets). Thus, for the most developed Internet enterprises in the world, they become a motive for violating the sense of freedom and security of users, entailing existential problems (neuroses, paranoia, fears). As a result, under the influence of the post-truth present on the Internet, people's behavior can take the most socially undesirable forms, but positively accepted in the virtual world.

Key words: capitalism, surveillance, dataism, post-truth, behavior modification, existentialism.

Введение

Отправной точкой для рассуждений в статье является капитализм наблюдения. Размышления об этой форме капитализма уже

присутствовали у классических левых критиков, таких, как Теодор Адорно, Жан-Поль Сартр, однако, популяризирована она Шошаной Зубофф в труде «Эпоха надзорного капитализма» [1] и австрийским исследователем интернета Кристианом Фуксом [см.:2]. Этот термин используется, чтобы с иных сторон продемонстрировать такой характер капитализма, как вмешивание в жизнь, а точнее в свободу пользователей, которая, согласно экзистенциалистам, есть основная характеристика человеческого существования. Как указывает Зубофф, появление несуществующих в XIX и XX веках инструментов, направленных на доминирование над мышлением общества путем воздействия на человеческую психику, усугубило проблему надзора. Это делается на основе нарушения институционального равновесия [см.:3] путем внесения поведенческих модификаций, что стало возможным в результате цифровизации всех сторон жизни.

С развитием пандемии возникли ситуации, связанные с проявлением надзорного капитализма через деятельность ТНК и их манипуляции нашими чувствами свободы и безопасности. Это привело к явлениям датаизма и пост-правды, которые угрожают обществу из-за манипуляции человеческим поведением, широко распространенным в Интернете. Тимоти Бернерс-Ли [см.:4] подчеркивает, что будущее общества в Интернете зависит от алгоритмов социальных сетей, которые могут быть и конструктивными, и деструктивными. Рекомендательные алгоритмы, предназначенные для помощи пользователям, могут также воздействовать на то, что они выбирают и потребляют, вмешиваясь в их поведение. Тут можно уловить потерю аутентичности, о которой писал Серен Кьеркегор. Подлинность означает быть верным самому себе и своим убеждениям. Он утверждал, что человек должен принимать решения, основанные на своих собственных ценностях и убеждениях, а не поддаваться внешним влияниям [см.:5, с.30].

Сущность надзорного капитализма

Наблюдение в наиболее сжатом виде можно определить как комплекс мероприятий, направленных на наблюдение за поведением отдельных лиц или общества в целом. Этот процесс чаще всего наблюдается в действиях крупных IT корпораций, связанных со сбором данных. Здесь исследуемый феномен проявляется в двух формах: надзорный капитализм и наблюдение при капитализме.

В работе «Эпоха надзорного капитализма» Зубофф представляет несколько определений надзорного капитализма. 1) это новый экономический порядок, использующий человеческий опыт в качестве сырья для скрытых коммерческих практик; 2) это способ производства, где изготовление товаров и услуг связано с изменением поведения; 3) это модель капитализма с уникальной концентрацией богатства и знаний [см.:1, с.10].

Если объединить перечисленные выше условия надзорного капитализма, то окажется, что они всесторонне демонстрируют возможности ограничения свобод человека. Надзорный капитализм функционирует и развивается благодаря «алгоритмическим обработкам в облаке».

Последовательно по мере того, как императивы надзорного капитализма вместе с материальной инфраструктурой сбора и реализации начинают функционировать как единое целое, в XXI веке появляются «меры модификации поведения». Целью этих усилий является не навязывание таких стандартов поведения, как подчинение или послушание, а, скорее, создание поведения, которое надежно, окончательно и без сомнений приведет к желаемым финансовым результатам [см.:1]. Рассматриваемое явление имеет потенциально опасные последствия, поскольку технологические инновации не используются в качестве инструментов, способствующих позитивным изменениям и социальному развитию. Это связано с тем, что технологии наблюдения обусловлены императивом капитала.

Если, для лучшего понимания проблемы, мы проведём аналогию со структурой развития формаций из «Манифеста коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса, то сможем проследить путь от традиционного капитализма к надзорному. Из главного отметим:

1. Буржуазия создала огромные города, в высокой степени увеличила численность городского населения по сравнению с сельским и вырвала таким образом значительную часть населения из идиотизма деревенской жизни [см.: 6]. Этим была разрушена архаичная коллективность, появляется тенденция к индивидуализации.

2. Корпорациями пропагандируется индивидуализация, которая заставляет бороться за обеспечение достойной жизни, в то время как на каждом шагу пользователи сталкиваются с тем, что их рассматривают лишь как строительный материал.

3. В такой новой экономике данные пользователей используются против них самих и не доступны им.

Это не полный список всех опасностей, которые возникают в результате развития надзорного капитализма, но есть опасение, что они повлекут за собой все большие и большие проблемы отнюдь не экономического характера.

Датаизм против надзорного капитализма

Следует объяснить разработку и использование технологий коммерческого наблюдения, что также требует оценки степени обеспечения социального контроля или направления изменений в повышении эффективности бюрократии [см.: 7]. Расширение существующих информационных систем и разработка новых систем наблюдения обусловлены различными типами социальных изменений, которые усиливают использование персональных данных и игнорируют проблемы конфиденциальности. Этот процесс долгосрочный, но именно технологии имеют решающее значение с точки зрения создания новых условий для общества.

Информационное предпринимательство существует в экономической системе, где люди и организации получают выгоду от использования или продажи информации [см.: 8]. Такая практика полезна из-за многих социальных изменений, произошедших за последнее столетие.

При надзорном капитализме, хотя и предоставляются различные бесплатные цифровые услуги, компании, стоящие за ними, рассматривают пользователей как бесплатный товар. Пользователи сами становятся объектом поиска, каждое их действие контролируется и используется для сбора информации. Эта практика скрыта в корпоративных политиках конфиденциальности, фактически превращая их в политику контроля.

Эти процессы порождают ошибочное представление, что частная собственность действительно приватная. Например, Delta Airlines внедрила биометрическую систему (сканирование по лицу) в аэропорту Атланты, и большинство клиентов выбрали этот процесс для экономии времени. Однако быстрое распространение систем распознавания лиц вызывает общественно значимые вопросы, так как корпорации собирают биометрические данные пользователей и используют их шире, чем эти пользователи думают [см.: 9].

Частная собственность не является частной, поскольку эффективность частных систем наблюдения и контроля во многом зависит от нас самих, когда мы выдаем различные виды информации, остающиеся в частной сфере.

Когнитивное неравенство

Мы вступаем в третье десятилетие перемен, отмеченное новой грубой формой социального неравенства, которую лучше всего понимать как когнитивное неравенство [см.:1, с. 63].

Корпорации наблюдения используют неравенство доступа к знаниям для увеличения прибыли и контроля над пользователями. Надзорный капитализм вмешивается в поведение пользователей для

коммерческих целей, создавая угрозы. Это происходит через корпорации, от которых зависят пользователи в общественной жизни. Капитализм наблюдения действует в цифровой сфере, собирая данные и создавая неравенство в доступе к знаниям. Кьеркегор писал, что знание и свобода диалектически связаны. Отсутствие же указанной выше потребности свидетельствует о низком уровне развития человека как личности и, следовательно, его свободы, а также, следовательно, низком уровне развития того общества, которое не может обеспечить индивиду исполнения этой его личной и социальной необходимости, а потому и не является человеческим [см.: 5, с. 48].

При информационном капитализме не поднимаются вопросы, относительно ключевых проблем, такие, как энергетика, климат или бедность. Пользователи используют услуги из-за ограниченных альтернатив и недостаточного осознания надзорного капитализма. Для решения проблем когнитивного неравенства необходимо расширить законы о конфиденциальности и антимонопольное законодательство, включая ограничения на надзор и права на информацию.

Пост-правда как манипуляция капитализмом наблюдения

Концепция пост-правды символизирует широкие процессы и трансформации, происходящие в разных сферах жизни, особенно в политике. Эти последствия разрушают общественную жизнь, и это явление связано с развитием манипулятивного капитализма [см.: 10].

Благодаря манипулированию, сегодня целые общества способны жить в пост-правде [см.: 11]. Это явление можно определить, как психическое состояние, при котором человек признает истинными не те сведения, которые соответствуют фактам, а те, которые ему желательны, содержание которых ему нравится, поскольку оно соответствует его эмоциям. Понятие пост-правды расплывчато и многогранно [см.: 10]. Говоря словарным языком, пост-правда относится к обстоятельствам или обозначает обстоятельства, при которых объективные

факты оказывают меньшее влияние на формирование общественного мнения, чем обращение к эмоциям и личным убеждениям.

Проблема пост-правды не ограничивается онлайн-активностью преследуемых личностей; значительное влияние оказывают большие медиакорпорации, затрагивая крупные сообщества. Пост-правда не только распространяет ложь в различных сферах, но также ослабляет роль аргументов, фактов и науки в пользу эмоций и иллюзий. Фуллер подчеркивает, что пост-правда не просто пренебрежение истиной; он ссылается на то, что даже во времена Платона определение знания звучало как оправданная истинная вера [см.:10].

IT компании склонны не только коммерциализировать свои знания, что не обязательно предосудительно, но и используют эти знания иногда в морально сомнительных целях. Это блестяще продемонстрировали два лауреата Нобелевской премии по экономике: Акерлоф и Шиллер [см.: 12].

Подводя итог, следует сказать: если внимательно посмотреть на феномен пост-правды, можно обнаружить, что это – продукт современной цивилизации, ориентированной на быстрый доступ к информации. И подобное стало возможным благодаря интенсивному развитию надзорного капитализма. Интернет как «общественное пространство» и как инструмент пропаганды стал пространством контроля нашего поведения; он порождает сомнения в добровольности нашего выбора и в нашей свободе.

Заключение

Надзор при капитализме – тревожное явление. Его эффектом становится все более очевидное манипулирование пользовательским поведением в результате распространения идей датаизма и пост-правды. Их воздействие на психику людей является следствием развития информационных технологий, которые не всегда служат пользователям для получения, отбора и обработки информации в направлении, улучшающем качество жизни. В действительности, часто имеет место

неправильная интерпретация полученных данных. В силу этого сомнительная информация должна быть проверена, обнародована и исключена из общественной жизни, поскольку она оказывает существенное влияние на ограничение, в первую очередь, личной свободы и безопасности. С другой стороны, следует отметить, что надзорный капитализм способствовал распространению датаизма и пост-правды в результате неспособности остановить подавляющий поток информации (часто с непроверенным источником происхождения).

Литература

1. *Зубофф Ш.* Эпоха надзорного капитализма: битва за человеческое будущее на новых рубежах власти / Ш. Зубофф. М.: Издательство Института Гайдара, 2022. 781 с.

2. *Ивлева М.И.* Социально-философский анализ феномена социальных сетей в творчестве К. Фукса / М. И. Ивлева // Социально-гуманитарные знания. 2020. №5. С. 262-266.

3. *Кондратьева Т. В.* Институциональное равновесие как фактор экономического развития / Т. В. Кондратьева // АНИ: экономика и управление. 2014. №1 (6). С. 59-62.

4. *Brooker К.* "I Was Devastated": Tim Berners-Lee, the Man Who Created the World Wide Web, Has Some Regrets. Vanityfair. 2018. URL: <https://www.vanityfair.com/news/2018/07/the-man-who-created-the-world-wide-web-has-some-regrets> (дата обращения 13.10.2023).

5. *Кьеркегор С.* Болезнь к смерти / С.Кьеркегор. М.: Республика, 1993. 111 с.

6. *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Манифест Коммунистической партии / Маркс К. и Энгельс Ф. – М.: Политиздат, 1972. 64 с.

7. *Михайличенко А.Ю.* Философский анализ социально-культурного континуума тоталитарного общества / А.Ю. Михайличенко // Вестник ТГПУ. 2000. №7 (23). С.24-29.

8. *Серебрякова Т.А, Давыдова В.Р.* Информационные ресурсы как средство поддержки бизнеса и эффективной деятельности предприятия / Т.А. Серебрякова, В.Р. Давыдова // ЭПП. 2021. №12. С. 2775-2790.
9. *Leasca S.* America's First Biometric Airport Terminal Is Officially Opening to All Passengers. Travel Leisure. 2018. URL: <https://www.travelandleisure.com/travel-news/atlanta-biometric-airport-terminal> (дата обращения 13.10.2023)
10. *Фуллер С.* Постправда: знание как борьба за власть / С. Фуллер. М.: ИД ВШЭ, 2021. 368 с.
11. *Ермолин Е. А.* Феномен постправды в историко-культурном горизонте и контексте диалогии / Е.А. Ермолин // Ярославский педагогический вестник. 2021. №5 (122). С.195-202.
12. *Акерлофф Дж.* Охота на простака. Экономика манипуляций и обмана/ Дж. Акерлофф. М.: МИФ, 2017. 320 с.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СТАНОВЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОГО КОНЦЕПТА «СУБЪЕКТ»

Хазиев Мурад Аклимович
аспирант кафедры социальной философии
Казанский (Приволжский) федеральный университет,
e-mail: tomurad@gmail.com
г. Казань

Аннотация

Субъект как носитель сознания и активности (практической, познавательной) – феномен конкретно-исторический и, следовательно, исторически разные способы постановки и решения проблемы субъекта связаны с качественно отличными этапами в развитии культуры, с разным пониманием человека и философскими определениями субъекта.

Наличие в философии множества разноплановых определений понятия «человек» (существо разумное, смеющееся, играющее, плачущее, умеющее расколдовывать мир и т.д.) в том числе заставляет сделать вывод об ограниченности понятия как единицы теоретического анализа проблемы. В качестве выхода из ситуации обоснованно предлагается использование концепта как структурно более сложного и более гибкого когнитивного средства. Считается, что классическое понятие, определяемое двуместной структурой «род - вид» и классическое семиотическое представление о знаке как о трехместном структурном образовании «знак – значение – смысл» жестко, а, значит, однозначно фиксируя сторону/свойство сущего, и понятие, и знак упрощают проблему и, тем самым, уводят познание от истины. Сказанное применимо и к пониманию субъекта, поскольку он – особенный человек, что и предопределило наше внимание к концептуализации как

к способу адекватного отражения происходящих с ним перемен в современном мире.

Ключевые слова: субъект, философские определения субъекта, концепт, концептуализация, субъектность, цифровое общество.

SOME ASPECTS OF THE FORMATION OF THE MODERN CONCEPT «SUBJECT»

Khaziev M.A.

Postgraduate student of the Department of Social Philosophy

Kazan (Volga Region) Federal University

Kazan

Abstract

The subject as a carrier of consciousness and activity (practical, cognitive) is a concrete-historical phenomenon, and, therefore, historically different ways of formulating and solving the problem of the subject are associated with qualitatively different stages in the development of culture, with different understanding of man and philosophical definitions of the subject.

The presence in philosophy of a multitude of diverse definitions of the concept of "man" (a being reasonable, laughing, playing, crying, able to crack the world, etc.), among others, makes us conclude that the concept is limited as a unit of theoretical analysis of the problem. As a way out of the situation it is reasonably suggested to use the concept as a structurally more complex and more flexible cognitive tool. It is believed that the classical concept defined by the two-place structure "genus - species" and the classical semiotic idea of the sign as a three-place structural formation "sign - meaning - sense" rigidly, and, therefore, unambiguously fixing the side/property of being, simplify the problem and, thus, lead cognition away from the truth [1]. The above is also applicable to the understanding

of the subject, since he is a special person, which predetermined our attention to conceptualization as a way to adequately reflect the changes occurring to him in the modern world.

Keywords: subject, philosophical definitions of the subject, concept, conceptualization, subjectivity, digital society

Введение

Быть субъектом это значит обладать волей и способностью к субъектности, т.е. мочь выразить свое «Я» как существо познающее, морально-нравственное, творческое. Следовательно, важным условием субъектности является поиск ответов на известные кантовские вопросы: что я могу знать? что я должен делать? на что я смею надеяться? что такое человек? [см.:1, с. 332]. Эти вечные вопросы требуют конкретно-исторических ответов, что, в конечном счете, дает возможность подойти к определению особенностей современного концепта «субъект» и, в то же время, продемонстрировать его исторические корни [см.:2,3].

Методы

Исходные принципы нашего исследования (назовём здесь два положения марксистской философии: а) человек – общественное существо и б) развитие общества есть естественно-исторический процесс [см.: 4; 5, с.7]) и его цель (исследование генезиса современного концепта «субъект»), прежде всего, предполагают использование, по нашему мнению, метода единства исторического и логического, а также метода сравнительного анализа. Они позволяют обнаружить «узловые точки» проблематизации современного субъекта и выйти на определение соответствующего концепта.

Результаты

Основные результаты нашего исследования вытекают из следующего: современный субъект представляет цифровое общество, которое является следствием революционирующего общества, человека,

общественные отношения способа производства, распределения, обмена и потребления информации (за счет вытеснения естественного интеллекта искусственным: «умной» техникой и технологиями). Это приводит к тому, что:

- цифровизация общества радикально изменяет все сферы жизни, устанавливает качественно иной жизненный уклад людей: социальные отношения в нем в основном воспроизводятся и поддерживаются посредством цифровых технологий (а до этого социальные отношения воспроизводились посредством непосредственного общения и посредством аналоговых технологий);

- в этом обществе виртуализация социального достигает такого уровня, когда виртуальное социальное начинает доминировать над типичным (физическим) социальным; поскольку процессы цифровизации еще только набирают темп, постольку для нынешнего этапа современной цивилизации характерно «гибридное» социальное;

- социальные отношения в этом обществе достигают такой степени опосредствования, когда возникает двойкая ситуация: а) с одной стороны, «рвутся» традиционные связи и отношения между людьми, общество максимально «атомизируется», с другой стороны, существует прямо противоположная тенденция: посредством социальных сетей в интернет – пространстве индивид становится «всечеловеком», т.е. космополитом, человеком мира и, следовательно, перестает быть носителем уникальной культуры;

- цифровизация общества приводит, с одной стороны, к стиранию национально-государственных границ и Земля становится общим домом (глобализация социальных отношений, формирование и усиление общечеловеческих ценностей), с другой – никто не отменял и не отменит «малой Родины» с ее березкой, речкой (локализация, стремление сохранить культурно-цивилизационные ценности);

- другая противоречивая ситуация: вытеснение естественного интеллекта искусственным превращает человека в «лишнее» звено в социальных отношениях и, в то же время, превращает человека в могучего/всесильного сверхчеловека – ведь он волею своей, одним кликом

может изменить судьбы всего мира (напр., хакеры, взламывающие сайты и пароли любой сложности). Следовательно, в цифровом обществе никто не отменял и вряд ли отменит отношения господства и подчинения (точнее – отношения между эксплуататорами и эксплуатируемыми): они становятся более «утонченными», завуалированными, например, за счет пролетаризации работников умственного труда, за счет «промывания» мозгов СМИ (которые монопольно принадлежат кому-то и служат строго определенным интересам);

- еще одна группа проблем, влияющих на становление современного субъекта, связана с гуманитарными аспектами цифровизации общества, такими, как: рост зависимости от технологий, которые необоснованно начинают доминировать в повседневной жизни; небезопасность персональной безопасности в результате кражи персональных данных, онлайн-атак, взлома аккаунтов, целенаправленных оскорблений и угроз и т.д. [см.: 5,6,7,8,9,10].

Обозначенные проблемы актуализируют, прежде всего, современного экзистенциального субъекта. Его интерпретации возможны в пределах известных философских построений: марксизма, ницшеанства, экзистенциализма. Однако признание цифрового общества своеобразной точкой бифуркации в существовании и развитии цивилизации заставляет исследовать становление качественно нового общества (а следовательно, и субъекта современного) с позиции философии нестабильности и возрастания сложности с использованием принципов социальной синергетики: открытости, нелинейности, неравновесия, необратимости [см.: 11,12,13].

Наряду с традиционными цифровое общество актуализирует новые принципы восприятия мира. Среди них такие, как восприятие информации – в цифровом обществе информации стало значительно больше, поэтому человеку необходимо уметь отличать важное от неважного, чтобы избежать перегрузки и сохранить концентрацию; интерактивность – в цифровом обществе много возможностей для коммуникации (человек взаимодействует с социальными сетями, мессенджерами и другими сервисами, не обязательно находясь в одном месте);

реальность – возможность виртуального пребывания в каком-то месте, взаимодействия с виртуальными объектами, знакомства с новыми людьми; скорость и многозадачность – в цифровом обществе человеку приходится справляться с большим количеством задач, используя для этого различные устройства и программы; экономия времени – в цифровом обществе человек сможет быстро получить нужные сведения и сообщения, компьютерные технологии и системы шифрования значительно усложняют процесс передачи информации и ее взлома. Всё это, в свою очередь, иначе заставляет проблематизировать современного познающего субъекта и субъекта логического.

Заключение

В фокусе нашего внимания в исследовании генезиса современного концепта «субъект» были факторы и обстоятельства, вызванные к жизни цифровым обществом как этапом информационной цивилизации. Преимущественно речь шла о познающем и экзистенциальном субъектах. В их интерпретации потенциал известных философских построений по-прежнему востребован. Однако признание цифрового общества своеобразной точкой бифуркации в существовании и развитии цивилизации заставляет исследовать становление качественно нового общества (а следовательно, и субъекта современного) с позиции философии нестабильности и возрастания сложности, с использованием принципов социальной синергетики: открытости, нелинейности, неравновесия, необратимости.

Литература

1. *Кант И.* Логика / И.Кант // Трактаты и письма. М.: 1980 С. 319-444.
2. Лекторский В.А. Субъект в истории философии: проблемы и достижения / В.А. Лекторский // Методология и история психологии. 2010. Том 5. Выпуск 1. С. 5 – 18.

3. Чусов А.С. Современный концепт «субъект» и онтологические аспекты его становления / А.С. Чусов // Методология и история психологии. 2010. Том 5. Выпуск 1. С. 19–31.

4. Маркс К. и Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии / К.Маркс К. и Ф.Энгельс. М.: Политиздат, 1972. 64 с.

5. Маркс К. К критике политической экономики. Предисловие / К. Маркс., Ф. Энгельс//Сочинения: в 50 т. М., 1985. Т. 13. С.5-9.

6. Бостром Н. Искусственный интеллект. Этапы. Угрозы. Стратегии / Н. Бостром; пер. с англ. С. Филина. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016. 327 с.

7. Киященко Л.П. Этнос интегрированного сообщества / Л.П. Киященко // Философские проблемы биологии и медицины. – М.: Ленанд, 2021. – С. 13-17.

8. Сибел Т. Цифровая трансформация. Как выжить и преуспеть в новую эпоху / Т. Сибел; пер. с англ. Ю. Гиматовой. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2021. - 256 с.

9. Скиннер К. Цифровой человек. Четвертая революция в истории человечества, которая затронет каждого / К. Скиннер; пер. с англ. О. Сивченко. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2019. 304 с.

10. Тищенко П. Д. Каков смысл гуманизма в оцифрованном техногенном мире? / П. Д. Тищенко// III Моисеевские чтения: Культура и гуманитарные проблемы современной цивилизации. Доклады и материалы Общероссийской (национальной) научной конференции. М.: Моск. гуманит. ун-т, 2020 С. 41-46.

11. Егоров В.С. Философия открытого мира / В.С. Егоров – Воронеж, 2001. 165 с.

12. Василенко Л.А. Социология неравновесных процессов информационного общества: методологические подходы / Л.А. Василенко // Синергетическая парадигма. Социальная синергетика. М.: Прогресс-Традиция, 2009. С. 49-53.

13. Карпичев В.С. Идея неравновесности – возможности для социологии/ В.С. Карпичев. //Социологические исследования. 2008. №10 (274). С. 23-28.

О ПОПУЛЯРНЫХ СПОСОБАХ ВОСПРИЯТИЯ ПРИРОДЫ

Хаялеева Аделя Камилевна

*ассистент кафедры истории, философии и социологии
Казанский государственный медицинский университет*

e-mail: adel.alpen@gmail.com

г. Казань

Аннотация

Статья посвящена популяризации темы природы в современном философском, историческом, антропологическом дискурсах. Показано, что актуализация природного не является прямой реакцией глобализма. Обнаружено, что существующие подходы к природе не едины в своих основаниях. Одна группа концепций (И. Стенгерс, Б. Латур) основана на восприятии природы как единой силы, отвечающей на человеческое влияние. Вторая группа (Д. Харауэй, Э. Вивейруш де Кастру, А.Л. Цзин) акцентирует внимание на сложных неоднородных отношениях внутри природы, указывает на симпоэтический характер этих отношений. Третий подход (Д. Дебез, В. Бибихин, А. Володина) делает акцент на уникальности каждого способа бытия и восприятия в природе, опираясь на понятия манеры, слабого внимания и др.

Ключевые слова: экология, Гея, Земное, глобальное, локальное, ассамбляжи, становление-с, универсальный маньеризм.

ABOUT POPULAR WAYS OF PERCEIVING NATURE

Khayaleeva A.K.,

Assistant department of History, philosophy and sociology

Kazan State Medical University

Kazan

Abstract

In the article, we investigate the popularization of the theme of nature in modern philosophical, historical, and anthropological discourses. We show that the problematization of the theme of nature is not a direct response to globalism. We divide the existing approaches into three groups. The first group of approaches perceives nature as a single force that responds to human influence. The second group focuses on complex heterogeneous relationships within nature. The third approach focuses on the uniqueness of each way of being and perception in nature.

Keywords: ecology, Gaia, global, local, assemblage, universal mannerism.

Интерес историков, социологов, антропологов (И. Стенгерс [1], Д. Харауэй [1], Б. Латур [2], Д. Чакрабартти [3] и др.) к теме Земного, Геи, Природного, на первый взгляд, объясняется как естественный результат ультра-рационализации эпохи модернизации, глобализации, колонизации. Д. Харауэй говорит о современности как о смутном времени, наставшем после предыдущих антропо-, капиталоченов [1, с. 18], о времени, в котором необходимо обратить внимание на наших компаньонов по выживанию. Оптика нововременного исследователя, указывает Б. Латур, при изучении Земли выстраивалась «с Сириуса» [2, с. 119], то есть, из точки вненаходимости (*ex nihilo*), которая должна была обеспечивать объективность. Такая узкая оптика очевидным образом должна была обнажить свои риски и изъяны, что и произошло в XX-XXI веке – человечество обнаружило, что оно

не просто живет в природе, но является «земным среди земных» [2, с. 149], с которыми необходимо считаться.

Однако Б. Латур показывает, что проявившийся интерес к Земному – не просто ответная реакция на глобализм. В системе политических координат противоположными полюсами в XX веке оказываются «Глобальное» и «Локальное», и оба полюса оказываются недостижимыми. Во-первых, Глобальное неосуществимо как идеал – прогресса, технологий в связи с появившейся критикой колониализма [4], капитализма, выносящего свои производства в страны третьего мира [5], и невозможностью одинакового прогресса во всех точках планеты [6]. Локальное на этой оси формулируется как возврат к некоторой утопии, счастливому нетронутому прошлому, которое также невозможно, так как собственное прошлое флагманов модернизации утрачено, а чужие земли, не подвергнутые насильственной модернизации, уже заселены [2]. Человечество, как указывает Б. Латур, оказывается в ситуации «негативной универсальности», когда всем не хватает земли [2].

Б. Латур настаивает, что помимо точек притяжения Локального и Глобального появились два аттрактора, которые находятся перпендикулярно этой оси – Внеземное и Земное. Земное это не планета, не Земля в привычном понимании, а актер, оказывающий сопротивление и влияние на других участников системы, например, в виде климатических изменений. Как говорит Изабель Стенгерс, её Гея – не кормилица, не пристанище, не ресурс, а угрожающая сила, которая может уничтожить все живое [см. 1, с. 66-67].

С одной стороны, изменение оптики восприятия природы не как фона, а как действующей силы, характерно для теории Б. Латура, который указывает, что необходимо проследивать всех акторов в складывающихся отношениях. С другой стороны, в таком восприятии Земного как единой силы с горизонта пропадают отдельные действующие силы, которые и составляют это Земное.

Среди современных подходов к природе существуют концепции, авторы которых, не отказываясь от общего пафоса катастрофического предчувствия, пытаются построить с природой частные, а иногда даже личные отношения. Если в традиции И. Стенгерс и Б. Латура Гея или Земное все еще аутопоэтично, то уже Э. Вивейруш де Кастру акцентирует внимание на лоскутности, неоднородности, геологической изменчивости Геи, на ее симпоэтическом характере, ссылаясь на некоторые антропологические проекты [7, с. 59-60]. Среди них отметим «феминистический блок» Донна Харауэй – Анна Лёвенхаупт Цзин. Д. Харауэй в сборнике «Оставаясь со смутой» [1] ставит задачу показать частные истории того, как в состоянии неопределенности разрушенного после всяческих «-ценов» мире удастся жить и выживать в сложившихся условиях [1]. Концепты Д. Харауэй текучи и неоднородны, как и сама эпоха, что выражается в способах говорения¹, в практиках – игра в веревочку², и в бытии-с. Д. Харауэй настаивает на том, что сегодня нам необходимы не концептуальные схемы исследования и освоения окружающего мира, а выстраивание связей с соседями в компосте, в котором мы все варимся. Практики мирения (worlding), которые приводит в пример Д. Харауэй, отнюдь не всегда безобидны³ и не всегда приносят ощутимый результат⁴, но как минимум, ставят задачу прослеживать, налаживать, укреплять связи между «сородичами».

---

¹ Термин СФ, который использует Д. Харауэй, относит сразу к нескольким понятиям: спекулятивная фабуляция, сплетенные фигуры, сциентический факт и даже сайнс-фикшн. СФ – это и прослеживание связей, и сама фигура, и становление друг-с-другом.

² Донна Харауэй берет за основу традиционную «игру в веревочку», перенося ее на «мыслительные и созидательны практики», которые помогают плести отношения, выслеживать связи между хтоническими существами.

³ О критике симпоэтических историй Д. Харауэй см. *Подорога Б.В. Перипетии симпоэзиса: размышления об одном понятии из книги Д. Харауэй «Оставаясь со смутой. Заводить сородичей в хтулуцене»* URL: <https://vox-journal.org/html/issues/615/642.html> (дата обращения 20.09.2023).

⁴ Проект «Вязанный коралловый риф» призван обратить внимание на разрушение коралловых рифов: тысячи женщин и мужчин по всему миру вяжут, плетут из нитей, мусора и других материалов разнообразные рифы.

Анна Лёвенхаупт Цзин, автор работы «Грибы на краю света» [5], в своей антропологической исследовательской работе собирает вместе несколько оптик. Например, в книге рассказаны истории совместного проживания и созидания друг друга видами-компаньонами: грибами мацутакэ и соснами. Опираясь на феминистическую оптику, А. Цзин рассказывает не одну историю, а множество сплетенных между собой историй грибов, их сборщиков, охранников, торговцев, получателей и др. Ризоматическая концепция, которая лежит в основе методологии А. Цзин, позволяет говорить об ассамбляжах этих участников, которые возникают и угасают, не составляя устойчивой сети отношений.

Кроме того, Анна Цзин изучает, как среди участников ассамбляжей осуществляются процессы самых разных переводов/переносов. Например, А. Цзин прослеживает цепь переводов, которая происходит на пути превращения гриба мацутакэ из «дара природы» в товар и затем снова в нетоварную форму – в дорогой подарок – всего за несколько часов. Кроме того, А. Цзин задается вопросом, как возможен разговор между принципиально разными «выделами знания», между отдельными людьми и компаниями, преследующими разные цели, и приходит к выводу, что нестройный перевод – это не всегда плохо. Кристальная чистота понятий – это не то, что нам нужно, когда на кону стоит выживание на окраинах разрушающегося мира.

Исследования перевода А. Цзин производит в тандеме с другими исследователями, в частности, с Сихо Сацуки, автором работы «Перевод в природе» [8]. Ее исследование туристического бизнеса в Канаде показывает, что наше восприятие природы не универсально и что необходим перевод в способ восприятия природы представителем другой культуры. В частности, С. Сацуко показывает, какие сложности сопровождали попытки перевода понятия «природа» на японский язык, в котором не существовало слова, которое бы передавало европейское понятие «объективной внешней материальной силы, противоречащей человеческому духу» [8, с. 19]. Для перевода слова «природа» в этом значении пришлось обратиться к китайским иероглифам.

Традиционное понятие природы в Японии неразрывно с человеческой природой, и даже иероглиф, который был принят и утвердился в качестве эквивалента природы – «шизен» – является прилагательным или наречием, которое, как указывает автор, «не проводит различия между объективным внешним миром и внутренним человеческим духом» [8, с. 20]. Кроме того, в японской традиции обращение к природе – например, восхождение на гору, не связано с досуговым или спортивным времяпровождением. Горы – традиционное место для паломничества в Японии, а также пространство для охоты [8, с. 28]. Это же обуславливает разные практики освоения природы: «В то время как охотники пытались стереть свое присутствие и слиться с природной средой, альпинисты использовали горы, чтобы подтвердить свое присутствие как отдельных человеческих существ» [8, с. 31]. Соответственно, исследование С. Сацуки указывает на невозможность прямого доступа к природе, которая всегда проходит череду переводов в нашем восприятии.

И еще один разворот подхода к природе будет, с одной стороны, близок к указанным концепциям своим акцентом на частном, но прямо противоположен по гносеологическим и онтологическим основаниям. Французский исследователь, последователь философии Н. Уайтхеда Дидьё Дебез в работе «Природа как событие» [9] указывает, что современный способ восприятия природы не обогащает и не углубляет наше понимание природы [9, с. 1]. Этот способ Д. Дебез определяет как «оперативный» – взгляд на природу, основанный на разделении на первичные и вторичные качества. Д. Дебез пишет: «Именно из этого различия проистекают все разделения между существами, все противопоставления между их атрибутами и аспектами: существование и ценность; реальная природа и кажущаяся природа; факт и интерпретация» (перевод мой – А.Х.) [9, с. 2]. Это разделение, именуемое «бифуркацией», по мнению Н. Уайтхеда, должно быть преодолено, так как оно умаляет эстетическое измерение, психологизируя восприятие субъекта. Как пишет Д. Дебез, попытка спасти эстетическое ведет к тому, что эстетика вытесняет онтологию. В свою очередь,

для преодоления бифуркации Д. Дебез вводит принцип, который называет «универсальным маньеризмом» (universal mannerism). Понятие *manner*, с одной стороны, указывает на онтологическое измерение манеры поведения, способы бытия и, с другой стороны, выражает маневренность, способность обнаруживать новые или неопределенные способы восприятия. Главный вопрос, который Д. Дебез ставит в своей работе: «как придать должное значение многообразию способов бытия в природе?» [9, с. 2] и последовательно на этот вопрос отвечает, продвигаясь через бифуркацию, разделение на реальное и кажущееся, сущностное и явленное.

В российском философском и культурном пространстве также получают распространение подходы, пытающиеся удержать специфический природный опыт, не сводя его к разметке и картографированию, а производя мягкий, заведомо неточный перевод [10, с. 57-58] отношений. Это концепция «слабого внимания растений», А. Володиной [10], философия «леса» В. Бибихина [11] и др.

Итак, если суммировать собранные нами подходы к природе, мы можем фиксировать следующие опорные точки. Во-первых, природа сегодня воспринимается не как фон, а как реальная сила, способная (и дающая ответ) на человеческие действия. Во-вторых, эта сила соткана из множества частных сетей отношений, многие из которых неразличимы при попытке классификации и требуют вживания, вплетения в их жизнь, так как мы все принадлежим одному виду смертных конечных существ. И в-третьих, значимы и реальны не только наши концепции природы, но и все способы бытия в природе.

В то же время на фоне разнообразия методологических подходов и онтологий природного не стоит упускать из виду обыденные давно известные способы доступа к природе через наблюдение за птицами, сбор грибов и ягод, неспешные прогулки в лесу и другие способы ненавязчивого взаимодействия с другими мирами. Как показывает философ Д. Шалагинов, устройство леса не похоже ни на город, ни на пустыню, оно не гладкое и не рифленое, оно плетеное [13]. Лес – то, что находится поперек границ и позволяет вплестаться в него разнообразными способами.

Литература

1. *Харауэй Д.* Оставаясь со смутой: Заводить сородичей в Хтулцене / Д. Харауэй; пер. с англ. А.А. Писарева, Д.Я. Хамис и П.А. Хановой. Пермь: ГилеПресс, 2020. 340 с.
2. *Латур Б.* Где приземлиться? Опыт политической ориентации // Б. Латур (пер. с фр. А. Шестакова). СПб.: Издательство Европейского университета, 2019. 202 с.
3. *Чакрабарти Д.* Об антропоцене / Д. Чакрабарти. М.: V–A–C, 2020. 160 с.
4. *Бахманн-Медик Д.* Культурные повороты. Новые ориентиры в науках о культуре/ Д. Бахманн-Медик; пер. с нем. С. Ташкенова. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 504с.
5. *Цзин А. Л.* Гриб на краю света. О возможности жизни на руинах капитализма / А. Л. Цзин; пер. с англ. Шаши Мартыновой. М.: Ад Маргинем Пресс, 2017. 376 с.
6. *Чакрабарти Д.* Провинциализируя Европу/ Д. Чакрабарти. пер. с англ. Петр Бавин. М.: Музей современного искусства «Гараж», 2021. 384 с.
7. *Вивейруш де Кастру Э.* О моделях и примерах: инженеры и бриколеры в антропоцене / Неприкосновенный запас. 2022. № 3(143). С. 59-87.
8. *Satsuka S.* Nature in translation: Japanese tourism encounters the Canadian Rockies / Durham: Duke University Press, 2015. 263 p.
9. *Debaise D.* Nature as Event: The Lure of the Possible / trans. Halewood M. Duke University Press, 2017. 113 p.
10. *Володина А.* Экологии слабого внимания / Неприкосновенный запас. 2022. № 3(143). – С. 49-58.
11. *Бибихин В.* Лес / В. Бибихин. СПб.: Наука, 2011. 425 с.
12. *Шалагинов Д.* Лес между пустыней и городом: завязывая узлы поперек границ / Неприкосновенный запас. 2022. № 3(143). С. 101-116.

**К ДИСКУССИИ О ВОЗМОЖНОСТИ ИНТЕГРАЦИИ
ЭПИСТЕМОЛОГИИ ДОБРОДЕТЕЛЕЙ
И ФИЛОСОФИИ НАУКИ¹**

Хорт Михаил Геннадьевич
кандидат философских наук, доцент
Казанский (Приволжский) федеральный университет,
e-mail: mikhort@gmail.com
г. Казань

Аннотация

Данная статья носит обзорный характер. Она посвящена обсуждению возможности интеграции эпистемологии добродетелей в философию науки. Автор считает, что эпистемология добродетелей позволяет в рамках единой концепции обсуждать как нормативные основания научной коммуникации, так и дисциплинарные границы. Особенно продуктивным такой концептуальный перенос видится для истории науки. Во второй части статьи дается краткий обзор основных современных источников по данной теме.

Ключевые слова: эпистемология, философия науки, научный этос, интеллектуальные добродетели, дисциплинарные границы

---

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-78-01221, <https://rscf.ru/project/23-78-01221/>

TOWARD A DISCUSSION ON THE POSSIBILITY OF INTEGRATING VIRTUE EPISTEMOLOGY AND PHILOSOPHY OF SCIENCE

Khort M.G.

Ph.D Associate Professor

Kazan (Volga Region) Federal University

Kazan

Abstract

This article is a review. It is devoted to the discussion of the possibility of integrating virtue epistemology into the philosophy of science. The author believes that virtue epistemology allows discussing both the normative foundations of scientific communication and disciplinary boundaries within the framework of a single concept. Such a conceptual transfer is seen as particularly productive for the history of science. The second part of the article gives a brief overview of the main contemporary sources on this topic.

Keywords: epistemology, philosophy of science, scientific ethos, intellectual virtues, disciplinary boundaries

Чтобы стать ученым, необходимо нечто большее, чем овладение набором методологических знаний. «Хороший ученый» должен проявлять, поощрять в других и культивировать в себе ряд эпистемических склонностей и черт интеллектуального этоса, которые нельзя свести к простым формулам. Об этом свидетельствует тот факт, что когда ученые оценивают работы своих коллег в рецензиях на монографии и статьи, в отзывах на диссертационные исследования и т.п., в фокусе их внимания оказываются не только технические моменты. Вне зависимости от дисциплины, зачастую можно встретить похвалу «математической (исторической, лингвистической и т.п.) чувстви-

тельности» ученого, его «интеллектуальной осторожности», «любопытности», а также других характеристик, проявление которых сделало возможным надлежащее выполнение работы исследователя. И.А. Климов, обсуждая задачи научного рецензирования, отмечает, что «рецензионная речь в максимальной степени приближена к задаче экспликации и провозглашения нормы, системы норм» [1, с. 115], а также ее функция – «маркирование статуса, точнее – статусов, поскольку рецензия наделяет определенными характеристиками как рецензируемого, так и рецензента» [1, с. 115]. В еще большей мере подобное положение дел можно обнаружить в учебной литературе, призванной передать представления о целях и содержании научной дисциплины (особенно это касается литературы вводного характера, а также работ по истории науки). В этом смысле учебники и тексты рецензий учат быть ученым через прививание набора эпистемических ценностей: если учебники более явно прописывают нормы и идеалы, то жанры рецензии и отзыва действуют через поиск согласия или несоответствия между оцениваемым исследователем и набором норм, которые он должен проявлять, чтобы его работа считалась заслуживающей внимания.

Иными словами, представления о свойствах интеллектуального характера играют крайне важную роль в научной практике. При этом подробных исследований того, как представления о конкретных интеллектуальных добродетелях (вроде непредвзятости, интеллектуальной ответственности и осторожности, доверия авторитету или способности к разумному скептицизму) влияют на конструирование «научного я», крайне мало. Более того, имеется очевидный пробел в применении концепций из области эпистемологии добродетелей в философии науки, связанный с изолированностью данных областей друг от друга. Еще один малоизученный аспект указанной темы – это определение дисциплинарных границ на основе тезиса о первичности интеллектуальных добродетелей. Традиционный подход подразумевает, что граница между разными науками (и даже областями в рамках

одной науки) определяется разницей в методах и объектах изучения. Эпистемология добродетелей, не отрицая предыдущего тезиса, предлагает дополнительный способ анализа этого вопроса: границы могут быть рассмотрены в нормативном контексте как разница в культивируемых интеллектуальных добродетелях. Особенно продуктивным этот тезис будет для истории науки.

Таким образом, изучая способы, с помощью которых ученые тщательно конструируют себя как субъектов в соответствии с репертуаром эпистемических характеристик, считающихся ценными их коллегами, кажется возможным приблизиться к решению проблемы выявления нормативного основания научной коммуникации. Этот вопрос имеет долгую историю, но чаще всего он решался через исследование «внешнего» политического / экономического влияния на нормы научного сообщества (таков, в частности, проект STS) или же через исследование хотя и «внутренних» диспозиций, но носящих по преимуществу моральный характер (таковы, в частности, дискуссии в области этики науки). В свою очередь, внимание к интеллектуальным добродетелям позволяет сформулировать концепцию научных норм, сохраняющих когнитивное значение. Эти доводы ставят проблему оценки воздействия интеллектуальных добродетелей на научную практику и коммуникацию в разряд актуальных вопросов философской теории познания. Теоретическая значимость заключается в объединении проблемного поля эпистемологии добродетелей и философии науки, а также в описании, классификации и сравнении конкретных интеллектуальных добродетелей в различных аспектах – от когнитивного содержания до нормативного проявления.

Но как конкретно теоретические подходы из эпистемологии добродетелей могут быть использованы в дискуссиях об основаниях науки как особой эпистемической практики и о нормативной регуляции внутри сообщества ученых? Ведь было бы проблематично представить себе существование совокупности качеств (как релайабилитских способностей, так и респонсибилистских предрасположенно-

стей поведения), необходимых ученому во всех контекстах, во все времена и во всех местах. Это связано с тем, что научное знание, исторически меняясь, тесно связано с экономическими, политическими и социальными условиями, в которых оно реализуется своими носителями, то есть учеными. По этой причине теоретическая эпистемология добродетелей и философия науки подходят к своим проблемам по-разному. Если эпистемолог может поставить в качестве проблемы для размышления вопрос «чем является интеллектуальная добродетель?», то философ науки, вероятно, добавит «в каких условиях?», превратив вопрос в нечто вроде «какие интеллектуальные добродетели важны для российских лингвистов начала двадцатого века?». По этой причине историзм и контекстуализм отличают добродетельную философию науки от спекулятивных эпистемологических исследований в этой области.

Работы, интегрирующие эпистемологию добродетелей в философию науки, стали появляться только в XXI веке, хотя определенные несистематические размышления о роли интеллектуальных добродетелей в науке можно встретить в ряде исторических работ, а также в трудах самих ученых.

Концепт интеллектуальной добродетели, с помощью которого можно описать диспозиции, черты, характеристики, навыки и/или установки, культивирование и реализация которых считаются эпистемически необходимыми для производства научного знания, активно обсуждается нидерландскими философами и историками науки. В частности, Дж. ван Донген [2] и Г. Пол [3, 4, 5, 6] считают, что понятие «научное я» относится к индивидуальным перформансам, в которых конкретный опыт индивида связывается с абстрактными нормативными констелляциями. Как утверждает Г. Пол применительно к исторической науке, «научные персоны – это не частные мечты или индивидуальные идеалы о том, как быть историком, а коллективно признанные модели, которым индивиды должны соответствовать тем или иным образом, чтобы быть узнаваемыми как «настоящие

историки». Другими словами, эти персоны существуют только как регулятивные идеалы, по отношению к которым индивиды могут позиционировать себя в производстве своей собственной субъективности» [6, p. 354].

Концептуальная пара «научный этос» и «научное я», а также их генезис из множества эпистемических и неэпистемических добродетелей и характеристик, с которыми индивиды соотносятся, чтобы быть признанными как нечто (например, «как востоковед») обсуждается бельгийским исследователем К. Энгбертсом. В частности, в своих работах он предлагает рассматривать указанную проблему «от обратного», считая, что интеллектуальные пороки легче идентифицировать [7].

Нидерландский историк науки Л. Саарлоос дает описание более общего уровня, на котором производство «научного я» предлагается рассматривать как процесс субъективации, в котором индивиды движимы нормативными стимулами, формируя свою субъективность в соответствии с конкретными ценностями, считающимися необходимыми или важными ими и/или их коллегами. Также он считает важным рассматривать политические последствия, вытекающие из такой перспективы (политика здесь понимается в том числе на локальном уровне администрирования академии) [2].

Ряд исследователей посвящают свои работы проблемам метода, разграничению материалов, необходимых для исследования интеллектуальных добродетелей. Также для них важны вопросы операционализации понятия «интеллектуальная добродетель». Они стремятся описать способы идентификации эпистемически добродетельного поведения. Этим вопросам, по большей части, посвящен выпущенный в 2014 году сборник «Натурализованная эпистемология добродетелей» [8].

В целом в англоязычной литературе можно отметить три важных книги, посвященных интеграции эпистемологии добродетелей в философию науки. Во-первых, упомянутый выше сборник «Натура-

лизованная эпистемология добродетелей». В нем содержится большое количество значимых работ методологического характера, а также описания эмпирических исследований, подтверждающих (иногда опровергающих) некоторые теоретические представления эпистемологии добродетелей. В частности, в данной антологии подробно обсуждается так называемый ситуационистский вызов, то есть предположение социальных психологов о том, что такого явления как добродетель вообще нет. Во-вторых, необходимо отметить сборник «Эпистемические добродетели в науках и гуманитаристике», где дается объемный обзор представлений об исследовательских добродетелях в разных дисциплинах и в разные исторические периоды. Наконец, интерес представляет недавно вышедшая объемная работа К. Энгбертса «Ученые добродетели в естественных и гуманитарных науках XIX века: лояльность и независимость в одном лице» [7]. Данная монография важна, поскольку в ней обсуждаются довольно специфические интеллектуальные добродетели, которые зачастую оказываются за рамками исследовательского интереса. В частности, там описывается роль, которую сыграла добродетель доверия авторитету в научных открытиях Нового времени.

Современная философия науки имеет корни либо в социологизаторских проектах в стиле STS, либо в постпозитивистских дискуссиях о статусе обобщенной научной методологии. При этом субъективные характеристики ученых привлекают внимание в основном только историков и биографов. В свою очередь, интеграция эпистемологии добродетелей в философию науки и теорию экспертизы позволяет преодолеть указанный разрыв: вопрос границ научного знания может быть рассмотрен в контексте характеристик его носителей, то есть ученых. Таким образом, мы видим, что исследование проблемы нормативного основания науки на теоретической основе эпистемологии добродетелей, а также исследование дисциплинарных границ, исходя из допущения о первичности интеллектуальных добродетелей по отношению к методологическим различиям, обладает несомнен-

ным теоретическим потенциалом. Подобная интеграция важна и для развития самой эпистемологии добродетелей.

Литература

1. *Климов И. А.* Сырое и приготовленное или К апологии рецензий. / И.А. Климов // Социальная реальность. 2008. №1. С. 111-116.
2. *Epistemic Virtues in the Sciences and the Humanities* / ed. J. van Dongen. Cham: Springer, 2017. 198 p.
3. *Paul H.* Performing History: how historical scholarship is shaped by epistemic virtues / H. Paul // *History & Theory*. 2011. №1. P. 1-19.
4. *Paul H.* Virtue Ethics and/or Virtue Epistemology: A Response to Anton Froeyman / H. Paul // *Journal of the Philosophy of History*. 2012. №3. P. 432-446.
5. *Paul H.* Weak Historicism: On Hierarchies of Intellectual Virtues and Goods / H. Paul // *Journal of the Philosophy of History*. 12. – №3. P. 369-388.
6. *Paul H.* What is a Scholarly Persona? Ten theses on virtues, skills, and desires / H. Paul // *History & Theory*. 2014. №3. P. 348-371.
7. *Engberts C.* Scholarly Virtues in Nineteenth-Century Sciences and Humanities: Loyalty and Independence Entangled / C. Engberts. Springer, 2022. 226 p.
8. *Virtue Epistemology Naturalized: Bridges Between Virtue Epistemology and Philosophy of Science* / ed. A. Fairweather. Cham: Synthese Library, 2014. 360 p.

ОБРАЗ УЧИТЕЛЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

Хушбоков Ойбек Уралович

старший преподаватель

Термезский государственный педагогический институт

e-mail: oibekh@yahoo.de

г. Термез

Аннотация

Преподавание иногда называют профессией, неподвластной времени. Даже в первобытные времена пожилые люди делились своим опытом с молодыми. С возникновением первых государств в Египте и Месопотамии появились первые школы, а также зародилось преподавание как профессия. На Древнем Востоке существовали школы для подготовки жрецов и чиновников. Как правило, обучение было платным, и специальной педагогической подготовки от будущих учителей не требовалось.

Ключевые слова: учитель, педагог, общество, образ, эволюция, современный мир.

Abstract

Teaching is sometimes called a profession beyond the control of time. Even in primitive times, the elderly shared their experiences with the young. With the emergence of the first states in Egypt and Mesopotamia, the first schools appeared, and teaching as a profession was born. In the Ancient East there were schools for the training of priests and officials. As a rule, the training was paid, and no special pedagogical training was required from future teachers.

Keywords: teacher, pedagogue, society, image, evolution, modern world.

В современном обществе учитель играет особую роль. Его образ олицетворяет знания, опыт и воспитательную функцию, которые неотъемлемо присущи процессу обучения. Учителя меняют мир!

Учитель! ... Каждый из нас, оглядываясь в прошлое, в свое детство, найдет в самых глубинах памяти светлые чувства и мысли, обращенные к школе, учителю, вспомнит тот час, когда впервые с открытой душой и сердцем слушал учителя, внимал ему. Выбрать путь учителя – значит выбрать путь поиска, постоянного беспокойства, это значит встать на путь сомнений, необыкновенной требовательности к себе, путь упорного, каждодневного труда.

Деятельность учителя, в какой бы форме она ни протекала, это сложный по функциональной структуре и психологическому содержанию труд, требующий от человека проявления всех свойств и характеристик его личности. Глубоко был прав К.Д. Ушинский, который утверждал: «Нет сомнения, что многое зависит от общего распорядка в заведении, но главнейшее всегда будет зависеть от личности непосредственного воспитателя, стоящего лицом к лицу с воспитанником: влияние личности воспитателя на молодую душу составляет ту воспитательную силу, которую нельзя заменить ни учебником, ни моральными сентенциями, ни системой наказаний и поощрений» [1. с. 28-29].

Усиление значимости учителя в формировании образа национальной исторической идентичности является одной из важнейших задач современного образования. Учитель играет ключевую роль в передаче знаний о прошлом своей страны, формировании патриотизма и гордости за свою нацию.

Ведущая роль принадлежит положительному мотивационно-ценностному отношению к педагогической профессии. В его основе лежат любовь к детям и глубокий, устойчивый интерес к педагогической

работе. Хорошо об этом сказал Л.Н. Толстой: «Если учитель имеет только любовь к делу, он будет хороший учитель. Если учитель имеет только любовь к ученику, как отец, мать, он будет лучше того учителя, который прочел все книги, но не имеет любви ни к делу, ни к ученикам» [2, с. 300].

Современная Россия имеет богатую историю, которая охватывает множество периодов и событий. От Древней Руси до современности, каждый период имеет свои особенности и значимость для формирования национальной идентичности. Именно учитель должен помочь ученикам разобраться в этой сложной мозаике истории.

Один из подходов к формированию образа национальной исторической идентичности – изучение значимых событий российской истории. Учитель должен выбрать ключевые моменты, которые имели большое значение для страны: создание централизованного государства во времена Московского княжества; победа над Наполеоном в Отечественной войне 1812 года; окончание крепостного права и освобождение крестьян; революция 1917 года и другие значимые события. Учитель должен уметь подробно описать эти события, объяснить их значение для страны и показать, как они влияют на современность.

Кроме того, учитель должен преподавать не только факты, но и анализировать прошлые события. Важно помочь ученикам понять причины и последствия тех или иных действий, а также обсудить разные точки зрения на происходившие события. Это поможет развить критическое мышление учеников и научит их анализировать информацию из разных источников.

В процессе формирования образа национальной исторической идентичности необходимо помнить о многообразии этнических групп в России. Учителя должны быть осведомлены о культурных традициях различных этнических групп, чтобы ученики могли понять связь между своей личной жизнью и общей картиной российской истории. Например, изучение истории татарского народа или украинцев

поможет подросткам с этнической принадлежностью к этим группам лучше понять свою роль в формировании общей национальной идентичности.

Важным аспектом при формировании образа национальной исторической идентичности является интерактивное обучение. Учителя должны использовать различные методы и технологии, которые помогут ученикам активно участвовать в процессе изучения истории. Это может быть создание проектов, игровые задания, дискуссии и другие интерактивные формы работы. Такой подход позволит ученикам не только получить знания о прошлом своей страны, но и стать активными участниками процесса его изучения.

Таким образом, роль учителя в формировании образа национальной исторической идентичности в современной России является крайне важной. Он должен передавать знания о ключевых моментах российской истории, анализировать прошлые события, развивать критическое мышление учеников и учитывать многообразие этнических групп в стране.

Теперь поговорим об эволюции восприятия образа учителя в современной российской истории. В современной российской истории наблюдается эволюция восприятия образа учителя. Со времен Советского Союза до наших дней произошло множество изменений, которые отразились на общественном мнении о педагогической профессии и учителе как личности.

В период социалистического строя учитель считался одним из самых почетных и уважаемых членов общества. Ответственность за воспитание молодого поколения возлагалась на плечи педагогов, которые имели высокий статус и привилегии. Учитель был символом знаний, развития и культуры, его авторитет не вызывал сомнений.

Однако после распада СССР и перехода России к рыночной экономике произошли серьезные изменения в системе образования и в положении учителей в обществе. Из-за экономических трудностей

государства стало сложно обеспечить достойную оплату труда педагогам, что привело к снижению престижа профессии.

Усложнилась также работа учителей из-за изменения требований образовательных стандартов и внедрения новых технологий в учебный процесс. Учителям приходится постоянно совершенствовать свои навыки и знания, чтобы соответствовать современным требованиям.

Еще одним фактором, повлиявшим на восприятие образа учителя, стало различное отношение к педагогической деятельности со стороны родителей и общества. Если раньше учитель был авторитетом для детей и родителей, то сегодня многие критически относятся к работе педагога, часто высказывая претензии и жалобы на низкое качество образования.

Одновременно с этим происходят положительные изменения в восприятии образа учителя. В последние годы профессия педагога начала оцениваться выше благодаря активной деятельности профсоюзов и ассоциаций педагогических работников. Они защищают права учителей и борются за достойную оплату труда.

Также современные учителя все чаще становятся образцом для подражания и вдохновения. В России много примеров успешной педагогической деятельности, которые получили признание и поощрение. Это помогает восстановить авторитет профессии и повысить интерес к ней.

Важное значение имеет роль учителя в формировании гражданского сознания, толерантности и патриотизма учащихся. Сегодня образование в России ориентировано на развитие личности, самостоятельность мышления и творческий потенциал. Учителю приходится быть не только транслятором знаний, но и наставником, психологом и «социализатором».

Итак, эволюция восприятия образа учителя в современной российской истории происходит под влиянием множества факторов. При этом можно отметить как отрицательные изменения – снижение пре-

стижа профессии из-за экономических трудностей и изменений требований к работе педагога, так и положительные – повышение оценки роли педагога в обществе и признание успешной педагогической деятельности.

Несмотря на все трудности, профессия учителя остается важной и значимой для общества. Учителя продолжают формировать будущее страны, воспитывая новое поколение граждан. Поэтому необходимо создавать условия для повышения статуса и престижа профессии педагога, а также поддерживать их в профессиональном развитии.

Таким образом, следует отметить, что перед современным учителем стоят различные проблемы и вызовы. Необходимость нахождения качественных учебных материалов, мотивация учеников к изучению предмета, подготовка педагогических кадров и организация индивидуальной работы – лишь некоторые из них. Однако, эти проблемы не являются непреодолимыми. Системное развитие образования и повышение профессионального мастерства педагогов поможет создать лучшие условия для работы современного учителя истории и обеспечить эффективное обучение новому поколению.

Что же касается влияния политического контекста на образ учителя в российской истории, то здесь все просто. Образ учителя является одним из ключевых аспектов развития образования в любой стране. В России, как и во многих других странах, образ учителя тесно связан с политическим контекстом каждого конкретного времени. Политика и общественное мнение оказывали значительное влияние на формирование статуса, роли и функций учителя.

Периоды политических изменений в России находили прямое отражение на статусе и образе учителей. Одним из таких периодов был Советский Союз, который оказал значительное влияние на профессию учителя. В это время работа учителя стала одной из самых почетных профессий, поскольку государство придавало большое значение развитию системы образования. Учитель играл роль активного агента социализации детей, пропагандиста коммунистических идеалов.

Однако, после распада СССР и прихода капитализма в Россию положение учителя изменилось. Статус и авторитет учителей снизились, а зарплаты стали недостаточными для достойного существования. Политические изменения привели к переоценке значимости образования в обществе, что отразилось на образе учителя. Он больше не воспринимался как символ государственной значимости и социального прогресса.

В последние годы Россия стала свидетелем ряда политических изменений, которые также повлияли на образ учителя. Введение Федеральных государственных образовательных стандартов и системы ЕГЭ имели цель повышения качества образования, однако они также вызвали многочисленные проблемы, а также споры и дебаты среди сотрудников педагогического сообщества.

Положение учителей в современной России остается сложным. Зарплаты все еще невысокие, а условия работы часто неудовлетворительные. Сложности в получении высшего педагогического образования и конкуренция на рынке труда также создают определенные трудности для будущих учителей.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что политический контекст имеет значительное влияние на образ учителя в современной российской истории. Изменения в политике и общественном мнении отражаются на статусе, роли и функциях учителя. Сложности, с которыми сталкиваются учителя в России, требуют дальнейшего обсуждения и поиска путей для повышения статуса и авторитета профессии.

Разработка эффективных механизмов поддержки учителей, повышение зарплат и условий работы являются необходимыми шагами для создания благоприятной обстановки в системе образования. Также следует уделить особое внимание повышению престижа профессии педагога в глазах общества. Образ учителя должен быть ассоциирован с высоким авторитетом, компетентностью и преданностью своему делу.

В заключение можно сказать, что политический контекст играет ключевую роль в формировании образа учителя в современной российской истории. Положение учителей тесно связано с политическими изменениями и общественным мнением. Для достижения прогресса в системе образования необходимо создание благоприятных условий для работы учителей, а также повышение престижа профессии педагога в обществе. Только тогда можно будет гарантировать качественное образование для всех и развитие страны в целом.

Хотелось бы также упомянуть о перспективах развития образа учителя в современной российской истории. Современное общество постоянно меняется, и с ним меняются и требования к учителю. Однако, несмотря на все изменения, образ учителя остается одним из самых значимых в нашей культуре. Рассмотрим перспективы развития образа учителя в современной российской истории.

В первую очередь стоит отметить, что сегодняшний учитель уже не тот, кто был 50 лет назад. С появлением новых технологий и информационных систем учитель стал не только передавать знания, но и использовать инновационные методы обучения. Например, мультимедийные презентации, интерактивные доски и онлайн-курсы – все это позволяет создавать более эффективную образовательную среду.

Der Lehrer ist Helfer, Berater, Unterstützer (nicht z.B. „Dompteur“ oder „Allesbesserwisser“: Перевод с немецкого: – Учитель – помощник, советник, сторонник (а не, например, укротитель или всезнайка) [3].

Кроме того, происходят изменения в самом содержании обучения. В связи с развитием информационных технологий и глобализацией мировой экономики появляются новые предметы для изучения: программирование, робототехника, искусственный интеллект. Учитель должен быть готов к тому, чтобы не только учить детей основам математики и русского языка, но и развивать их компьютерные навыки и познавательное мышление.

Одна из главных перспектив развития образа учителя – это профессиональный рост. Сегодняшний учитель должен постоянно совершенствоваться в своей специализации. Возможности для повышения

квалификации становятся все более доступными: онлайн-курсы, семинары и тренинги помогают преподавателям получить новые знания и навыки без необходимости покидать место работы.

Также важную роль играет поддержка со стороны государства. Разработка программ поддержки учителей, предоставление финансовых вознаграждений за достижения в работе – все это стимулирует преподавателей к саморазвитию и повышению результативности своего труда.

Еще одной перспективой развития образа учителя является изменение отношения общества к этой профессии. Учитель – это не просто человек, который передает знания, но и наставник, воспитатель и гид в мире знаний. Общество должно ценить профессионализм учителя и поддерживать его в трудные моменты.

В современной российской истории все больше учителей начинают заниматься научной деятельностью, проводить эксперименты и разрабатывать новые методики обучения. Это позволяет не только повышать качество образования, но и сделать процесс обучения более интересным и эффективным для учеников.

После распада СССР произошли кардинальные изменения в системе образования, а следом за этим изменилось и представление о роли учителя. Сегодня учитель все чаще ассоциируется с инновационностью, с активным вовлечением учащихся в творческие процессы. Вместо жесткого контроля начала появляться идея о развитии индивидуальности каждого ребенка.

Что касается перспектив развития образа учителя в современной российской истории, то они огромны. Сегодняшний учитель должен быть готов к изменениям, постоянно совершенствуя свои знания и навыки. Однако основная задача остается неизменной – помочь каждому ребенку раскрыть свой потенциал наилучшим образом и подготовить его к самостоятельной жизни.

Литература

1. *Ушинский К.Д.* О пользе педагогической литературы // Собр. соч. М. 1948. Т.2 С. 28-29.
2. *Толстой Л.Н.* Общие замечания для учителей / Пед. соч. 300 с.
3. *Heinrich Stalb* „Brücken zum Studium“. Verlag Liebaug-Dartmann. 2005. Meckenheim. Bonn. Germany. 14 с.

**ФОРМИРОВАНИЕ ПЕРИОДИЗАЦИИ
ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ 1920 – СЕРЕДИНА 1930-Х ГОДОВ
(НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД)**

Черноножкин Александр Васильевич

аспирант

Омский государственный университет

имени Ф.М. Достоевского

e-mail: cernonozkinaleksandr@mail.ru

г. Омск

Аннотация

В статье анализируется проблематика формирования периодизации Гражданской войны в 1920 – середине 1930-х годов. Предполагается рассмотреть труды историков-очевидцев революционного процесса и их взглядов на происходившие события. Кроме того, дана сравнительная характеристика обозначенных периодов Гражданской войны советскими историками. На основании проведённого нами исследования можно сделать вывод о том, что начало Гражданской войны в советской историографии определялось по-разному. Вместе с этим анализ событий, послуживших началом активной фазы боевых действий Гражданской войны, показал, что 1917 год послужил предтечей последующих боевых действий, сопровождавшихся как «триумфальным шествием Советской власти», так и борьбой с силами контрреволюции в отдельных регионах бывшей Российской империи.

Ключевые слова: советская историография, периодизация, Гражданская война, советские историки, историописание, вооружённые силы.

FORMATION OF THE PERIODIZATION OF THE CIVIL WAR OF THE 1920S – MIDDLE 1930S (INITIAL PERIOD)

Chernonozhkin Alexandr Vasilevich

postgraduate student

Dostoevsky Omsk State University

Omsk

Abstract

The article analyzes the problems of the formation of the periodization of the Civil War in the 1920s – middle 1930s. It is supposed to consider the works of historians-eyewitnesses of the revolutionary process and their views on the events taking place. In addition, a comparative characteristic of the designated periods of the Civil War by Soviet historians is given. Based on our research, we can conclude that the beginning of the Civil War was individual for each historian. At the same time, the search for events that served as the beginning of the active phase of the fighting of the Civil War converged on the fact that 1917 served as the forerunner of subsequent hostilities, accompanied by both the "triumphal march of Soviet power" and the struggle against the forces of counterrevolution in certain regions of the former Russian Empire.

Keywords: Soviet historiography, periodization, Civil War, Soviet historians, historical writing, armed forces.

Революция и Гражданская война 1917-1920 гг. являются важными событиями в истории нашего государства. Это было время противостояния двух путей общественного развития, победа одного из которых на десятилетия изменила путь социально-экономического, духовного и политического развития России, став важным процессом в истории XX столетия.

Противостояние повлияло на историографию, в которой бытовали полярные точки зрения на понимание и сущность Гражданской войны. Стало актуальным нахождение точек соприкосновения, которые привели бы к общественному согласию и способствовали научному консенсусу.

В историографическом анализе нуждается литература по истории Гражданской войны, которая оценивает политику как большевиков и их сторонников, так и участников «белого движения». Исследуемая проблема имеет значение для понимания сущности Гражданской войны, её особенностей и определения главных движущих сил.

Говоря об изучении Гражданской войны «по горячим следам» в 1920-е годы, важно отметить, что в осмыслении событий недавнего исторического прошлого активно применяются проблемно-хронологический метод и микроисторический метод.

Проблемно-хронологический метод показывает, что периодизация Гражданской войны в России, как и любая другая периодизация, условна. Это вытекает не только из особенностей её изучения, но и из полярных точек зрения на сам исторический процесс.

Осмысливая действительность Октябрьской революции и Гражданской войны, многие отечественные историки, которые часто принадлежали к разным политическим лагерям или теоретико-методологическим направлениям, оказались перед лицом общей проблемы: описать события революции и построить периодизацию Гражданской войны, очевидцами которой являлись они сами.

Микроисторический метод даёт возможность разглядеть особенности в работах советских историков 1920-х – середины 1930-х годов. Сам по себе факт их жизни в контексте исторической эпохи позволяет рассмотреть их действия с точки зрения модели поведения и взаимодействия с властью.

В данной работе мы обратились к трудам таких авторов, как М.Н. Покровский, А.А. Соболев, А.И. Егоров.

Проведённое нами исследование показывает, что среди тех, кто брался писать историю Гражданской войны «по горячим следам», сложно найти историка, который не осознавал бы те задачи, которые касались воссоздания масштабной картины революции в России или описания ключевых сражений Гражданской войны, принесших победу советской власти.

Для многих видных политических деятелей Гражданская война началась в 1917 году, с идеологических баталий и поиска путей дальнейшего развития России, а закончилась в 1920 году, с отступлением «белых армий» из Крыма.

С этим не были согласны некоторые историки, которые прошли «поля сражений» Гражданской войны и приняли участие в разгроме «белых армий» на Юге России. Для них, сражавшихся против сил «контрреволюции», Гражданская война началась в 1918 году, а закончилась в 1922 году подписанием декларации об образовании СССР.

К примеру, в одной из своих статей М.Н. Покровский обронил замечание: «Двадцать лет прошло с первой революции, восемь лет со второй. Как странно писать их историю нашему поколению, выросшему под знаком ожидания революции» [1, с. 91].

На начальном этапе Гражданской войны, как отмечает М.Н. Покровский, происходит становление советской власти в Петрограде и борьба за экспорт революции на территорию всей бывшей Российской империи.

Вместе с этим автор описывает первый этап Гражданской войны в России, как этап «мира и компромисса», когда, после тяжёлой борьбы октября 1917 года – марта 1918 года, В.И. Ленин вынужден был заключить мир с Германией на невыгодных для Советской власти условиях. Весной 1918 года большевики оставили Прибалтику, Украину и Белоруссию.

Также М.Н. Покровский проводит параллель между действиями оппозиционной большевикам организации «Союз освобождения» в

начале Гражданской войны в России с действиями «роялистов» во Франции в 1792 году: «Но подготовившийся в Москве «путч» едва ли был наиболее серьёзной частью кадетской программы. Скорее, его готовили как средство дезорганизовать наш тыл и создать панику в момент решительного наступления одной из «доблестных армий». Серьёзная задача ложилась именно на эти последние. «Освобождение России» ставилось, таким образом, в прямую зависимость от штыков, находящихся вне России. Кадеты, таким образом, в 1919 году точка в точку повторяли историю французских белогвардейцев 1792 года, которые собирались «освободить» Францию от якобинцев из немецкого Кобленца, где сосредотачивались боевые силы тогдашних контрреволюционеров» [1, с. 244].

Таким образом, М.Н. Покровский как историк искал тот механизм, который оказывал влияние на ход исторического процесса. Для этого ему необходимо было разобраться в вихре событий, которыми учёный, как и многие другие участники революции, был охвачен. Безусловно, историки в 1920 – начале 1930-х годов давали свою оценку случившемуся в недавнем прошлом, к которому относились и события Гражданской войны, так или иначе затронувшие их жизнь.

Представляется очевидным, что не все историки в 1920-е годы считали революционный процесс полностью завершённым. Более того, многие историки обозначали контуры периодизации Гражданской войны относительно не только её ключевых сражений или достижений Советской власти, но и уделяли внимание Вооружённым силам СССР, которые сыграли немалую роль в борьбе за Советскую власть. Описание соотношения важных этапов становления Советской власти и её борьбы с контрреволюцией различались у военных историков, которые рассматривали формирование и развитие РККА в условиях Гражданской войны.

Так, военный историк и редактор отдела ВИК А.А. Соболев отмечал следующее: «Минувшая Гражданская война является для нас единственным источником, откуда мы можем черпать выводы о ее

характере. Война классовая, в которой участвует, скрыто или явно, в большей или меньшей степени, но все без исключения население данной страны, имеет такие особенности, познать кои можно, только изучая ее самое» [2, с. 6].

В целом начало Гражданской войны, в трактовке Моротдела ВИК в середине 1920-х годов, соотносилось с 1918 годом, а периодизация её самой включала три этапа, связанных географическим расположением водных объектов на территории бывшей Российской империи.

В историографии ранний этап Гражданской войны включает описание действия отрядов моряков на суше и вопрос об особенностях речной войны на основании опыта применения тактики морских сил на Северо-западном направлении, стратегически важном для обороны Петрограда.

Самое широкое место в описании театра боевых действий Черноморского флота принадлежит действиям войск Вооружённых сил Юга России под командованием А.И. Деникина, Перекопско-Чонгарской наступательной операции ВМФ РККА против войск П.Н. Врангеля и действиям Западно-Двинской речной флотилии против Войска Польского в 1919 году.

Прежде всего, внимание авторов обращено на организацию действий Черноморского флота под Севастополем для правильной оценки действий РККА на Черном море.

Важно отметить, что А.А. Соболев писал о том, что работа над периодизацией Гражданской войны, с точки зрения анализа боевых возможностей ВМФ РККА, не была завершена. Исследования в данной области истории Гражданской войны будут продолжены. Моротдел Военно-исторической комиссии (ВИК) опирался на архивы Морисполкома, которые давали возможность найти первоисточник, согласно которому те или иные сведения по периодам действия ВМФ РККА были подтверждены документально. Это значительно облегчало точность соотнесения событий и фактов на всём протяжении активных боевых действий РККА в 1918 году.

Обобщая сказанное, необходимо отметить, что представленная А.А. Соболевым периодизация была продиктована не только идеологическим подтекстом, связанным с грядущей годовщиной Октябрьской революции, но и стремлением систематизировать имеющийся материал по истории становления ВМФ СССР. Вместе с этим данная периодизация Гражданской войны не является совершенной, так как описывает события, в которых ведущая роль отводилась лишь ключевым водным объектам бывшей Российской империи и только одному из двенадцати родов войск РККА. Однако данная трактовка Гражданской войны акцентирует внимание на событиях, проходивших на разных ее фронтах и ключевых для отсчета начала и окончания борьбы Советской власти против сил контрреволюции и интервенции [см.: 3, с. 11].

Подводя итог исследованию трактовок начала Гражданской войны в советской исторической науке 1920 – середины 1930-х годов, можно сказать, что историки занимались написанием истории Гражданской войны и выявлением критериев её начала. Вместе с этим можно сделать вывод о том, что вопрос о начале Гражданской войны каждым историком решался индивидуально.

Между тем, в круге идей, которыми располагали ученые к 1935 году, присутствовали и соображения незавершенности истории недавних событий, ее открытости созданию новой периодизации Гражданской войны, при обосновании которой каждый ученый мог исходить из своих критериев определения ее начала и окончания [см.: 4, с. 25].

Вместе с этим, историки находились в поиске исторической истины, которая на этапе становления советской историографии перестала быть строго научной, став «экзистенциальной» или жизненной, предоставив историкам возможность понять события предшествующей эпохи и начать историописание Гражданской войны, руководствуясь личным опытом.

Кроме того, анализ событий, послуживших началом активной фазы боевых действий Гражданской войны, показал, что 1917 год послужил предтечей последующих боевых действий, сопровождавшихся как «триумфальным шествием Советской власти», так и борьбой с силами контрреволюции в отдельных регионах бывшей Российской империи.

Литература

1. *Покровский М.Н.* Октябрьская революция. Сборник статей (1917-1927) / М.Н. Покровский. М.: «Издательство коммунистической академии», 1929. 419 с.

2. Гражданская война. Боевые действия на морях, речных и озёрных системах. Том 2. Часть 1. Л.: Редакционно-Издательский отдел Морских Сил РККФ, 1926. 250 с.

3. Гражданская война. Материалы по истории Красной армии. Т. 1. – М.: Высший военный редакционный Совет, 1923. 506 с.

4. *Егоров А.И.* Разгром Деникина. 1919 год / Егоров А.И. М.: Государственное военное издательство, 1931. 238 с.

**ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ
ИНФОРМАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ
(НА ПРИМЕРЕ ФИЛОСОФСКОЙ ПЕДАГОГИКИ)**

*Шалагина Гульнара Эдуардовна
кандидат философских наук, доцент
Казанский национальный исследовательский
технологический университет
e-mail: galanova@rambler.ru
г. Казань*

Аннотация

В статье ставятся вопросы о возможности обогащения арсенала педагогических технологий преподавателя высшей школы, в том числе за счет привлечения приемов, «подсмотренных» у информального образования; о сближении формальных и информальных форм образования, о поиске новых, оптимальных форм реагирования педагогического сообщества на вызовы времени. На примере философской педагогики рассмотрены некоторые «уроки» информального образования для педагогического мастерства преподавателя высшей школы. Сделаны предположения о новом синкретизме гуманитарного знания в постмодерных философско-образовательных практиках, о духовном измерении института образования, о причинах любительского интереса к философии в обществе постмодерна.

Ключевые слова: философская педагогика, педагогические технологии, информальное образование, философский досуг, зашколивание, расшколивание.

**PEDAGOGICAL TECHNOLOGIES
OF INFORMAL EDUCATION IN HIGHER SCHOOL
(BY THE EXAMPLE OF PHILOSOPHICAL PEDAGOGY)**

Shalagina G.E.

Ph.D, Associate Professor

Kazan National Research Technological University

e-mail: galanova@rambler.ru

Kazan

Abstract

The article raises questions about the possibility of enriching the arsenal of pedagogical technologies of a teacher of higher education, including through the use of techniques “peeped” from informal education; about the convergence of formal and informal forms of education, about the search for new, optimal forms of response of the pedagogical community to the challenges of the time. On the example of philosophical pedagogy, some "lessons" of informal education for the pedagogical skills of a higher school teacher are considered. Assumptions are made about the new syncretism of humanitarian knowledge in postmodern educational philosophical practices, about the spiritual dimension of the institution of education, about the reasons for amateur interest in philosophy in postmodern society.

Keywords: philosophical pedagogy, pedagogical technologies, informal education, philosophical leisure, schooling, deschooling.

В постмодерном мире развиваются внеинституциональные формы гуманитарного знания, которые в педагогике осмысливаются в терминах информального образования. Этот вид образования активно изучается сегодня [см.: 1, 2, 3]. Внеинституциональные формы гуманитаристики обнаруживаются и в прошлом, если применить институциональный подход к изучению истории философии [4]. Философский и

морально-психологический дискурсы являются основными в информальном секторе гуманитарного знания, когда преобладает интерес к самым общим вопросам мироустройства, организации критического мышления, дискуссиям о базовых началах общественного бытия и собственной эффективности, и не так сильно разделены предметные области специальных дисциплин.

Информальное образование – это образование, осуществляемое в повседневности, связанное с проведением досуга, не структурированное в плане целей, продолжительности, помощи в обучении [1, с. 25]. «Информальное образование – нецеленаправленное, стихийное (спонтанное), непреднамеренное образование. Оно осуществляется на рабочем месте, в кругу семьи или на отдыхе – в повседневной жизни, без процедурных формальностей... Позиция обучающего (в привычном понимании) отсутствует» [2, с. 129]. Сегодня помимо института образования есть иные способы существования гуманистики, участники которых выбирают любительские и ретритные стили взаимодействия, отказываются от дипломов в пользу рукопожатности и общества, возрождают «квартирники» и интеллектуальные вечеринки. Консультационная активность в философской практике и вообще больше напоминает востребованное психологическое консультирование, а не традиционное образование. Встречаются гибридные научно-популярные образовательно-развлекательные форматы edutainment (научные фестивали и балы, визуальные исследования, прогулки и ужины с философами). Задействуются новые городские пространства (третьи места), интернет (если нет физических локаций, то это социальные сети, блоги). Процветает народная, любительская философия на видеохостингах, т.к. образованная публика сейчас уже массово, хоть и поверхностно, знакома с философией, которая стала органичной частью повседневной культуры. «Философский камень» успеха – востребованная тема в условиях высоко модернизированной экономики, делающей ставку на творческого человека. Наблюдается расцвет самиздата и эстетизация исследований (литература и др. худо-

жественные формы – это не только «эзопов язык», но и отдохновение от бюрократии). Есть явления на стыке с религиозностью. Результатом перечисленных активностей гуманитариев становятся не только «мягкие», но и «дикие навыки» (soft skills, wild skills). Если и возможна институционализация информальных образовательных практик, то в форме досуга и особой образовательной креативной индустрии [3, с. 122].

Существование неформальных институтов предполагает диалектику института и практики, формальной нормы и процесса институциональных изменений. В периоды острых социальных кризисов усиливается формализация, мобилируются институциональные ресурсы, но и практики не исчезают. Пытаясь стать определенным, информальное образование либо становится неформальным и формальным, либо перестает быть образованием и становится чем-то иным, например, формой досуга или искусством. Проведу аналогию с музыкой. Основоположник теории культурных (креативных) индустрий Т. Адорно одобрял музыку нововенской школы, критиковал неоклассицизм И. Стравинского и поп-музыку [см. 5]. Т. Адорно, будучи музыковедом по образованию (в социологию он пришел из музыкальной критики), начал с анализа музыкального текста, чтобы выяснить как в структуре музыкального произведения отражается социальная система. Он берет за основу ключевую веберовскую идею «рациональности» как характерной черты европейской культуры, но трактует рационализацию в качестве негативного явления. В рамках индустрии культуры, создаваемой так называемым «организованным обществом», искусство становится идеологией. Единственная функция истинной музыки по Т. Адорно – моделирование в её структуре состояния современного общества. Музыкальные формы «классической музыки», по Т. Адорно, первоначально адекватно отражали общественные процессы, но со временем закрепились в качестве идеологических конструкций, отчужденных от реальности, стали порождением капиталистической рационализации. Искусство превращается в

идеологию тогда, когда художник творит, используя художественные средства классической музыки – этим объясняется негативное отношение Т. Адорно к неоклассицизму И. Стравинского. Однако если художник откажется творить в рамках сложившихся музыкальных форм и не будет иметь точек соприкосновения с породившей их рациональностью, то его творения будут бессильны отразить проблемы рационального мира. Художник, согласно Т. Адорно, должен стремиться к выражению идей, подавляемых рациональностью, но в музыкальных формах, порожденных ею же. Поэтому истинной музыкой, адекватно отражающей положение вещей в современном ему механическом организованном обществе, Т. Адорно считал музыку нововенской школы с принципом додекафонной техники. Возможность избежать превращения искусства и музыки в идеологию Т. Адорно видит в отказе от концепции художественного произведения как такового: «Единственные произведения сегодня, которые могли бы считаться таковыми, суть произведения, которые не являются более никакими произведениями» [6, с. 113]. «Эти произведения прекрасны своей несостоятельностью... Это не композитор терпит провал, а скорее сама история отрекается от его творений» – так пишет Т. Адорно о творчестве Шёнберга [7, р. 17].

Подобные мысли сопровождают исследование информальных образовательных практик: в мире формальной рациональности образование стремится... не быть образованием вообще.

На самом деле, «учиться» у сторонников информального образования нам, преподавателям ВУЗов, нечему, потому и слово в кавычках. «Философское кафе» в действительности – это хорошо и душевно организованное семинарское занятие. Различие не в том, что философское кафе проходит в кафе или антикафе, а семинар – в аудитории ВУЗа, а в «зашколивании» формального образования. Зашколивание – это реакция на тестовую форму проверки знаний в ОГЭ, ЕГЭ и ГИА, на практики обжалования результатов аттестаций в ВУЗах и школах. Обратной тенденцией развития образования сегодня

становится «расшколивание», то есть отход от формальных рамок при сохранении главного – качества в передаче знаний и опыта. Расшколивание, помимо других причин, связано с последствиями пандемии COVID-19, когда обучение начало происходить вне стен ВУЗов, и студентов на экранах дистанционных ПО преподаватели могли застать где угодно: в клубе, на работе, в общественном транспорте, с котиком, с кальяном, если это не «черный квадрат». Расшколивание способствует сближению формальных и неформальных педагогических техник и технологий.

Ниже на примере философской педагогики представлены некоторые приемы, которые уже проникают в высшую школу, и которые можно, с пониманием ограничений, применять.

1. Индуктивная логика вместо дедуктивной – она отражает недоверие ко всеобщему, предпочтение движения от частного, от фрагмента текста традиционному дедуктивному подходу, рекомендациям начать обучение с курса лекций или чтения учебника, с выстраивания контекста, генеральных, пусть и временно пустых «полок» в сознании для последующего их наполнения идеями¹. Перечень рекомендуемых текстов при таком подходе отмечен субъективизмом, мировоззрением и теоретическими предпочтениями ведущего или школы, всегда может вызвать вопросы, но именно он является аналогом образовательной программы, представляет собой скрытый учебный план. Традиционное понятие «учебной программы» под вопросом в неформальном образовании в силу постоянной приостановки учебного процесса на начальной стадии: приходят новые участники, и нужно повторить содержание предыдущих занятий (сессий, встреч), что затрудняет продвижение группы вперед. Подобную проблему инспирирует задача практиковать индивидуальный подход в ВУЗе. Но важно совмещать оба принципа. Начинать, конечно, с дедуктивного (лекции), попутно читая фрагменты философских текстов (первоисточники). Иногда второй метод увлекает, программа оказывается

---

¹ Пример индуктивной логики в вузовской философской педагогике [см. 8].

полностью индуктивной. В этом случае педагог зачастую сам даёт авторскую интерпретацию текста, не полагаясь на участников семинара. Как правило, ведущий семинара или информальной практики владеет артистизмом подачи материала и склонен рассматривать результат интерпретации как объект авторского права.

2. Нетрадиционный подход к чтению первоисточников.

У философа-любителя, в отличие от профессионального философа, специфические ожидания от философского текста. Это рекреационное чтение, работа с текстом по методу созерцания смыслов, медленное чтение вслух для активизации коммуникативных навыков и т.п. Использование текстов в курсе философии для студентов нефилософских специальностей (хотелось бы думать в этом случае – философов-любителей) обычно совмещает традиционные дидактические и философско-практические задачи. Через фрагмент текста участники узнают предмет, переосмысливают свой опыт, жизненную практику и даже делают проекцию на будущую профессию. Студентами практики чтения воспринимаются хорошо, как, по словам одного студента, «наслаждающаяся и вдохновляющая практика». Особенно удачно читательские сессии проходят в дистанционном режиме: текст у каждого на экране, идет свободный обмен комментариями и впечатлениями в ситуации, когда каждый участник находится в зоне собственного комфорта. В идеале стираются грани между учебой и досугом. Позиционирование получения знания в качестве досуговой практики характерно для информального образования.

У философского текста особая роль в процессе философско-практического консультирования. Порой консультантом выступает и преподаватель философии. Такая работа предполагает способность отозваться на экзистенциальный запрос гостя/учащегося, который исследует свои «болевые точки». Текст является «зондом» поиска собственных страхов и уязвимостей. Иногда запрос на выбор текстов вызван преобладанием в инфополе современной культуры тех или иных смысловых доминант, будь то пессимизм, смысложизненная

недостаточность, иррациональный оптимизм, и желанием участника семинара (сессии) адаптироваться к ним.

В дистанционную и очную работу преподавателя высшей школы проникают и другие приемы, которые используются в информальных практиках. Например, экспертное включение знаменитой персоны или коллеги, что особенно легко сделать в дистанционном формате¹. Или использование территорий парков, скверов, городских пространств, а не только домашнего кабинета для организации учебного процесса без нахождения на рабочем месте. Хотя преподавателей порой и смущал дистанционный формат работы в пандемию COVID-19, именно он предполагал не только безопасные условия труда, но и выход за пределы институциональных рамок в область режиссуры и актерского мастерства, «примерку» работы диктора на радио или телеведущего. Использование городской экосистемы – еще один прием, «урок» информального образования. Задействование уличной территории ВУЗа в теплый период года могло бы иметь место, но с установкой средств фиксации присутствия учащихся и преподавателей в определенное время на территории, с тем, чтобы все необходимые формальности были соблюдены. Во время сессии, например, необходимо особенно внимательно соблюдать рамки не только времени, но и места в расписании, с учетом отметок «не явился» в ведомостях.

Представлен далеко не полный обзор приемов и педагогических техник и технологий, которые мы можем позаимствовать из информального образования. В период социально-культурной трансформации и комплексных вызовов, с которыми сталкиваются академические гуманитарии постмодерна, важно осуществлять импорт технологий, методик, накопленных в области информального образования. Идея «импорта технологий», возможно, дискуссионная, однако она обсуждается в связи с новыми запросами общества и невозможностью со стороны формального образования полностью «закрыть»

---

¹ Об этих и других приемах [см. 9].

потребности в личностном саморазвитии. Доля досуга и внепрофессиональной активности в образе жизни современника увеличивается, возникает реакция формального образования на это обстоятельство [см.: 10]. Уже началась модернизация образования в этом направлении, она состоит в расширении круга образовательных услуг в образовательных организациях за счет так называемого «дополнительного образования». Совмещение в одной и той же организации силами одних и тех же профессионалов формального и неформального принципов – это интересный вызов, поэтому академическим гуманитариям стоит говорить об импорте неформальных технологий, с определенными ограничениями, рисками, но и эвристикой. Неформальное образование могло бы составить большой самостоятельный налогооблагаемый сегмент (самозанятость, индивидуальное предпринимательство в различных креативных индустриях, будь то авторский туризм или философский досуг). Однако законодательные ограничения на работу неформальной образовательной креативной индустрии сегодня подталкивают преподавателей высшей школы транслировать удачные педагогические приемы из неформального сектора в формальный. Современная культура по-прежнему предоставляет возможности существования философии и гуманитарных наук.

Имеют ли социальные институты духовное измерение? Остается ли при всех трансформациях что-то, помимо принадлежности к учреждениям, что делает нас, преподавателей и студентов, всех, задействованных в образовательном процессе, институцией, ведь, как сказал Фукидид, «город – это люди, а не стены»? Философскому дискурсу в стиле пост- принадлежит лидирующая роль в новом синкретизме гуманитарного знания, которое откликается на интерес просвещенной публики к поиску «философского камня» жизненного успеха.

Литература

1. *Гончарук Н.П.* Развитие интеллектуальной компетентности и профессиональной мобильности научно-педагогических кадров в

условиях информационного общества /Н.П.Гончарук. Казань: Изд-во МОиН РТ, 2011. 224 с.

2. *Нефедова Г.М.* Специфика интеграции формального, неформального и информального образования / Г.М. Нефедова // Научно-педагогическое обозрение. Pedagogical Review. 2017. 3 (17). С. 127. 133 с.

3. *Шалагина Г.Э.* Внеинституциональная гуманистика, философская практика, информальное образование: контуры образовательной креативной индустрии / Г.Э. Шалагина // Социум и власть. 2021. № 1 (87). С. 116 – 126.

4. *Шалагина Г.* О методологии: институциональный подход // История философии: Учебное пособие, 2-е издание / Г. Шалагина. – [б. м.]: Издательские решения, 2023. 178 с. С. 77 – 83.

5. *Адорно Т.* Философия новой музыки. /Пер. с нем. Б. Скуратова. Москва: Логос, 2001. 352 с.

6. *Давыдов Ю.* Критика социально-философских воззрений Франкфуртской школы /Ю.Давыдов. – Москва: Наука, 1977. 319 с.

7. *Norris, C.* 'Introduction' in Music and the Politics of Culture, London: Lawrence & Wishart Limited, 1989. 356 p.

8. Великие философские книги, изменившие цивилизацию. URL: <https://www.utmn.ru/obrazovanie/iot/electives/1099592/> (дата обращения 10.08.2023).

9. Энди Уорхолл не про суп: позиционирование и саморепрезентация ВУЗа. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=MyReCCyXcFk> (дата обращения: 10.08.2023).

10. *Кадочников Д.В.* Свободное время: вызовы общества потребления и вопросы модернизации высшего образования / Д.В. Кадочников // Социум и власть. 2019. № 6 (80). С. 28–38.

ЭЛЕКТРОННЫЙ КОЧЕВНИК КАК ТЕХНОРОМАНТИК

Яковлева Елена Людвиговна
доктор философских наук, доцент,
профессор Казанского инновационного университета
имени В.Г. Тимирязова
e-mail: mifoigra@mail.ru
г. Казань

Аннотация

В статье осуществляется попытка понять личность электронного кочевника. Его функционирование в реальном и виртуальном мирах есть показатель осуществленной романтической мечты о двоемирии, что позволяет говорить о новом витке романтизма – техноромантизме и дать еще одну характеристику кочевнику как техноромантику. Он имеет сходные с романтизмом идейные и образные черты, испытывает подобно романтикам колоссальную палитру эмоций и чувств. В отличие от романтиков, реализующих свою мечту в искусстве, кочевник пытается найти ее в виртуальном мире. Не занимаясь самопознанием и саморазвитием, электронный кочевник не способен понять, что он ищет, а его мечта связывается с миром потребления. Но оно не дает современному техноромантику удовлетворения. Он обречен на бесконечное потребление, в дискурсе которого ему навязывается сконструированная мечта. Перечисленное приводит к тому, что у кочевника проявляются черты фонвизинского Недоросля. В итоге электронный кочевник как техноромантик с чертами Недоросля оказывается обреченным на существование с ускользающей мечтой, (сконструированной технологической средой), что делает его бытие кризисным.

Ключевые слова: электронный кочевник, двоемирие, техноромантизм, романтизм, созидательное разрушение, ностальгия, потребление, Недоросль.

ELECTRONIC NOMAD AS A TECHNOROMANTIC

Iakovleva E.L.

*Ph.D., professor of Kazan Innovative University
named after V.G. Timiryasov, Kazan*

Abstract

The article attempts to understand the identity of the electronic nomad. Its functioning in the real and virtual worlds is an indicator of the realized romantic dream of the two worlds, which allows us to talk about a new round of romanticism – technoromanticism and give another characteristic of the nomad as a technoromanticist. He has ideological and figurative features similar to romanticism, experiences a colossal palette of emotions and feelings like romantics. Unlike romantics who realize their dream in art, a nomad tries to find it in the virtual world. Without engaging in self-knowledge and self-development, the electronic nomad is not able to understand what he is looking for, and his dream is connected with the world of consumption. But it does not give modern technoromantics satisfaction. He is doomed to endless consumption, in the discourse of which a constructed dream is imposed on him. The above leads to the fact that the nomad shows the features of the Fonvizinsky Nedorosl. As a result, the electronic nomad as a technoromantic with the features of a Neophyte turns out to be doomed to exist with an elusive dream (a constructed technological environment), which makes his being a crisis.

Keywords: electronic nomad, two worlds, technoromantic, romanticism, creative destruction, nostalgia, consumption, Nedorosl.

Бытие личности всегда протекает беспокойно и конфликтно. Данный конфликт может иметь как внутренний, так и внешний характер. И современный этап общественно-исторического развития не является исключением. Современная цивилизация перешла на новый виток своего развития, связанный с высокими технологиями и освоением цифровой реальности. Сам индивид приобрел новую форму идентичности – электронное кочевничество. И вместе с этим у кочевника появились новые типы конфликтов с собой и со средой обитания. Последняя становится не только реальной, но и виртуальной, что позволяет говорить о двоemiрии. Кочевник мечется между мирами, отдавая предпочтение виртуальному пространству. Все чаще игнорируя традиционные ценности, уклад жизни и субординации в социальных структурах, он в центр ставит свое Я, чему способствует и виртуальная среда. Данный факт имеет неоднозначные последствия, требуя осмысления для предотвращения негативных последствий и минимизации их пролонгированных эффектов. Перечисленное делает объектом исследования электронного кочевника. Автор пытается понять проблемы его здесь-бытия, разобраться с внутренним миром и мировоззренческими установками современного индивида. Методами исследования избраны анализ тенденций и сравнительный анализ.

Как мы отметили, в современности реализуется мечта человека о *двоemiрии*. Электронный кочевник буквально курсирует между двумя мирами. Он переходит из реального в виртуальный и наоборот, а нередко одновременно пребывает и функционирует в двух мирах. Двоemiрие и реализованная мечта о нем заставляют вспомнить романтизм и романтиков. Другое дело, что в современности мы можем говорить уже не о романтизме, а его трансформированном варианте, обусловленном этапом развития, – техноромантизме (неологизм Стефана Баррона). Анализируя искусство, данный исследователь связывает его с новыми технологиями. В нашем контексте мы употребляем термин техноромантизм в более широком смысле, перенося его из художественной сферы в идейную и пытаюсь выстроить мировоззренческую позицию электронного кочевника как техноромантика.

Характеризуя таким образом современного индивида, встает вопрос какие (техно)романтические черты и практики присутствуют в его здесь-бытии.

Романтики остро ощущали зыбкость бытия и его текучесть. Они испытывали конфликт между не устраивающей их действительностью и собственной мечтой. Их манила недостижимая мечта как цель о лучшем, гармоничном мироустройстве и потерянном духовном рае. При этом окружающая их реальность представляла собой нечто устаревшее, отжившее свой век. Для романтиков характерны мистические тенденции (обращение к мифу, сказке), жажда свободы, тяга к прошлому/национальному/далекому, выстраивание собственной шкалы духовных (идеальных) ценностей и проявление довольно сильных страстей (от радужных мечтаний до пессимистического осознания их невозможности). Противопоставляя себя миру, романтик оказывался одиноким, сосредоточенным на себе и мире своих грез. Перечисленное способствовало интенсивному познанию себя и своих взаимоотношений с миром. В результате романтик создал свою собственную реальность, воплотив ее в искусстве. В нем царят Абсолюты, в том числе гармония, любовь, красота, добро, помогая реализовать идею бесконечного Абсолюта. Именно в искусстве и начинает (мысленно/виртуально) жить романтик, создавая фантазийное переконструирование действительности и реализуя в нем субъективную позицию.

Нечто подобное можно обнаружить в бытии электронного кочевника. Современное развитие с его цифровизацией предоставило кочевнику действовать в реальной и виртуальной среде. Для электронного кочевника важна система собственных образов и желание идеального мироустройства, что он находит в виртуальном мире и демонстрирует на социальных платформах в Интернете. Свои мировоззренческие и эстетические стремления он реализует в виртуальной среде, опираясь не столько на собственные ресурсы, сколько оперируя техноалгоритмами. От этого электронный кочевник как техноромантик испытывает колоссальную палитру эмоций и чувств, определяющих его жизнеустройство и дальнейшие действия. При этом

амплитуда его чувств и эмоций оказывается нестабильной и довольно подвижной.

Электронный кочевник как техноромантик желает *созидательного разрушения* (Д. Харви). Но данное разрушение в социокультурной среде свершается нередко и без его активного участия в виду вхождения современной цивилизации в цифровую эпоху развития. Сегодня происходят сдвиги в инструментальной и методологической стратегии развития и реализации исторического опыта, перестройка уклада жизни и системы ценностей, способов функционирования и проявления людей, их взаимодействия и коммуникации. Кочевник оказывается ведомым технологической средой. Потребность в созидательном разрушении у электронного кочевника, в отличие от романтиков, в большей степени оказывается пассивной. Художник-романтик «обладал творческой ролью, которую он должен был исполнить ради определения сущности человеческого», а реализация эстетического опыта «была отличительным признаком романтического движения» [1, с. 68, 69]. Современный кочевник не имеет грандиозных целей, осуществляя созидательное разрушение более пассивно, потому что процесс наблюдается в логике самого социального развития и его технологий. Частично кочевник воплощает его в виртуальной среде, куда постоянно сбегает от проблем/конфликтов/негативных аспектов действительности и занимается творчеством, которое обусловлено заложенными здесь современными компьютерными алгоритмами. Но в таком творчестве значительно сужается функционирование воображения и других интеллектуальных особенностей индивида. Это приводит к не востребованности многих ресурсов кочевника. В итоге «процесс развития, даже когда он преобразует пустоши в процветающее физическое и социальное пространство, воссоздает пустоту внутри у самого субъекта развития», являя тем самым его трагедию [1, с. 66].

Кочевник как техноромантик смутно ощущает: в здесь-бытии от него что-то ускользает, но понять суть ускользающего ему не удастся.

Он испытывает дискомфорт, влекущий за собой *ностальгию* по неизвестному и непостижимому. Как считает С. Бойм, ностальгия связана с тоской (по прошлому/покинутому/оставленному). Она сопряжена с болью, обусловленной «смещением во времени и пространстве» [2, с. 110], и сопровождается большим диапазоном эмоций и чувств (от восторга и экстаза до ужаса и разочарования). Испытывая потребность найти неизвестное/непостижимое ускользающее, кочевник начинает *роман с собственной фантазией* (С. Бойм). Но данный роман не сопряжен с познанием. Он обусловлен следованием своему взгляду, скользящему по поверхностям информационного в виртуальной среде, и вызываемым им эмоциями и чувствами. Информация бесконечно обновляется, что влияет на эмоции и чувства, оказывающиеся непостоянными. Вследствие этого кочевник терпит поражение в поисках ускользающего, что делает его пессимистичным/ироничным/разочарованным. Как замечает С. Бойм, «чем сильнее утрата, тем больше сверхусилия по увековечиванию памяти о ней, тем сильнее отдалается прошлое и тем заметнее оно подвергается идеализации» [2, с. 58]. Другое дело, что у кочевника нет понимания, что он ищет, и он идеализирует то, что навязывается ему обществом потребления.

Ностальгия и погоня за неизвестным/непостижимым ускользающим оборачивается у кочевника как техноромантика *потреблением*. Ж. Бодрийяр справедливо относит его к числу идеалистических и романтических практик, не имеющих ничего общего с реальностью и удовлетворением потребностей. Потребление «далеко выходит за рамки отношений с вещами и межиндивидуальных отношений, распространяясь на все регистры истории, коммуникации и культуры» [3, с. 252]. Само потребление оказывается внешне активным модусом отношения к бытию, реакцией на воздействие извне различными знаками, в которые трансформируются товары и услуги. Сами «предметы потребления образуют идеалистический словарь знаков» [3, с. 253], соблазняющий кочевника нехваткой, то есть тем, чем он не обладает. При этом эмоции, желания и замыслы кочевника абстрагируются в рекламируемых знаках, подводя его к покупкам как потреблению.

Итог потребления – типичное романтическое разочарование и нередко ирония. Последняя обнажает конфликт между желаемым и навязанным, субъективным и объективным, искомым и приобретенным. Таким образом осуществляется реализация практики созидательного разрушения, о чем мы писали ранее. Кочевник как техноромантик осознает, что приобретение суть не то, что он искал, вновь начиная поиск. «Бесконечно-систематический процесс потребления проистекает из несбывшегося императива целостности, лежащего в глубине жизненного проекта» [3, с. 254]. Электронный кочевник как техноромантик, не имея цели и не осуществляя смысложизненных поисков, ввязывается в игру случайностей, испытывая (в молчаливом диалоге с собой/людьми) истощение. И если романтик заявлял о себе присутствием и центрированием, то техноромантик отсутствием и рассеянием. Романтическая глубина оборачивается в современности поверхностностью, определенность – неопределенностью, трансцендентность – имманентностью, истоком которой оказываются мимолетные желания и прихоти кочевника как техноромантика.

У современного электронного кочевника как техноромантика наблюдаются черты фонвизинского Недоросля. Как и данный литературный персонаж, он обладает невысокой культурой и преимущественно средним/низким уровнем образования. «Он эгоистичен, инфантилен, пассивен, ленив, аморален, невежественен и глуп», «не способен по собственной инициативе и собственными силами свободно осуществлять выбор, принимать решения, отвечать за свои действия» [4]. Познание и самопознание у него не входят в шкалу ценностей, что делает его недоучкой. Обладая мечтой, техноромантик не может ее выстроить самостоятельно. Его мечта оказывается сконструированной и навязанной ему цифровой средой, в том числе посредством рекламы и потребления. Мечта превращается в симулякр. Свои эмоции электронный кочевник не способен контролировать и рационализировать, идя на поводу у них и отвлекаясь на случайное.

В заключении выделим следующие моменты. Электронный кочевник несет в себе идейные и образные черты романтизма, что позволяет назвать его техноромантиком. Современный этап развития цивилизации связан с цифровизацией и распространением виртуальной среды, благодаря чему кочевник получает возможность проявлять себя и функционировать в двух мирах – реальном и виртуальном, реализуя мечту о двоимирии. Именно виртуальный мир демонстрирует ему бесконечность, бесформенность, неопределенность, рождая большую палитру эмоций и чувств. Но современный кочевник как техноромантик не способен понять собственный идеал как мечту, поэтому следует навязанному ему в практиках потребления. Как правило, они не приносят ему удовлетворения, оставляя разочарованным и обрекая на очередные поиски. Несформированные познавательные способности и низкий уровень культуры высвечивают в кочевнике черты Недоросля. Перечисленное свидетельствует об определенной кризисности здесь-бытия электронного кочевника как техноромантика.

Литература

1. Харви Д. Состояние постмодерна: Исследование истоков культурных изменений / Д. Харви. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. 576 с.
2. Бойм С. Будущее ностальгии / С. Бойм. М.: Новое литературное обозрение, 2021. 680 с.
3. Бодрийяр Ж. Система вещей / Ж. Бодрийяр. М.: РИПОЛ классик, 2023. 256 с.
4. Яковлева Е.Л. Примитивизация современного электронного кочевника / Е.Л. Яковлева // Цивилизационные перемены в России: Материалы научно-практической конференции. – Екатеринбург, 2022. С. 23-30. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=48192969> (дата обращения 21.07.2023).

*Научное издание
сетевого распространения*

X САДЫКОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

**СОВРЕМЕННОСТЬ:
ПОСТМОДЕРНИЗМ. ПОСТ-КАПИТАЛИЗМ. ПОСТ-ПРАВДА**

**Материалы Международной междисциплинарной
научно-образовательной конференции**

Казань, 17–18 ноября 2023 г.

Компьютерная верстка
М.А. Ахметова

Подписано к использованию 16.11.2023.
Гарнитура «Times New Roman».
Заказ 136/10.

Издательство Казанского университета

420008, г. Казань, ул. Профессора Нужи́на, 1/37
тел. (843) 206-52-14 (1704), 206-52-14 (1705)